

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

INSTITUTE FOR SCIENTIFIC INFORMATION
IN SOCIAL SCIENCES

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ
INSTITUTE OF ECONOMY

РОССИЯ
И СОВРЕМЕННЫЙ
МИР

RUSSIA AND
THE CONTEMPORARY
WORLD

1(102)

В НОМЕРЕ

In This Issue:

***Российско-германские торговые отношения
на рубеже XIX–XX вв.
Russian-German Trade Relations in the XIX–XX Centuries***

***Новая стратегия национальной безопасности США:
Вызовы для России и мира
The New Strategy of US National Security: Challenges for Russia
and the World***

***Брекзит: Последствия для Европы
Brexit: Implications for Europe***

***Переосмысление истории ГДР в современной Германии
Reinterpretation of History of GDR in Modern Germany***

**Издается с 1993 г.
Выходит 4 раза в год**

**МОСКВА
2019**

УДК 009
ББК 60(2Рос); 66.4(2Рос); 65.5; 60.5; 63.3(2)
Р 75
DOI: 10.31249/rsm/2019.01.00

**ИНИОН РАН
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ РАН**

Редакционная коллегия:

В.С. Мирзеханов – доктор исторических наук, профессор, главный редактор, *В.Н. Бабенко* – доктор исторических наук, профессор, *Л.Н. Верченков* – кандидат философских наук, *И.И. Глебова* – доктор политических наук, *В. Деннингхаус* – доктор исторических наук, профессор Гамбургского университета, *Д.В. Ефременко* – доктор политических наук, *Е.Б. Калоева* – кандидат исторических наук, *О.И. Киянская* – доктор исторических наук, профессор, зам. главного редактора, *Ф. Конт* – доцент Университета Париж 1, Пантеон-Сорбонна, *А.Д. Некипелов* – доктор экономических наук, академик РАН, *Р.М. Нуреев* – доктор экономических наук, профессор, *Т.Г. Пархалина* – кандидат исторических наук, *Ю.С. Пивоваров* – доктор политических наук, академик РАН, *Л.В. Скворцов* – доктор философских наук, профессор, академик МАИ, *Б.А. Хейфец* – доктор экономических наук, *Л.Н. Шанишева* – кандидат философских наук

Ответственный секретарь *А.А. Халатов*
Ведущий редактор *М.В. Виноградова*
Художник обложки *Г.И. Козубов*
Редактор сайта журнала (www.rossovmir.ru)
кандидат социологических наук *М.А. Ядова*

ББК 60(2Рос); 66.4(2Рос); 65.5; 60.5; 63.3(2)
УДК 009

ISSN 1726–5223

© ИНИОН РАН, 2019

СОДЕРЖАНИЕ
CONTENTS

**РОССИЯ ВЧЕРА,
СЕГОДНЯ, ЗАВТРА**

Р.С. Асташкин
Проблема «русского транзита» в европейской публицистике XVII в. (На примере «Записок о Московии» Де Ла Невилля)

6

Б.С. Котов
Российско-германские торговые отношения на рубеже XIX–XX вв. (На примере хлебной торговли)

14

Ю.В. Дунаева
«Правдивый протокол текущего безумия»: Художник А.Н. Бенуа о революционных событиях 1917 г.

32

**РОССИЯ И МИР.
В XXI ВЕКЕ**

Н.И. Бубнова
Новая стратегия национальной безопасности администрации Д. Трампа

48

Е.Г. Энтина
Приоритеты политики США, ЕС и Великобритании в Западнобалканском регионе после Брексита

72

*Н.В. Еремина,
А.С. Каграманян*
Брексит: Еще один исторический шанс для Шотландии?

84

**RUSSIA YESTERDAY,
TODAY, TOMORROW**

R.S. Astashkin
The Problem of «The Russian Transit» in the European Thought of the XVIIth Century (Using an Example of «The notes about Muscovy» of De La Neuville)

B.S. Kotov
Russian-German Trade Relations in the Late XIXth and Early XXth Centuries (On the Example of Grain Trade)

Yu.V. Dunaeva
«The Truthful Protocol of the Current Madness»: Painter A.N. Benua on the Revolutionary Events of 1917

**RUSSIA AND THE WORLD
IN THE 21ST CENTURY**

N.I. Bubnova
Trump Administration's New National Security Strategy

E.G. Entina
Priorities of the USA, EU and UK Policy in the Western Balkan Region after Brexit

*N.V. Eremina,
A.S. Kagramanyan*
Brexit: Another Historical Chance for Scotland?

Ф. О. Трунов
Дипломатия ФРГ
на современном этапе:
Российское направление **98**

*Ph. O. Trunov
Diplomacy of Germany
During the Modern Period:
Russian Direction*

О. Ю. Шмелева,
А. А. Корпусова
Визуальный аспект воспри-
ятия современного государств-
ва гражданами РФ и ФРГ:
Опыт компаративистского
исследования **115**

*O. Yu. Shmeleva,
A. A. Korpusova
The Visual Aspect
of the Perception of Modern
States Citizens of Russia
and Germany: Experience
of Comparative Research*

М. В. Хорольская
Преодоление прошлого и пере-
осмысление истории ГДР
в современной Германии **133**

*M. V. Khorolskaya
Dealing with the Past
and Reinterpretation of History
of GDR in Modern Germany*

Э. Н. Соболев
Социальное инвестирование
в сфере труда: Механизмы,
эффективность,
глобализационные риски **148**

*E. N. Sobolev
Social Investment
in the Sphere of Labour:
Mechanisms, Effectiveness,
Globalization Risks*

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

PHENOMENOLOGY OF THE SOVIET SOCIETY

В. А. Ковалёв
«Прачечная» для радикала.
Трансформация взглядов
Питирима Сорокина
на революционный кризис **161**

*V. A. Kovalev
«Laundry» for the Radical.
Transformation
of Pitirim Sorokin's Views
on the Revolutionary Crisis*

Д. Л. Асиновский
Идеология и прагматизм
в ранних советских оценках
революции в Иране
1978–1979 гг. **182**

*D. L. Asinovskiy
Ideology and Pragmatism
in the Early Soviet Assessments
of the Revolution in Iran
1978–1979*

РАЗМЫШЛЕНИЯ. СООБЩЕНИЯ. КОММЕНТАРИИ

REFLECTIONS. COMMUNICATIONS. COMMENTS

А. С. Ципко
Чего мы не хотим знать
о Карле Марксе? **194**

*A. S. Tsipko
What We don't Want to Know
about Karl Marx?*

<i>А.С. Гаева</i> <i>Миграционные процессы</i> <i>на евразийском пространстве</i>	207	<i>A.S. Gaeva</i> <i>Migration Processes</i> <i>in the Eurasian Space</i>
<i>Е.Ю. Трещенков</i> <i>Стрессоустойчивость в дис-</i> <i>курсах Европейского союза</i>	223	<i>E.Yu. Treshchenkov</i> <i>Resilience in Discourses</i> <i>of the European Union</i>
<i>Е.Ю. Довгополов,</i> <i>О.А. Полюшкевич</i> <i>О природе политической</i> <i>институционализации</i> <i>этничности (На примере</i> <i>каталонских событий 2017 г.)</i>	242	<i>E.Yu. Dovgoplov,</i> <i>O.A. Polushkevich</i> <i>On the Nature of Political</i> <i>Institutionalization of Ethnicity</i> <i>(On the Example of the Catalan</i> <i>Events of 2017)</i>
<u>ОБЗОРЫ. РЕФЕРАТЫ</u>		<u>REVIEWS. SUMMARIES</u>
<i>И.Н. Суетин</i> <i>Российские (советские)</i> <i>преподаватели музыки</i> <i>в европейской эмиграции.</i> <i>Историографический обзор</i>	249	<i>I.N. Suetin</i> <i>Russian (Soviet)</i> <i>Music Teachers</i> <i>in European Emigration.</i> <i>Historiographic Review</i>

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

DOI: 10.31249/rsm/2019.01.01

Р.С. Асташкин

**ПРОБЛЕМА «РУССКОГО ТРАНЗИТА»
В ЕВРОПЕЙСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ XVII в.
(На примере «Записок о Московии» Де Ла Невилля)**

Аннотация. Автор анализирует сочинение французского путешественника Фуа Де Ла Невилля «Записки о Московии» (1698). Текст книги Невилля отражал тогдашние представления европейцев о России как о транзитной зоне между Западом и Востоком. Сделан вывод, что автор книги испытывал интерес к проблеме использования территории Сибири для развития европейских контактов с Китаем. Высказана гипотеза, что многие высказывания Невилля о России были связаны, в частности, с задачами в области дипломатии и миссионерства, которые ставили перед собой светские и духовные правители Европы в последней четверти XVII в.

Ключевые слова: история; Россия; Московское царство; Европа; Франция; Азия; Китай; Сибирь.

Асташкин Руслан Сергеевич – кандидат исторических наук,
доцент кафедры Государственного и муниципального управления
Самарской государственной сельскохозяйственной академии.
E-mail: biblio.min@mail.ru

R.S. Astashkin. The Problem of «The Russian Transit» in the European Thought of the XVIIth Century (Using an Example of «The Notes about Muscovy» of De La Neuville)

Abstract. The author analyzes the work of the French traveler Foy De La Neuville «The notes about Muscovy» (1698). The text of Neuville's book reflected the ideas of Russia as a transit zone between the West and the East, common to the European countries of those times. The conclusion that the author of the book had an interest in the problem of usage of the territory of Siberia for the development of the European contacts with China is made. The hypothesis that many of Neuville's statements about Russia were connected particularly to the tasks in the area of diplomacy and mission which were set by the secular and clerical rulers of Europe in the last quarter of the XVIIth century is made.

Keywords: history; Russia; the Muscovy state; Europe; France; Asia; China; Siberia.

**Astashkin Ruslan Sergeevich – Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor at the Department of State
and Municipal Government, Samara State Agricultural Academy.
E-mail: biblio.min@mail.ru**

В XVI–XVII вв. европейцы нередко воспринимали Московское царство как «транзитную зону», соединявшую Запад с Востоком [6, с. 9]. Любопытно, что аналогичная концепция прослеживалась в политике русских властей как минимум со второй половины XVII в. [6, с. 10, 13, 20; 8, с. 78–79]. Дело в том, что по территории «Московии» проходили различные пути, позволявшие проникнуть в крупнейшие страны Азии. Торговые, дипломатические и церковные круги Европы, изучая этот вопрос, проявляли интерес к поволжско-каспийскому маршруту в Персию, а также к сухопутным и морским дорогам в Китай [6, с. 11]. Заметим, что подобные изыскания отчасти базировались на грубых географических ошибках [7, с. 42–44]. Важным источником по «транзитной» проблеме нужно признать знаменитую «россику» – корпус европейских публицистических сочинений, содержащих актуальные описания Русского государства. Как показали проведенные ранее исследования, такие тексты воспроизводят характерный для той эпохи образ «русского моста» между Европой и Азией [1, с. 6–8; 2, с. 8–9; 4, с. 103–104].

На наш взгляд, в рамках изучения темы «русского транзита» следует рассмотреть содержание одного из наименее известных образцов «россики» XVII в. Речь идет о «Любопытном и новом известии о Московии», изданном в Париже в 1698 г. (в отечественной историографии этот опус чаще фигурирует под названием «Записки о Московии»). В качестве автора этой небольшой книги был указан некий Де Ла Невилль, личность которого до сих пор окутана тайной. Сам сочинитель именовал себя послом Людовика XIV при русском дворе, однако в документах отсутствуют какие бы то ни было сведения о соответствующем посольстве, будто бы состоявшемся в 1689 г. При этом искомая фамилия действительно фигурирует в источниках дипломатического происхождения, относящихся в том числе к Московскому государству [10, с. 17–23, 32–37]. Есть основания полагать, что поездка Невилля в Россию была продиктована в большей степени внешнеполитическими интересами Польши, а не Франции [5, с. 49; 11, с. 25–26]. Возможно, французский путешественник участвовал в одной из многочисленных шпионско-дипломатических авантур, широко распространенных в тогдашней международной политике. Так или иначе, если верить автору «Записок», он не только побывал в русской столице в 1689 г., но и свел знакомство с московскими вельможами во главе с князем В.В. Голицыным. Отметим, что характеристика книги Де Ла Невилля и обстоятельств ее появления на свет была дана А.С. Лавровым [10]. Настоящее исследование посвящено тем фрагментам

«Записок о Московии», которые, по нашему мнению, ярко отражают вышеуказанную трактовку международного положения Русского государства.

Исследуя выдержки из сочинения Невилля, следует учитывать соответствующий контекст последней четверти XVII в. В этот период отмечалось некоторое оживление активности европейцев в их попытках получить доступ в Азию транзитом через русские земли. Так, курляндский путешественник Я. Рейтенфельс предложил идею международного проекта, нацеленного на поиск мифического «Северо-Восточного прохода» (морского пути, якобы проходившего вдоль берегов Сибири и заканчивающегося в Китае) [4, с. 104]. Особую роль в интересующих нас процессах играла Римско-католическая церковь, осуществлявшая планомерную миссионерскую деятельность в восточных странах. Тот же Рейтенфельс прорабатывал вопрос о возможной отправке папских эмиссаров в Китай проездом через Россию (вероятно, сухим путем) [3, с. 103; 5, с. 47–48]. Именно представители католического мира впервые за долгое время обратили внимание на сухопутные маршруты, соединявшие Сибирь с китайским приграничьем. Зауральские владения царей традиционно пользовались секретным статусом, и иностранцы были лишены легальных возможностей сбора сведений об этих регионах, не говоря уже о праве на их посещение [5, с. 46–47]. Однако в годы правления царевны Софьи положение католиков, действовавших в Москве, заметно улучшилось [5, с. 47]. В этих условиях иезуиты, монополизировавшие всю католическую активность в Китае, в принципе могли рассчитывать на получение доступа к сибирским дорогам, рассматривавшимся как альтернатива неудобным морским путешествиям. Главную активность в этом вопросе проявил французский иезуит Ф. Авриль, дважды (в 1687 и 1688 гг.) пытавшийся получить в Москве разрешение на проезд за Урал. Обе эти инициативы потерпели неудачу в силу ряда причин, однако французу параллельно удалось раздобыть информацию об искомых путях на Восток [5, с. 49]. В книге, опубликованной в 1692 г., Авриль дал описание шести отдельных маршрутов, причем его сведения базировались на закрытых материалах русского посольства в Китай (миссия Н. Спафария в 1675–1678 гг.) [там же]. Участниками этого эпизода также нужно признать католические державы Старого Света [5, с. 48]. Во-первых, в 1687 г. в ходе франко-русских переговоров в Париже принимающая сторона подняла вопрос о разрешении «переезда иезуитам и другим миссионерам, отправляющимся в Китай». Заметим, что Авриль во время второго визита в Москву имел при себе рекомендательное письмо Людовика XIV [7, с. 202]. Во-вторых, в промежутке между двумя поездками в Россию все тот же иезуит успел посетить Польшу, где у него состоялась беседа с королем Яном III на тему сибирского транзита в Китай [12, с. 478]. Политика тогдашних Франции и Речи Посполитой в целом носила прокатолический характер, поэтому поддержка иезуитских инициатив выглядела для обеих монархий

закономерным решением [9, с. 4, 17]. С другой стороны, интерес европейских правительств к транзитным проектам Общества Иисуса мог также объясняться сугубо секулярными (в том числе внешнеторговыми) соображениями. Неслучайно условия «Вечного мира» 1686 г. предусматривали возможность проезда подданных польского короля в Сибирь и далее в Китай. В свою очередь, Франция в конце XVII в. как раз активизировала попытки завязать отношения с «Поднебесной» [7, с. 203]. Так или иначе, в конце 1680-х годов в рамках русско-европейского диалога возник своего рода клерикально-дипломатический «узел», где переплелись интересы римской церкви, европейских держав и Московского царства. В основе этого феномена лежала актуализация образа России как сухопутного «коридора» из Европы в Китай. На наш взгляд, в «Записках» Де Ла Невилля содержатся прямые отсылки к данному историческому сюжету. Нетрудно заметить, что французский дипломат посетил Москву всего через год после второго путешествия Авриля. Кроме того, Невилль успел застать правление Софьи и Голицына, благоволивших католическим деятелям. В самом содержании «Записок» выделяется несколько тематических линий, имеющих отношение к проблеме «русского транзита». Следуя традициям европейской «россики», французский публицист неоднократно упоминает территории, связывавшие Россию со странами Востока. В тексте, в частности, фигурируют Каспийское море и Поволжье с его крупнейшими городами и речной дорогой в Москву [11, с. 131, 136, 137, 167, 174, 175]. Также Невилль ссылается на факты торговли русских с персами, персидскими армянами и китайцами [11, с. 167, 173]. Он сообщает, что в Москве каждую зиму «возводят две тысячи деревянных домишек для торговцев с Востока...» [11, с. 166]. Интересно, что автор повествует о торговых экспедициях «персов» (скорее всего, купцов из Армянской компании, подчинявшейся персидскому шаху), которые «пересекают Каспийское море в конце октября и приезжают в санях за царский счет за 5 недель (в Москву. — *Р. А.*), а когда возвращаются, то спускаются по Волге за 30 или 40 дней» [11, с. 175]. В этом случае речь шла именно о глобальном европейско-азиатском транзите, поскольку упомянутые торговцы, как справедливо замечает Невилль, в то время обычно следовали по маршруту «Исфахан — Москва — Рига — Голландия» [там же]. Более того, в «Записках» можно найти ссылку на планы голландских коммерсантов, которые, в свою очередь, пытались наладить торговлю с Ираном через Астрахань и Каспий (мемуарист увязывает этот эпизод с попыткой строительства русского каспийского флота в 1667–1668 гг.) [там же]. В целом же Невилль не питал пристального интереса к проблеме транзитных контактов с Персией по Волге, что, между прочим, отличало его от более ранних представителей «россики».

Наибольшего внимания заслуживает заключительный раздел анализируемого источника, озаглавленный «Собрание рассказов Спафария о путеше-

ствии и торговле с Китаем». Если верить французскому писателю, к нему в качестве пристава был прикреплен не кто иной, как царский дипломат Николай Спафарий, который будто бы «только два месяца тому назад вернулся из Китая, куда он был послан» [11, с. 122]. Последнее замечание представляется недостоверным, так как единственная поездка на Восток, предпринятая упомянутым посланником, завершилась еще в 1678 г. В любом случае в указанном разделе «Записок» действительно содержатся сведения о сухопутных дорогах, соединявших русскую Сибирь с Китаем. Не исключено, что информатором Невилля на самом деле стал Спафарий. По словам француза, еще со времен Ивана IV московские власти поручали опальным деятелям, сосланным за Урал, «искать путь в Китай» [11, с. 174]. Однако только В.В. Голицын, как пишет Невилль, совершил настоящий прорыв в деле «установления сухопутной торговли с Китаем через Сибирь и принадлежащую москвитам Татарию» [11, с. 177]. Именно фаворит царевны Софьи якобы являлся организатором поездки посольства Спафария в далекую азиатскую страну (хотя, как известно, знаменитый князь возглавил Посольский приказ только в 1682 г.) [там же]. Далее автор пишет: «Он (Спафарий. – *Р. А.*) провел два года в этом путешествии и должен был преодолеть многие трудности, но, будучи очень умным человеком, он так хорошо изучил земли, по которым проезжал, что смог убедить Голицына в том, что во втором путешествии он так сможет устроить дело, что в эту страну (т.е. в Китай. – *Р. А.*) будет так же легко поехать, как и в любую другую» [там же]. Затем московский вельможа, используя полученные сведения, приступил к обустройству «дороги столь же удобной, сколь и короткой, для провоза товаров» [там же]. Так, был отдан приказ «построить от Москвы до Тобольска, столицы Сибири, через каждые 10 лье деревянные дома, поселив там крестьян и дав им в собственность некоторые земли при условии, что в каждом доме будут 3 лошади...» [там же]. Кроме того, на искомой дороге были вбиты «столбы с указанием направления пути и числа верст...» [там же]. Наконец, в самом Тобольске была создана инфраструктура, позволявшая путешествовать до озера «Кизильбаш» (озеро Зайсан на востоке современного Казахстана), расположенного «у подножия Магогских (Мадод) гор» (имелся в виду Алтай) [11, с. 178]. По словам автора «Записок», Спафарий, опасаясь наказания за излишнюю словоохотливость, отказался сообщить ему «названия рек, гор и стран, по которым он проехал...» [11, с. 199]. Соответственно, в опусе Невилля нет описания сибирского маршрута в Китай как такового, что отличает этот текст от сочинения Ф. Авриля. Большой акцент сделан на рассказе о текущей русской политике по данному вопросу. Несмотря на возможное преувеличение заслуг В.В. Голицына, Невилль в целом верно изобразил картину активного освоения Сибири, сопровождавшегося налаживанием русско-китайских связей. При этом в любом случае напрашивается параллель между сообщениями

двух французских путешественников. Высказывания Невилля (в том числе процитированные выше) свидетельствуют о его очевидном оптимизме при оценке перспектив завязывания контактов с Китаем транзитом через Россию. Спафарий будто бы сообщил иноземному гостю, «что в течение своего последнего путешествия он провел в дороге лишь семь месяцев (в первом издании “Записок” пять. – *Р. А.*) и что он проделал его с таким же удобством, как в Европе» [11, с. 178, 199]. Оставив за скобками достоверность подобных подсчетов, заметим, что аналогичные впечатления Авриля также отличались подчеркнутым оптимизмом (в книге иезуита речь идет о четырех месяцах пути из Москвы в Пекин) [5, с. 49]. Существуют и прямые совпадения: очерк о соболиной охоте в Сибири, приведенный в «Записках о Московии», был заимствован как раз у Авриля [11, с. 176, 199; 11, с. 47–48, 50]. Следовательно, при работе над своим трудом Невилль пользовался ранее изданной книгой своего соотечественника. Заметим, что сам французский дипломат прямо упоминает неудавшиеся транзитные проекты иезуитов. Он останавливается на второй поездке Авриля в Россию: «...Голицын, как бы всемогущ он ни был, не смог пропустить ... тех, кого ... польский посланник в Персии... привез с собой в Москву в 1688 г. с приказом своего короля облегчить их проезд в Китай» [11, с. 178–179]. По словам Невилля, причиной этого фиаско стало присутствие в составе миссии «отцов Авриля и Боволье, французов по происхождению, которых христианнейший король послал в эту страну (в Россию. – *Р. А.*), чтобы разведать путь (в Китай. – *Р. А.*)» [11, с. 179]. О серьезной проработке автором «транзитного вопроса» говорят отсылки к другим неудачным попыткам европейцев получить доступ к сибирским путям в Китай [11, с. 165, 178]. Любопытно, что причиной этих провалов мемуарист считал козни голландцев, не желавших усиления своих конкурентов в межконтинентальной торговле [11, с. 178, 179, 199–200]. Здесь, вероятно, сыграли свою роль типичные для католических авторов того времени антипротестантские настроения. Впрочем, торговцы из Нидерландов, базировавшиеся в Московском царстве, на самом деле противостояли транзитным амбициям представителей других европейских стран [5, с. 47]. Прогноз Невилля о дальнейшем развитии событий опять-таки отличается оптимизмом: «Однако кажется, что при заключении французским королем первого же мирного договора, столь же и даже более славного, чем прежние, он сможет принудить этот народ (русских. – *Р. А.*) предоставить его подданным право торговать с этой страной (с Китаем. – *Р. А.*) через их владения» [11, с. 179]. Вполне возможно, что в этом фрагменте автор учитывал опыт вышеупомянутых переговоров в Париже в 1687 г. (будучи дипломатом со стажем, он мог располагать соответствующей информацией). Впрочем, чаяниям французского писателя не суждено было сбыться.

Таким образом, в произведении Де Ла Невилля проявились характерные для той эпохи представления о специфике Русского государства как транзитной зоны между Западом и Востоком. В центре внимания французского публициста находился вопрос о сухопутном сибирском пути в Китай, что вряд ли можно признать случайностью. Вероятно, этот аспект общей «транзитной» проблемы действительно приобрел особую актуальность в период правления Софьи Алексеевны и Голицына, совпавший с бурным развитием русско-китайского диалога. Наблюдения Невилля в этом смысле стоят в одном ряду с транзитными проектами Общества Иисуса и претензиями Франции на переговоры с царскими послами в 1687 г. При этом тот же Ф. Авриль, безусловно, испытывал более пристальный интерес к теме путей в Китай, чем автор «Записок о Московии» [5, с. 50]. К сожалению, остается открытым вопрос о мотивации Невилля, побудившей его обратиться к данной проблеме как таковой. Версия о принадлежности нашего героя к ордену иезуитов не получила подтверждения [9, с. 16; 11, с. 27]. Мы можем лишь довериться заявлению самого французского публициста, который, обращаясь к Людовику XIV по поводу своих бесед со Спафарием, писал: «Сведения, которые я получил... были очень любопытны и могут быть очень выгодны Вашему Величеству, благодаря легкости, с которой можно было бы установить наземную торговлю с этой страной (с Китаем. – *Р. А.*)» [11, с. 122]. Соглашаясь с К.Д. Бугровым, следует предположить, что Невилль действовал в России исключительно как прагматичный светский дипломат, а значит, клерикальная повестка не входила в число его приоритетов [9, с. 17]. Так или иначе деятельность этого загадочного француза внесла важный вклад в развитие представлений о России, бытовавших в то время в европейских странах. Как замечает А.С. Лавров, «Записки о Московии» «стали тем нормативным памятником, на который опирались последующие французские авторы, обращавшиеся к русской теме» [10, с. 50].

Библиография

1. Асташкин Р.С. Волжский путь на Восток в «Известиях» Дона Хуана Персидского // Известия Самарского научного центра РАН. 2016. Т. 18. № 3. С. 5–11.
2. Асташкин Р.С. «Записки о Московии» Г. Штадена: Образ России как «моста» между Европой и Азией // Наука сегодня: Проблемы и перспективы развития: материалы Международной научно-практической конференции 29 ноября 2017 г. Вологда: ООО «Маркер», 2017. Ч. 2. С. 7–9.
3. Асташкин Р.С. Проблема Великого Волжского пути в «Сказаниях» Якова Рейтенфельса // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 6–1 (60). С. 101–104.
4. Асташкин Р.С. Проблема «Северо-Восточного прохода» в «Сказаниях» Я. Рейтенфельса // Интеграция наук. 2017. № 9 (13). С. 102–105.
5. Асташкин Р.С. Проблема транзитного пути в Китай в русско-католических отношениях XVII века // Современные научные исследования и разработки. 2018. Вып. 5 (22). Т. 2. С. 46–51.

6. Асташкин Р.С. Россия и торговая экспансия европейцев на Восток (вторая половина XVI – XVII вв.): Автореф. дис... на канд. ист. наук: 07.00.02. Самара, 2007. 21 с.
7. Асташкин Р.С. Россия и торговая экспансия европейцев на Восток (вторая половина XVI – XVII вв.): дис... на канд. ист. наук: 07.00.02: защищена 18.10.07: утв. 25.01.08. Самара: СамГУ, 2007. 260 с.
8. Асташкин Р.С. Русско-армянский договор 1667 г. и проблема торговых путей на Восток // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. 2007. № 5–1 (55). С. 76–80.
9. Бугров К.Д. Проблемы развития конфессионально-политического диалога: Западно-европейские католические авторы XVI–XVII вв. о России // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. Вып. 4. С. 3–21.
10. Лавров А.С. «Записки о Московии» и их автор // Де Ла Невилль. Записки о Московии. М.: Аллегро-пресс, 1996. С. 7–53.
11. Невилль, Фуа Де Ла. Записки о Московии. М.: Аллегро-пресс, 1996. 304 с.
12. Пирлинг П. Французский иезуит в Москве в XVII столетии // Русская старина. 1902. № 9. С. 473–483.

References

- Astashkin R.S. Volzhskij put' na Vostok v «Izvestijah» Dona Huana Persidskogo // Izvestija Samarskogo nauchnogo centra RAN. 2016. Vol. 18. N 3. P. 5–11.
- Astashkin R.S. «Zapiski o Moskovii» G. Shtadena: Obraz Rossii kak «mosta» mezhdru Evropoj i Aziej // Nauka segodnja: Problemy i perspektivy razvitija: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii 29 nojabrja 2017 g. Vologda: ООО «Marker», 2017. Ch. 2. P. 7–9.
- Astashkin R.S. Problema Velikogo Volzhskogo puti v «Skazaniyah» Jakova Rejtenfel'sa // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal. 2017. N 6–1 (60). P. 101–104.
- Astashkin R.S. Problema «Severo-Vostochnogo prohoda» v «Skazaniyah» Ja. Rejtenfel'sa // Integracija nauk. 2017. N 9 (13). P. 102–105.
- Astashkin R.S. Problema tranzitnogo puti v Kitaj v rusko-katolicheskikh otnoshenijah XVII veka // Sovremennye nauchnye issledovaniya i razrabotki. 2018. Issue 5 (22). Vol. 2. P. 46–51.
- Astashkin R.S. Rossija i trgovaja jekspansija evropejcev na Vostok (vtoraja polovina XVI – XVII vv.): Avtoref. dis... na kand. ist. nauk: 07.00.02. Samara, 2007. 21 p.
- Astashkin R.S. Rossija i trgovaja jekspansija evropejcev na Vostok (vtoraja polovina XVI – XVII vv.): dis... na kand. ist. nauk: 07.00.02: zashhishhena 18.10.07: utv. 25.01.08. Samara: SamGU, 2007. 260 p.
- Astashkin R.S. Russko-armjanskij dogovor 1667 g. i problema trgovyh putej na Vostok // Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnaja serija. 2007. N 5–1 (55). P. 76–80.
- Bugrov K.D. Problemy razvitija konfessional'no-politicheskogo dialoga: Zapadnoevropejskie katolicheskie avtory XVI–XVII vv. o Rossii // Dokument. Arhiv. Istorija. Sovremennost'. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2004. Issue 4. P. 3–21.
- Lavrov A.S. «Zapiski o Moskovii» i ih avtor // De La Nevill'. Zapiski o Moskovii. Moscow: Allegro-press, 1996. P. 7–53.
- Nevill', Foy De La. Zapiski o Moskovii. Moscow: Allegro-press, 1996. 304 p.
- Pirling P. Francuzskij iezuit v Moskve v XVII stoletii // Russkaja starina. 1902. N 9. P. 473–483.

Б.С. Котов

**РОССИЙСКО-ГЕРМАНСКИЕ ТОРГОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ
НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.
(На примере хлебной торговли)**

Аннотация. В статье анализируется характер торговых отношений между Российской и Германской империями в конце XIX и начале XX в. Особое внимание уделяется торговле хлебом, который являлся в то время главной статьей российского вывоза в Германию. Выявляются объемы российского хлебного экспорта в Германскую империю, а также влияние заключенных в 1894 и 1904 гг. торговых договоров на его структуру и динамику изменения. Рассматривается конкуренция между двумя странами в сфере хлебной торговли на рынках ряда европейских стран, а также некоторых регионов Российской империи (Финляндия).

Ключевые слова: Россия; Германия; торговые отношения; торговый договор; протекционизм; таможенные пошлины.

Котов Борис Сергеевич – кандидат исторических наук,
научный сотрудник Отдела новой и новейшей истории
Института всеобщей истории РАН, Москва.
E-mail: bs.kotov@mail.ru

B.S. Kotov. Russian-German Trade Relations in the Late XIXth and Early XXth Centuries (On the Example of Grain Trade)

Abstract. The article analyzes the nature of trade relations between the Russian and German empires in the late XIXth and early XXth centuries. Particular attention is paid to the grain trade, which was at that time the main item of the Russian export to Germany. The volume of Russian grain exports to the German Empire is indicated as well as the influence of trade agreements of 1894 and 1904 on its structure and dynamics of change. The competition between the two countries in the sphere of grain trade in the markets of several European countries, as well as some regions of the Russian Empire (Finland) is being considered.

Keywords: Russia; Germany; trade relations; trade agreement; protectionism; customs duties.

**Kotov Boris Sergeyevich – Candidate of History, Researcher,
Department of Modern and Contemporary History,
Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow.
E-mail: bs.kotov@mail.ru**

В конце XIX и начале XX в. Россия и Германия являлись важными торговыми партнерами. Несмотря на нарастание в это время политических разногласий и усиление геополитического соперничества между ними, российско-германские торговые связи продолжали динамично развиваться. Так, в период с 1889 до 1913 г., по данным немецкой статистики, вывоз товаров из России в Германию увеличился более чем в 2,5 раза (с 519 млн до 1 млрд 425 млн марок), а вывоз немецких товаров в Россию – в 5 раз (со 174 млн до 880 млн марок) [46, S. 79, 83]. Накануне Первой мировой войны ни с одной другой страной у России не было столь обширных, как с Германией, торговых связей. Россия ввозила из Германии, прежде всего, готовые изделия, машины, станки, товары химической промышленности, шерстяные и хлопчатобумажные ткани. Главным предметом российского вывоза в Германию были продукты сельского хозяйства, в первую очередь различные злаковые культуры (пшеница, рожь, ячмень, овес), а также масло, яйца, лен, лес, кожи, пенька, пушнина.

Вместе с тем российско-германские торговые отношения на рубеже XIX–XX вв. никак нельзя назвать безоблачными. В это время они переживали периоды подъема и спада, и даже почти полного прекращения товарооборота (во время таможенной войны второй половины 1893 г.). Обращаясь к анализу российско-германских торговых отношений того времени, мы имеем дело со сложным сочетанием кооперации и конкуренции, которые определялись как особенностями экономического развития обеих стран, так и общими тенденциями и противоречиями эпохи империализма [см., напр.: 29, с. 233].

Особенно сложно отношения между двумя империями развивались в сфере хлебной торговли. Долгое время Германия импортировала большую часть потребляемого хлеба из-за границы, в основном из России, являвшейся крупнейшим мировым производителем зерна. Однако происходившая с конца XIX в. интенсификация сельскохозяйственного производства в Германии, особенно в крупных поместьях восточных областей этой страны – Восточной и Западной Пруссии, Силезии, Познани, – привела к тому, что Германия сама начала превращаться в крупного европейского производителя зерна. Тем самым были заложены основы конфликтных ситуаций с Россией в торговой сфере. Владельцы остэльтских поместий, юнкеры, были заинтересованы как в освоении внешних рынков, так и в ограждении внутреннего германского рынка от конкуренции со стороны иностранного, в первую очередь русского, хлеба. Это делало прусских юнкеров, игравших огромную роль в политиче-

ской жизни Германской империи, ярыми поборниками покровительственной протекционистской политики [42, S. 33–50].

Призывы к германскому правительству установить протекционистские пошлины на зерно усилились в 1870-х годах в связи с наплывом в Европу большого количества зерна из США, Канады, Австралии и Аргентины [см., напр.: 1, с. 308]. Конкуренция со стороны американского и австралийского зерна привела к значительному падению цен на хлебные злаки. Так, за 1870–1904 гг. цена на пшеницу понизилась почти вдвое. Падение цен на важнейшие продукты сельского хозяйства вызвало во всех крупных европейских государствах, кроме Англии, сохранившей приверженность принципам фритредерства, введение на них ввозных пошлин.

Канцлер Германской империи О. Бисмарк в конце 1870-х годов после прекращения Kulturkampf и введения закона против социалистов, порвавший с национал-либеральной партией, был заинтересован в сближении с консерваторами, отражавшими экономические интересы прусского юнкерства. Платой за союз с консервативной партией стал поворот Бисмарка к протекционистской таможенной политике [33, S. 328–353; 35, S. 275–292]. В 1879 г. он пошел навстречу пожеланиям юнкеров и провел первый покровительственный таможенный тариф, установивший, правда, еще весьма скромные размеры пошлин: 1 марка с центнера пшеницы, ржи, овса; 0,5 марки с центнера ячменя и кукурузы; 2 марки с центнера муки [37, S. 153]. Данная мера не привела, однако, к желательным для аграриев результатам, цены на хлеб оставались весьма низкими, принося убытки германским сельхозпроизводителям.

На протяжении 1880-х годов Бисмарк еще дважды под давлением консерваторов осуществлял повышение пошлин на зерно: в 1885 г. до 3 марок с центнера пшеницы и ржи; до 1,5 марок с центнера овса и ячменя; до 7,5 марок с центнера муки и в 1887 г. до 5 марок с центнера пшеницы и ржи; до 4 марок за центнер овса; до 2,25 марок за центнер ячменя и до 10,5 марок за центнер муки [37, S. 153]. В результате цены на пищевые продукты в Германии поднялись, земледельческие хозяйства начали приносить доход. Однако для большинства немецкого населения, потребителей хлеба, защита интересов остальбских помещиков обходилась слишком дорого – вздорожание продуктов питания понизило жизненный уровень большинства немцев.

Новая таможенная политика Берлина не могла не отразиться на экономических интересах России – главного поставщика продуктов сельского хозяйства на германский рынок [о торговой политике Бисмарка в отношении России подробнее см.: 38]. Введение высоких таможенных пошлин на основную статью российского экспорта – хлеб в зерне – задевало интересы не только хлеботорговцев и помещиков России, но могло негативно повлиять на народное хозяйство в целом.

В самой России с конца 1870-х годов также происходил резкий поворот к интенсивному и с каждым годом возрастающему протекционизму [30, с. 18–20]. Однако – в отличие от Германии – правительственная защита распространялась здесь не на аграрное производство, а на растущую и все еще относительно слабую российскую промышленность. На протяжении 1880-х годов таможенные пошлины в России неоднократно повышались, в том числе весьма значительно на уголь, чугун, железо и сталь. Они достигли максимума в таможенном тарифе 1891 г., который в некоторых своих частях имел почти запретительный характер [27, с. 356–358]. Не удивительно, что русская промышленная буржуазия приветствовала тариф 1891 г., ограждавший отечественную промышленность от иностранной, прежде всего германской, конкуренции.

Протекционистские меры, принятые в Берлине и Петербурге, негативно повлияли на развитие торговли между двумя странами. В 1880-х годах наблюдалась стагнация или даже сокращение объемов русского вывоза в Германию и немецкого вывоза в Россию [39, S. 70]. В 1888 г. правительство Бисмарка, чтобы добиться от России политических уступок, запретило германским банкам выдавать ссуды под залог русских ценных бумаг. Рост проблем в двусторонних экономических отношениях происходил на фоне нарастания напряженности между Россией и Германией и в политической сфере – Берлинского конгресса, заключения австро-германского союзного договора, направленного против России и т.д. [см. об этом: 2, с. 370].

Отношения между двумя соседними империями особенно ухудшились, когда в 1892 г. германское правительство Л. Каприви заключило на началах наибольшего благоприятствования торговые договоры с большинством европейских и неевропейских стран, за исключением России. Это поставило русский ввоз в Германию в особо неблагоприятные условия в сравнении с другими поставщиками сельскохозяйственной продукции – Австро-Венгрией, Румынией, США, Аргентиной, Канадой и др. К российским продуктам применялся общий тариф, в то время как к товарам государств, заключивших торговые соглашения с Берлином, применялся конвенционный (пониженный) тариф. К 1893 г. Россия осталась единственной страной из крупных поставщиков хлеба на германский рынок, которая не пользовалась пониженными конвенционными пошлинами. Русский хлеб оказался обложенным ввозной пошлиной на 30–40% превышающей пошлину, применяемую к другим государствам. В результате в общем ввозе хлеба в Германию доля России, составлявшая в 1891 г. 54,5%, упала в 1892 г. до 18,3% [15, с. 9]. Правда, следует отметить, что на падении вывоза русского хлеба в Германию сказался также неурожай и голод 1891 г.

Следствием попыток российского правительства во главе с министром финансов С.Ю. Витте повлиять на Берлин и заставить его изменить условия

торговли в выгодном для России направлении стала российско-германская таможенная война 1893 г., которая привела к существенному – но кратковременному – падению вывоза русского хлеба в Германию. Так, в 1893 г. немцы получили из России всего 1 млн 318 тыс. пудов пшеницы (в то время как за пятилетие 1888–1892 гг. ежегодно из России ввозилось 19,5 млн пудов пшеницы), русской ржи было ввезено в Германию около 6 млн пудов (а за пятилетие 1888–1892 гг. ежегодно ввозилось 35,5 млн пудов ржи), овса из России Германия получила в год таможенной войны лишь 512 тыс. пудов (за предшествующее пятилетие в среднем – более 8 млн пудов ежегодно). Почти не сократился только объем ввозимого в Германию из России кормового ячменя (свыше 15 млн пудов), во ввозе которого было заинтересовано германское животноводство [19, с. 20]. Таким образом, в 1893 г. на Россию приходилось только 13,9% от всего германского хлебного импорта [21, с. 307].

Однако следует заметить, что для российского экспорта хлебов таможенная война не стала серьезной преградой. Дело в том, что вследствие сокращения вывоза в Германию увеличился экспорт четырех основных хлебов из России в другие европейские страны – в Италию, Францию, Англию, Голландию, Швейцарию. В результате *общий* экспорт российских хлебов в 1893 г. сократился незначительно.

Германия же в случае затягивания таможенной войны рисковала потерять очень выгодный российский рынок для сбыта изделий своей промышленности. Тем более что за полгода таможенной войны существенно увеличился ввоз в Россию промышленных товаров из Англии [подробнее о русско-германской таможенной войне 1893 г. см.: 7, с. 59–66; 11, с. 249–267; 41, S. 147–171]. Понимая это, промышленная буржуазия Германии подталкивала правительство Каприви к прекращению таможенной борьбы с Россией и поиску взаимоприемлемого решения противоречий между обеими странами в торговой сфере. 3 октября (21 сентября) 1893 г. в Берлине открылась конференция по русско-германскому торговому договору [22, с. 136].

Результатом русско-германской таможенной войны стало подписание 10 февраля (29 января) 1894 г. русско-германского торгового соглашения, заключенного сроком на десять лет. Его наибольшее значение для России заключалось в понижении хлебных пошлин до уровня, установленного Германией для государств, наиболее благоприятствуемых: для пшеницы и ржи 3,5 марки, для овса 2,8 марки, для ячменя 2 марки и для муки 7,3 марки за 100 кг [19, с. 194]. Со своей стороны российское правительство сделало уступки для ввозимой на российский рынок продукции германской промышленности. Торговый договор 1894 г. оказался компромиссным и достаточно выгодным для России. В нем был четко проведен принцип взаимности во всех предоставлявшихся по договору правах и обязательствах. Не ликви-

ровав противоречий между двумя странами в экономической сфере, он тем не менее создал прочную правовую основу для развития двусторонней торговли.

Заключение договора 1894 г. имело своим следствием восстановление нормальных торговых связей между Германией и Россией, нарушенных таможенной войной. Товарооборот между обеими странами значительно вырос за последние годы XIX – первые годы XX в. Доля Германии в снабжении России товарами фабрично-заводской промышленности, составлявшая в 1894 г. 36,4% от общей стоимости ввезенных в Россию товаров этой категории, поднялась к 1904 г. до 55,7%. Ценность привоза всяких товаров в целом из Германии в Россию поднялась со 101 млн руб. в 1893 г. до 240 млн руб. в 1905 г. Одновременно значительно рос и ввоз русских товаров в империю Гогенцоллернов: в 1893 г. из России было привезено товаров на сумму 167 млн руб., в 1905 г. – уже на 505 млн руб. Сразу после заключения торгового договора Россия заняла почти монопольное положение в снабжении Германии некоторыми товарами – рожью (81,9% от всего ввоза в 1894 г.), овсом (72,7 – за 1894 г.), льном (91,6% за 1894 г.) [19, с. 40–42].

Вследствие того, что договор 1894 г. содержал некоторые отступления от суперпротекционистского таможенного тарифа 1891 г., его подписание вызвало недовольство широких кругов русской промышленной буржуазии, расценивших договор как серьезную уступку своим немецким конкурентам [28, с. 161]. Большое недовольство подписанным договором выражали и аграрные круги Германии, поскольку Каприви, облегчив условия ввоза сельскохозяйственной продукции из России, отверг тем самым стремление немецких аграриев путем ограждения внутреннего рынка таможенными пошлинами создать из Германии самодовлеющую аграрную страну, способную покрывать потребности населения своим собственным хлебом [48, S. 174]. Остальбские юнкеры требовали вернуться к практике двойного обложения русского хлеба и ликвидировать принцип наибольшего благоприятствования для России. В октябре 1894 г. им удалось добиться отставки канцлера Каприви, игнорировавшего, по их мнению, интересы германского земледелия.

Преемники Каприви извлекли уроки из этой демонстрации силы консервативно-юнкерской оппозиции: канцлер Б. Бюлов в декабре 1902 г., несмотря на активное противодействие социал-демократов и части либералов, провел через рейхстаг новый автономный таможенный тариф, наиболее характерной чертой которого являлся ярко выраженный аграрный протекционизм. Для хлебов тариф 1902 г. установил минимальные и максимальные ставки. Минимальные ставки, ниже которых правительство не имело право опускаться при заключении будущих торговых договоров, составляли для пшеницы 5,5 марок, для ржи и овса 5 марок, для ячменя 4 марки с центнера. Максимальные таможенные ставки оказались очень высокими: 7,5 марок с центнера для пшеницы и 7 марок для остальных хлебов [37, S. 153].

На основе этого таможенного тарифа через два года был подписан новый российско-германский торговый договор. Переговоры о его заключении проходили в сложной для России обстановке – на фоне неудачной войны с Японией и роста революционных настроений. Ввиду политической ситуации правительством России было принято решение начать переговоры с Берлином на немецких условиях, т.е. на основе минимальных немецких ставок тарифа 1902 г., добиться снижения которых уже не представлялось возможным [12, с. 233–267; 47, S. 129–145].

В результате торговая конвенция, подписанная 28 (15) июля 1904 г. и вступившая в силу 1 марта (17 февраля) 1906 г., изменила условия торговли между двумя странами в неблагоприятную для русского экспорта сторону. Почти все статьи германского конвенционного тарифа были повышены (особенно сильно на мясо, птицу, овес, пшеницу). Так, таможенная пошлина на пшеницу, составлявшая по конвенционному тарифу 1894 г. 3,5 марки за 100 кг, была увеличена до 5,5 марок; пошлина на рожь доведена до 5 марок за 100 кг (по договору 1894 г. – 3,5 марки), пошлина на овес определена в 5 марок (по договору 1894 г. – 2,8 марки), пошлина на масло составила в новом договоре 20 марок за 100 кг (по тарифу 1894 г. – 16 марок), пошлина на ввозимое в Германию мясо увеличена более чем в 2 раза – с 15 до 35 марок за 100 кг [19, с. 195]. В целом в результате повышения ставок переобложение четырех важнейших хлебов (пшеницы, овса, ржи и пивоваренного ячменя) при ввозе их в Германию составляло 13,5 млн руб. [26, с. 198].

Эти меры привели к еще большему вздорожанию продуктов питания для подавляющего большинства немцев, с одной стороны, и к росту благосостояния остальбского юнкерства – с другой [36, S. 189].

Россия со своей стороны получила право повысить свой конвенционный тариф на многие изделия германской промышленности. По сравнению с конвенционным тарифом 1894 г. в тарифе 1904 г. по 60 пунктам были сохранены прежние ставки, по 69 пунктам сделаны повышения ставок на ввозимые из Германии товары (химические продукты, чугун, некоторые машины) и лишь по восьми пунктам произведены небольшие понижения (шерсть, кружева) [26, с. 229]. На некоторые германские товары, ввозимые в Россию, повышение пошлин по договору 1904 г. было очень велико (на ряд продуктов химической промышленности пошлина увеличена в 3–4 раза).

Несмотря на взаимное повышение тарифных ставок, торговые связи двух стран после заключения конвенции 1904 г. продолжали активно развиваться. Этому способствовала благоприятная конъюнктура, сложившаяся в мире после преодоления экономического кризиса 1900–1903 гг. Германия являлась в последние предвоенные годы главным торговым партнером России. В 1913 г. из общей стоимости русского экспорта в 1 млрд 520 млн руб. 720 млн руб. приходилось на Германию (47,4%); а из общей стоимости

импорта 1 млрд 374 млн руб. стоимость ввезенных в Россию германских товаров равнялась 642 млн руб. (46,7%). Таким образом, объем торговли с империей Гогенцоллернов достигал почти половины русского внешнеторгового оборота. При этом торговля с этой страной росла быстрее, чем внешнеторговый оборот России в целом. Если общий объем внешней торговли России за 1905–1913 гг. увеличился на 170%, то объем торговли с Германией возрос на 223% [29, с. 163].

Российский экспорт в Германию в стоимостном выражении превышал привоз немецких товаров в Россию. Так, в 1906 г. Россия экспортировала в Германию товаров на 495,5 млн руб., а ввезла из Германии товаров на 298,5 млн руб., в 1910 г. – на 642 млн и 450 млн руб., в 1913 г. – на 720 млн и 642 млн руб. соответственно [19, с. 80]. Таким образом, торговый баланс России в ее торговле с Германией был активным. Половину русского вывоза в Германию составляла сельхозпродукция (особенно хлеб), третью часть – различное сырье (лес, кожи); на изделия приходилось лишь 4,4% ценности вывоза [29, с. 164]. В последние годы перед Первой мировой войной в Германию направлялось 52,7% всего российского экспорта четырех главных хлебов [49, S. 7]. Следует отметить, что повышение пошлин на хлеб по договору 1904 г. мало отразилось на выручке русских помещиков и хлеботорговцев, поскольку вследствие высоких цен в Германии на продовольствие пошлины в подавляющей своей части падали на германского потребителя [18, с. 145].

Главнейшим продуктом вывоза в Германию в начале XX в. был ячмень, на долю которого приходилось более 20% всего русского вывоза в эту страну. Германия импортировала огромное количество ячменя (более 3 млн т ежегодно), большая часть которого ввозилась из России: в 1911 г. за счет поставок из России покрывалось 90,8% потребности Германии в привозном ячмене, в 1912 – 73, а в 1913 г. – 85,4%. Таким образом, к началу Первой мировой войны Россия заняла монопольное положение в снабжении Германии ячменем. В 1909 г. она экспортировала в Германию ячменя на значительную сумму в 89 млн 164 тыс. руб., в 1910 – на 92 млн 367 тыс. руб., в 1911 г. – на 135 млн 292 тыс. руб. [31, с. 2]. Следует отметить, что почти весь ячмень, который Россия вывозила в Германию, был кормовым, а не пивоваренным. Это было связано с тем, что договор 1904 г. установил низкие ставки на кормовой ячмень (1,3 марки с центнера), сделав выгодным его ввоз в Германию в больших количествах [24, с. 26–27]. Пошлина на пивоваренный ячмень была существенно выше (4 марки с центнера), затрудняя его ввоз. Спрос на русский ячмень имел своим следствием расширение производства этого продукта в России.

Второе место по ценности русского вывоза в Германию занимала пшеница (41 млн 678 тыс. руб. в 1909 г., 36 млн 87 тыс. руб. в 1910 г., 23 млн 203 тыс. руб. в 1911 г. [31, с. 2]). Однако в последние предвоенные годы наблюдалась

тенденция сокращения доли России в снабжении Германии этим хлебом: если в 1911 г. русская пшеница составляла 45% всей импортированной немцами пшеницы, то в следующем году на Россию пришлось только 24,3% от германского пшеничного импорта, а в 1913 г. доля России понизилась до 20,4%. Главными поставщиками пшеницы на германский рынок накануне Первой мировой войны стали США и Аргентина (на эти два государства в 1913 г. пришлось 57% всего немецкого импорта пшеницы) [18, с. 152].

Тем самым Россия в гораздо большей степени зависела от германского рынка для сбыта своей пшеницы, чем Германия зависела от поставок русской пшеницы, которая могла быть при необходимости заменена на пшеницу аргентинскую, американскую, канадскую, австралийскую или румынскую. В целом российские поставки пшеницы в Германию очень зависели от внутри-российской конъюнктуры – в годы неурожая происходило глубокое падение вывоза, а в годы урожая стремительное повышение (например, в неурожайный 1908 г. Россия экспортировала в Германию в 6 раз меньше пшеницы, чем США и Аргентина, а спустя два года в урожайный 1910 г. в 3 раза больше, чем США и Аргентина вместе взятые) [18, с. 154]. Русский ввоз пшеницы в Германию был очень неустойчивым.

Что касается ржи и овса, то в период действия торговой конвенции 1904 г. они делили третье / четвертое место по ценности среди экспортируемых в Германию злаков (в 1909 г. Россия получила от экспорта ржи за Неман 6 млн 100 тыс. руб. и от экспорта овса – 11 млн 561 тыс. руб., в 1910 г. – 6 млн 818 тыс. и 9 млн 837 тыс. руб. соответственно, в 1911 г. – 14 млн 117 тыс. руб. за рожь и 13 млн 881 тыс. руб. за овес [31, с. 2]). При этом Германия была главным потребителем русской ржи (больше половины всего русского экспорта [17, с. 7]). Зависимость России от Германии в сбыте этого продукта была, таким образом, чрезвычайно велика. За счет русской ржи Германия покрывала большую часть своих потребностей (87,6% за пятилетие 1901–1905 гг., 81 – за 1906–1910 гг., 90,7 – за 1911 г., 85,1 – за 1912 г. и 86,1% за 1913 г.) [18, с. 165]. Однако Германия в начале XX в. все меньше нуждалась в привозной ржи – как вследствие увеличения собственного производства этого продукта, так и вследствие падения спроса на рожь внутри Германии (немецкое население все меньше потребляло ржаной хлеб и все больше пшеничный) [24, с. 13].

Германия с помощью высоких таможенных пошлин не только стремилась затруднить доступ российских сельхозпродуктов на свой рынок, но и вытеснить русский хлеб с ряда европейских рынков: с конца XIX в. она начала развивать активный экспорт собственной аграрной продукции, в первую очередь хлеба в зерне и муке. Главной причиной расширения германского хлебного экспорта являлась интенсификация сельхозпроизводства в этой стране. Так, урожайность ржи в Германии в среднем поднялась с 10,6 центнеров

с гектара в 1878–1879 гг. до 16,3 центнеров с гектара в 1901–1910 гг. (прирост на 54%). За этот же период средний сбор пшеницы в Германии поднялся с 13,5 центнеров с гектара до 19,6 центнеров (прирост на 45%), овса – с 12,5 центнеров до 18,3 центнеров (прирост на 46%), в то время как урожайность ячменя выросла с 13,6 центнеров с гектара до 19 центнеров (прирост на 40%) [45, S. 519].

Наряду с этим росту германского хлебного экспорта способствовала введенная в 1894 г. правительством Каприви практика выдачи так называемых ввозных свидетельств (Einfuhrscheine): экспортеры сельхозпродуктов получали при вывозе их за границу особые квитанции, на основании которых им предоставлялась возможность ввезти из-за границы без оплаты пошлиной такое же количество таких же сельхозпродуктов или некоторых других товаров, перечисляемых в законе (кофе, какао, пряности, нефть, керосин). Те лица, которые занимались лишь экспортом и, таким образом, сами не нуждались в данных свидетельствах на право беспошлинного ввоза, переуступали их импортерам за цену, устанавливаемую на бирже, на которой свидетельства эти обращались наравне с ценными бумагами.

Хотя напрямую ввозные свидетельства не являлись вывозными премиями, но при благоприятной конъюнктуре рынка (когда внутреннее производство того или иного сельскохозяйственного продукта развивалось выше размеров собственной потребности страны) они начинали действовать именно в этом качестве – как система премий для экспортеров сельхозпродукции. Из механизма, регулирующего внутренние цены, они быстро превратились в способ поощрения экспорта на внешний рынок по более дешевым ценам, чем те, которые существовали на внутреннем германском рынке. Объем выдаваемых свидетельств рос из года в год: в 1894 г. их было выдано на 7 млн марок, в 1905 – на 38,5 млн марок, в 1909 – на 93 млн марок, в 1912 г. – уже на 126 млн марок [16, с. 48; 44, S. 308]. Фактически правительство Германии взяло на себя финансирование хлебного экспорта из Пруссии, Познани, Силезии и других зерновых районов страны за границу, субсидируя за счет бюджета, т.е. всего населения Германской империи, крупных остальбских аграриев. Последние имели возможность, пользуясь этими премиями, предлагать свои хлебные продукты иностранным покупателям дешевле рыночной цены [подробнее о государственной системе поощрения германского хлебного экспорта на рубеже XIX–XX вв. см.: 20].

Следствием введения в Германии практики выдачи ввозных свидетельств стал стремительный рост экспорта германского хлеба в зерне и муке на рынки ряда европейских государств, где ему удалось существенно потеснить русскую сельхозпродукцию. Уже в 1894 г. (первый год действия ввозных свидетельств) произошел скачкообразный рост вывоза из Германии четырех основных хлебов: объем вывезенной в этом году ржи увеличился по сравне-

нию с предыдущим 1893 г. в 183,5 раза (с 271 т до 49 712 т), объем экспортированной пшеницы возрос в 270 раз (с 293 т до 79 191 т), экспорт овса увеличился в 82,5 раза (с 276 т до 22 759 т), а ячменя – в 2,3 раза (с 8235 т до 19 405 т). В конце XIX столетия «...экспорт зерна, – по словам немецкого историка Г.Ю. Пуле, – превратился в важнейшую характеристику сельского хозяйства остэальбских прусских провинций» [43, S. 42].

Особенно интенсивно в начале XX в. развивался экспорт германской ржи – той злаковой культуры, которая наиболее соответствовала климатическим условиям Германии. Интенсификация сельхозпроизводства, повышение урожайности в сочетании с государственной поддержкой аграрного сектора позволили Германии создать значительный излишек ржи, который и вывозился на внешние рынки. С 1893 по 1908 г. экспорт ржи из Германии увеличился более чем в 2 тыс. раз (с 271 т до 595 тыс. т) [16, с. 47]. Хотя Германия продолжала ввозить рожь, но экспорт этой зерновой культуры с 1908 г. начал существенно превосходить импорт. В результате Германия заняла прочные позиции в качестве главного поставщика ржи на мировой рынок. Начиная с 1910 г. Германия экспортировала ржи больше, чем Россия (в 1912 г. Россия вывезла 489,5 тыс. т, а Германия – 811 тыс. т, в следующем году объем вывезенной из России на внешние рынки ржи поднялся до 631,5 тыс. т, а германский вывоз возрос до 937 тыс. т). Наряду с рожью Германия экспортировала также – правда в гораздо меньших масштабах – овес (почти 437 тыс. т в 1910 г.) и пшеницу (более 281 тыс. т в 1910 г.) [32, с. 7].

Главным рынком сбыта для германского хлеба являлись Скандинавские страны (Швеция, Норвегия, Дания), а также Нидерланды и Бельгия [6, с. 10]. Ввиду систематического вытеснения многих зерновых продуктов Германией общая сумма русского экспорта в Норвегию стала быстро падать, в то время как германский экспорт в эту страну за 1905–1910 гг. вырос на 50% и в 5,5 раз превосходил русский. Россия уступала Германии и по ввозу хлебов в Швецию [6, с. 13–14]. Что касается экспорта зерновых продуктов из Германии в Нидерланды и Бельгию, то и здесь рост вывоза германского хлеба был впечатляющим [6, с. 19–20].

Для России эта растущая конкуренция со стороны Германии в области хлебной торговли оказалась неприятной неожиданностью. За пятилетие 1906–1910 гг. средняя ценность вывезенного из России зернового хлеба и муки составляла 435,3 млн руб. в год. Учитывая, что сумма всего вывоза России составляла в это время 1 млрд 46 млн руб., на хлеб приходился 41,5% ценности всего, что Россия экспортировала на внешний рынок [9, с. 45]. В последние предвоенные годы доход от экспорта хлеба увеличился еще более: в 1911 г. Россия вывезла 821,2 млн пудов хлеба на сумму в 735,3 млн руб., в 1912 г. – 548,5 млн пудов общей стоимостью 547,1 млн руб., в 1913 г. – 647,6 млн пудов на 589,9 млн руб. [21, с. 349]. Потеря части внешних рынков

могла заметно сократить выручку российских хлеботорговцев и государства от экспорта хлеба в зерне и муке.

Русский хлеб сталкивался с германской конкуренцией не только на внешних рынках, но и внутри самой России. С 1906 г., когда вступил в силу новый торговый договор, начался быстрый рост германского ввоза зерна, в первую очередь ржи, в пределы Российской империи. Правда, в сравнении с общим производством ржи в России германский ввоз этого хлеба был небольшим. Так, в 1910 г. Россия произвела 1 млрд 357 млн пудов ржи (а Германия ввезла в этот год в Россию 6 млн 437 тыс. пудов своей ржи), в 1911 г. Россия произвела 1 млрд 192 млн пудов ржи (ввоз Германии в Россию – 6 млн 559 тыс. пудов), в 1912 г. производство ржи в России составило 1 млрд 630 млн пудов (привоз этого хлеба из Германии за тот же год – 5 млн 187 тыс. пудов), в 1913 г. на полях России было собрано 1 млрд 568 млн пудов ржи (из Германии было ввезено в Россию 11 млн 969 тыс. пудов). То есть привоз ржи из Германии в Россию составлял лишь 0,3–0,8% от внутреннего российского производства этой культуры [25, с. 205–206].

Опасность немецкая рожь представляла не на собственно российском рынке, а на рынке Великого княжества Финляндского, входившего в состав Российской империи, но отделенного от остальной России своей собственной таможенной границей и имевшего свой собственный таможенный тариф. Если еще в середине 1890-х годов почти всю необходимую для Финляндии рожь поставляла Россия, то в 1908 г. участие России в ржаном импорте Великого княжества ограничивалось 34%, на Германию же в этом году пришлось 65% всего ржаного импорта Финляндии (2,2 млн пудов). Всего же в 1908 г. Россия ввезла в Великое княжество хлеба в муке и зерне на 29,5 млн марок, а Германия – на 37,6 млн марок [8, с. 4]. Германское проникновение облегчалось тем, что ввоз в Финляндию хлеба и хлебных продуктов был в то время беспошлинным.

Становилось очевидным, что введенная в Германии в 1894 г. система поощрения немецкого хлебного экспорта таила в себе определенные опасности для российского земледелия, которое благодаря Столыпинской аграрной реформе получило новые импульсы к развитию. В последние годы перед Первой мировой войной требование оградить российский рынок от наплыва немецкого хлеба все громче раздавалось с трибуны Государственной думы, со страниц газет и журналов, а также в специальных работах ученых-экономистов и предпринимателей [об общественной дискуссии в России относительно характера и перспектив развития торговых отношений между двумя странами накануне Первой мировой войны см.: 13]. Аграрные круги России требовали понижения германских пошлин на зерно, ликвидации системы ввозных свидетельств в Германии и устранения ветеринарных барьеров при ввозе в эту страну продуктов российского животноводства.

Учитывая данные требования, правительство В.Н. Коковцова предприняло конкретные действия по защите отечественного сельского хозяйства: было принято решение обложить привозимый из-за границы хлеб в зерне пошлиной в 30 коп. с пуда, а муку – пошлиной в размере 45 коп. с пуда. После одобрения соответствующего законопроекта в Совете министров он был внесен на рассмотрение Государственной думы и 9 апреля (27 марта) 1914 г. принят 155 голосами против 45. Подписанный Николаем II, закон об ограничении притока иностранного хлеба на рынки Российской империи вступил в силу с 12 июня (30 мая) 1914 г. Спустя несколько дней 15 (2) июня Дума рассмотрела и одобрила аналогичный законопроект, касавшийся Финляндии. Фактически эти законы означали переход России к прямому аграрному протекционизму [25, с. 205–210; 40, S. 188–215].

Законы о пошлинах на ввозимые в Россию хлебные продукты способствовали дальнейшему ухудшению отношений двух держав. Их принятие было негативно воспринято в Германии [29, с. 196; 34, S. 408].

Можно сделать вывод, что торговые противоречия усиливали российско-германский антагонизм, хотя вряд ли они носили непримиримый характер. Несмотря на все противоречия, товарообмен между Россией и Германией в последние годы XIX и в первые годы XX в. устойчиво возрастал. В 1913 г. объем торговли с империей Гогенцоллернов достигал почти половины российского внешнеторгового оборота. В свою очередь Россия до 1912 г. занимала первое место в германском импорте; при этом половину российского вывоза в Германию составляла сельхозпродукция, в первую очередь хлеб. В целом экспорт русского хлеба в Германию рос вплоть до Первой мировой войны. После заключения торгового договора 1904 г. в структуре русского хлебного вывоза произошли заметные сдвиги: Россия все меньше вывозила в Германию пшеницу и рожь и все больше – кормовой ячмень. Колебания хлебного вывоза определялись положением обеих держав на мировом аграрном рынке, уровнем урожаев в России и Германии и условиями заключенных между двумя странами торговых договоров.

Библиография

1. Ашенкамф Н.Н. Аграрные реформы и развитие аграрного сектора германской экономики во второй половине XIX века. М.: Академический Проект, 2004. 384 с.
2. Витте С.Ю. Воспоминания: в 3 т. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1960. Т. 1 (1849–1894). 556 с.
3. Витте С.Ю. Воспоминания: в 3 т. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1960. Т. 2 (1894 – окт. 1905). 639 с.
4. Витчевский В. Торговая, таможенная и промышленная политика России со времен Петра Великого до наших дней / Пер. с нем. А.В. Брауде. СПб.: Казицын и Ю.Д. Филиппов, 1909. 362 с.

5. Гольдштейн И.М. Русско-германский торговый договор и задачи России. М.: Тип. О.Л. Сомовой, 1912. 52 с.
6. Гольдштейн И.М. Русско-германский торговый договор и следует ли России быть «колонией» Германии. М.: Тип. О.Л. Сомовой, 1913. 72 с.
7. Губин В.В. Русско-германская «таможенная война» 1893 года: Истоки, ход, результаты // Эхо: Сборник статей по новой и новейшей истории Отечества. М.: Изд-во МГУ им. Ломоносова, 2000. Вып. 3. С. 59–66.
8. Денисов В.И. Экономическое завоевание Германией финляндского рынка. Постепенное уменьшение сбыта из России сельскохозяйственных продуктов в Финляндию. СПб.: Тип. т-ва п/ф «Электротип. Н.Я. Стойковой», 1911. 64 с.
9. Китанина Т.М. Хлебная торговля России в конце XIX – начале XX века. Стратегия выживания, модернизационные процессы, правительственная политика. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. 594 с.
10. Клинке М. Имперская Финляндия. СПб.: Коло, 2005. 614 с.
11. Копелова Ю.И. О таможенной войне между Россией и Германией в начале 90-х годов XIX в. // Труды Горьковского педагогического института им. М. Горького. 1956. Т. XVIII: Исторический сборник. С. 249–267.
12. Копычев Н.И. Таможенный тариф 1902 г. и русско-германские отношения / Псковский гос. пед. институт им. С.М. Кирова // Ученые записки. 1964. Вып. 19. Общественные и исторические науки. С. 233–267.
13. Котов Б.С. Русско-германские торговые отношения накануне Первой мировой войны в оценке русской прессы // Вопросы истории. 2012. № 2. С. 104–118.
14. Крестовников Г.А. К вопросу о ввозе в Россию и Финляндию хлебных грузов. М., [Б. и.] [1911]. 5 с.
15. Лейтес К.С. К истории торговых договоров между Россией и Германией. [СПб.]: Тип. Ред. период. изд. М-ва фин., [1911]. 16 с.
16. Лейтес К.С. Иностранное законодательство по возврату таможенных пошлин и по условно-беспошлинному ввозу для переработки. СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1912. 75 с.
17. Ломакин А.А. Статистическое обследование товарообмена между Россией и Германией. СПб.: Тип. Ред. период. изд. М-ва фин., 1913. Ч. I: Хлеботорговый обмен России с Германией. 13 с.
18. Лященко П.И. Зерновое хозяйство и хлеботорговые отношения России и Германии в связи с таможенным обложением. Пг.: Тип. Ред. период. изд. М-ва фин., 1915. 293 с.
19. Материалы к пересмотру торгового договора с Германией. СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1912. Вып. I. 238 с.
20. Миллер К.К. Система ввозных свидетельств в Германии. СПб.: Тип. Ред. период. изд. М-ва фин., 1912. IV, 49 с.
21. Покровский С.А. Внешняя торговля и внешняя торговая политика России. М.: Международная книга, 1947. 404 с.
22. Пухерт Б. Торговые отношения между Россией и Германией на фоне конфликтов интересов внутри господствующего класса Германии (1889–1913) // Крупные аграрии и промышленная буржуазия России и Германии в конце XIX – начале XX века: сб. науч. трудов. М.: АН СССР, Ин-т истории СССР; Акад. наук ГДР, Ин-т экон. истории, 1988. С. 129–152.
23. Рохович Г.Я. Об упадке нашего хлебного вывоза в Финляндию и о необходимости покровительственных мероприятий к его поднятию. СПб.: Тип. Ред. период. изд. М-ва фин., 1910. 17 с.

24. Рыкачев А.М. Привоз хлебов в Германию из разных стран. К вопросу о конкуренции России с другими странами на германском хлебном рынке. СПб.: Паровая тип. Л.В. Гутмана, 1912. 87 с.
25. Санников Л.И. Таможенная политика России по отношению к Германии накануне Первой мировой войны (1912–1914 гг.) / Ленинград. гос. пед. институт им. А.И. Герцена // Ученые записки. 1967. Т. 314. Исторические науки. С. 190–211.
26. Соболев М.Н. История русско-германского торгового договора. Пг.: Тип. Ред. период. изд. М-ва фин., 1915. 202 с.
27. Соболев М.Н. Таможенная политика России во второй половине XIX века: в 2 ч. Ч. II. М.: РОССПЭН, 2012. 463 с.
28. Субботин Ю.Ф. Российская буржуазия о русско-германском торговом договоре 1894 г. // Внешняя политика России и общественное мнение. М.: Ин-т истории СССР, 1988. С. 147–164.
29. Субботин Ю.Ф. Россия и Германия: партнеры и противники (торговые отношения в конце XIX в. – 1914 г.). М.: Институт российской истории РАН, 1996. 271 с.
30. Шапошников Н.Н. Таможенная политика России до и после революции. М.; Л.: [Б. и.], 1924. 74 с.
31. Шор А.С. Товарообмен между Россией и Германией за последние 20 лет. СПб.: [Рос. экспорт. палата], 1914. 66 с.
32. Шор А.С., Элькин Б.И. Вывоз зерновых продуктов из Германии. СПб.: Тип. период. изд. М-ва фин., 1912. 25 с.
33. Böhme H. Bismarcks Schutzzollpolitik und die Festigung des konservativen Staates // Probleme der Reichsgründungszeit 1848–1879. Köln, Berlin: Kiepenheuer & Witsch, 1968. S. 328–353.
34. Deutsch-russische Wirtschaftsbeziehungen 1906–1914. Dokumente / Hrsg. von Heinz Lemke. Berlin: Akademie-Verlag, 1991. 480 S.
35. Hardach K. Die Wende von 1879 // Die Auswirkungen von Zöllen und anderen Handelshemmnissen auf Wirtschaft und Gesellschaft vom Mittelalter bis zur Gegenwart / Hrsg. von H. Pohl. Stuttgart: Franz Steiner, 1987. S. 275–292.
36. Hentschel V. Wirtschaft und Wirtschaftspolitik im wilhelminischen Deutschland. Organisierter Kapitalismus und Interventionsstaat? Stuttgart: Klett-Cotta, 1978. 303 S.
37. Kempter G. Agrarprotektionismus: Landwirtschaftliche Schutzzollpolitik im Deutschen Reich von 1879 bis 1914. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1985. 268 S.
38. Kumpf-Korfes S. Bismarcks «Draht nach Russland». Zum Problem der sozial-ökonomischen Hintergründe der russisch-deutschen Entfremdung im Zeitraum von 1878 bis 1891. Berlin: Akademie-Verlag, 1968. 219 S.
39. Lehrfreund L. Die Entwicklung der deutsch-russischen Handelsbeziehungen. Leipzig: Bitterling, 1921. 105 S.
40. Lemke H. Die Unterbindung des deutschen Roggen- und Mehlexports nach Russland und Finnland vor dem ersten Weltkrieg // Deutsch-russische Beziehungen. Ihre welthistorischen Dimensionen vom 18. Jahrhundert bis 1917 / Hrsg. von L. Thomas und D. Wulff. Berlin: Akademie-Verlag, 1992. S. 188–215.
41. Löbel U. Der deutsch-russische Zollkrieg 1893/94. Zu seinen innen- und außenpolitischen Hintergründen // Jahrbuch für Geschichte der sozialistischen Länder Europas. 1988. Bd. 32. S. 147–171.
42. Ostelbische Agrargesellschaft im Kaiserreich und in der Weimarer Republik: Agrarkrise – junkerliche Interessenpolitik – Modernisierungsstrategien / Hrsg. von H. Reif. Berlin: Akademie-Verlag, 1994. 416 S.

43. Puhle H.J. Politische Agrarbewegungen in kapitalistischen Industriegesellschaften. Deutschland, USA und Frankreich im 20. Jahrhundert. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1975. 496 S.
44. Schneider J. Die Auswirkungen von Zöllen und Handelsverträgen sowie Handelshemmnissen auf Staat, Wirtschaft und Gesellschaft zwischen 1890 und 1914 // Die Auswirkungen von Zöllen und anderen Handelshemmnissen auf Wirtschaft und Gesellschaft vom Mittelalter bis zur Gegenwart / Hrsg. von H. Pohl. Stuttgart: Franz Steiner, 1987. S. 293–327.
45. Sombart W. Die deutsche Volkswirtschaft im neunzehnten Jahrhundert und im Anfang des 20. Jahrhunderts. Berlin: Georg Bondi, 1921. 560 S.
46. Torp C. Die Herausforderung der Globalisierung. Wirtschaft und Politik in Deutschland 1860–1914. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2005. 430 S.
47. Wulff D. Der russisch-deutsche Handelsvertrag von 1904. Hintergründe und Motive seines Abschlusses // Jahrbuch für Geschichte der sozialistischen Länder Europas. 1988. Bd. 32. S. 129–145.
48. Zimmermann A. Die Handelspolitik des Deutschen Reichs vom Frankfurter Frieden bis zur Gegenwart. Berlin: E.S. Mittler, 1901. 320 S.
49. Zuckermann S. Der Warenaustausch zwischen Russland und Deutschland – wie er tatsächlich vor dem Kriege war und wie er in Zukunft zu sein verspricht. Berlin: Russischer Kurier, 1915. 16 S.

References

- Ashenkampf N.N. Agrarnye reformy i razvitie agrarnogo sektora germanskoj ehkonomiki vo vtoroj polovine XIX veka. Moscow: Akademicheskij Proekt, 2004. 384 p.
- Böhme H. Bismarcks Schutzzollpolitik und die Festigung des konservativen Staates // Probleme der Reichsgründungszeit 1848–1879. Köln, Berlin: Kiepenheuer & Witsch, 1968. S. 328–353.
- Denisov V.I. Ehkonomicheskoe zavoevanie Germaniej finlyandskogo rynka. Postepennoe umen'shenie sbyta iz Rossii sel'skohozyajstvennyh produktov v Finlyandiyu. Saint Petersburg: Tip. t-va p/f «Ehlektrotip. N.YA. Stojkovo», 1911. 64 p.
- Deutsch-russische Wirtschaftsbeziehungen 1906–1914. Dokumente / Hrsg. von Heinz Lemke. Berlin: Akademie-Verlag, 1991. 480 S.
- Gol'dshtejn I.M. Russko-germanskij torgovyj dogovor i sleduet li Rossii byt' «kolonij» Germanii. Moscow: Tip. O.L. Somovoj, 1913. 72 p.
- Gol'dshtejn I.M. Russko-germanskij torgovyj dogovor i zadachi Rossii. Moscow: Tip. O.L. Somovoj, 1912. 52 p.
- Gubin V.V. Russko-germanskaya «tamozhennaya vojna» 1893 goda: Istoki, hod, rezul'taty // Ehkho: Sbornik statej po novoj i novejshej istorii Otechestva. Moscow: Izd-vo MGU im. Lomonosova, 2000. Iss. 3. P. 59–66.
- Hardach K. Die Wende von 1879 // Die Auswirkungen von Zöllen und anderen Handelshemmnissen auf Wirtschaft und Gesellschaft vom Mittelalter bis zur Gegenwart / Hrsg. von H. Pohl. Stuttgart: Franz Steiner, 1987. S. 275–292.
- Hentschel V. Wirtschaft und Wirtschaftspolitik im wilhelminischen Deutschland. Organisierter Kapitalismus und Interventionsstaat? Stuttgart: Klett-Cotta, 1978. 303 S.
- Kempter G. Agrarprotektionismus: Landwirtschaftliche Schutzzollpolitik im Deutschen Reich von 1879 bis 1914. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1985. 268 S.
- Kitanina T.M. Hlebnaya trgovlya Rossii v konce XIX – nachale XX veka. Strategiya vyzhivaniya, modernizacionnye processy, pravitel'stvennaya politika. Saint-Petersburg: Dmitrij Bulanin, 2011. 594 p.
- Klinge M. Imperskaya Finlyandiya. Saint-Petersburg: Kolo, 2005. 614 p.

Kopelova Yu.I. O tamozhennoj vojne mezhdu Rossiej i Germaniej v nachale 90-h godov XIX v. // Trudy Gor'kovskogo pedagogicheskogo instituta im. M. Gor'kogo. 1956. Vol. XVIII: Istoricheskij sbornik. P. 249–267.

Kopychev N.I. Tamozhennyj tarif 1902 g. i rusko-germanskije otnosheniya / Pskovskij gos. ped. institut im. S.M. Kirova // Uchenye zapiski. 1964. Iss. 19. Obshchestvennye i istoricheskie nauki. S. 233–267.

Kotov B.S. Russko-germanskije torgovyje otnosheniya nakanune Pervoj mirovoj vojny v ocenke russkoj pressy // Voprosy istorii. 2012. N 2. P. 104–118.

Krestovnikov G.A. K voprosu o vvoze v Rossiju i Finlyandiju hlebnih gruzov. Moscow: [B. i.] [1911]. 5 p.

Kumpf-Korfes S. Bismarcks «Draht nach Russland». Zum Problem der sozial-ökonomischen Hintergründe der russisch-deutschen Entfremdung im Zeitraum von 1878 bis 1891. Berlin: Akademie-Verlag, 1968. 219 S.

Lehrfreund L. Die Entwicklung der deutsch-russischen Handelsbeziehungen. Leipzig: Bitterling, 1921. 105 S.

Lejtes K.S. Inostrannoe zakonodatel'stvo po vozvratu tamozhennyh poshlin i po uslovno-besposhlinnomu vvozu dlya pererabotki. Saint Petersburg: Tip. V.F. Kirshbauma, 1912. 75 p.

Lejtes K.S. K istorii torgovyh dogovorov mezhdu Rossiej i Germaniej. [Saint Petersburg]: Tip. Red. period. izd. M-va fin., [1911]. 16 p.

Lemke H. Die Unterbindung des deutschen Roggen- und Mehlexports nach Russland und Finnland vor dem ersten Weltkrieg // Deutsch-russische Beziehungen. Ihre welthistorischen Dimensionen vom 18. Jahrhundert bis 1917 / Hrsg. von L. Thomas und D. Wulff. Berlin: Akademie-Verlag, 1992. S. 188–215.

Löbel U. Der deutsch-russische Zollkrieg 1893/94. Zu seinen innen- und außenpolitischen Hintergründen // Jahrbuch für Geschichte der sozialistischen Länder Europas. 1988. Bd. 32. S. 147–171.

Lomakin A.A. Statisticheskoe obsledovanie tovaroobmena mezhdu Rossiej i Germaniej. Saint Petersburg: Tip. Red. period. izd. M-va fin., 1913. CH. I: Hlebotorgovyj obmen Rossii s Germaniej. 13 p.

Lyashchenko P.I. Zernovoe hozyajstvo i hlebotorgovyje otnosheniya Rossii i Germanii v svyazi s tamozhennym oblozheniem. Ptrograd: Tip. Red. period. izd. M-va fin., 1915. 293 p.

Materialy k peresmotru torgovogo dogovora s Germaniej. Saint Petersburg: Tip. V.F. Kirshbauma, 1912. Iss. I. 238 p.

Miller K.K. Sistema vvoznih svidetel'stv v Germanii. Saint Petersburg: Tip. Red. period. izd. M-va fin., 1912. 49 p.

Ostelbische Agrargesellschaft im Kaiserreich und in der Weimarer Republik: Agrarkrise – junkerliche Interessenpolitik – Modernisierungsstrategien / Hrsg. von H. Reif. Berlin: Akademie-Verlag, 1994. 416 S.

Pokrovskij S.A. Vneshnyaya torgovlya i vneshnyaya torgovaya politika Rossii. Moscow: Mezhdunarodnaya kniga, 1947. 404 p.

Puhert B. Torgovyje otnosheniya mezhdu Rossiej i Germaniej na fone konfliktov interesov vnutri gosподstvuyushchego klassa Germanii (1889–1913) // Krupnye agrarii i promyshlennaya burzhuaziya Rossii i Germanii v konce XIX – nachale XX veka: sb. nauch. trudov. Moscow: AN SSSR, In-t istorii SSSR; Akad. nauk GDR, In-t ehkon. istorii, 1988. P. 129–152.

Puhle H.J. Politische Agrarbewegungen in kapitalistischen Industriegesellschaften. Deutschland, USA und Frankreich im 20. Jahrhundert. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1975. 496 S.

Rohovich G.Ya. Ob upadke nashego hlebnogo vyvoza v Finlyandiyu i o neobходимosti pokrovitel'stvennykh meropriyatij k ego podnyatiyu. Saint Petersburg: Tip. Red. period. izd. M-va fin., 1910. 17 p.

Ryachev A.M. Privoz hlebov v Germaniyu iz raznyh stran. K voprosu o konkurencii Rossii s drugimi stranami na germanskom hlebnoy rynke. Saint Petersburg: Parovaya tip. L.V. Gutmana, 1912. 87 p.

Sannikov L.I. Tamozhennaya politika Rossii po otnosheniyu k Germanii nakanune Pervoy mirovoj vojny (1912–1914 gg.) / Leningrad. gos. ped. institut im. A.I. Gercena // Uchenye zapiski. 1967. T. 314. P. 190–211.

Schneider J. Die Auswirkungen von Zöllen und Handelsverträgen sowie Handelshemmnissen auf Staat, Wirtschaft und Gesellschaft zwischen 1890 und 1914 // Die Auswirkungen von Zöllen und anderen Handelshemmnissen auf Wirtschaft und Gesellschaft vom Mittelalter bis zur Gegenwart / Hrsg. von H. Pohl. Stuttgart: Franz Steiner, 1987. S. 293–327.

Shaposhnikov N.N. Tamozhennaya politika Rossii do i posle revolyucii. Moscow; Leningrad: [B.i.], 1924. 74 p.

Shor A.S. Tovarobmen mezhdru Rossiej i Germaniej za poslednie 20 let. Saint Petersburg: [Ros. ehksport. palata], 1914. 46, 66 p.

Shor A.S., Ehl'kin B.I. Vyvoz zernovykh produktov iz Germanii. Saint Petersburg: Tip. period. izd. M-va fin., 1912. 25 p.

Sobolev M.N. Istoriya russko-germanskogo torgovogo dogovora. Petrograd: Tip. Red. perid. izd. M-va fin., 1915. 202 p.

Sobolev M.N. Tamozhennaya politika Rossii vo vtoroj polovine XIX veka: v 2 ch. Ch. II. Moscow: ROSSPEHN, 2012. 463 p.

Sombart W. Die deutsche Volkswirtschaft im neunzehnten Jahrhundert und im Anfang des 20. Jahrhunderts. Berlin: Georg Bondi, 1921. 560 S.

Subbotin Yu.F. Rossijskaya burzhuziya o russko-germanskoy torgovoy dogovore 1894 g. // Vneshnyaya politika Rossii i obshchestvennoe mnenie. Moscow: In-t istorii SSSR, 1988. P. 147–164.

Subbotin Yu.F. Rossiya i Germaniya: Partnery i protivniki (torgovye otnosheniya v konce XIX v. – 1914 g.) Moscow: Institut rossijskoj istorii RAN, 1996. 271 p.

Torp C. Die Herausforderung der Globalisierung. Wirtschaft und Politik in Deutschland 1860–1914. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2005. 430 S.

Vitchevskij V. Torgovaya, tamozhennaya i promyshlennaya politika Rossii so vremen Petra Velikogo do nashih dnei / Per. s nem. A.V. Braude. Saint Petersburg: Kazicyn i YU.D. Filippov, 1909. 362 p.

Vitte S.Yu. Vospominaniya: v 3 t. Moscow: Izd-vo social'no-ehkonomicheskoy literatury, 1960. Vol. 1 (1849–1894). 556 p.

Vitte S.Yu. Vospominaniya: v 3 t. Moscow: Izd-vo social'no-ehkonomicheskoy literatury, 1960. T. 2 (1894 – okt. 1905). 639 p.

Wulff D. Der russisch-deutsche Handelsvertrag von 1904. Hintergründe und Motive seines Abschlusses // Jahrbuch für Geschichte der sozialistischen Länder Europas. 1988. Bd. 32. S. 129–145.

Zimmermann A. Die Handelspolitik des Deutschen Reichs vom Frankfurter Frieden bis zur Gegenwart. Berlin: E.S. Mittler, 1901. 320 S.

Zuckermann S. Der Warenaustausch zwischen Russland und Deutschland – wie er tatsächlich vor dem Kriege war und wie er in Zukunft zu sein verspricht. Berlin: Russischer Kurier, 1915. 16 S.

Ю.В. Дунаева

**«ПРАВДИВЫЙ ПРОТОКОЛ ТЕКУЩЕГО БЕЗУМИЯ»:
ХУДОЖНИК А.Н. БЕНУА О РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЯХ 1917 г.**

Аннотация. Современная историческая наука активно использует эго-документы как исторические источники. В статье анализируется дневник видного представителя русской интеллигенции, художника А.Н. Бенуа как источник по революциям 1917 г. Подчеркивается, что дневник позволяет реконструировать события, очевидцем которых был Бенуа, и отчасти проникнуть в его внутренний мир и узнать отношение к происходящему и размышления о перспективах страны.

Ключевые слова: А.Н. Бенуа; дневники; эго-документы; Февральская революция 1917 г.; Октябрьская революция 1917 г.

Дунаева Юлия Вячеславовна – кандидат исторических наук,
научный сотрудник Института научной информации
по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН).
E-mail: jvd@inbox.ru

**Yu.V. Dunaeva. «The Truthful Protocol of the Current Madness»:
Painter A.N. Benua on the Revolutionary Events of 1917**

Abstract. Modern historical science actively uses ego-documents as historical sources. The article analyzes the diary of the prominent representative of the Russian intelligentsia, the painter A.N. Benua as a source for our understanding of the revolutions of 1917. It is emphasized that the diary allows us to reconstruct the events witnessed by Benua and penetrate into his inner world as well as learn his attitude to what was happening.

Keywords: A.N. Benua; diary; ego-document; February revolution 1917; October revolution 1917.

Dunaeva Yuliya Vyacheslavovna – Candidate of Historical Sciences,
Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), Moscow.
E-mail: jvd@inbox.ru

В последние годы в российской и зарубежной исторической науке оформилось перспективное исследовательское направление, изучающее события прошлого, истории жизни людей преимущественно на основе эго-документов: дневников, мемуаров, автобиографий и других источников личного происхождения [7].

В отечественной исторической науке интерес к источникам такого рода имеет собственную длительную традицию. В предисловии к фундаментальному библиографическому указателю «История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях» П.А. Зайончковский писал: «Дневники и воспоминания представляют собой одну из важнейших групп исторических источников. При всем субъективизме этой группы источников, а следовательно при необходимости весьма критического подхода к ним, дневники и воспоминания представляют исключительную ценность как содержащие материалы, не находящие отражения ни в официальных документах, ни в источниках других типов» [6, с. 3]. Иными словами, такого рода источники открывают для исследователя эмоциональное, человеческое измерение истории.

В связи с недавней годовщиной Февральской и Октябрьской революций 1917 г. и Гражданской войны возрос интерес к эго-документам той эпохи. Издано много автобиографических материалов, описывающих и оценивающих этот период с разных точек зрения. Но даже среди этого многообразия выделяется дневник выдающегося художника, историка живописи, художественного критика, одного из основателей и идеолога объединения «Мир искусства» Александра Николаевича Бенуа (1870–1960). Впечатления и размышления такой грандиозной личности особенно ценны.

Часть дневниковых записей ему удалось вывезти в эмиграцию, часть осталась в России. В эмиграции он хлопотал о сохранении художественного и письменного наследия. В одном из писем С. Яремичу¹ художник пишет: «Я бы только просил, чтобы мои рукописи и этюды не пропали совсем... Было бы большим грехом допустить гибель этих вещей. Ко многим явлениям нашей жизни *психологические ключи*² находятся именно и, пожалуй, только в моих писаниях. Не дайте им погибнуть... И несомненно, настанет время, когда какой-то потомок (а может быть, современник) будет в восторге этим ключом воспользоваться. Мы не имеем права лишать их этой радости» (цит. по: [2, с. 724]). Записи за революционные годы художник определил как «правдивый протокол текущего безумия» [2, с. 686].

1. Яремич С.П. (1869–1939) – художник, член «Мира искусства», сотрудник Эрмитажа, друг Бенуа.

2. Здесь и далее в цитатах слова, написанные прописными буквами или курсивом, принадлежат Бенуа. – Прим. Ю.В. Дунаевой.

Бенуа относился к умеренной по политическим взглядам интеллигенции. Сторонник монархизма, он не состоял ни в какой партии, избегал участия в политической жизни и старался занимать позицию над схваткой, сосредоточившись всецело на искусстве. Но, как показывает его дневник, во время Февральской и Октябрьской революций художник, по-прежнему избегая политических союзов и партий, активно работал, стремясь сохранить культурное достояние: музейные ценности, памятники архитектуры и даже парковые ансамбли.

Тему «А.Н. Бенуа как очевидец и хроникер революции» можно назвать неизученной, удалось найти только две статьи, частично ее затрагивающие [8; 9]. Что касается его деятельности по сохранению культурного наследия, то она достаточно хорошо освещена в литературе по истории искусства, поэтому упоминаться будет мельком.

Александр Николаевич Бенуа родился в международной семье. Его отец Николай Леонтьевич (Людвикович) Бенуа – знаменитый архитектор, происходил из крестьянского французского рода Бенуа, а мать – Камилла Альбертовна из зажиточного венецианского буржуазного рода Кавос. В семье была теплая, дружелюбная атмосфера, царил культ искусства. Вспоминая о детстве и отрочестве, Бенуа с любовью, уважением и мягким юмором обрисовал черты предков и родных [4; 5]. Н.Л. Бенуа был главным архитектором Петербурга, поэтому семья была близка к придворным кругам. В воспоминаниях и дневнике А. Бенуа можно найти меткие и емкие характеристики членов императорской семьи [1; 2; 3; 4; 5].

Из «Моих воспоминаний» мы узнаем, что в их роду причудливо переплелись французские, итальянские, немецкие корни, католичество и лютеранство, но не было «ни капли крови русской» [4, с. 11]. Этим многообразием кровей художник объясняет то, что он никогда не был патриотом страны (имеется в виду Россия). Однако в воспоминаниях и в дневнике он с такой глубокой нежностью, вниманием и болью пишет о России, особенно в годы войн и революций, что даже критические замечания воспринимаются как глубоко патриотичные. Художник был страстно влюблен в Петербург: «Я Россию как таковую, Россию в целом знал плохо, а в характерных чертах ее многое даже претило мне... Напротив, Петербург я люблю. Во мне чуть ли не с пеленок образовалось то, что называется “*patriotisme de clocher*”³. Я понимал прелесть моего города, мне нравилось в нем все...» [4, с. 9].

Любовь к Петербургу, признается Бенуа, достигла апогея, «именно в тот момент, когда Санкт-Петербург был переименован в ознаменование чудовищной международной, но главным образом европейской, распри (европейцы

3. Местный патриотизм (фр.).

против европейцев – “своя своих не познаше”). Тогда я с особой силой ощутил и то, что во мне живет *культ* Петербурга» [4, с. 10]. Этот культ сохранился у художника до конца жизни. На склоне лет, в эмиграции он признавался: «Теперь, оглаживаясь назад и лишенный всякой возможности туда вернуться, я любое изображение Петербурга представляю милым и любезным сердцу. Я трепещу, когда встречаю у букиниста хотя бы самую банальную фотографию, изображающую и наименее любимый когда-то уголок Петербурга» [4, с. 13].

Не менее эмоциональные строки художник посвятил любимым европейским странам: Франции, Италии, Германии, общей культурой, искусством и архитектурой которых он восхищался и наслаждался во время путешествий. Эта тоска по Европе особенно заметна в записях, сделанных в революционные годы. Например, в 1917 г. он пишет: «*Суббота, 29 июля*. Снова до боли захотелось туда, за границу, хотя бы во Франкфурт, в Висбаден, где прожито нами немало хороших минут и где можно будет отдохнуть в объятиях “гнилого Запада” от всего здешнего “здоровья”. А еще бы лучше на родину Джеммы⁴! Боже, неужели я так и не увижу больше Италии? Зачем тогда жить?» [2, с. 455].

Бенуа не получил профессионального художественного образования. Рисовать он начал чуть ли не с пеленок, впоследствии занятия с отцом и старшим братом, да и вся домашняя атмосфера способствовали развитию художественного таланта.

В 1890 г. Бенуа поступает на юридический факультет Санкт-Петербургского университета. В воспоминаниях автор признается, что ему сложно объяснить, что же побудило его идти именно в университет, да еще на юридическое отделение. Скорее всего некоторая сила инерции, обусловленная происхождением и кругом общения. Его друзья – С. Дягилев, В. Нувель, Д. Философов, Е. Калинин и др. – обучались в университете. Главным в университетские годы художник считает несколько моментов. Во-первых, много свободного времени позволяло молодым людям определиться и понять куда, в какую профессиональную область их тянет. Во-вторых, обучение на юридическом факультете дисциплинировало ум, знакомило с основными философскими системами. Бенуа было близко творчество Платона, Аристотеля и Декарта. И, наконец, в-третьих, именно в университетские годы сформировались и оформились политические взгляды художника: «Только теперь в ясную систему с отчетливой формулировкой стал складываться наш “консерватизм”, и только теперь я осознал, что я “по природе консерватор с монархическим уклоном”. Тогда же окончательно выработался во мне и

4. В это время А.Н. Бенуа читал повесть И.С. Тургенева «Вешние воды», Джемма – героиня повести. – Прим. Ю.В. Дунаевой.

самый “идеал монарха”, идеал, помогавший мне разбираться как в историческом прошлом, так и в современных российских и мировых обстоятельствах» [4, с. 632]. Далее Бенуа пишет: «Многое, что я, зараженный почти поголовным фрондерством русского общества, находил когда-то в правлении Александра III уродливым и даже возмутительным, стало теперь казаться необходимым или неизбежным. И обратно, если и раньше меня отталкивала от себя вся незрелая и часто просто глупая (“снобическая”, сказали бы мы сегодня) революционность, то теперь она представлялась мне преступной, фатально, неминуемо ведущей ко всякой “мерзости запустения”» [там же].

Бенуа отчетливо видел личные недостатки и слабые черты царствующей династии. Вот его характеристика последнего императора: «Николай II был “милым человеком”, но и слишком обыденным человеком, полным добрых намерений, но лишенным способности их проводить в жизнь. И главное – Николаю II не хватало тех особых данных, которые только и позволяют играть с достоинством роль главы и вождя исполинского государства...» [4, с. 633].

Еще одной чертой определяющей личность Бенуа был его убежденный пацифизм, которому он не изменил ни в годы Первой мировой войны, ни в революционные годы: «Мы оба, и я, и моя жена – абсолютные пацифисты, мы войну, как и всякое другое проявление бесовского начала, ненавидели всеми силами души...» [5, с. 357].

В 1917 г. 47-летний Бенуа – один из влиятельнейших и известных русских художников, лидер художественного направления, критик, историк искусства, признанный эксперт. Сфера его общения охватывала членов императорской семьи, художников, композиторов, писателей, философов, общественных деятелей, коллекционеров. Сложно перечислить даже часть тех, с кем Бенуа связывали дружеские или профессиональные узы. Помимо того, что он был одним из основоположников «Мира искусства», он участвовал в заседаниях «Религиозно-философского общества»; его критические искусствоведческие статьи публиковались в газетах «Слово» и «Речь». Он – автор искусствоведческих работ: четырехтомной «Истории живописи всех времен и народов» (1912–1917), «Истории русской живописи в XIX в.» (1901, 1902). Как театральный художник он запомнился в оформлении опер «Месть Амура» и «Гибель богов». К постановкам «Павильон Армиды» и «Петрушка» Бенуа не только создал декорации, но и написал либретто. Страстный театрал и балетоман возглавлял художественную часть «Дягилевских сезонов» в Париже, а в Москве некоторое время сотрудничал с К.С. Станиславским и В.И. Немировичем-Данченко. Книжная графика Бенуа – это блестящие иллюстрации к произведениям А.С. Пушкина и самобытная «Азбука в картинках» (1904). И все это – только часть многосторонней и разнообразной деятельности выдающегося человека.

Как же утонченный художник, христианин и пацифист переживал революционное лихолетье? Об этом подробно рассказывается в его дневнике – уникальном культурном и литературном памятнике. В самом Бенуа сочетались эмоциональная чувствительность и прозорливость, зоркий взгляд художника с критическим и логичным умом искусствоведа. Подобно летописцу он кропотливо запечатлевал свое видение нарастания и развития революционных событий.

С болью и горечью он писал о начавшейся войне, и 1 января 1917 г. художник вновь обращается мыслями к европейской войне: «Что-то принесет наступивший год? Только бы принес мир, а остальное приложится. А для того, чтоб был мир, нужно, чтоб люди образумились, чтоб возникла и развилась “воля к миру”... Это должно, наконец, стать очевидным даже таким тупицам, как Милюков и иже с ним, ведущим Россию к гибели во имя исповедуемой ими ереси! С другой стороны, глупость человеческая безгранична, всеильна, и весьма возможно, что мы так и докатимся до общего разорения и катаклизма!» [2, с. 64].

28 февраля 1917 г. он пишет: «А, пожалуй, это и РЕВОЛЮЦИЯ! ... На углу 1-й линии и набережной мы присоединились к кучке, читавшей ходивший по рукам бюллетень, озаглавленный “Известия”... В этих “Известиях” имеется сообщение с фронта, а за ним распоряжение Временного правительства: текст приказа о роспуске Гос. думы (уже показалось сегодня странным увидеть подпись “Николай”) и тексты двух телеграмм Родзянки с предостережением об “опасности для династии”» [2, с. 104–106]. В примечании к этой записи А. Бенуа отмечает: «В этот день (или на следующий?) я видел в руках одного обывателя лоскуточек бумаги с напечатанными на нем пунктами нового воинского устава – то был пресловутый Приказ № 1. Никакого особого значения я в тот момент этому приказу не придавал, да и видел я его только в этом *одном* экземпляре. Нигде на стенах он не был расклеен. Возможно, что на фронте это было иначе... Действие, однако, именно Приказа № 1 было, говорят, сокрушительным» [2, с. 107].

И тут же описания революционных событий дополняются взглядом художника: «На улицах и площадях, покрытых снегом и залитых солнцем, все кажется празднично-прекрасным. Уж не предсмертная ли это красота Петербурга?» [2, с. 106].

В тот же день Бенуа продолжает: «В общем, у меня впечатление как-то двойится. Многое из того, что видишь и слышишь, носит слишком случайный, бессвязный характер. Многие беспорядки, несомненно, не имеют какого-либо революционного смысла и вызваны паникой и негодованием при ощущении ныне уж *несомненно наступившего голода!* Но, может быть, многим руководит и чья-то воля.

Электричество и водоснабжение все еще, слава Богу, действуют (и ни на минуту не переставали действовать), и это, во всяком случае, *добрый* знак. Но магазины все закрыты, и торгуют лишь мелочные лавочки» [2, с. 108]. Как часто, впоследствии, с октября 1917 г. художник будет сетовать на постоянные и долгие отключения электричества, на темноту и холод в квартире. И это еще одна деталь повседневности революционной жизни.

Прогуливаясь по городу, художник видит пожар в Литовской тюрьме, видит, как горит особняк графа Фредерикса и как жгут архивы перед полицейскими участками. Вскоре его восприятие города меняется: «К этому моменту (было около 5 час.) вечером солнце уже совсем померкло из-за дыма пожаров, и все приняло сразу какой-то угрюмый и даже угрожающий вид» [2, с. 110].

В последующие дни Бенуа неоднократно отмечает продолжающееся общее разорение жизни: стали отключать электричество и телефонную связь, постоянные перебои с продуктами питания, на улицах беспорядки, трамваи почти не ходят. В то же время на улицах города много гуляющей публики, масса вооруженных солдат ходящих без дела.

В четверг 2 марта 1917 г. Бенуа узнает о задержании императора Николая II. И первая мысль о судьбе культурных сокровищ: «Тотчас же во мне проснулась острая тревога за Царскосельский дворец. Вообще, особенно страшно за все памятники, которые так или иначе “причастны к царизму”» [2, с. 114].

В этот же день он фиксирует свои впечатления от отречения Николая II: «Меня вообще поражает, что ни в чем не выражается *какое бы то ни было впечатление* от низвержения самодержца, “помазанника Божьего”! Точно этого и не произошло, точно никогда никто в России ни царствовал. Все принимают известия об его задержании, об его аресте как нечто *давно ожидаемое и естественное*. И не слышать о каких-либо самоотверженных героических выступлениях “наших роялистов”» [2, с. 115]. На следующий день 3 марта 1917 г. Бенуа записывает свои ощущения от происходящего и пытается предвидеть дальнейший ход революции: «У меня противное чувство, что мы куда-то *катимся* с головокружительной быстротой! Всего неделю назад мы жили в самой что ни на есть “абсолютной монархии”, а ныне мы чуть ли не в “федеративной республике”! Не то надо радоваться такой перемене, а не то — мы ударимся в какой-то хаос, из которого не выбраться...

Происходит, шутка сказать, *экзамен русскому народу*! “Альтернатива колоссального размаха”! Или народ обнаружит свою пресловутую, на все лады прославленную *мудрость*, и тогда он не только сумеет уберечь свою культуру, но даст ей еще решительный толчок, или в нем возьмет верх начало разрушительное — “Грядущий Хам” (все те элементы в характерно русской жизни, которые меня всегда коробили) — и тогда сначала хаос, а там и воз-

вращение в казарму, к Ивану Грозному, к Аракчееву, а то и просто – к Николаю II! Именно предвидится экзамен русскому народу, этой тайне, которая вот тут, под боком, точнее, которая окутывает нас со всех сторон и частями которой мы сами состоим, однако которую мы распознать не в силах: ни я, ни все мы, интеллигенты вместе взятые. Да и никто никогда *не знал*, что это такое – “народ”, а лишь ощущал как некий символ, причем делались чудовищные ошибки и в ту и в другую сторону. И вот эта-то тайна (даже оставаясь как бы инертной) явится теперь вершительницей не только наших узкорусских дел, но и судьбы всего мира!» [2, с. 119–120].

Вопреки своим намерениям и привычному для него положению вне политики Бенуа в первые же дни марта включился в работу по сохранению культурного наследия. «*Суббота, 4 марта. Очень выдающийся* в моей личной жизни день. Я покинул свою “хату с краю” и “пущен в коловорот”! Вытащили меня Гржебин, Добужинский, Петров-Водкин и больше всего сам Горький. Я бы предпочел остаться зрителем и в стороне – больно все, что творится, мне чуждо и уж очень отчетливо стал я видеть вообще суетную природу вещей. Но теперь мне не дадут опомниться и на попятный идти поздно. С другой стороны, те перспективы, что передо мной, не лишены даже известной грандиозности! Просыпается и какое-то чувство долга. Многое из того, что теперь может сделаться в специально художественной области, может быть сделано лишь при моем ближайшем участии, а то и – руководстве. Вот я взялся за ляжку, хоть и предвижу, что вся предстоящая деятельность будет одним сплошным разочарованием! Эх, был бы здесь Дягилев!» [2, с. 124–125].

В те дни А.М. Горький пытался объединить деятелей искусства, созвать «Учредительное Собрание по вопросам искусства» и выдвинуть кандидатуру министра искусства. Рассматривались кандидатуры Дягилева и Бенуа. Хотя художник сразу же отказался баллотироваться на высокий пост, он немедленно приступил к работе над концепцией этого учреждения. На следующий день 5 марта А. Бенуа, А. Горький, Ф. Шаляпин, К. Петров-Водкин, М. Добужинский и З. Гржебин отправились в Государственную думу. Картина предстает прямо-таки в духе Э.А. Гофмана, которого так любил Александр Николаевич. «*Воскресенье, 5 марта. Один из самых богатых впечатлениями* дней моей жизни! Я увидел собственными глазами и как бы нащупал наше новое правительство. Увы! Меня это не успокоило относительно будущего». У Таврического дворца, «у самых колонн портика среднего корпуса свалена *огромная* куча мусора: пустые коробки от консервов, банки, всякие бумажки, обеды – это отбросы трехдневного питания засевших в своей цитадели парламентариев. Пришлось через эту кучу перелезать. Под колоннами совсем тесно... Неумолкаемо трещит аппарат кинематографической съемки.

В дверях, ведущих внутрь дворца, давка. Караул солдат с большим трудом сдерживает напор... Густой смрад и туман от пыли и испарений стоит в ротонде, где биваком, прямо на полу, расположился значительный отряд солдат... В перистиле сутолока невообразимая, солдаты, чиновники, сестры милосердия, мужички в тулупах, горничные с подносами чая, телефонистки и переписчицы, офицеры, журналисты – все это снует в разных направлениях или топчется на месте. Впечатление вокзала на какой-либо узловой станции» [2, с. 131].

В этот день делегатам удалось попасть на прием к А.Ф. Керенскому и Бенуа метким взглядом художника запечатлевает основные черты и набрасывает даже своего рода психологический портрет правителя: «Создается атмосфера, напоминающая безумные главы в романах Достоевского. От природы уже испитое лицо Керенского сегодня показалось мне смертельно бледным. Совершенно ясно, что этот человек уже много ночей совсем не спал. ...Говорит он громко, моментами крикливо, высоким фальцетом, с головокружительной стремительностью и с легким пришепетыванием (происходящим от поджимания нижней губы). Изредка внезапно среди фразы он останавливается, кладет голову на ладонь, закрывает глаза, точно засыпает или впадает в обморочное состояние, но затем снова пускается вскачь, продолжая начатую и оборванную на полуслове фразу. После только что нами отведенной бездари и просто российской вялости Керенский производит необычайно возбуждающее впечатление, и определенно *ощущается талант*, сила воли и какая-то “бдительность”. О да! *Это прирожденный диктатор!* ... Именно такие люди, пусть лукавые, но умные, талантливые люди, одержимые бешеной энергией, а не “профессора” вроде Милюкова, или “кристально чистые” джентльмены вроде Н. Львова, или изящные монденные англومانьяки вроде Терещенко, могут сейчас сделать нечто действительно великое» [2, с. 137–138, 142].

Верный своему намерению Бенуа ездит по окрестностям города и осматривает замки. «*Среда, 8 марта*. Сегодня наконец состоялась наша поездка в Петергоф. Дивный яркий день без ветра» и далее характерные для революционных дней подробности: «Извозчики совершенно исчезли, трамваи еще не ходят. При входе в Балтийский вокзал грозные пулеметы... В Петергофе все как будто обстоит вполне благополучно...» [2, с. 150].

10 марта становится известно об отречении царя от престола: «Удивительно, как незаметно во всей заварившейся сутолоке проходит известие об *аресте* царя. Возмутительны все те пакости и пошлости, которые теперь изрыгают по адресу этого “лежачего” всякие негодяи вроде Шебуева и т.п.» [2, с. 159].

Как уже было отмечено, Бенуа не удалось полностью вывезти дневники. Впечатления о происходящем с 12 марта по ноябрь 1917 г. частично восста-

новлены им по памяти в 1950-е годы. Петербургский историк И.И. Выдрин нашел утраченную часть дневников и в последнем, полном издании она приводится [2, с. 197–468], так же как и записанное автором по памяти. Однако и там с 1 августа по 6 ноября 1917 г. записей нет.

К середине марта видно, что у Бенуа начинает накапливаться усталость от постоянных заседаний, поездок, многочисленных и продолжительных телефонных переговоров. Он отмечает, что почти не остается времени на творческую работу. 22 марта 1917 г. он переживает психологический кризис, его буквально обуревают мысли о продолжающейся войне, о необходимости заключить мир: «Ну, а в смысле внешних обстоятельств – все сводится к ощущению накапливающейся грозы. Гнёт при этом не столько то, что одна из молний может поразить тебя и твоих близких, а то, что, вообще, “страшен гнев Господень”. А гневу *нельзя не быть*... Более чем когда-либо я ощущаю всем своим существом, что *нужно кончать войну немедленно* и *во что бы то ни стало*, именно *нужно*! ... Нужно кончать, пока голод и вызванная им анархия и сами не прикончили нас (вместе со всем прекрасным, что имеется в культуре)... Всеми этими мыслями я буквально болен» [2, с. 220–221].

Но иногда в этой усталости и пессимизме пробиваются и радостные нотки. «*Воскресенье, 2 апреля*. Пасха. Чудный весенний день. Трамваи не ходят. На улицах масса народу, особенно солдат и девиц. Но порядок всюду образцовый. И вечером, на ночной службе, очевидцы говорят, что царил полный порядок и при самом благополучном настроении» [2, с. 244].

Весной-летом 1917 г. Бенуа снова возвращается мыслями к необходимости прекратить войну: «С одной стороны, мне как убежденному христианину просто претит от продолжения бойни, с другой – и в согласии с этим – я не мог не сознавать, что вся наша культура, весь наш быт “полетят к черту”, если будет продолжаться это убийственное духовное и материальное разорение страны. Произшедший только что государственный переворот я приветствовал исключительно как шаг *к миру*... Истинный патриотизм, казалось мне, заключается в предохранении, посредством любого мира, Родины от разрухи» [2, с. 174]. В этом отрывке содержится квинтэссенция пацифизма Бенуа и его истинного патриотизма. Казалось бы, это заявление противоречит тому, что он писал об отсутствии у себя чувства патриотизма в «Моих воспоминаниях». Но они были созданы на склоне лет, в эмиграции, в мирные годы. А в дневнике зафиксировано эмоциональное впечатление, вызванное переживаниями разрушения государства войной и революцией.

Летом 1917 г. в редакции газеты «Новая жизнь» Горький знакомит Бенуа с будущим министром просвещения Советской России Анатолием Васильевичем Луначарским: «Последний показался мне настоящим “шармером”. Разносторонняя образованность, прекрасное владение речью, “почти еврейская” приткость! ... Ко мне он отнесся с величайшим вниманием, как бы

даже предлагая свои услуги и содействие во всем, в чем он мог бы быть мне полезным» [2, с. 178–179].

В августе-сентябре 1917 г. Бенуа довольно часто общался с Луначарским «позиция которого стала все более уясняться для него же самого и расчет которого на большевиков как на *единственную* группу людей, способных вывести страну из катастрофического состояния, все более крепили. С другой стороны, все менее надежд теперь возлагали на все другие партии и менее всего на личность недавнего полубога – Керенского» [2, с. 185].

К октябрю, вспоминает Бенуа, «стало как-то для всех очевидно, что назревает нечто грозное и решительное, что близится катастрофа. Несомненно, было и то, что на сей раз выступают *большевики*... и теперь с каждым днем становилось яснее, что последнее слово в вопросе устройства страны будет произнесено не Временным правительством, а вот этими самими “страшными новыми людьми”... С осени городская жизнь в Петербурге возобновилась почти во всем своем объеме: театры играли, чиновники шли на службу, трамваи мчались по рельсам, телефон, электричество и газ действовали, но питание становилось все более затруднительным, хвосты удлинялись и все холоднее становилось в доме вследствие недостатка дров» [2, с. 186].

Важно отметить, что революционные дни осени 1917 г. описываются автором, к сожалению, по памяти, нет его непосредственных живых впечатлений. «В самый день переворота (25 октября / 7 ноября нов. ст.) я днем еще ездил по своим делам и, помнится, возвращаясь на трамвае, проезжал мимо Зимнего дворца... Почудилось только, что между горами сложенных дров движутся какие-то темные массы, но что они представляют собой, я не разобрал. Во всяком случае, я никак не ожидал, что “это на сегодня” и что мы *доживаем самые последние часы нашего “буржуазного строя”*» [2, с. 187].

Бенуа полон сомнений, стоит ли ему сотрудничать с новой властью, но страх за утрату культурного наследия, искреннее намерение сохранить то, что можно, перевешивают: «С одной стороны, меня побуждает род *долга* прийти на помощь людям, от которых теперь столь многое зависит и которые получили в свое распоряжение вещи, им совершенно чуждые, – как раз те самые вещи, которые мне дороже всего на свете... С другой стороны, я отлично вижу, что и эти новые люди легкомысленны и *нелепы* во всю русскую ширь... Во всяком случае, на меня, к великому моему ужасу, накатила вихрь такой же силы, как тот, что закрутил меня в марте, и во мне снова возникли всякие проекты и чаяния» [2, с. 482].

Однако, он сомневается в том, что сможет воплотить в жизнь свои проекты: «Мешает тому главным образом мой характер, лишенный личного мужества и избалованный “домашним халатом”. К тому же я *никакой социалист* и никак не гоюсь вообще к какой-либо политической деятельности» [2, с. 482–483]. Этот отрывок очень важен для понимания характера Бенуа.

Прежде всего мы видим, что в первые дни революции (эти записи сделаны 9 ноября 1917 г.) он сразу же задумывается о том, как помочь и спасти культурные ценности. Далее, он сомневается в своем личном мужестве, но спустя несколько лет, во время террора в 1921 г. он продолжал вести дневник, хотя мог за это поплатиться свободой: «Власти одержимы какой-то манией обысков и арестов, а дневники являются при этом всегда самым предательским материалом даже в тех случаях, когда они пишутся безобидными людьми, не принадлежащими ни к какой партии, а лишь записывающие то, что попадает в их узкий обывательский кругозор (как раз к таким людям принадлежу и я)... При этом дневниковые записи, оказывается, могут подвести десятки и сотни его близких и просто случайно встретившихся людей, ибо всякий записанный является для пресловутой Гороховой мотивом для задержания во имя контрреволюции» [3, с. 251].

Несмотря на все сомнения и колебания на протяжении ряда лет, вплоть до эмиграции, Бенуа занимал в Эрмитаже должность заведующего Отделами картинной галереи, Скульптуры новейших эпох (начиная с XVI в.) и Собрания гравюр и рисунков [2, с. 709]. Естественно, что он участвует в многочисленных заседаниях, комиссиях, часто общается с представителями новой власти, ведающими культурой и искусством: А.В. Луначарским, Л. Рейснер, А.М. Горьким и др. Интересны его впечатления об этих людях в первые месяцы революции. Например, о Ларисе Рейснер он пишет так: «Во время обеда (кушали у нас Стип и Эрнст) появилась, без предупреждения, прелестная Лариса, в каком-то китайском халатике, который ей очень к лицу». Рейснер, «очень милое, очень благожелательное существо», по оценке Бенуа, в это время чиновница особых поручений, занималась делами искусств, была секретарем Луначарского. «К сожалению, милая девушка лично ровно ничего не смыслит в искусстве (как, впрочем, и ее принципал, который только здорово об искусстве умеет растабаривать)» [2, с. 632–633].

Показательны впечатления Бенуа от одного из вечеров 1917 г. на квартире Горького, где собрались Ф.И. Шаляпин, Е.М. Терещенко, З.И. Гржебин, А.Н. Тихонов. «*Пятница, 22 декабря ... а весь вечер вышел одним из самых обывательских, ерундовых и просто бессмысленных. Зато опять-таки для историка быта и культуры тут нашелся бы чудесный материал. Именно то, что даже у Горького* могло в такие трагические дни говорить и думать подобное, показывает, что мы, что русские люди недостойны иной участи, которая ожидает наше общество и наше государство, наш русский народ. Я прямо не могу себе представить, чтоб такое общество, такое государство и народ оказались способными противостоять тому порабощению, которого они заслуживают. Наша судьба *должна* нас привести снова под какое-либо *иго!*

К сожалению, у меня нет того мастерства (Достоевского или того же Толстого), чтоб передать и запечатлеть такой *типичный* для данного момента русский вечер во всех подробностях. Вся соль его – в его обывательщине, в общем *тоне*, в скакании с одной темы на другую, в общем каком-то благодушии и оптимизме, под которыми кроется самое изумительное *легкомыслие*. И как раз в легкомыслии и фантастичности обвинял вчера Горький и Ленина, и Троцкого (“авантюристы” и т.д.)! – Особенно же досталось Луначарскому...» [2, с. 602].

В феврале 1918 г. Бенуа фиксирует еще одну интересную деталь: во время завтрака с друзьями А.М. Коллонтай заметила, что «для них [большевиков] было полнейшей неожиданностью, что они продержались больше месяца! Верит в их честность и добродетель (теперь уже общее мнение, что Ленин брал у немцев деньги, но надул их!)» [3, с. 33].

В записях за революционные годы автор часто и бесстрастно фиксирует разруху и разорение повседневной жизни, бытовые сложности. «*Понедельник, 25 декабря*. Убийственно действуют капризы электричества в эту темнейшую пору года. Сегодня электричество зажглось в 4 ч., но погасло в семь с половиной, снова зажглось в восемь с четвертью и уже совсем погасло в 10 ч. Я вижу в этом обещание гораздо более серьезных бед» [2, с. 611]. Спустя несколько дней он с восторгом описывает, как, невзирая на трудности, удалось купить керосиновую лампу: «...и ныне мы обладаем истинным шедевром безвкусия (розовый верх, подножие из персиков), но по крайней мере она заливает столовую светом, дающим и мне возможность писать эти строки» [2, с. 622]. Бенуа будет еще упоминать об этой безвкусной лампе, вокруг которой собирались близкие и гости, словно символу уюта той, утраченной жизни.

Но жизнь продолжала ухудшаться, в один из февральских дней 1918 г. он отмечает: «Хлеба дали сегодня на всю семью столько, сколько один из нас прежде получал в один прием». «В городе четко слышится возгласы: “Давай хлеба, не то убьем!”». В апреле: «Сказать кстати, дело с нашим кормлением все ухудшается. Жизнь дорожает с каждым днем. А эти безродные идиоты – истинные наследники царистских жандармов (но и дегенераты) – еще с величайшей энергией препятствуют, что попало реквизируют и свозят на списание на свои склады» [3, с. 37, 41, 129].

Внутренний конфликт с новой властью постепенно, но неуклонно назревает в душе художника. Всё происходящее, условия жизни напоминают о «Бесах» Достоевского. «*Воскресенье, 10 марта*. И еще раз скажу: о, Фёдор Михайлович, как вы были правы! В сущности, быть может, не стоит все подобное записывать, ибо именно вся эта свистопляска гениально запечатлена им раз и навсегда со всеми ее национальными особенностями. В сущности, даже достаточно просто ограничиться ссылкой на него» [3, с. 61]. На страни-

цах дневника «бесы революции» встретятся еще неоднократно, пойдет ли речь о событиях политических, или о ситуации в искусстве.

Бенуа принимает решение покинуть редакцию «Новой жизни». В письмах А.В. Луначарскому и А.М. Горькому изложены и кредо художника, и мысли о большевизме и социализме, и объясняются мотивы, побудившие его сотрудничать с большевиками. Приведем некоторые, наиболее показательные отрывки.

Из письма от 3 мая 1918 г.: «Анатолий Васильевич, Вы знаете, что я не социалист, и в социализм не верю, но Вы помните, что все же я в социализме видел выявление многих благородных человеческих убеждений и поэтому не могу отказать в своем сочувствии этой утопии... Но то, что творится сейчас, ...отравляет тех, кто видит в социализме добро, и ободряет тех, кто видит в социализме пришествие Хама. Внушительная природа социализма оказалась не прекрасной, а чудовищной, не человеческой, а дьявольской. Социализм оказывается даже не подлинным христианством, а каким-то его антиподом, учением величайшего зла, величайшей несправедливости, величайшего попрания личности, в сравнении с которым все прочее зло, бедствия все бывшие несправедливости и попрания явились попранием чуть ли не всего на земле...

Я же хочу свободы, вижу только в свободе, в *свободном* долге истинно человеческое. Напротив, социализм есть отрицание свободы личности, есть самое странное их лукавство, при воплощении государством, цезаризма, принуждения...

Я и предшествующий строй *не признавал*, не признаю и ни один из существующих или бывших строев. Именно потому, что я художник, я знаю слишком хорошо цену личной свободы, я влюблен в свободу» [3, с. 156–159].

На следующий день Бенуа пишет письмо Горькому, подтверждая свою позицию. Письмо от 4 мая 1918 г.: «...с социализмом я не имею ничего общего, да и никогда и не интересовался им, считая его религией весьма почтенной, но лишенной того, без чего трудно быть религией Бога. Я и не к *социалистам* шел, а шел к людям, *желающим водворить мир*. При этом меня вовсе не беспокоил вопрос будет ли этот мир “демократическим” или нет, просто потому что всякий мир “демократичен”, ибо снимает тяготы и нужду, лежащую наиболее удручающим бременем именно на трудовых массах» [3, с. 160–161].

Все-таки Бенуа находит решение, как он будет сотрудничать с новой властью не ущемляя при этом, по возможности, своих принципов и своей позиции. В письме к Луначарскому 14 мая 1918 г., он пишет: «В отдельных случаях, во имя охраны художественных интересов, я всегда буду готов помочь, если я это смогу сделать без чрезмерного усилия над собой. Но от этого и до того, чтобы превратиться в “социалистического государственника”, бес-

конечно далеко. Увы, я слишком люблю свободу. Я “слишком художник” для социализма» [3, с. 164].

Свобода человеческая и художественная понималась Бенуа в христианском духе: «Я же *не верю* в социализм, в самую его идею, лежащую в основе его. И не могу я верить в него, потому что я человек религиозный и не способен отрешиться от того, что недвусмысленно твердит мой отлично знакомый всякому религиозному сознанию голос. Твердит же моя совесть как об основном человеческом законе – о свободе. Я и Христа принял, потому что я пропитался им. Разумеется, я отчасти плохой христианин в смысле исполнения законов христианской веры (это уже другой вопрос – распушенность безобразия), но все же я принадлежность к Христу имею потому, что он учил о проявлении личной свободы и царстве Божьем, доступном для всякого, кто поверит, кого коснется благодать» [3, с. 158].

При анализе дневников Бенуа для настоящей статьи были сознательно отобраны те моменты, в которых запечатлены подробности жизни во время революции, описаны тревожные и горькие размышления о современной ему действительности и о будущем страны. Эти строки полны горечи и надежды, сомнений и колебаний, но, невзирая на это, утверждения своей позиции христианина, пацифиста, свободной творческой личности. Ярким поэтическим и художественным диссонансом горечи политических размышлений звучат поэтические строки, ообразившие восхищение природой: «*Понедельник, 17 июня. Пузырево... Передо мной из-за мелких оголенных кустов всяких пород вырисовывается японским изящным, жеманным и грустным силуэтом масса листвы, стелется какой-то бурлящий поток, переходящий из желтого в лиловый цвет неба. Видны зубчатые, острые вершины противоположного леса, пролегла узкая полоска серебристой ряби, опрокинутые макушки деревьев, и снова небо, лишь ненадолго посветлевшее вверх. Прямо посередине – желтая луна. От нее вверх и вниз на озере, у самых берез, на удалении перебегают движущие ряды зыби.*

Год назад здесь все было иначе. Как живуча и как торжествует природа...

Предо мной очарование, которым я любуюсь вот уже полмесяца, запечатлевая в акварельной, нежной, присущей этой местности технике рисования ведутов. С детских лет важно познавать и хранить тот уголок природы, который выпал на твою участь... И вот здесь, в родной России, я впервые создаю циклы акварелей окрестностей Петербурга и пейзажи Крыма. И эти произведения оказались так же востребованы, как и акварели Версаля, Парижа, Италии, Швейцарии» [3, с. 167–168].

В рамках статьи невозможно привести полностью заметки, зарисовки свидетельства и размышления Бенуа, его переживания и мысли. Для полноты картины следует обратиться к самим дневникам. Остается еще раз подчеркнуть, что превыше всего Бенуа ставил личную свободу художника, возмож-

ность творческой работы без оглядки на идеологические рамки. В мирные годы и время разрухи он всеми силами своего таланта приумножал и сохранял культурное наследие родного, обожаемого им Петербурга да и, пожалуй, всей страны. Когда же условия жизни и работы стали для него невыносимы, художник был вынужден покинуть родину и обосновался во Франции, на земле предков.

Библиография

1. Бенуа А.Н. Дневник. М.: Захаров, 2016. Т. 1. 1908–1916. 551 с.
2. Бенуа А.Н. Дневник. М.: Захаров, 2016. Т. 2. 1916–1918. 726 с.
3. Бенуа А.Н. Дневник. М.: Захаров, 2016. Т. 3. 1918–1924. 810 с.
4. Бенуа А.Н. Мои воспоминания. М.: Наука, 1990. Т. 1. 711 с.
5. Бенуа А.Н. Мои воспоминания. М.: Наука, 1990. Т. 2. 743 с.
6. Зайончковский П.А. Введение // История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. Аннотированный указатель книг и публикаций в журналах. В 5 т. М.: Книга, 1976. Т. 1. С. 3–15.
7. История в эго-документах: Исследования и источники. Екатеринбург: «АсПУр», 2014. 368 с.
8. Коротя Е.В. А.Н. Бенуа о причинах своей эмиграции // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. № 82–1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/a-n-benua-o-prichinah-svoey-emigratsii> (Дата обращения: 30.07.2018.)
9. Левинг Ю. Один день Александра Николаевича (Из неопубликованного дневника А.Н. Бенуа 1917 г.) // НЛО. 2002. № 58. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2002/58/odin.html> (Дата обращения: 30.07.2018.)

Refereces

- Benua A.N. Dnevnik. Moscow: Zaharov, 2016. Vol. 1. 1908–1916. 551 p.
Benua A.N. Dnevnik. Moscow: Zaharov, 2016. Vol. 2. 1916–1918. 726 p.
Benua A.N. Dnevnik. Moscow: Zaharov, 2016. Vol. 3. 1918–1924. 810 p.
Benua A.N. Moi vospominanija. Moscow: Nauka, 1990. Vol. 1. 711 p.
Benua A.N. Moi vospominanija. Moscow: Nauka, 1990. Vol. 2. 743 p.
Istorija v jeho-dokumentah: Issledovanija i istochniki. Ekaterinburg: «AsPUr», 2014. 368 p.
Korotja E.V. A.N. Benua o prichinah svoej jemigracii // Izvestija RGPU im. A.I. Gercena. 2008. N 82–1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/a-n-benua-o-prichinah-svoey-emigratsii> (Data obrashhenija: 30.07.2018.)
Leving Ju. Odin den' Aleksandra Nikolaevicha (Iz neopublikovannogo dnevnika A.N. Benua 1917 g.) // NLO. 2002. N 58. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2002/58/odin.html> (Data obrashhenija: 30.07.2018.)
Zajonchkovskij P.A. Vvedenie // Istorija dorevoljucionnoj Rossii v dnevnikaх i vospominanijah. Annotirovannyj ukazatel' knig i publikacij v zhurnalah. V 5 t. Moscow: Kniga, 1976. Vol. 1. P. 3–15.

Н.И. Бубнова

НОВАЯ СТРАТЕГИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ АДМИНИСТРАЦИИ Д. ТРАМПА

***Аннотация.** Возвращение конкуренции великих держав, а не терроризм, как это было ранее, объявлено основной угрозой США в опубликованной администрацией Дональда Трампа «Стратегии национальной безопасности». С приходом республиканского президента впервые за время после окончания холодной войны возвращается опора на силу в политике, делается ставка на рост военного потенциала, разрабатываются новые виды ядерных вооружений. Китай считается главным «вызовом». Но Россия также вызывает обеспокоенность в связи с наличием у нее ядерного оружия и ее противодействием американской политике, в том числе, как убеждены в США, в киберпространстве. Стремление Трампа «поладить» с Россией вызывает сопротивление политического истеблишмента и пока не находит воплощения в реальной плоскости.*

***Ключевые слова:** Трамп; США; «Стратегия национальной безопасности США»; конкуренция великих держав; гонка вооружений; стратегическая триада; ядерные вооружения; российско-американские отношения; украинский кризис; Сирия; Иран; американо-китайские отношения; северокорейская ядерная проблема; киберугрозы.*

Бубнова Наталия Игоревна – кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник НИ ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН.
E-mail: nataliaibubnova@gmail.com

N.I. Bubnova. Trump Administration's New National Security Strategy

***Abstract.** The article analyses Donald Trump's National Security Strategy and the document's key assumption that currently the renewed great power competition, rather than terrorism, constitutes the main threat facing the United States. It also investigates the implications of the resulting renewed emphasis on the role of military power, military build-up and development of 'more usable' nuclear weapons. Though all this is coupled with Trump's lack of interest in regime change or open-end interventions in various countries worldwide, the new US posture nevertheless does present challenges for Russia which are the focus of this piece.*

Keywords: *Trump; United States; US National Security Strategy; great power rivalry; arms race; strategic triad; nuclear weapons; US-Russian relations; Ukrainian crisis; Syria; Iran; China's rise; North Korean nuclear problem; cyberattacks.*

**Bubnova Natalia Igorevna – PhD (History), Leading Research Fellow,
Primakov National Research Institute of World Economy
and International Relations of the Russian Academy of Sciences.
E-mail: nataliaibubnova@gmail.com**

Во всех трех стратегических документах, принятых администрацией Дональда Трампа на рубеже 2017 и 2018 гг.: «Стратегии национальной безопасности» (СНБ), «Стратегии национальной обороны» (СНО) и «Обзоре ядерной политики» (ОЯП), называемом еще американской ядерной доктриной, констатируется, что теперь конкуренция великих держав, а не терроризм, как это было ранее, представляет главную угрозу для Соединенных Штатов. И несмотря на то что в СНБ дважды в различных контекстах в качестве главного вызова Соединенным Штатам по-прежнему указан терроризм, а еще в одном случае – экономическая безопасность, можно говорить об определенной переориентации установок Вашингтона.

Сторонники Трампа обращают внимание на то, что, несмотря на его зачастую непоследовательные действия, противодействие политического истеблишмента и Конгресса, он *step-by-step* реализует обещанное во время избирательной кампании: как и собирался, перекраивает условия торговли с различными странами, отказался от Парижского соглашения по климату, ввел запрет на въезд граждан из ряда мусульманских стран, прекратил участие США в Транстихоокеанском соглашении и переговорах о Трансатлантическом торговом и инвестиционном партнерстве, вышел из Иранской сделки, признал Иерусалим столицей Израиля и перенес туда американское посольство, вновь ужесточает отношения с Кубой, строит стену с Мексикой, отменяет условия пребывания в стране «дримеров» – иммигрантов, в детском возрасте незаконно привезенных в Америку, и принимает драконовские меры против нелегальных иммигрантов, предпринял усилия, чтобы договориться о денуклеаризации Корейского полуострова с Ким Чен Ыном.

Однако нормализация отношений с Россией в этом списке выполненных обещаний характерным образом отсутствовала, и сейчас перспектива их улучшения остается неопределенной. В данном материале на основе рассмотрения основных американских стратегических документов и конкретных действий и программ администрации США делается попытка описать ключевые аспекты современного американского внешне- и военно-политического курса в контексте ее представлений о «конкуренции великих держав».

Россия: Вызов или «поладить»?

В СНБ указывается, что главными задачами США являются противостояние «российской подрывной деятельности и агрессии и угрозам со стороны Северной Кореи и Ирана» [11, р. 48]. Авторы СНБ обвиняют Москву в подрывных действиях в мире, намерении расколоть НАТО и ЕС, стремлении к территориальной экспансии и создании угроз для соседних стран – в подтверждение чему приводят присоединение Крыма, войну в Грузии и события на Донбассе.

С одной стороны, известно, что Трамп неоднократно говорил, что хочет «поладить с Россией». Несмотря на кризис в российско-американских отношениях, а может быть, напротив, под его влиянием, по сравнению с 90-ми и нулевыми, вернулось осознание их важности.

Но, с другой стороны, на фоне антироссийской истерии, обвинений России во вмешательстве в американские выборы и ведущегося расследования по поводу предполагаемого «сговора с русскими» представителей вашингтонской администрации и самого Трампа его внешнеполитические prerogatives оказались ограничены, а сам он в значительной степени скован в своих действиях в отношении России. Первоначальные намерения Трампа отменить санкции не были реализованы, а напротив, в несколько заходов вводились новые. За первые полтора года состоялись только две его встречи с российским президентом В. Путиным и обе – на полях других мероприятий: сначала саммита Большой двадцатки в июле 2017 г. в Гамбурге и затем в ноябре во время юбилейного форума АТЭС в Дананге во Вьетнаме. Полноценного двустороннего российско-американского саммита в Хельсинки пришлось ждать до самой середины 2018 г. А намеченные были встречи сначала в Париже, а затем в Буэнос-Айресе в Аргентине в рамках саммита Большой двадцатки были отменены – вторая после инцидента с украинскими военными кораблями в Азовском море.

В августе 2017 г., по требованию Вашингтона, было закрыто российское генеральное консульство в Сан-Франциско и заблокированы здания торговых представительств в Нью-Йорке и Вашингтоне, не были возвращены опечатанные при предыдущей администрации принадлежащие России базы отдыха около Нью-Йорка и Вашингтона. После произошедшего в английском Солсбери отравления бывшего сотрудника российских спецслужб С. Скрипаля, являвшегося двойным агентом, и его дочери – в котором обвинили Москву – были высланы 60 российских дипломатов и закрыто еще одно генеральное консульство и резиденция генконсула в Сиэтле. Недружественные шаги против России, несмотря на посещение Москвы в июле 2018 г. группой высокопоставленных сенаторов-республиканцев, продолжались вплоть до самой встречи двух президентов в Хельсинки 16 июля. Против 12 российских

граждан – по официальным американским данным, сотрудников ГРУ – было выдвинуто обвинение в непосредственном участии в кибервмешательстве в американские выборы, а буквально накануне саммита в Вашингтоне арестовали российскую студентку М. Бутину по обвинению в деятельности с целью оказать влияние на американских чиновников, осуществлявшейся без требуемой регистрации в качестве иностранного агента.

А результаты самого саммита, который американский президент назвал «очень хорошим началом», были встречены неожиданным для него девятым валом негодования со стороны не только демократов и либералов, но и значительной части республиканского истеблишмента, в том числе обычных союзников Трампа: лидера республиканского большинства в Сенате М. Макконнелла и бывшего спикера Палаты представителей Н. Гингрича. Все это происходило на фоне предшествовавшего хельсинкской встрече саммита НАТО, где Трамп критиковал союзников и назвал ЕС «врагом» (foe). В Вашингтоне множились обвинения президента в измене, в том, что «он встал на сторону Москвы», «выглядел слабаком», стоя рядом с Путиным на пресс-конференции, что объявил «глупость и тупость» США причиной кризиса отношений и, наконец, что громогласно и решительно не потребовал от России прекратить кибервмешательство и даже снова, как говорил когда-то, сказал, что не видит причин, почему Россия могла стоять за кибератаками.

После саммита негативные действия в отношении России продолжились. 3 августа в Сенате США на двухпартийной основе был выдвинут законопроект под названием «Защита американской безопасности от кремлевской агрессии», предусматривающий, в частности, санкции против российского государственного долга и проекта «Северный поток-2». В этом законопроекте впервые предлагалось рассмотреть, имеется ли «достаточно оснований» для признания России «государством – спонсором терроризма». А 6 августа – в тот самый день, когда Москву с миссией по налаживанию отношений посетил конструктивно настроенный сенатор от Кентукки Р. Пол – Государственный департамент объявил о намерении ввести с 22 августа новые санкции в связи с отравлением Скрипалей. А после инцидента в Азовском море Белый дом предъявил России фактический ультиматум, потребовав в течение 60 дней выпустить задержанных украинских моряков. В такой же ультимативной форме было сделано заявление, последовавшее за оглашением намерения Вашингтона выйти из Договора РСМД: от Москвы потребовали устранить якобы имеющиеся нарушения документа в течение тех же 60 дней, пригрозив в противном случае привести решение в действие.

Однако в ОЯП подчеркивается, что Соединенные Штаты не хотят рассматривать Россию и Китай в качестве противников, а стремятся к стабильным отношениям с ними. В Вашингтоне, помимо всего прочего, не могут не

опасаться еще большего сближения Москвы с Пекином вследствие усиления американского давления.

В СНВ говорится, что в Вашингтоне «рассмотрят возможность заключения новых договоров по контролю над вооружениями, если они послужат стратегической стабильности и будут поддаваться верификации» [11, р. 31]. Однако, как уже указывалось выше, в ноябре 2018 г. Вашингтон заявил о намерении выйти из Договора РСМД, а в Конгрессе был выдвинут законопроект о запрете финансирования продления пражского Договора СНВ. В случае разрушения этих двух важнейших документов будут поставлены под сомнение усилия по противодействию распространению оружия массового поражения, предотвращению размещения ударных вооружений в космосе и др.

Среди других значимых направлений деятельности, выделенных в СНВ в качестве приоритетных, указаны совместные контртеррористические действия с союзниками и партнерами. В ходе саммита в Хельсинки обсуждалось воссоздание совета по вопросам борьбы с терроризмом на уровне заместителей глав внешнеполитических ведомств, а также, возможно, – на уровне советника по национальной безопасности, с американской стороны, и его коллеги – с российской. Меры по контролю над вооружениями, совместная контртеррористическая работа особенно важны в связи с появлением новых видов вооружений и происходящим наращиванием военных потенциалов [3, с. 161–178].

На пороге или уже через порог гонки вооружений?

В ОЯП подтвержден взятый еще при Бараке Обаме курс на модернизацию всех трех компонентов стратегической триады (межконтинентальных баллистических ракет (МБР), тяжелых бомбардировщиков, стратегических подводных лодок), а также обновление парка самолетов двойного назначения за счет многоцелевых самолетов F-35 и предназначенных для их оснащения крылатых ракет и ядерных бомб свободного падения. При этом окончательное решение о вводе в строй чрезвычайно дорогостоящих самолетов F-35 было принято именно при администрации Трампа. Всё это объясняется «необходимостью адекватного ответа на дестабилизирующие действия» России, которая в американской ядерной доктрине по-прежнему рассматривается как главный ядерный оппонент США и единственная страна, имеющая паритет с США в ядерной сфере.

В ОЯП также обнародованы планы создания нового типа крылатых ракет морского базирования (которые в период администрации Обамы было решено ликвидировать) и боеголовок пониженной мощности для баллистических ракет на подводных лодках. Оба этих вида вооружений, указывается в доку-

менте, призваны купировать представление, которое, как считают в Вашингтоне, имеется у российской стороны: будто бы можно использовать ядерное оружие в конвенциональном конфликте, чтобы закончить его на выгодных для себя условиях (так называемая концепция «эскалации для деэскалации»). Однако в действительности новые американские системы вооружений сами по себе снижают порог ядерной войны и тем самым повышают опасность ее возникновения. На это указывают многие эксперты как в России, так и в самих Соединенных Штатах. Тем не менее – и это тоже важно – в СНБ говорится, что «Соединенные Штаты не нуждаются в том, чтобы угнаться в размерах своих ядерных арсеналов за другими державами...» [11, р. 30], а в новой американской ядерной доктрине содержится отказ от стремления к паритету с Россией по количеству развернутых тактических ядерных вооружений.

Тем не менее продолжают, хотя и в замедленном темпе, работы по созданию систем Быстрого глобального удара (БГУ): высокоточных стратегических неядерных вооружений (новых крылатых ракет, гиперзвуковых ракетно-планирующих аппаратов, МБР и баллистические ракеты подводных лодок (БРПЛ) с неядерными боеголовками), которые, наряду с противоракетными системами, являются предметом особой озабоченности в России. Но если в предыдущем, опубликованном при Обаме в феврале 2010 г., «Обзоре оборонной политики США» [12] подчеркивалась приоритетность развития систем БГУ, а представленные тогда же планы Пентагона предусматривали увеличение расходов к 2015 г. по программе БГУ почти в 3 раза по сравнению с последним годом правления администрации Дж. Буша-мл., то в дальнейшем необходимость секвестирования бюджета Министерства обороны, а также череда неудачных испытаний привели к существенному замедлению программы.

Хотя в СНБ сказано, что американская система противоракетной обороны «сфокусирована на Иране и Северной Корее» и «усиленная противоракетная оборона не предназначена для того, чтобы подорвать стратегическую стабильность и нанести долгосрочный ущерб стратегическим отношениям с Россией и Китаем» [11, р. 8], тем не менее идет полным ходом размещение систем ПРО в Румынии, Польше и в Средиземном мире, а также было принято их развертывание в Японии, Южной Корее и на кораблях в Тихом океане. Республиканская администрация увеличила расходы на систему перехвата баллистических и крылатых ракет более чем в 1,5 раза по сравнению со временем Б. Обамы (с 8 до 12,9 млрд долл. в 2019 г.) [8]. Однако в связи с увеличением опоры на ядерную составляющую американского потенциала сдерживания системам ПРО и системам быстрого глобального удара, как считает академик А. Арбатов, будет, вероятно, придаваться меньшее значение в Вашингтоне [1].

Определенное внимание в американских стратегических документах уделено и космическому оружию – хотя и в общих формулировках и в основном в контексте возрастающих угроз для Соединенных Штатов со стороны других стран. Вывод обычного оружия в космическое пространство не подпадает под ограничения Договора о космосе 1967 г., и в американской СНБ космос рассматривается – наряду с другими средами – как возможное боевое пространство. Через месяц после опубликования ОЯП Трамп объявил о создании Космических войск.

В качестве еще одной новации в СНБ допускается возможность того, что какая-то держава может напасть на Соединенные Штаты без применения ядерного оружия, и выдвигается тезис, что американские Вооруженные силы должны быть готовы к ведению войн с применением обычных вооружений в Европе и Восточной Азии. В трех нормообразующих документах, принятых в Вашингтоне зимой 2017–2018 гг., подчеркивается необходимость сохранения превосходства в обычных вооружениях (в СНБ это названо «сверххранимыми силами»), хотя и оговаривается, что оно не является обязательным во всех сферах, во всех видах оружия. Впервые за период после завершения холодной войны говорится о необходимости увеличения численности Вооруженных сил США при их одновременной модернизации и повышении боеготовности. Хотя речь идет о сравнительно незначительном увеличении личного состава: в 2019 г. их численность с 1300 тыс. возрастет на 15 600 человек.

В европейских странах размещены 60 тыс. американских солдат и офицеров. Это в 8 раз меньше, чем было во времена холодной войны, и в СНБ подтверждается курс на укрепление Сил быстрого реагирования и Объединенных сил повышенной оперативной готовности НАТО. На саммите Альянса в июле 2018 г. было принято решение об увеличении вдвое – на 30 тыс. человек – Сил быстрого реагирования. Расходы на осуществляющуюся с лета 2014 г. программу «Обеспечение европейской безопасности», переименованной при Трампе в программу «Обеспечение сдерживания в Европе», были дополнительно увеличены в мае 2017 г. на 40% по сравнению с ранее одобренными: всего на нее при Трампе было затрачено 11 млрд долл. и на 2019 г. выделено 6 млрд [15].

Между тем, однако, по-прежнему сохраняется ротационность развертывания американских войск в Европе. Условия, оговоренные в основополагающем акте Россия – НАТО от 1997 г., пока не нарушены, не превышены и показатели, установленные не ратифицированным, но тем не менее до сих пор выполняемым Адаптированным договором об обычных вооруженных силах в Европе от 1999 г. Однако рассматриваемая возможность размещения в Польше американской военной базы на постоянной основе привела бы к изменению этого статус-кво.

С американской стороны настойчиво звучат требования к союзникам обеспечить «более справедливое» распределение усилий и выполнить решение о 2%-ных тратах на военные нужды от их соответствующих национальных бюджетов (а с недавнего времени Трамп заговорил уже о 4%). Следует между тем отметить, что эти призывы и давление США уже возымели реальный результат: совокупные военные траты стран Альянса в годовом исчислении превысили в 2017 г. исторический максимум.

На саммите НАТО в июле 2018 г., кроме того, было принято решение о создании Центра управления кибероперациями и двух новых командований Альянса: по Атлантике, которое займется защитой водных коммуникаций между Америкой и Европой, и по логистике в Европе, которое в случае необходимости должно обеспечить более оперативную переброску вооруженных сил и вооружений. Это первая после завершения холодной войны модернизация структуры командования НАТО. Было также решено выделить из общего состава вооруженных сил Альянса дополнительно 30 больших кораблей, 30 тяжелых и средних маневренных батальонов и 30 эскадрилий – которые должны находиться в состоянии боеготовности, позволяющем им не позднее чем через 30 дней приступить к выполнению боевых задач. Хотя речь в данном случае и не идет об увеличении имеющейся численности войск, эта конкретная мера военного характера, по словам М. Помпео, предназначена для «сдерживания России». На территории стран Восточной Европы, Украины, Грузии проходят военные маневры НАТО (всего 150 на европейской территории за 2018 г.), участились облеты самолетов в Балтийском и Черном морях, сопровождающиеся иногда их опасным сближением с российскими самолетами.

В 2017 г. Черногория, а в 2018 г. Македония стали членами НАТО. В американских стратегических документах подтверждается приверженность НАТО и обязательства по предоставлению «ядерных гарантий» безопасности союзникам и партнерам США (их имеют в совокупности более 30 стран, включая европейские государства и Турцию, а также страны Азиатско-Тихоокеанского региона и акватории Индийского океана). На саммите Альянса в июле 2018 г. было также подтверждено обещание принять Грузию в НАТО. Несмотря на то что конфликт на Донбассе и не позволяет киевскому руководству – в соответствии с уставом этой организации – рассчитывать на скорое вступление в Альянс, для нее на саммите был принят так называемый «План действий по членству», являющийся очередным шагом на пути к интеграции с Альянсом, членство Украины в котором является совершенно недопустимым с точки зрения российской стороны.

Украинский конфликт и «третий трек» переговоров

В ходе избирательной кампании Трамп неоднократно давал понять, что не заинтересован в «вовлечении» США в решение украинской проблемы. Однако под давлением американского политического истеблишмента и Конгресса произошла определенная активизация непосредственного участия Белого дома в попытках урегулирования украинского конфликта. Тому первым свидетельством было создание должности специального представителя Вашингтона по Украине, которым был назначен К. Волкер [10]. Последний хоть и не получил статуса заместителя государственного секретаря, тем не менее стал внутри администрации «тем человеком, с которым можно говорить по поводу Украины». С его назначением два существовавших до того времени формата, в которых обсуждалось урегулирование на Украине: «нормандский» (Россия, Украина, Франция, ФРГ) и контактная группа (ОБСЕ, Украина, РФ, ДНР и ЛНР) были дополнены периодически происходившими переговорами между возглавляемой К. Волкером американской делегацией и российской делегацией под руководством В. Суркова.

К. Волкер неоднократно заявлял, что Россия является стороной конфликта и, следовательно, виновата в том, что происходит на востоке Украины. А назначенные весной 2018 г. советник президента США по вопросам национальной безопасности Дж. Болтон и государственный секретарь М. Помпео также были известны своей жесткой антироссийской позицией по украинскому вопросу. Они считают Россию «государством-агрессором», а ДНР и ЛНР – «марионеточными образованиями».

Однако несмотря на это, США, Франция и ФРГ, с одной стороны, и Россия – с другой, часто выступают «с жестких позиций», но они тем не менее периодически артикулируют приверженность Минским соглашениям. Вместе с тем с американской стороны в неофициальном порядке подтверждали, что осознают, что украинский президент П. Порошенко просто «не может» пойти на выполнение Минских соглашений, поскольку в таком случае рискует быть сметенным со своего поста украинскими националистами. С целью реанимировать Минские соглашения была выдвинута идея о введении миротворческих сил ООН в зону конфликта, озвученная президентом Путиным 5 сентября 2017 г. на пресс-конференции по итогам саммита БРИКС в китайском городе Сямень [7].

Серьезным фактором в усугублении конфликта стало, однако, принятое американской администрацией решение об отправке на Украину «летального оборонительного оружия»: противотанковых ракетных систем «Javelin» и средств ПВО (также были одобрены поставки противотанковых систем в Грузию). На это – несмотря на значительное внутривластное давление

и многие санкционирующие подобный шаг резолюции Конгресса – не решился в свое время Б. Обама. Всего на военную помощь Украине в американском бюджете на 2018 г. было выделено 200 млн долл., а в 2019 г. – уже 250 млн: из них 50 млн на «летальные» вооружения.

Хотя сам Д. Трамп на пресс-конференции после саммита НАТО, как неоднократно и ранее, не исключал возможности признания Крыма в составе России, но «Крымская декларация», выпущенная Государственным департаментом через неделю после его саммита с Путиным, поставила точку в кривотолках вокруг позиции администрации по Крыму. При всем том, что «Крымскую декларацию» многие в США сочли инструментом «сдерживания» Трампа, в документе однозначно сказано, что США не признают и не признают Крым российским и требуют «прекратить оккупацию» полуострова.

Но улучшение российских отношений с Западом возможно только в контексте урегулирования украинского конфликта. По итогам встречи с Д. Трампом в Хельсинки В. Путин рассказал, что в ходе беседы обсуждались некие «новые идеи» в отношении урегулирования на Украине. Однако последовавшие внутривластные пертурбации в связи с расследованием «русского досье» в США и обострение ситуации в результате инцидента с украинскими кораблями в Азовском море осложнили российско-американское взаимодействие, в том числе и на данном направлении.

Киберхайп или «третий русский перепуг»

Упоминания о кибератаках и киберугрозах встречаются по всему тексту СНБ. Но только Россия конкретно именуется в специальном посвященном этому разделе. «Сегодня такие субъекты, как Россия, используют информационные инструменты, чтобы попытаться разрушить легитимность демократий. Противники выбирают в качестве своих целей СМИ, политические процессы, финансовые сети и персональные данные» [11, р. 14], – указывается в документе. Показательно, что это единственный случай в тексте, когда Россия, пусть и косвенно, обозначается в качестве противника (хотя про киберугрозы в других разделах также говорится и в контексте противостояния с Китаем, Ираном, Северной Кореей и др.). К лету 2017 г. Трамп признал факт российского кибервмешательства в выборы, но продолжал делать упор на то, что никакого сговора «с русскими» у него не было, а «вмешиваться могли и другие страны». Как бы то ни было, специально созданная комиссия под руководством Р. Мюллера продолжает расследование, практически ежедневно поставляя горячие новости на первые страницы газет и в ведущие новостные радио- и телепередачи и вызывая все новые и новые отставки и подозрения в «связях с русскими».

Дж. Болтон и многие другие американские политики называли кибервмешательство в американские выборы «актом войны», сравнивали его с нападением японцев на Перл-Харбор и с атакой террористов на башни-близнецы. А 3 августа 2018 г. с заявлением о подготовке России к кибервмешательству в выборы в Конгресс и в президентские выборы выступили руководители всех спецслужб США. В тот же день в Сенат США был внесен уже упоминавшийся выше законопроект под названием «Защита американской безопасности от кремлевской агрессии». А 5 августа временный поверенный в делах России в США Д. Жирнов был вызван в Государственный департамент для объяснений по поводу использования аккаунтов в социальных сетях для «продвижения насилия и раскола» [14] в США.

Впору говорить не только о возобновлении холодной войны, но и о новом – третьем по счету (если считать «Красный испуг» в США после Октябрьской революции и времена маккартизма 50-х годов) – периоде гипертрофированных страхов по поводу «русского вмешательства»: на этот раз в виртуальном и информационном пространстве.

В августе 2017 г. было принято решение о повышении роли американского Киберкомандования до полноценного командования, с функционалом планирования и расходования бюджета и осуществления оперативной деятельности, аналогичными тому, который имеется у других командований. Новым директором Агентства национальной безопасности весной 2018 г. был назначен бывший высокопоставленный сотрудник Киберкомандования генерал-лейтенант П. Накасоне. На встрече Большой семерки в Канаде в июне 2018 г. было принято решение о создании совместного «Механизма быстрого реагирования» – некой системы совместного информационного противодействия, призванной обеспечить скоординированные меры стран-участниц в случае внешнего вмешательства в проходящие там выборы или попыток информационного манипулирования. А по решению Брюссельского саммита НАТО, как уже упоминалось выше, был создан Центр управления кибероперациями Альянса. Не скрывается, что в обоих этих случаях речь идет в первую очередь о противостоянии с Россией. Многие комментаторы истолковали содержащиеся в ОЯП положения как констатацию готовности Вашингтона ответить ядерным ударом на крупную кибератаку, поражающую национальную инфраструктуру, энергетическую систему и гражданские объекты. Хотя в самом тексте напрямую об этом не говорится, однако даже такое косвенное допущение целым рядом экспертов признается в высшей степени опасной – а некоторые считают, что самой опасной – новацией документа.

Если еще несколько лет назад упоминались только лишь «действия по защите от кибератак», то теперь открыто говорится и про возможность осуществления Соединенными Штатами наступательных киберопераций, и не только в военное время [11, р. 27]. Причем в соответствии с принятыми летом

2018 г. решениями администрации Трампа было отменено требование принятой еще при Обаме Директивы № 20, предписывающее необходимость межведомственного согласования для совершения подобных киберопераций.

В подобной ситуации нарастающего киберпротивостояния еще более насущной становится необходимость возобновления двустороннего диалога по кибербезопасности. Этот вопрос был поднят еще во время самого первого телефонного разговора Путина с Трампом, но в двух столицах по-разному истолковали результаты состоявшейся дискуссии. Затем почти то же самое повторилось после встречи в Гамбурге, где Д. Трамп выдвинул предложение о совместном противодействии киберугрозам, а затем сам же менее чем через сутки дезавуировал его. Безусловно, двустороннее обсуждение вопросов кибербезопасности и совместная выработка мер по противодействию киберпреступности осложняется истерией, связанной с обвинениями в адрес России во вмешательстве в американские выборы и ведущимся расследованием по поводу «сговора» Трампа с Кремлем. В феврале 2018 г. американская делегация не прилетела на переговоры с российской делегацией в Женеву. На этих переговорах должны были обсуждаться вопросы запрета военной деятельности в киберпространстве. Однако некоторые американские эксперты, такие как, например, С. Коэн, солидаризируясь в этом с самим Д. Трампом, утверждают, что развязанная в США кампания наносит больше вреда американской безопасности, чем то кибервмешательство, которое могло явиться ее причиной.

Противостоять «китайскому цунами»

Во всех трех основополагающих американских документах Россия и Китай упоминаются «в связке». Однако в первых двух – «Стратегии национальной безопасности» и «Стратегии национальной обороны» – сначала в этой паре указан Китай. И только в ОЯП сохранен привычный, принятый раньше порядок перечисления этих двух стран. Таким образом, очевидно, что во всех других сферах, кроме ядерной, Китай в настоящее время представляется Вашингтону более существенным «вызовом». ЦРУ заявило, что Китай ведет холодную войну против США и стремится заменить США в качестве глобального лидера. А в публикациях американских экспертов обращается внимание на то, что Китай принял новую военно-политическую доктрину, предусматривающую создание зарубежного воинского контингента, строит военную базу в Джибуте на Красном море и в других регионах мира, включая Латинскую Америку.

Кроме того, что не менее важно, Китай имеет огромный профицит в торговле с США и не только расширяет влияние в собственном регионе, но и ведет активную экономическую экспансию в Евразии (проект «Один пояс –

один путь»), Африке, Латинской Америке. В СНБ утверждается, что он «приобрел свою экономическую базу» в Европе. А для ряда стран Латинской Америки именно Китай, а не Соединенные Штаты, является крупнейшим торговым партнером. Выйдя из Транстихоокеанского партнерства, Вашингтон продемонстрировал, что «если для администрации Обамы ТТП был одним из основных инструментов ограничения экономического и политического могущества Китая, то администрация Трампа, очевидно, в решении той же самой задачи будет делать ставку на жесткий протекционизм и военно-политические механизмы» [5]. Показательно, что Трамп воздержался от личного участия в двух крупнейших экономических мероприятиях региона, в том числе саммите АТЭС во вьетнамском Дананге 10–11 ноября, послав на эти мероприятия своих представителей. В результате непростых переговоров и государственных визитов Си Цзиньпина в Мар-а-Лаго 6–7 апреля 2017 г. и Д. Трампа в Пекин 8–10 ноября того же года Пекину и Вашингтону удалось договариваться о компромиссах и крупных торговых сделках. Но потом Белый дом отходил от принятых ранее решений и договоренностей, снова применял экономическое давление, действовал тарифами и угрозами их применения. На встрече в ходе саммита Большой двадцатки в Буэнос-Айресе Д. Трамп и Си Цзиньпин согласовали на двусторонней основе решение отложить дальнейшее повышение тарифов на 90 дней, но получится ли на основе этого решения достичь долгосрочного соглашения, покажет будущее.

В первую очередь имеется в виду Китай, когда в СНБ формулируется стратегическая цель не допустить ни в каком регионе мира доминирования одной державы. Характерно, что в СНБ – в отличие от документов времен администрации Б. Обамы – теперь говорится не об Азиатско-Тихоокеанском, а об Индо-Тихоокеанском регионе, что свидетельствует о намерении «подтянуть» не только Индию «в качестве еще одной балансирующей державы» [6], но также и Австралию с Индонезией и другие дружественные США страны региона. Попутно заметим, что в ОЯП – американской ядерной доктрине, провозгласившей страновые стратегии «индивидуального покрова», – «крой-ка» и идентификация регионов остались без изменения.

Американское руководство неоднократно обвиняло Китай в давлении на соседние страны, выражало недовольство по поводу китайских военных маневров, возмущалось, что Китай возводит искусственные острова в Южно-Китайском море, что может превратить его акваторию во внутреннее море КНР – с соответствующим ограничением доступа к американским военным базам [2, с. 148–149].

Известно, что Трамп в декабре 2016 г., только готовясь занять президентское кресло, делал противоречивые заявления насчет Тайваня и политики «одного Китая». Однако затем «одумался» и в феврале 2017 г. в телефонном разговоре с Си Цзиньпином подтвердил приверженность принципу «Одного

Китая». Однако шаги в сторону Тайбэя, предпринимаемые Вашингтоном, не могут не вызывать озабоченности Пекина.

Американские ВМС регулярно проводят операцию под названием «Свобода судоходства» – направляя в Южно-Китайское море свои военные корабли. В Вашингтоне призывают другие страны региона также принимать участие в этой операции и поставляют дружественным им государствам региона вооружения и военную технику. Американские самолеты – несмотря на китайские предупредительные меры – совершают облеты над возведенными китайской стороной островами в Южно-Китайском море и осуществляют аэросъемку активно осуществляемого там гражданского и военного строительства.

Это не мешает, однако, американской администрации параллельно и настойчиво предпринимать попытки воздействовать на Северную Корею через Китай, который Трамп еще во время избирательной кампании обвинял в том, что тот не «приструнил» КНДР.

**Сирия: «Ускользающее сотрудничество»
или смена парадигмы урегулирования конфликта?**

Придя в Белый дом, Трамп намеревался сократить американское военное присутствие на Ближнем Востоке, критикуя предыдущие администрации за то, что на войны в регионе те в совокупности потратили 7 трлн долл. Как и Обама, он исходил из того, что Соединенные Штаты уже больше не нуждаются в ближневосточной нефти, поскольку – с появлением сланцевой нефти – стали в этом плане более чем «самодостаточной» страной: в СНБ многократно повторяется тезис об американском «энергетическом доминировании». Однако, несмотря на дававшиеся обещания, всеобъемлющей ближневосточной стратегии Белым домом представлено не было, а уход США из региона не состоялся. Хотя точных данных относительно численности американского воинского контингента в регионе теперь, по указанию Белого дома, не сообщается, считается, что в Сирии находятся около 22 тыс. американских военных.

В ходе избирательной кампании Д. Трамп говорил о возможности сотрудничества с Россией в совместной борьбе с запрещенной в России террористической организацией ИГИЛ. Хотя Трамп осуждал российские бомбардировки в Алеппо, он не исходил из априори негативного представления о российских действиях в Сирии. Трамп не говорил, как это делала его оппонент на выборах, об однозначной американской «поддержке суннитов», которая безусловно привела бы к усилению межконфессиональной и межэтнической розни.

И Россия, и США готовы были обсуждать политический процесс в этой стране, без которого невозможно достичь урегулирования. Американское руководство в какие-то периоды признавало необходимость отказаться от требования немедленной отставки Асада – подвижки в этом плане отмечались уже при Обаме – и от поддержки тех группировок боевиков, которые не собираются сложить оружие. А российская сторона готова была иметь в виду возможную перспективу ухода Асада в результате политического процесса и всеобщих выборов.

Однако несмотря на декларации, по мере развития событий в Сирии Россия и США все отчетливее оказывались по разные стороны линии огня. В течение 2017 и 2018 гг. в Сирии продолжалось наступление правительственных войск при поддержке российских ВКС. И хотя в СНБ победно возвещается, что Соединенные Штаты «сокрушили ИГИЛ на поле боя в Сирии и Ираке» и будут добиваться «закрепления успеха», инициатива в Сирии была фактически перехвачена тремя другими крупными игроками: Россией, Турцией и Ираном. Значительную роль в неудаче с налаживанием российско-американского взаимодействия в Сирии сыграли провокации, нацеленные на то, чтобы пустить под откос мирный процесс в Сирии. Именно такой провокацией в России называли обвинения в адрес сирийских военных в применении химического оружия в середине февраля 2017 г. Соединенные Штаты ответили тогда ракетным ударом, уничтожив взлетную полосу, несколько самолетов и ангаров сирийских ВВС (в которых, как утверждали в Вашингтоне, якобы хранилось химическое оружие). Этот налет состоялся во время встречи Трампа с Си Цзиньпином в Мар-а-Лаго, где последнему пришлось – без предварительного уведомления – быть фактическим «свидетелем поневоле» разворачивающихся событий. Вслед за этим 10 апреля 2017 г. американский представитель в ООН Н. Хейли заявила – вразрез с предыдущей позицией администрации, – что устранение Асада является приоритетом американской политики. А год спустя, когда Трамп, вопреки позиции Пентагона, объявил о выводе американских войск и свертывании операции в Сирии, появилась информация о газовой атаке сирийских войск в пригороде Дамаска Думе. Трамп ответил тогда фривольным, но от этого не менее пугающе безрассудным твиттом: «Готовься, Россия – наши милые, новые и “умные” ракеты уже летят!» [13], – а затем уже реальным обстрелом сирийских объектов, по которым были пущены более сотни американских ракет. Среди нескольких пострадавших, однако, не было российских военных, что свидетельствовало о том, что акция, возможно, имела в большей степени демонстративный характер. По большей части пока – и это само по себе значимое достижение – удавалось избегать инцидентов между российскими и американскими военными, а когда такие трагические, но редкие, случаи все же происходили – предотвращать перерастание столкновений в полномасштабный конфликт.

Так произошло в ночь с 7 на 8 февраля 2018 г. при попытке взятия контролируемого американцами нефтяного завода, когда штурмовавшая его вооруженная группа, состоявшая в основном из россиян (по официальным сообщениям не являвшихся военными), была почти целиком уничтожена.

Между тем риск возможного боестолкновения между российскими и американскими воинскими подразделениями остается высоким. Когда председатель американского Комитета начальников штабов генерал Дж. Данфорд выступил с прямой угрозой нанести удар силами американских ВВС по центру Дамаска, с российской стороны начальник Генерального штаба В. Герасимов сделал публичное заявление, что если Соединенные Штаты подвергнут ракетно-бомбовому нападению центральную часть сирийской столицы, где находятся, в том числе, российские военные и советники, то тогда Россия будет сбивать самолеты, беспилотники, крылатые ракеты, а потом наносить ответный удар по их носителям.

Заинтересованность Вашингтона в достижении мирного урегулирования в Сирии между тем сохраняется, на что неоднократно указывается в американской СНБ. Считается, что одним из основных связанных с Сирией вопросов для США на данном этапе является недопущение контроля Ирана над освобождаемыми Сирийской армией территориями юго-запада Сирии. В этом крайне заинтересован и Израиль, ставший при администрации Д. Трампа основным бенефициаром политики США на Ближнем Востоке, но одновременно, несмотря на инцидент со сбитым российским самолетом, сохраняющий дружественные отношения с Россией. По итогам встречи Трампа и Путина в Хельсинки стало известно, что стороны договорились о создании на основе договора 1974 г. демилитаризованной зоны на границе Сирии и Израиля. Также важными являются обсуждавшиеся в Хельсинки меры, способствующие возвращению обратно покинувших страну из-за конфликта сирийских беженцев. Что же касается содействия в экономическом восстановлении Сирии, то Вашингтон дал понять, что готов участвовать в данном процессе только после политических перемен в этом государстве.

Разворот от «огня и ярости» к договоренностям с Северной Кореей и интересы России

Во всех основных стратегических документах, принятых в США зимой 2017–2018 гг., о Северной Корее говорилось только лишь в контексте борьбы с ней. Д. Трамп во время визита в Китай 8–10 ноября 2018 г. призвал Москву оказать содействие в обуздании ракетно-ядерной программы КНДР.

Однако когда в середине апреля 2018 г. Пхеньян неожиданно заявил о прекращении ядерных и ракетных испытаний, закрытии крупного полигона на севере страны и отказе от предоставления ядерных и ракетных технологий

третьим странам, на состоявшейся вслед за этим в конце месяца первой за время после Корейской войны встрече лидеров Северной и Южной Кореи была подписана Пханмунчжомская декларация о мире и денуклеаризации Корейского полуострова.

Многие специалисты отмечали, что договоренность с Северной Кореей будет тем надежнее, чем на большее количество стран она будет опираться, и считают необходимым возобновление переговоров шестерки стран, которые содействовали бы глубокой проработке путей решения северокорейской ядерной проблемы.

После периода турбулентности и размолвок – с анонсированием саммита, а потом его отменой и снова подтверждением – 12 июня 2018 г. в Сингапуре состоялась встреча Трампа с Ким Чен Ыном. Сам по себе итоговый документ встречи, уместившийся на полтора страницах, не содержал конкретных обязательств, цифр, дат и пр. Стороны в общих словах зафиксировали в нем, что привержены новым двусторонним отношениям, денуклеаризации Корейского полуострова и строительству долгосрочного прочного мира и процветания на Корейском полуострове и в мире. Ким Чен Ын подтвердил приверженность Пханмунчжомской декларации, а Д. Трамп подписался под тем, что предоставит северокорейской стороне гарантии безопасности в обмен на ее отказ от ядерного оружия [9].

Однако возможным ограничителем, если не препятствием, на пути к урегулированию является разное толкование Соединенными Штатами и Северной Кореей понятия «денуклеаризации». Пхеньян исходит из того, что оно означает замораживание ядерной программы, тогда как Вашингтон понимает под этим полную ликвидацию ядерного оружия и ракет-носителей, а также промышленных мощностей по их производству. Российский же министр иностранных дел С. Лавров выступил с заявлением, что все связанные с Северной Кореей вопросы не могут быть решены в двустороннем формате.

Уже после встречи Д. Трамп неожиданно для всех – и, как писали СМИ, без согласования с южнокорейскими партнерами – заявил, что следует отказаться от американо-южнокорейских военных учений, назвав их «провокационными», – тем самым словом, которое обычно использовали с северокорейской стороны. Однако в Сеуле и Токио резонно возразили, что такие решения должны приниматься по согласованию с ними. Меньше внимания обращали на то обстоятельство, что Трамп также говорил, а может быть, оговорился, что «всегда заявлял, что хочет вернуть ребят обратно». Но это уже – не про силы, которые участвуют в учениях. Очевидно, смешивая одно с другим, Трамп фактически дал понять, что готов дать приказ вывести и более 30 тыс. американских солдат, которые находятся на территории Южной Кореи со времен Корейской войны. На этом раньше всегда настаивала Северная Корея, но многие в Вашингтоне считали подобное развитие событий крайне опасным.

На состоявшейся после саммита пресс-конференции Трамп говорил, что санкции будут отменяться, как только станет ясно, что Северная Корея не может использовать ядерное оружие. Однако уже через месяц после встречи 23 июня 2018 г. Д. Трамп подтвердил, что санкции против Северной Кореи остаются в силе, а неоднократно повторявшаяся установка на проведение кампании максимального экономического давления на Пхеньян по-прежнему актуальна. Американское предложение о новых санкциях против Северной Кореи, однако, не было поддержано Россией.

Только будущее покажет, являются ли достигнутые в Сингапуре подвиги лишь «витринными» или же сторонам реально удастся продвинуться по пути примирения. В американских СМИ появилась информация о продолжении Северной Кореей работ по созданию жидкостных МБР и расщепляющихся веществ для ядерных боеголовок, что не добавляет оптимизма в этом вопросе.

Иранский гамбит США: Без руля, ветрил и учета позиций других участников Соглашения

В принятой при Трампе СНБ записано, что «Иран является основным государством – спонсором терроризма, пользуется нестабильностью, чтобы продвигать свое влияние в регионе через партнеров и зависимых от него группировок, поставляет оружие и финансирование, разрабатывает все более современные баллистические ракеты, ...осуществляет злонамеренные кибероперации и ...поддерживает цикл насилия в регионе» [11, р. 49]. Противодействие укреплению позиций Ирана на Ближнем Востоке стало важнейшим аспектом внешнеполитической стратегии республиканской администрации – это коренным образом расходится с политическим курсом России, настаивающей на значимой роли Ирана в решении проблем региона.

Трамп всегда негативно отзывался о Соглашении по иранской ядерной программе (Совместном плане действий) и обещал в случае избрания отказаться от него. Хотя многие эксперты, в том числе американские, отмечают, что данный документ реально приостановил ядерную программу Ирана и сделал действия последнего более предсказуемыми. Однако Трамп не согласился даже «повременить» или, может быть, «доделать» Соглашение, как предлагали союзники США. Против решения Трампа выступили Россия, Китай, Германия, Франция, Великобритания и ЕС в целом, а также многие другие государства: исключение составили Саудовская Аравия, страны Персидского залива, Израиль.

Огласив решение выйти из Совместного плана действий, Трамп заявил, что будет разработан новый, «лучший» вариант соглашения с Ираном, выдвинув в адрес последнего список требований из 12 пунктов, среди которых

прекращение строительства ракет, полное уничтожение ядерной программы, отказ от обогащения урана, уход из Сирии, прекращение действий в Йемене, Ираке, отказ от поддержки Хизбаллы и др. Однако и по форме (вкуче с самим фактом разрыва действующего Соглашения), и по содержанию данные требования были заведомо «непроходными». Тут следует вспомнить, что изначальная иранская позиция при вступлении в переговоры основывалась на неготовности обсуждать отказ от мирной ядерной программы, который сейчас был выдвинут в качестве базового условия Трампом. Не говоря уже о той степени сотрудничества, в том числе при лидирующем участии России, которое потребовалось для достижения Соглашения и которое в сегодняшних условиях уже труднодостижимо.

Вновь вводимые американские санкции, имеющие целью через экономическое давление повлиять на политические решения Ирана, в то же самое время наносят ущерб и компаниям любых стран, ведущим бизнес с Ираном и имеющим операции в США или осуществляющим транзакции через американские банки. В тот самый день, когда в Дананге проходила встреча глав стран АТЭС, в канадском аэропорту по запросу США была арестована (потом она была отпущена под огромный залог) руководящая сотрудница крупнейшей китайской телекоммуникационной компании Huawei – по обвинению в нарушении американских санкционных требований, связанных с Ираном.

Многие в Вашингтоне между тем осознают возросшую вероятность возобновления Ираном обогащения урана. Американские чиновники в кулуарах высказывали надежду, что инспекции МАГАТЭ на ядерные объекты Ирана продолжатся. Очевидно, что такое можно предположить только в том случае, если в ответ на выход США из Соглашения последний, в свою очередь, не примет решения поступить аналогичным образом.

Появившиеся публикации о том, что американское решение отказаться от Иранского соглашения может отвечать российским интересам, не соответствуют реальному положению дел. Даже если цены на нефть действительно взлетят, а наметившийся раскол США с союзниками кто-то может посчитать выгодным для Москвы, Россия в любом случае не может быть заинтересована в ядерном Иране, в возрастании неизвестности и напряженности на Ближнем Востоке, в увеличении опасности войны, на которую теперь могут решиться в Вашингтоне. И, помимо всего прочего, в Москве не могут не осознавать вероятности того, что при сценарии реального военного конфликта между США и Ираном в Россию через территорию соседних с нею стран с юга хлынут тысячи беженцев.

Очевидно, что европейские страны и Россия будут стараться побудить Иран не выходить из Соглашения, путем различных мер со своей стороны пытаясь компенсировать потери, понесенные им по вине США. Между тем

Д. Трамп 31 июля неожиданно выступил с заявлением, что готов встретиться с иранским лидером «без предварительных условий», но его государственный секретарь в тот же день сказал, что Д. Трамп встретится с Х. Рухани, **если** тот прекратит «бесчеловечное обращение с собственными гражданами», изменит свой «злонамеренный внешнеполитический курс» и изъявит согласие заключить новое соглашение. Повторяется тактика, которая применялась весной в отношении Северной Кореи – когда сначала говорилось об отсутствии предварительных условий, затем такие условия выдвигались, но потом отменялись ...и снова выдвигались. Но учитывая размер ущерба, нанесенного действиями американской администрации, в данном случае маловероятно, что подобные «ужимки и прыжки» могли бы привести к возобновлению американо-иранского диалога.

* * *

Выдвигаемый американской СНБ тезис о возвратившейся конкуренции великих держав как основной угрозе Соединенным Штатам основан на видении Трампом мира как арены борьбы, где Америка правит бал, где она выиграла холодную войну и обладает лучшим потенциалом в истории, а все беззастенчиво пользуются ею, где Китай ворует интеллектуальную продукцию и угрожает соседям, союзники не выполняют своих обязательств, Северная Корея и Иран создают проблемы, а иммигранты наводняют США.

Политика, которую осуществляет Дональд Трамп, нацелена на перекройку системы мировой торговли и строится исходя из «транзакционного мышления». Внутри Соединенных Штатов принимаются меры по поощрению свободного рынка, снижению налогов, отмене многих регуляторных мер и обременяющих ограничений, а для других стран американская администрация вводит повышенные тарифы и при этом осуществляет противодействие свободной торговле, выходит из международных объединений, оказывает силовое давление для обеспечения собственных преимуществ.

Провозглашаются «исторические инвестиции в вооруженные силы». «Поддержание мира путем силы», действия «с позиции силы», «распространение американского влияния в мире» – объявлены ключевыми компонентами реализации американской стратегии безопасности. Однако упоминается также старая, из копилки *realpolitik*, концепция «баланса силы» – который, впрочем, должен быть «в пользу Соединенных Штатов, их союзников и партнеров» [11, р. 2].

Но при этом, с точки зрения республиканской администрации, «глобализация имеет свои издержки», а «сильные суверенные государства, каждое со своей культурой и своей мечтой, успешно развиваются друг рядом с другом в процветании, свободе и мире» [11, р. II]. Стремясь к поддержанию «баланса

сил в пользу США, союзников и партнеров», Соединенные Штаты, по мнению Дональда Трампа (и в этом он парадоксальным образом сходится со своим предшественником), не обязательно должны влезать во все и вся.

Китай представляется ключевым вызовом с точки зрения Вашингтона, но Россия тоже вызывает повышенную озабоченность в связи с ее ядерным потенциалом, программами модернизации вооружений и агрессивной, по мнению США, внешней политикой, включающей предполагаемое кибервмешательство в американские выборы. Однако во всех основных стратегических документах США и в заявлениях американских политиков утверждается, что Соединенные Штаты не заинтересованы в войне. Россию и Китай в американских стратегических документах избегают называть противниками, и утверждается, что в Вашингтоне будут всячески стремиться к сотрудничеству с ними.

Несмотря на неоднократно повторявшиеся Трампом декларации о намерении «поладить с Россией», планировавшаяся им отмена санкций не состоялась. Как любой американский президент, Трамп ограничен существующей в США системой «сдержек и противовесов»: необходимостью получать одобрение Конгресса по внешнеполитическим вопросам. «Российское вмешательство» превратилось в своего рода жупел развязанной против Трампа внутривнутриполитической кампании. Причем степень противостояния между президентом и политическим истеблишментом беспрецедентно велика, а вопрос об улучшении отношений с Россией находится на «острие» этого противостояния. Со стороны законодательной власти США предприняты специальные меры, нацеленные на ограничение прерогатив первого лица государства.

В напряженной международной ситуации, при увеличившихся военных потенциалах сторон и территориальном сближении войск России и НАТО возросла опасность военной конфронтации, случайного столкновения, которое грозит перерасти в полномасштабный конфликт. Подобное положение дел не идет на пользу ни США, ни России и из него необходимо искать выход на путях интенсификации диалога, восстановления механизма антикризисного регулирования, прямых контактов между военными обеих сторон. Возобновление процесса контроля над вооружениями должно стать неперенным компонентом двусторонних отношений при любом сценарии их будущего развития.

Российско-американское сотрудничество может способствовать международным усилиям по преодолению украинского кризиса. Но для этого в Соединенных Штатах должны учитывать, что для урегулирования конфликта необходимы гарантии безопасности гражданам востока Украины. Необходимо обеспечить этим гражданам возможность участвовать в касающихся их

жизни политических решениях – как это было зафиксировано в Минских соглашениях.

Нет роковой предопределенности и в противостоянии по сирийскому вопросу. Поражение ИГИЛ, прекращение кровопролития, политический процесс в Сирии, достижение стабильности в регионе – в интересах как Москвы, так и Вашингтона. Северокорейская проблема также будет иметь более устойчивое решение, если оно будет опираться на большее количество стран, включая таких важных участников международного процесса, как Китай и Россия. Что же касается Ирана, то по отношению к этому государству администрация Трампа избрала иную парадигму действий, вышла из Иранской сделки – что привело к значительному осложнению ситуации и повышению рисков военного конфликта. Курс Вашингтона на изоляцию Ирана не поддерживается российской стороной и бесперспективен с точки зрения задачи достижения мира на Ближнем Востоке.

Несмотря на напряженность в отношениях, которую политики в США считают результатом конкуренции, а многие в России – следствием стремления Москвы добиться, чтобы в международных делах учитывалось мнение не только Вашингтона, но и других участников мировой политики, между Россией и США нет экзистенциальных противоречий, но есть экзистенциальная необходимость взаимодействия в решении таких глобальных проблем, как обеспечение нераспространения оружия массового уничтожения, предотвращение космических и киберугроз, борьба с эпидемиями и стихийными бедствиями. Однако в настоящее время отношения находятся на чрезвычайно низкой точке и подобное сотрудничество крайне затруднено.

Библиография

1. Арбатов А. До основания, а затем... // Россия в глобальной политике. 2017. 4 июля. URL: <https://globalaffairs.ru/number/Do-osnovaniya-a-zatem-18807> (Дата обращения: 10.05.2018.)
2. Бубнова Н.И. Новая администрация США: Военно-политические вызовы // Россия и современный мир. 2017. № 1. С. 135–152.
3. Бубнова Н.И. Российско-американские отношения в сфере контроля над вооружениями: выйти из клинча // Вестник МГИМО-Университета. 2017. № 3 (54). С. 161–178.
4. Бубнова Н.И. Структурные и кадровые сложности формирования внешнеполитического курса администрации Д. Трампа // Пути к миру и безопасности. 2017. № 2 (53). С. 6–27.
5. Группа ситуационного анализа ИНИОН РАН обсудила первые шаги администрации Дональда Трампа // ИНИОН РАН: Официальный сайт. 2017. 31 янв. URL: <http://inion.ru/about/news/gruppa-situatsionnogo-analiza-inion-ran-obsudila-pervye-shagi-administratsii-donalda-trampa/> (Дата обращения: 10.05.2018.)
6. Крамаренко А. Стратегия национальной безопасности Д. Трампа: «Независимая Америка» и «мирное сосуществование?» // РСМД: Официальный сайт. 2018. 9 янв. URL: [http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/strategiya-natsionalnoy-bezopasnosti-d-trampa-nezavisimaya-amerika-i-mirnoe-sosushchestvovanie-/](http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/strategiya-natsionalnoy-bezopasnosti-d-trampa-nezavisimaya-amerika-i-mirnoe-sosushchestvovanie/) (Дата обращения: 5.05.2018.)

7. Пресс-конференция Владимира Путина по итогам саммита БРИКС // Президент России: Официальный сайт. 2017. 5 сент. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/55535> (Дата обращения: 12.12.2017.)
8. Defense Budget Overview. United States Department of Defense Fiscal Year 2019 Budget Request // Under Secretary of Defense (Comptroller): Public Website. URL: http://comptroller.defense.gov/Portals/45/Documents/defbudget/fy2019/FY2019_Budget_Request_Overview_Book.pdf (Дата обращения: 5.05.2018.)
9. Joint Statement of President Donald J. Trump of the United States of America and Chairman Kim Jong Un of the Democratic People's Republic of Korea at the Singapore Summit // White House Government: Official Website. 2018. June 12. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/joint-statement-president-donald-j-trump-united-states-america-chairman-kim-jong-un-democratic-peoples-republic-korea-singapore-summit/> (Дата обращения: 15.07.2018.)
10. Kuchins A. The Biggest News about the Trump-Putin Meeting Was That It Happened At All // National Interest. 2017. Jul. 10. URL: <http://nationalinterest.org/feature/the-biggest-news-about-the-trump-putin-meeting-was-it-21488?page=2> (Дата обращения: 10.10.2017.)
11. National Security Strategy of the United States of America. Dec. 2017 // White House Government: Official Website. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905-2.pdf> (Дата обращения: 10.02.2018.)
12. Quadrennial Defense Review Report. 2010. Feb. // US Department of Defense: Official Website. URL: https://dod.defense.gov/Portals/1/features/defenseReviews/QDR/QDR_as_of_29JAN10_1600.pdf (Дата обращения: 10.02.2018.)
13. Twitter account of Donald J. Trump // URL: <https://twitter.com/realDonaldTrump/status/984022625440747520> (Дата обращения: 10.09.2018.)
14. Twitter account of State Department Spokesperson // URL: <https://twitter.com/state-deptspx?lang=en> (Дата обращения: 12.12.2018.)
15. 2019 Defense Budget Signed by Trump // Military Benefits. 2018. Nov. URL: <https://militarybenefits.info/2019-defense-budget/> (Дата обращения: 12.12.2018.)

References

- Arbatov A. Do osnovan'ja, a zatem... // Rossiya v global'noj politike. 2017. July 4. URL: <https://globalaffairs.ru/number/Do-osnovaniya-a-zatem-18807> (Data obrashheniya: 10.05.2018.)
- Bubnova N.I. Novaja administracija SShA: Voenno-politicheskie vyzovy // Rossiya i sovremennyy mir. 2017. N 1. P. 135–152.
- Bubnova N.I. Rossijsko-amerikanskije otnoshenija v sfere kontrolja nad vooruzhenijami: Vyjti iz klincha // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2017. N 3 (54). P. 161–178.
- Bubnova N.I. Strukturnye i kadrovyje slozhnosti formirovanija vneshnepoliticheskogo kursa administracii D. Trampa // Puti k miru i bezopasnosti. 2017. N 2 (53). P. 6–27.
- Gruppa situacionnogo analiza INION RAN obsudila pervye shagi administracii Donal'da Trampa // INION RAN: Official Website. 2017. Jan. 31. URL: <http://inion.ru/about/news/gruppa-situatsionnogo-analiza-inion-ran-obsudila-pervye-shagi-administratsii-donalda-trampa/> (Data obrashheniya: 10.05.2018.)
- Kramarenko A. Strategija nacional'noj bezopasnosti D. Trampa: «Nezavisimaja Amerika» i «mirnoe sosushchestvovanie?» // RSMD: Official Website. 2018. Jan. 9. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/strategiya-natsionalnoy-bezopasnosti-d-trampa-nezavisimaya-amerika-i-mirnoe-sosushchestvovanie/> (Data obrashheniya: 5.05.2018.)

Press-konferencija Vladimira Putina po itogam sammita BRIKS // Prezident Rossii: Official Website. 2017. Sept. 5. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/55535> (Data obrashhenija: 12.12.2017.)

Defense Budget Overview. United States Department of Defense Fiscal Year 2019 Budget Request // Under Secretary of Defense (Comptroller): Public Website. URL: http://comptroller.defense.gov/Portals/45/Documents/defbudget/fy2019/FY2019_Budget_Request_Overview_Book.pdf (Data obrashhenija: 5.05.2018.)

Joint Statement of President Donald J. Trump of the United States of America and Chairman Kim Jong Un of the Democratic People's Republic of Korea at the Singapore Summit // White House Government: Official Website. 2018. June 12. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/joint-statement-president-donald-j-trump-united-states-america-chairman-kim-jong-un-democratic-peoples-republic-korea-singapore-summit/> (Data obrashhenija: 15.07.2018.)

Kuchins A. The Biggest News about the Trump-Putin Meeting Was That It Happened At All // National Interest. 2017. Jul. 10. URL: <http://nationalinterest.org/feature/the-biggest-news-about-the-trump-putin-meeting-was-it-21488?page=2> (Data obrashhenija: 10.10.2017.)

National Security Strategy of the United States of America. Dec. 2017 // White House Government: Official Website. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905-2.pdf> (Data obrashhenija: 10.02.2018.)

Quadrennial Defense Review Report. 2010. Feb. // US Department of Defense: Official Website. URL: https://dod.defense.gov/Portals/1/features/defenseReviews/QDR/QDR_as_of_29JAN10_1600.pdf (Data obrashhenija: 10.02.2018.)

Twitter account of Donald J. Trump // URL: <https://twitter.com/realDonaldTrump/status/984022625440747520> (Data obrashhenija: 10.09.2018.)

Twitter account of State Department Spokesperson // URL: <https://twitter.com/statedeptspox?lang=en> (Data obrashhenija: 12.12.2018.)

2019 Defense Budget Signed by Trump // Military Benefits. 2018. Nov. URL: <https://military-benefits.info/2019-defense-budget/> (Data obrashhenija: 12.12.2018.)

Е.Г. Энтина

**ПРИОРИТЕТЫ ПОЛИТИКИ США, ЕС И ВЕЛИКОБРИТАНИИ
В ЗАПАДНОБАЛКАНСКОМ РЕГИОНЕ ПОСЛЕ БРЕКЗИТА**

***Аннотация.** По ряду параметров и для США, и для Великобритании Балканский регион объективно является исключительно значимым. Причины этого – место территории в системе европейской безопасности, а также увеличение транзитной роли Балкан, что дает возможность прямо и опосредовано влиять на страны Европы. В то же время усиливается антироссийская направленность политики США и Великобритании в регионе. В этих условиях России необходимо выстроить приоритеты сотрудничества со всем Западнобалканским регионом с учетом активизации международных, политических и экономических процессов внутри региона и по его границам. При этом риски международной конкуренции и международного сотрудничества на Балканах существенно ниже, чем, например, на Ближнем Востоке.*

***Ключевые слова:** политика США; политика ЕС; политика Великобритании; Брекзит; Западные Балканы.*

Энтина Екатерина Геннадьевна – кандидат политических наук,
доцент Департамента международных отношений
факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ,
старший научный сотрудник Института Европы РАН.
Email: e.entina@hse.ru

**E.G. Entina. Priorities of the USA, EU and UK Policy in the Western
Balkan Region after Brexit**

***Abstract.** For several reasons, the Balkan region is significant both for the United States and Great Britain. Its value is constituted by its place in the system of European security, by its growing transit role and by its influence on other European countries. The anti-Russian pivot of US and UK policy in the region is becoming more pronounced, too. In these circumstances, Russia needs to develop a set of priorities for the cooperation with the Western Balkans region as a whole and adjust to the intensification of international, political and economic developments in the area. It must also be noted that the risks of global competition and cooperation in the Balkans are lower than in such regions as the Middle East.*

Keywords: *US policy; EU policy; UK policy; Brexit; Western Balkans.*

Entina Ekaterina Gennad'evna – Candidate of Political Sciences,
Associate Professor of the Department of International Relations,
Faculty of World Economy and World Politics, HSE,
Senior Researcher, Institute of Europe, RAS.
Email: e.entina@hse.ru

В результате крушения биполярной системы международных отношений и трагического распада Югославии в регионе Юго-Восточной Европы заметно усилилось влияние США и в целом евроатлантическое влияние. Начиная с середины 1990-х годов XX в. Вашингтон стал ключевым арбитром в разрешении большинства западнобалканских внутригосударственных и региональных противоречий. После Брекзита Великобритания, будучи традиционным, историческим актором на Балканах и наиболее надежным американским партнером в Европе, формулирует собственное видение в отношении стран региона, отчасти перекликающееся с задачами евроатлантической интеграции, но одновременно предполагающее усиление собственно британского присутствия и реализации интересов Британской Короны.

И для США, и для Великобритании Балканский регион объективно является исключительно значимым по ряду параметров. Перечислим основные из них.

Во-первых, место балканских территорий в системе европейской безопасности. Несмотря на то что вступление Черногории в НАТО принципиально не изменило военный потенциал Альянса, этот факт существенно повлиял на возможности реализации концепций общеевропейской безопасности не на основе НАТО. Кроме того, в тактическом отношении военная база НАТО в Косове является тыловой по отношению к базам в Болгарии и Румынии. Ее потенциальное сворачивание было бы крайне нежелательно для Вашингтона.

Во-вторых, привлекательность Балканского региона в связи с усилением его транзитной роли. Из-за своего специфического географического положения или благодаря ему Западные Балканы вновь оказались на перекрестке самых разных путей. Они пропустили основной поток беженцев из Северной Африки и Ближнего Востока в ходе миграционного кризиса 2014–2016 гг. Западные Балканы находятся в непосредственной близости от кризисных зон в Средиземноморье. Наконец, они стали транзитным регионом для китайских товаров в Западную Европу.

Кроме того, крепкие позиции в регионе дают возможность как прямо, так и опосредованно влиять на страны Западной Европы. Балканы по-прежнему остаются «мягким подбрюшьем» Европы, они всесторонне включены в связи с Европейским союзом, но при этом не его части. Как и столетие назад Балканы – регион, где сплетается клубок сложнейших этнических, террито-

риальных, религиозных противоречий, угрожающих в любой момент перейти из латентного в открытое состояние.

Повышение ставок в геополитической игре за Западные Балканы в условиях Брекзита

Тем не менее на протяжении всего последнего десятилетия Западные Балканы оставались «полузабытым регионом». У Европейского союза было слишком много других забот, чтобы уделять ему должное влияние. К тому же Брюссель исходил из того, что он задал всем входящим в этот регион странам общее направление развития, и дальше они могут двигаться сами. Соединенные Штаты были уверены, что смогут еще больше нарастить присутствие в регионе и усилить там свое влияние, как только это потребуется, но не видели в этом необходимости. Остальные глобальные игроки и региональные державы, включая Россию, Китай, Турцию и Саудовскую Аравию, не готовы были вкладывать в Западные Балканы больше минимально необходимого для продвижения своих частных интересов и не претендовали на их включение в зону своего влияния, полагая, что они безвозвратно перешли в зону влияния ЕС и США. Своего же внутреннего потенциала для саморазвития у Западных Балкан не было. В результате кризисные явления абсолютно во всех сферах – экономической, социальной, межнациональных отношений – там только накапливались.

Внезапно, в течение 2017–2018 гг., ЕС, США, Великобритания наперегонки бросились объявлять о разработке новых стратегий в отношении Западных Балкан. Обновленная стратегия ЕС в отношении Западнобалканского региона была официально представлена 6 февраля 2018 г. [2]. Еще до этого, в конце 2017 г., американский экспертно-аналитический центр «Атлантический совет» разработал систему приоритетов в отношении Балкан [4]. Кроме того, с собственной, отличной от ЕС, концепцией выступила Великобритания: Комитет по международным отношениям палаты лордов опубликовал документ под названием «Великобритания и будущее Западных Балкан» [5], где предлагались шаги, необходимые для выхода на стратегическую глубину действий в регионе.

Стороннему наблюдателю подобное наращивание внешнеполитической активности в отношении региона могло бы показаться неожиданным, нелогичным, непредсказуемым – еще одним подтверждением того, что все последние годы международные отношения развиваются сугубо хаотически, скачкообразно, реагируя лишь на сиюминутные моменты и конъюнктурные соображения. Сторонников представлений о нарастании неопределенности в международных отношениях и падении их предсказуемости придется разочаровать. Ничего неожиданного в последних инициативах США, ЕС

и Великобритании нет. Скорее, наоборот. Странно, что они были обнародованы с некоторым опозданием. Почему – станет понятно при разборе того, в чем состоят эти стратегии.

Явные и скрытые смыслы обновленного подхода ЕС к Западным Балканам

Центральным звеном для всех трех документов по-прежнему остается стратегия включения региона в Европейский союз. В связи с этим интересно, каким образом расставляются приоритеты новой повестки Брюсселя для Западных Балкан. Наиболее значимой частью стратегии стало не одно из ее основных положений, активно обсуждавшееся в СМИ, – о возможности вступления Черногории и Сербии в ЕС к 2025 г., – а то, что не лежит на поверхности. Для Черногории указанная дата кажется слишком отдаленной. Скорее всего, Черногория завершит переговорный процесс к 2020 г. и наверняка рассчитывает на более раннее членство. Что же касается Сербии, то 2025 год для нее может стать реалистичной датой оформления членства, а может быть, завершение переговоров будет отложено на неопределенный срок – не только из-за косовского вопроса, но, не в последнюю очередь, из-за отношений с Россией, пожертвовать которыми сербскому руководству по нескольким причинам не легче, чем решить проблему своего южного края. Говорить об остальных западнобалканских странах в контексте конкретных дат их возможного вступления в ЕС представляется абсолютной спекуляцией.

По сравнению с основным текстом документа, представленного Европейской комиссией, приложение к новой стратегии ЕС выглядит гораздо более конкретно и четко. В соответствии с ним предполагается, что западнобалканским странам в течение ближайших трех лет требуется провести следующие реформы [3]:

- в течение 2018 г. обеспечить «распространение Общей внешней политики и политики безопасности / Диалога по внешней политике и политике безопасности на Западные Балканы, с увеличенным участием в миссиях ЕС и операциях по всему миру» (пункт 2.13);

- в течение 2018–2020 гг. (преимущественно в 2018–2019 гг.) «распространить обязательства Энергетического союза ЕС на Западные Балканы (энергобезопасность, рынки, транзит энергетических ресурсов) (пункт 4.2)»;

- «поддержать создание институтов и увеличить участие представителей власти и организаций Западных Балкан в работе сети регуляторов в энергосфере, а также операторов распределительной и транзитной систем, в особенности Агентства по сотрудничеству энергорегуляторов и операторов Европейской сети транзитных систем» (пункт 4.3);

– «интенсифицировать работу по завершению строительства регионального рынка энергетических ресурсов на Западных Балканах и обеспечить интеграцию Западных Балкан во Внутренний энергетический рынок ЕС» (пункт 4.4);

– «усилить подготовку и имплементацию *acquis*¹ по созданию зоны Единого цифрового рынка» (пункт 5.5);

– «запустить программу “Наследие ЕС – Западные Балканы” в виде серии мероприятий, посвященных культурному наследию» (пункт 6.6).

Какие выводы можно сделать из заявленного в приложении графика? Во-первых, Европейский союз намерен системно включить страны региона в цепочку своих внутренних связей: максимально интегрировать, чтобы регулятивными административными методами завязать на себя транзитную роль региона, увеличившуюся в последние годы и в плане безопасности, и в экономическом отношении. Во-вторых, ЕС стремится распространить на Западные Балканы обязательства Энергетического союза и, соответственно, Третьего энергетического пакета, тем самым исключив из региона любых нежелательных конкурентов и главным образом Россию. Наконец, если все предыдущие годы Брюссель де-факто игнорировал «педалирование» культурной общности Западной и Юго-Восточной Европы, то сейчас он произвел разворот на 180°. Если верить положениям новой стратегии, Брюссель решил сделать инструменты своей «мягкой» силы одними из ключевых в регионе, – очевидно, для того чтобы, с одной стороны, подготовить общественность ЕС к очередному расширению объединения, а с другой – задать новый тренд для общественного мнения Западных Балкан и повлиять на настроения западно-балканского населения, демонстрирующего в последнее время умеренный рост евроскептицизма.

В целом своеобразие нового подхода ЕС к выстраиванию отношений с Западными Балканами сводится к тому, что странам региона предлагается безоговорочно ориентироваться на Евросоюз в таких наиболее деликатных сферах, касающихся их суверенных полномочий, как внешняя политика и энергетическая независимость, взамен на обещание относительно быстрого членства, предоставление которого остается полностью на усмотрение Брюсселя. Для реализации данных инициатив Евросоюзу необходимы лояльные и максимально предсказуемые политические элиты. В связи с этим не только в последнее время, но и на протяжении всего периода 2010-х годов Европейский союз очень спокойно относится к внутренним изъясам молодых демо-

1. *Acquis* (сокр. от фр. *Acquis communautaire*) – правовая концепция в системе правовых норм Европейского союза, совокупность различных принципов, правил и норм, подлежащих обязательному сохранению в процессе дальнейшего развития ЕС. – Прим. ред.

кратических режимов. В научной и экспертной литературе даже появился термин «стабиллократия», означающий готовность Брюсселя закрывать глаза на определенные трудности с функционированием демократических институтов в отдельных странах Западных Балкан в обмен на их лояльность Евро-союзу и готовность выполнять его политические требования. Позиция представителей европейской бюрократии в целом понятна. В условиях складывания правовых и гражданских институтов, – а все Балканские страны в этом отношении находятся только в начале пути – и необходимости проведения подчас болезненных решений и реформ Европейский союз делает ставку на проведение в жизнь этих реформ практически любой ценой.

Новая стратегия США в Западных Балканах. Стремление к первенству

Однако выяснилось, что балканские политические элиты, даже будучи зажаты условиями Брюсселя и зависимы от него финансово-экономически и идеологически, сохраняют определенную долю самостоятельности и маневрируют, активно пользуясь своим геостратегическим положением и особенностями исторических связей. Скорее всего, именно появление у западнобалканских лидеров возможности вести двойную и тройную игру на международной арене и неспособность ЕС вовремя остановить подобные маневры стали одним из толчков к активизации США в регионе – вкупе с необходимостью по-новому обосновать свое военно-политическое присутствие на Балканах, а также его усиление через расширение НАТО.

Стратегия, подготовленная Атлантическим советом, включает четыре основных блока [4]:

- постоянное военное присутствие США в регионе;
- «историческое» сближение с Сербией;
- восстановление репутации США как честного партнера;
- ставка на региональных предпринимателей и молодежь.

Обеспечение «постоянного военного присутствия в Юго-Восточной Европе», очевидно, связано с геостратегическими соображениями. Центральное звено здесь – косовская база НАТО Бондстил, которая имеет тыловое значение по отношению к базам в Румынии и Болгарии и транзитное значение по отношению к маршруту из Центральной Азии в Европу. Формально с окончанием конфликтов на постъюгославском пространстве, при общепризнанной крайне низкой вероятности возникновения нового вооруженного противостояния в регионе, а также развитию государственности частично признанного Косова и диалоге Белграда и Приштины нахождение на косовской территории крупнейшей военной базы выглядело необоснованным. Но украинский кризис 2014 г. придал новые импульсы как НАТО, так и американскому при-

сутствию в Европе. «События в Крыму и Донбассе продемонстрировали, что старые восточноевропейские конфликты, которые десятилетиями мирно лежали замороженными, можно запросто вернуть к активным боевым действиям – особенно при помощи заинтересованных внешних сил. И если у самых ваших границ есть шесть стран, в каждой из которых может легко появиться свой Донбасс, то лучше взять их под более плотный контроль заранее, пока дело не дошло до худшего» [1].

Усиление давления на страны, демонстрирующие признаки многовекторности, прежде всего – на Сербию, которая должна показать «больше заинтересованности» во вступлении в ЕС и сотрудничестве с НАТО, – также один из новых посылов концепции, обнародованной американцами, которые прежде отстраненно воспринимали не до конца последовательную позицию балканских лидеров. Примечательно, что новая американская концепция предполагает, что «большую заинтересованность» в Балканах должны продемонстрировать и лидеры американского истеблишмента, стоящие на высшей ступеньке политической иерархии. В частности, в документе говорится о необходимости организовать визит президента США в Белград, который может стать первым с 1980 г.

Несомненно, США постараются сохранить свои достижения в регионе. Речь идет об усилении влияния в Черногории и вовлечении в евроатлантическую парадигму Македонии. Что же касается Сербии, то поставленная задача «исторической переоценки» отношений – преодоление последствий агрессии НАТО 1999 г. – продиктована объективной необходимостью: географическим положением Сербии как центральной страны региона и усилением влияния Турции и арабских государств на Боснию и Косово, которые в 1990-е годы являлись приоритетными американскими клиентами.

Другой задачей США на Балканах является возвращение статуса «честного брокера», что можно понимать как намерение перехватить у ЕС контроль над политическими процессами в регионе, как это было в 1990-е годы. В экономическом плане интересы США могут заключаться в вовлечении стран региона в альтернативные энергетические проекты, ограничивающие влияние «Турецкого потока». Дипломатические визиты Д. Трампа в Восточную Европу (участие в Варшавском саммите «Трехморья» в июле 2017 г.), как неоднократно отмечалось в комментариях экспертов, были направлены на продвижение данных предложений. Центральным элементом этих инициатив может стать СПГ-терминал на острове Крк, строительство которого лоббируется в Хорватии, или строящийся Трансадриатический газопровод (ТАР), проходящий по маршруту Греция – Албания. Впрочем, учитывая скорость реализации этих проектов и проблему наполняемости трубопроводов, можно заключить, что энергетические инициативы США на сегодня скорее

«спойлеры» по отношению к теоретически более системным и обоснованным проектам России и Турции.

Анализируя приоритеты американской политики на Балканах, не стоит забывать и об отношениях Вашингтона с албанцами. Хотя сегодня американцы выражают определенное беспокойство в связи с ростом исламских настроений в Албании, для США ценность албанского движения – одного из самых активных националистических движений в Европе – очень высока. Албанское население является самым быстрорастущим в Европе – по разным показателям, уровень рождаемости в Албании в обозримой перспективе будет составлять около 3% в год. Очевидно, что в недалеком будущем это окажет серьезное влияние на все соседние государства: Македонию, Грецию, Черногорию и Сербию.

Противоречивый, но всесторонний характер американских усилий, скорее всего, будет критически оценен всеми Балканскими странами, которые привыкли ориентироваться на США (к этой группе относятся в большей или меньшей степени все балканские государства). Очевидно, что при принятии ключевых решений США не смогут оказать ожидаемую поддержку всем своим партнерам. Даже при тотальной переоценке и перезагрузке отношений неизбежно возникнут фавориты и аутсайдеры, поэтому и от ставки на многовековую балканские лидеры вряд ли откажутся. Это, в свою очередь, оставляет широкое поле для маневра самому надежному американскому геополитическому партнеру, но по отношению к Балканскому региону исторически самостоятельному актору – Великобритании.

Предпосылки скорого возвращения Туманного Альбиона в регион Западных Балкан

В июле 2018 г. в Великобритании состоялся саммит по Западным Балканам – ежегодное мероприятие в рамках Берлинского процесса, запущенного в 2014 г. для интенсификации процесса европейской интеграции региона. Отчасти под это мероприятие, но в основном для того, чтобы концептуализировать одно из традиционных направлений британской внешней политики, в палате лордов был проведен ряд слушаний по будущему Балкан и, как результат, разработан объемный аналитический документ «Великобритания и будущее Западных Балкан» [5]. Он существенно отличается как от европейского, так и от американского документов. По сути, это документ, скорее, для внутреннего пользования. Он посвящен не только постратовому анализу успехов и неудач евроатлантической интеграции, но и роли международных акторов в Балканском регионе. В нем также кратко описывается процесс становления и распада Югославии. В рамках подготовки этого документа были проведены «полевые» исследования во всех странах Западных Балкан, пред-

приняты попытки уяснить положение дел в каждой стране и понять, как западнобалканские государства представляют себе взаимодействие с тем или иным международным актором (преимущественно ЕС, НАТО, Россия). Из опубликованного текста становится очевидно, что Великобритания рассматривает решение наиболее затратных и сложных для Западных Балкан вопросов через призму евроатлантической интеграции, но, кроме того, насколько системное понимание происходящего в регионе необходимо Лондону для собственного максимально выгодного встраивания во внутренние как экономические, так и политические процессы на Западных Балканах.

Хотя часть британских элит самозабвенно ратовала за выход страны из Евросоюза, в целом для британского истеблишмента результаты референдума, запустившего процесс Брекзита, вкупе с осознанием неизбежных потерь и тягот, связанных с выходом из ЕС, явились полной неожиданностью. О выгодах Брекзита всегда говорилось в самых общих чертах. Конкретных планов по поводу того, как им воспользоваться, не было. Но то, в каком ключе прошли переговоры с Брюсселем об условиях Брекзита, и то, к каким уступкам принудили Великобританию на этих переговорах, британские элиты восприняли (вне зависимости от того, признали они это или нет) как национальное унижение. Поэтому одновременно с вязкими переговорами с Брюсселем (и в пике им) политические и государственные структуры Великобритании стали пытаться обратить будущий выход из ЕС себе на пользу через самостоятельность по отношению к общей политике Евросоюза, желательно потеснив при этом бывших партнеров по ЕС или даже вынудив их идти в фарватере политического курса, предложенного Лондоном.

Идеальной в этом случае является сфера внешней политики и политики безопасности – та область, где странам ЕС в наименьшей степени удастся продемонстрировать единство и солидарность и чаще всего государства-члены либо вообще не могут договориться о согласованной политике, либо резервируют за собой свободу действий. В этой сфере ограничения, связанные с условиями Брекзита, не окажут почти никакого влияния на деятельность Великобритании. И именно здесь, по сравнению со всеми остальными странами ЕС, Лондон обладает наибольшим влиянием, опытом и экспертными возможностями.

В этом плане Западные Балканы могли бы стать для Великобритании исключительно удачным полигоном. С одной стороны, в силу отмеченных выше факторов, ЕС и США вдруг «проснулись» и решили занять в отношении Западнобалканского региона гораздо более активную позицию. С другой стороны, перетягивая инициативу на себя, Лондон может сыграть здесь в «беспроеигрышную лотерею». Развитие ситуации на Балканах не будет чревато такими рисками, как на Ближнем Востоке или в Центральной Азии. Ответственность за любой провал, поскольку регион полностью зависит от ЕС,

всегда можно возложить на Брюссель и неповоротливую брюссельскую бюрократию. Успех – записать на свой счет. Идеальный вариант для Лондона – действуя одновременно и от лица США и НАТО, и от лица ЕС, позиционировать себя как актора, «жесткую» силу которого мультиплицирует мощь США, а экономическая и «мягкая» сила в аспекте финансовых возможностей опираются на финансовые вливания в Западные Балканы, которые наметил ЕС. Тогда «законное лидерство» Великобритании в интеграции Западных Балкан в евроатлантические структуры сможет компенсировать любые или, по крайней мере, многие имиджевые и внешнеполитические потери в других областях.

Поэтому в целом лейтмотив представленного документа таков: Великобритания должна по-прежнему продвигать ценности и институциональные стандарты ЕС – как вместе с ЕС, так и в двусторонних форматах. Правительство должно работать над тем, чтобы выход Великобритании из ЕС не воспринимался как отказ от следования европейским ценностям; кроме того, ЕС и Великобритания не должны допускать, чтобы местные элиты начали играть на возможных противоречиях Лондона и Брюсселя. Второй долгосрочный императив – как у ЕС и США – наращивание «мягкой» силы: «увеличить поддержку будущим региональным лидерам. Правительство должно больше инвестировать в них, расширяя стипендиальные схемы. Поощрять привлечение студентов региона в университеты Великобритании и не воспринимать их как экономических мигрантов» [5, р. 36].

Дополнительные стимулы для России к поиску своей контригры в регионе Западных Балкан

Обобщая, можно утверждать, что уже сам факт появления трех рассмотренных документов является следствием неожиданного, казалось бы, возрождения значимости Балкан для европейской политики. Модернизация региона и обеспечение его долговременной стабильности, о чем говорится во всех трех документах, несомненно, необходимы. Однако значение текущей концептуализации европейских, американских и британских задач в Западнобалканском регионе существенно возрастает в свете того, что все три актора рассматривают Балканы как еще один фронт противодействия России и арену борьбы с жупелом ее всепроникающего влияния. Соответственно, по умолчанию, регион вновь рассматривается как территория конкуренции, отчасти – противостояния. Роль России и ее влияние в регионе сознательно или нет преувеличиваются «коллективным» Западом. Россия рассматривается (что неточно исторически и исходя из текущей ситуации в регионе) исключительно в негативном ключе.

Парадоксальным образом, в Западнобалканском регионе кампания по «демонизации» Москвы стала причиной повышения интереса к России как со стороны общественности, так и со стороны местных политических элит. Воспользуется ли этим Москва или предпочтет остаться в стороне зависит от стремления российского руководства сформулировать собственные интересы в регионе и, соответственно, долгосрочную внешнеполитическую стратегию. В последних двух концепциях внешней политики Российской Федерации вообще отсутствуют упоминания о Балканском регионе. Выработка приоритетов сотрудничества России с Западнобалканским регионом стала бы взвешенным и мудрым решением в силу активизации международных, политических и экономических процессов внутри региона и по его границам. При этом риски международной конкуренции и международного сотрудничества на Балканах существенно ниже, чем, например, на Ближнем Востоке. Кроме того, Москва по-прежнему сохраняет определенное влияние в регионе, и, несмотря на небольшой объем экономического взаимодействия, а также разный уровень политического сотрудничества с каждой балканской страной, Россия воспринимается здесь как один из ключевых глобальных игроков, как один из международных акторов, потенциально способных системно влиять на весь регион.

Библиография

1. Саморуков М. Заеда стресс: Зачем Брюссель объявил о новом расширении ЕС // Московский центр Карнеги. 2018. 7 февр. URL: <https://carnegie.ru/commentary/75465> (Дата обращения: 28.07.2018.)
2. A credible enlargement perspective for and enhanced EU engagement with the Western Balkans: Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions // European Commission: Official Website. Strasbourg, 2018. 06 Feb. URL: https://ec.europa.eu/commission/sites/beta-political/files/communication-credible-enlargement-perspective-western-balkans_en.pdf (Дата обращения: 28.07.2018.)
3. Annex to the communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions «A credible enlargement perspective for and enhanced EU engagement with the Western Balkans» // European Commission: Official Website. Strasbourg, 2018. 6 Feb. URL: https://ec.europa.eu/commission/sites/beta-political/files/annex-communication-credible-enlargement-perspective-western-balkans_en.pdf (Дата обращения: 28.07.2018.)
4. Marusic D., Bedenbaugh S., Wilson D. Balkans forward: A new US strategy for the Region // Atlantic Council: Official Website. 2017. Nov. URL: http://www.atlanticcouncil.org/images/Balkans_Forum_web_1128.pdf (Дата обращения: 28.07.2018.)
5. The UK and the future of the Western Balkans. London: House of Lords, 2018. 115 p. URL: <https://publications.parliament.uk/pa/ld201719/ldselect/ldintrel/53/53.pdf> (Дата обращения: 28.07.2018.)

References

A credible enlargement perspective for and enhanced EU engagement with the Western Balkans: Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions // European Commission: Official Website. Strasbourg, 2018. 06 Feb. URL: https://ec.europa.eu/commission/sites/beta-political/files/communication-credible-enlargement-perspective-western-balkans_en.pdf (Data obrashhenija: 28.07.2018.)

Annex to the communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions «A credible enlargement perspective for and enhanced EU engagement with the Western Balkans» // European Commission: Official Website. Strasbourg, 2018. 6 Feb. URL: https://ec.europa.eu/commission/sites/beta-political/files/annex-communication-credible-enlargement-perspective-western-balkans_en.pdf (Data obrashhenija: 28.07.2018.)

Marusic D., Bedenbaugh S., Wilson D. Balkans forward: A new US strategy for the Region // Atlantic Council: Official Website. 2017. Nov. URL: http://www.atlanticcouncil.org/images/Balkans_Foward_web_1128.pdf (Data obrashhenija: 28.07.2018.)

Samorukov M. Zaedaja stress: Zachem Brjussel' ob#javil o novom rasshirenii ES // Moskovskij centr Karnegi. 2018. Febr. 7. URL: <https://carnegie.ru/commentary/75465> (Data obrashhenija: 28.07.2018.)

The UK and the future of the Western Balkans. London: House of Lords, 2018. 115 p. URL: <https://publications.parliament.uk/pa/ld201719/ldselect/ldintrel/53/53.pdf> (Data obrashhenija: 28.07.2018.)

Н.В. Еремина, А.С. Кагриманян

**БРЕКЗИТ:
ЕЩЕ ОДИН ИСТОРИЧЕСКИЙ ШАНС ДЛЯ ШОТЛАНДИИ?**

Аннотация. В июне 2016 г. британцы приняли решение выйти из состава ЕС. Это событие предоставило шотландским националистам новую возможность добиться решения национального вопроса и обрести независимость. Шотландские националисты понимают, что для реализации идеи независимости требуется долгая политическая работа. Кроме того, нет конкретных юридических инструментов, позволяющих Шотландии остаться в составе ЕС при выходе Великобритании из его состава. Очень многое зависит от доброй воли центрального правительства и Брюсселя, а также от настойчивости шотландских националистов. В статье проанализированы вопросы инициирования второго референдума о независимости Шотландии, а также основные сценарии развития событий.

Ключевые слова: референдум о независимости Шотландии; Европейский союз; шотландское национальное движение; Шотландская национальная партия (ШНП); европейская интеграция.

Еремина Наталья Валерьевна – доктор политических наук,
кандидат исторических наук, доцент кафедры
европейских исследований факультета Международных отношений
Санкт-Петербургского государственного университета.
Email: nerem78@mail.ru

Кагриманян Алексан Сергеевич – выпускник аспирантуры
факультета Международных отношений Санкт-
Петербургского государственного университета,
Жилищный комитет Санкт-Петербурга, ведущий специалист
отдела развития жилищного фонда, Санкт-Петербурга.
Email: Aleksankagrimanyan@gmail.com

N.V. Eremina, A.S. Kagrimanyan. Brexit: Another Historical Chance for Scotland?

Abstract. In June 2016, after the referendum on the UK participation in the European Union, the Scottish nationalists got the second chance to solve the national problem and

gain independence. The Scottish National Party never rejected the idea of Scotland's independence but realized the necessities of a long political work in that direction. At the same time, there are no legal instruments allowing Scotland to remain in the EU with the withdrawal of Britain. In this case a lot depends on good will of the central authorities and on permanent and steady efforts of the Scottish nationalists. Therefore, the debates, reasons and possible results of the future second referendum on Scotland's independence demand a thorough research.

Keywords: *Scottish independence referendum; the European Union; Scottish national movement; Scottish national party (SNP); European integration.*

**Eremina Natalya Valeryevna – PhD in Political Science,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
of the Department of European Studies,
Saint Petersburg State University, Saint Petersburg.
Email: nerem78@mail.ru**

**Kagrimanyan Aleksan Sergeevich – Postgraduate Diploma
in International Relations, Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg Housing Committee, Leading Expert
of Housing Stock Development Unit, Saint Petersburg.
Email: aleksankagrimanyan@gmail.com**

Современная Шотландия столкнулась с многочисленными вызовами, связанными с определением ее роли в развитии британской государственности, формированием представления о будущем региона и его участии в европейском интеграционном процессе. Идея независимой Шотландии в общем европейском доме уже не кажется ни надуманной, ни нелегитимной, и в настоящее время появились дополнительные возможности для ее реализации.

Цель нашего исследования – определить возможность инициирования и проведения второго референдума о независимости Шотландии, а также дать прогноз основных вариантов дальнейшего развития событий. В связи с этим авторы рассматривают следующие вопросы: 1) роль шотландских национальных сил в политическом развитии региона; 2) их политические достижения, включая, прежде всего, самое значимое – проведение первого референдума о независимости Шотландии; 3) процедура возникновения права на второй референдум о будущем Шотландии в контексте Брекзита; 4) вероятность реализации идеи шотландских националистов о независимости региона и возможные сценарии политического развития Шотландии в рамках интеграционного объединения (ЕС), государства (Великобритания) и независимости (суверенное государство Шотландия).

Шотландия – регион со значительным и обладающим большими политическими ресурсами национальным движением. Рост влияния Шотландской

национальной партии (ШНП) со времени ее основания был устойчивым и неизменным. Эта партия смогла завоевать авторитет у шотландцев как единственная мощная политическая сила, способная отстаивать интересы Шотландии в Вестминстере и в переговорах с Уайтхоллом. Более того, успехи в деволюционном движении были связаны именно с ее деятельностью в рамках конституционных конвентов и рабочих групп. Помимо этого, партия взяла на себя ответственность за социально-экономическое развитие региона, что было особенно актуально во время международного финансового кризиса в 2008 г. [3].

В своих манифестах ШНП, фактически заключая договор с шотландским обществом, берет обязательства по продвижению не столько своей политической повестки, сколько требований и запросов населения. При этом ШНП отмечает, что у Шотландии есть все возможности стать независимым государством, обладающим собственным потенциалом и собственными ресурсами (которые сегодня используются центральной властью) [10]. Напоминая, что любой индивид естественным образом ценит собственную свободу и право самостоятельно принимать решения, ШНП делает ставку на ценности регионального сообщества: опираясь на них и апеллируя к ним, партия предстает в роли регионального лидера.

Шотландские националисты часто проводят параллели с другими странами, указывая, что в отношении возможностей развиваться самостоятельно нет разницы между Шотландией и Данией или Норвегией. Они утверждают, что только в рамках независимого государства шотландцы смогут самостоятельно решать жизненно важные проблемы [15, р. 4, 6]. Критикуя вестминстерскую систему управления, ШНП подчеркивает, что националисты уже предложили целый ряд действий, характеризующий их как партию демократического толка (в частности – сокращение штата чиновников, отказ от введения идентификационных документов, вывод с территории Шотландии британских сил ядерного сдерживания, представленных программой «Трайдент») [8, р. 4, 17–19].

При этом Вестминстер для шотландских националистов представляет неизменный политический порядок, независимо от того какая партия возглавляет кабинет Лейбористская или Консервативная. Они отвергают исходящие как от лейбористов, так и от консерваторов угрозы уменьшить финансирование региона; более того, опираясь на данные заявления, ШНП утверждает, что вестминстерская система управления направлена на противодействие самостоятельному развитию Шотландии, а сокращение финансирования обусловлено стремлением Вестминстера прекратить стимулирование экономики региона [8, р. 6–8].

Уже в Манифесте ШНП 2010 г. приводились аргументы в поддержку необходимости проведения референдума о независимости Шотландии:

во-первых, Шотландия представляет собой отдельное сообщество, нацию; во-вторых, в изменившихся внешнеполитических условиях она нуждается в корректной перестройке отношений с Англией; в-третьих, партии лейбористов и консерваторов предлагают различные подходы к развитию региона, и пока они спорят, Шотландия в любом случае остается в проигрыше [8, р. 18–20].

Манифест 2015 г., в котором шотландские националисты давали своим избирателям обещание отстаивать их права и не допускать дальнейшего усиления позиций тори, позиционировал ШНП как самую прогрессивную политическую силу не только региона, но и всего государства [21].

А уже Манифест 2016 г. открыто указывал, что ШНП будет убеждать население региона в том, что Шотландии необходимо стать независимой [16].

Именно ШНП сыграла ведущую роль в развертывании процесса деволюции законодательной власти Великобритании, результатом которого стало восстановление парламента в Шотландии в 1999 г. Парламент прочно вошел в политическую жизнь региона и пользуется поддержкой более 80% населения [14, р. 145]. Благодаря работе парламента в Шотландии сложился собственный региональный политический стиль и окончательно оформились политические предпочтения избирателей. При этом ШНП стала самой эффективной парламентской партией.

Сегодня ШНП имеет стабильную поддержку. В 2011 г. она победила на региональных выборах, получив 69 из 129 мандатов и став таким образом первой партией за 12-летнюю историю парламента Шотландии, завоевавшей в нем абсолютное большинство (на выборах в 2007 г. также победили националисты, хотя в 2003 г. и в 1999 г. они уступали лейбористам, оставаясь в региональном парламенте второй политической силой). На региональных выборах 6 мая 2016 г. шотландские националисты в третий раз подряд одержали победу, получив 63 мандата [19].

В рамках самоидентификационных процессов, протекающих в регионе, население Шотландии считает ШНП выразителем своих интересов. Интересно, что даже проживающие в Шотландии представители разнообразных национальных меньшинств из других стран предпочитают называть себя шотландцами (иммигранты, проживающие в Англии, обычно выбирают английскую идентичность). По данным 2014 г., 83% жителей Шотландии считали себя, прежде всего, шотландцами, а из рожденных в Шотландии 94% выбирали шотландскую идентичность как единственную, или как первую среди других идентичностей; при этом респонденты описывали «шотландскость» в очень положительных терминах, указывая на открытость и лояльность общества [20, р. 1].

Шотландская идентичность проявляется в разных районах Шотландии в различной степени. В Эдинбурге только две трети населения говорят, что

они прежде всего шотландцы. В Глазго численность такой группы достигает 74%, а в остальной Шотландии – 73%. Здесь стоит добавить, что аналогичным образом и респонденты по всей Великобритании связывают свою идентичность прежде всего именно с регионом (областью) проживания, а не с Британией в целом (60% против 25%) либо заявляют о равнозначности этих понятий и почти никто не ассоциирует себя с целостным Соединенным Королевством. В Шотландии, по данным 2014 г., только 8% респондентов заявили о своей британской идентичности (для сравнения: в Уэльсе таких набралось 17%, в Англии – 19, а в Северной Ирландии – 40%); 18% шотландцев заявили о двойной самоидентификации (для сравнения: в Уэльсе об этом сообщили 7%, в Англии – 9, а в Северной Ирландии – 8%) [8, р. 3]. Эти показатели практически не меняются со временем, что подтверждает идею о приверженности жителей региона шотландской идентичности.

Британские ученые, сравнивая шотландскую и английскую идентичности, традиционно отмечают силу шотландской и слабость английской; британская же идентичность воспринимается как некая «добавленная стойкость» при базовой идентичности. В дополнение ко всему современные шотландцы ассоциируют себя, прежде всего, не с Британией, а с Европой. Поэтому неудивительно, что ШНП, выступающая под лозунгом «независимость в Европе», связывает будущее Шотландии именно с Европейским союзом, ориентируя своих избирателей на европейский вектор развития и европейский единый рынок. Кроме того, в исследованиях отмечается, что корреляция «шотландцы – европейцы» чаще всего принимается без вопросов, в то время как связка «шотландцы – британцы» обычно вызывает несогласие или споры [23, р. 1–2].

Важно также отметить, что ШНП поддерживает идею углубления европейской интеграции, а ее идеалом является конфедеративная Европа. При этом националисты считают, что полноценно участвовать в европейской интеграции (равно как и в глобализации) можно только в статусе независимой нации. ШНП подчеркивает, что Шотландия в качестве независимого европейского государства сможет стать самостоятельным членом ведущих международных организаций и будет участвовать в принятии важнейших решений, отстаивая собственные интересы и поддерживая конфедеративный союз, а также сохранит сложившиеся отношения с НАТО [8, р. 4, 17–19].

В Манифесте 2015 г. говорится, что, по крайней мере, 330 тыс. рабочих мест в Шотландии создано в рамках структурной и региональной политики ЕС. Шотландия в целом зависит от единого рынка и получает от этого определенные выгоды. Уже тогда прозвучало предупреждение, что, в случае проведения референдума о членстве Соединенного Королевства в ЕС, будет необходимо учесть мнение граждан тех регионов, которые пожелают сохранить членство в ЕС, руководствуясь так называемым правилом двойного боль-

шинства: Великобритания не может выйти из состава ЕС, пока национальные регионы в лице Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии будут занимать иную позицию по этому вопросу [21, р. 9, 18–19, 28]. Забегая вперед, отметим, что центральное правительство так и не прислушалось к мнению ШНП.

Таким образом, неудивительно, что позиция ШНП, которая оказывает существенное влияние на политическую борьбу как внутри региона, так и в Великобритании в целом всегда воздействовала и будет воздействовать впредь на интеграционную повестку дня.

Одним из таких воздействий, имеющих большое значение не только для региона, но и для всего Соединенного Королевства, а также и для Европы в целом стал референдум о независимости Шотландии, проведенный 18 сентября 2014 г. В референдуме приняли участие около 85% всех жителей региона, имеющих избирательное право. Около 55% проголосовали за сохранение статус-кво, в то время как 45% высказались в поддержку независимости [17].

Несмотря на успешный исход для юнионистов, референдум стал важной политической вехой для индепендистов. Во-первых, индепендисты подтвердили значимость своей повестки в регионе. Во-вторых, после референдума значительно возросла численность партии: в ряды ШНП вступили более 80 тыс. новых членов; в настоящее время ШНП – третья по численности партия в Соединенном Королевстве. В-третьих, шотландские националисты добились уступок со стороны центрального правительства. Так, еще до проведения референдума премьер-министр страны Д. Кэмерон обещал, что в случае если Шотландия останется в составе Великобритании, будет проведена дальнейшая деволюция в пользу регионального парламента [18].

Комиссия Смита¹ подготовила рекомендации по делегированию властных полномочий от Вестминстера Холируд (шотландский парламент) и правительству Шотландии. В число таких рекомендаций входили положения, связанные со сбором налогов и налогообложением, избирательным правом, регулированием безработицы, лицензированием деятельности по добыче нефти и газа, а также с вопросами социального обеспечения [22]. Все эти предложения были законодательно закреплены в Акте о Шотландии. Вместе с тем их довольно сложно реализовать на практике. Так, связанные с внедрением принципов фискального федерализма преобразования, которые необходимы для улучшения качества работы шотландского парламента, невозможно осуществить без параллельных изменений на уровне Соединенного Королев-

1. Комиссия, возглавляемая лордом Робертом Смитом, состоящая из представителей пяти ведущих партий Шотландии, которой было поручено выработать условия очередной деволюции.

ства в целом и законодательного признания федерализации страны, что, очевидно, не будет сделано.

Таким образом, референдум 2014 г. подтвердил расстановку политических сил. При этом шотландские националисты восприняли его как репетицию следующего референдума о независимости Шотландии, в то время как консерваторы и лейбористы были чрезвычайно встревожены его результатами. Кроме того, референдум 2014 г. засвидетельствовал легитимность и даже рациональность идеи независимости Шотландии, а неготовность центрального правительства согласиться с федерализацией государства стала одним из факторов, поддерживающих националистические устремления шотландцев. Дополнительным фактором, способствующим инициированию нового референдума о независимости, стал Брекзит.

Еще в январе 2013 г. Д. Кэмерон пообещал, что в случае победы консерваторов на всеобщих выборах в 2015 г. будет проведен референдум по вопросу членства страны в ЕС [7]. В 2015 г. консерваторы (на тот момент – правящая партия) во главе с Д. Кэмероном одержали победу, обойдя с небольшим отрывом своих основных соперников – лейбористов (36,9% против 30,4%) [5].

Однако несмотря на победу консерваторов, Д. Кэмерон не спешил с проведением референдума. Сначала он решил попытаться договориться с Брюсселем о пересмотре некоторых условий членства Великобритании в интеграционном объединении. Предлагаемые изменения касались, прежде всего, вопросов, связанных с иммиграционной политикой, внешнеторговой политикой, расширением полномочий государственных органов власти в противовес компетенции наднациональных институтов. Тем не менее после продолжительных переговоров между Лондоном и Брюсселем только малая часть требований Великобритании была принята.

Эта ситуация не устраивала не столько власти Соединенного Королевства, сколько многие британские политические силы, настроенные традиционно евроскептически. В связи с этим в феврале 2016 г. было объявлено, что референдум о членстве Великобритании в Европейском союзе пройдет 23 июня того же года.

После официального объявления референдума в стране еще более активно начали действовать группы, выступавшие либо за выход страны из ЕС (Vote Leave), либо за сохранение статус-кво (Britain stronger in Europe). Первые не имели четкой партийной привязки и поддерживались евроскептиками; вторые выражали взгляды центральной власти, хотя в целом мнения по поводу Брекзита и среди консерваторов, и среди лейбористов, и среди либеральных демократов разделились практически пополам.

Несмотря на то что результаты референдума, состоявшегося 23 июня 2016 г., вполне укладываются в общую политическую традицию Британии,

они все же оказались неожиданными для центрального правительства. За выход страны из ЕС проголосовали 51,9% принявших участие в голосовании (более 17 млн человек), за сохранение членства в ЕС – 48,1% (чуть больше 16 млн человек) [12].

В целом итоги референдума были обеспечены как традиционной евро-скептичностью британцев, так и переориентацией экономических и политических сил Соединенного Королевства на страны Британского Содружества – на новые рынки и растущие экономики, прежде всего в Азии. Сыграло свою роль и постепенное неуклонное падение доверия британцев коммунитарным институтам [1].

В рамках этой работы мы рассмотрим результаты голосования населения шотландского региона. Ожидаемо, что шотландцы в большинстве своем поддерживали сохранение статус-кво (против выхода страны из ЕС было подано 62% голосов (1,6 млн человек), за выход – 38% (1 млн человек)) при явке избирателей в 67,2% (одна из наиболее низких по стране) [9]. Зафиксированный в Шотландии разрыв между за и против – 24% в пользу сохранения членства в ЕС – оказался наибольшим среди всех британских регионов.

В Шотландии голосование проходило в 32 избирательных округах (council areas). Наибольшую поддержку идея сохранения членства Великобритании и, как следствие, Шотландии в ЕС получила в Ист-Данбартоншире (71,4%), Ист-Ренфрушире (74,3), а также в административном центре Шотландии – Эдинбурге (74,4%). За выход страны из ЕС голосовали, по большей части, жители областей Мори (49,9%), Дамфрис-энд-Галловей (46,9), Абердиншир (45%) [8].

Интересно также отметить, как проголосовали на референдуме различные возрастные группы. Молодежь в основном высказалась в пользу ЕС. Очевидно, что молодые люди видят для себя в ЕС большие перспективы: этому способствуют наличие общеевропейских образовательных программ, возможность активного и простого перемещения по Европе, а также участия в общем рынке труда. Люди старшего возраста, имеющие в большинстве своем образование и работу, напротив, в меньшей степени заинтересованы в сохранении членства страны в ЕС.

Аналогичное распределение голосов по возрастным группам было характерно не только для Шотландии, но и для других регионов. В целом по Великобритании только 27% голосовавших в возрасте от 18 до 24 лет проголосовали за выход страны из ЕС, в то время как остальные 73% высказались за сохранение статус-кво. В возрасте от 35 до 44 лет за выход из Евросоюза проголосовали 48%, за то чтобы остаться в составе ЕС – 52%. Вместе с тем население от 45 до 54 лет в большинстве своем проголосовали за выход (56 против 44%). Наконец, 60% людей пожилого возраста, старше 55 лет, поддерживали Брекзит [13]. Учитывая, что среди шотландцев идея сохранения

членства в ЕС имела бóльшую поддержку, распределение голосов по возрастным группам в Шотландии было еще более показательным.

Таким образом, вполне ясно высказанная позиция шотландцев по вынесенному на референдум вопросу дала политической элите региона новые основания для того, чтобы отстаивать право жителей Шотландии на очередное волеизъявление по вопросу ее независимости. Однако несмотря на то что население Шотландии по-прежнему скептически относится к политике центрального правительства, инициировавшего процесс выхода из ЕС, оно вместе с тем проявляет осторожность: по данным на июль 2017 г., 60% шотландцев пока не готовы к проведению такого референдума [6]. Тем не менее очевидно, что Брекзит стал дополнительным и весьма существенным фактором, обеспечивающим высокую легитимность идеи нового референдума о независимости Шотландии, поскольку ее население в целом выступает в поддержку ЕС и связывает свое благополучие и будущее с членством в Евросоюзе.

Таким образом, в зависимости от будущего политического курса Шотландии существует несколько возможных сценариев дальнейшего развития событий. Попробуем кратко их описать.

1. Шотландия как составная часть Великобритании выходит из Европейского союза.

Этот вариант возможен, если шотландской политической элите не удастся добиться проведения второго референдума о независимости региона. В таком случае Шотландия продолжит существовать в рамках единой валютной и банковской системы Великобритании, сохранит прочные деловые связи с соседними регионами Соединенного Королевства, а также поддержку НАТО (этот вопрос напрямую касается национальной безопасности Шотландии). Кроме того, регион избежит значительных административных издержек, связанных с учреждением новых государственных институтов [4].

2. Шотландия остается в составе Великобритании, однако формально приобретает статус члена ЕС (или формирует особые отношения с ЕС в тех сферах, где полномочия переданы шотландским органам власти).

Подобный сценарий был предложен вскоре после проведения референдума о выходе Великобритании из ЕС, когда первый министр Шотландии, лидер ШНП Н. Стёрджен провела переговоры с несколькими влиятельными фигурами европейского истеблишмента. Стёрджен настаивала на том, что регион не хочет терять преимуществ европейской интеграции, следовательно, необходимо обсудить возможность для Шотландии заключить специальные соглашения с ЕС либо получить специальный статус внутри Евросоюза. Тем более что похожий прецедент в истории европейской интеграции уже имеется: в 1985 г. Гренландия, автономная территория в составе Дании, вышла из Европейского союза. Значит, возможен и обратный вариант: регион, находя-

щийся в составе страны, не являющейся членом ЕС, может юридически принадлежать к Евросоюзу либо иметь формальные соглашения с ним.

В настоящее время европейские политики не делают публичных заявлений по этой теме, однако некоторые из них явно заинтересованы в таком развитии событий. По мнению шотландского политика, члена ШНП Дж. Черри, «если есть политическая воля, то юридический способ будет найден. Путь можно найти, но он будет непростым». Свое мнение Дж. Черри аргументирует так: шотландцы – давние члены ЕС, европейские граждане, имеющие определенные права; лишение европейских граждан тех прав, которые они сами желают сохранить, противоречит духу европейских законов и менталитету «общего европейского дома» [2].

3. Шотландия, проведя второй референдум о независимости, выходит из состава Великобритании, однако ей не удастся ни стать членом ЕС, ни получить специальный статус внутри Евросоюза.

Такой вариант развития событий также возможен, но, даже если вопрос о проведении второго референдума будет решен в пользу шотландских националистов, то, согласно последним опросам общественного мнения, шотландский народ в большинстве своем не поддержит идею о независимости [11]. Тем не менее, учитывая статистическую погрешность и весьма небольшой отрыв в результатах опросов, обратный вариант тоже возможен.

Вместе с тем хочется отметить, что в случае выхода из состава Великобритании Шотландия вряд ли получит статус официального или специального члена ЕС. Причина в том, что в Европейском союзе есть ряд государств, отдельные регионы которых стремятся к независимости, а потому эти страны сопротивляются любым идеям выстраивания разного рода взаимоотношений и налаживанию взаимодействия между европейскими наднациональными институтами и региональными органами власти. Среди этих стран – Испания, где в последнее время еще более активизировалось каталонское национальное движение; Бельгия, которая не в силах разрешить внутренний этнополитический конфликт между валлонами и фламандцами; Франция, где продолжаются споры о самоопределении Корсики; Италия с ее Южным Тиролем, где действуют партии, выступающие за выход этого региона из состава Италии и его последующее воссоединение с Австрией. Движения за самоопределение существуют и в других государствах – членах Европейского союза. Все эти страны будут находиться в жесткой оппозиции идеям шотландских националистов, связанным со вступлением в ЕС независимой Шотландии.

Наиболее вероятным представляется первый сценарий: Шотландия вместе с Великобританией покидает ЕС. Это связано с тем, что, во-первых, весной 2017 г. был запущен процесс выхода Великобритании из интеграционного объединения, который, по мнению большинства аналитиков, должен занять около двух лет или более.

Во-вторых, даже в случае проведения второго референдума о независимости Шотландии в настоящее время ее жители вряд ли поддержат дальнейшее обострение политической ситуации в стране.

В-третьих, сама возможность проведения второго референдума пока не имеет достаточно четких обоснований, юридически обязывающих к инициированию подобного волеизъявления.

Таким образом, современная политическая повестка в области международных и национальных отношений во многом связана с тем, что процесс принятия решений все в большей степени становится многоуровневым. Обязательное условие поддержания политического единства – признание авторитета центральной власти не одной группой, но всеми культурными группами, проживающими в государстве. Сотрудничество центрального правительства с обществом и высокий уровень доверия обществу, с одной стороны, снижают управленческие риски, с другой – приводят к признанию центральной властью других политических центров, существующих в стране. Наличие множества центров власти, признающих легитимность друг друга, обеспечивает государству относительную стабильность. Однако различные факторы международной политики, прежде всего – политики ЕС, ощутимо влияют на политическую судьбу каждого отдельно взятого центра на национальном и субнациональном уровнях, а также на взаимодействие между ними.

Именно поэтому Брекзит стал причиной серьезных подвижек не только внутри Соединенного Королевства, но даже за его пределами. В частности, Брекзит поставил вопрос о необходимости выработать новые принципы взаимодействия в коммунитарном пространстве между странами – участниками ЕС и субнациональными единицами в их составе, поскольку, с одной стороны, в Европе набирают силу сепаратистские региональные движения, с другой – государства считают необходимым в определенных пределах сохранять государственный суверенитет. Очевидно, что в таких условиях региональные политические движения будут только усиливаться.

Библиография

1. Ананьева Е. Брекзит: Простые решения сложных вопросов порождают трудности. Аналитическая записка. 2016. № 15 (№ 45) // Институт Европы РАН: Официальный сайт. URL: <http://instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/an45.pdf> (Дата обращения: 11.12.2016.)
2. Депутат SNP: Шотландия может остаться в ЕС, не выходя из состава Британии // РИА Новости. 2016. 13 окт. URL: <https://ria.ru/world/20161013/1479162977.html> (Дата обращения: 11.12.2016.)
3. Еремина Н.В. Региональная экономика Соединенного Королевства на примере Уэльса, Шотландии и Северной Ирландии: От конституционной реформы до кризиса // Проблемы современной экономики. 2010. № 3. С. 280–284.
4. Кагриманян А.С. Независимость Шотландии: Быть или не быть // Политика и общество. 2014. № 7 (115). С. 745–752.

5. 2015 General election results summary // UK Political Info. URL: www.ukpolitical.info/2015.htm (Дата обращения: 11.12.2016.)
6. Becket A. Sturgeon's dreams of a second Scottish independence referendum shattered by new poll // Business Insider UK. 2017. Jun. 15. URL: <http://uk.businessinsider.com/poll-majority-of-scottish-people-dont-want-second-independence-referendum-sturgeon-2017-6> (Дата обращения: 10.11.2017.)
7. David Cameron pledges EU referendum if Conservatives win next election // RTÉ. 2013. 24 Jan. URL: www.rte.ie/news/2013/0123/364037-david-cameron-eu/ (Дата обращения: 11.12.2016.)
8. Elect a local champion. SNP Manifesto 2010 // Political Science Resources. URL: <http://www.politicsresources.net/area/uk/ge10/man/parties/SNP.pdf> (Дата обращения: 04.12.2016.)
9. EU Referendum. Results // BBC News. URL: http://www.bbc.com/news/politics/eu_referendum/results (Дата обращения: 11.12.2016.)
10. Heart of the Manifesto 2001 // Political Science Resources. URL: <http://www.politicsresources.net/area/uk/e01/man/snpman01.pdf> (Дата обращения: 04.12.2016.)
11. Herald/BMG Poll: Published Scottish Independence Voting Intention results September 2016 // BMG RESEARCH. 2016. 14 Oct. URL: www.bmgresearch.co.uk/scottish-independence-voting-intention-results-september-2016/?platform=hootsuite (Дата обращения: 04.12.2016.)
12. Hunt A., Wheeler B. Brexit: All you need to know about the UK leaving the EU // BBC News. 2018. 5 Dec. URL: <http://www.bbc.com/news/uk-politics-32810887> (Дата обращения: 11.12.2016.)
13. Lord Ashcroft Polls. How the United Kingdom voted on Thursday... and why // Lordashcrofthpolls.com. 2016. June 24. URL: <http://lordashcrofthpolls.com/2016/06/how-the-united-kingdom-voted-and-why/#more-14746> (Дата обращения: 11.12.2016.)
14. McEwen N. Nationalism and the State: Welfare and Identity in Scotland and Quebec. Brussels: P.I.E. PETER LANG, 2006. 212 p.
15. Our Manifesto. SNP Manifesto 2005 // GlasgowSNP: Official Website. 2005. URL: <http://www.glasgow SNP.org/images/stories/2005/2005manifesto.pdf> (Дата обращения: 04.12.2016.)
16. Re-elect. SNP Manifesto 2016 // Scottish National Party: Official Website. URL: https://d3n8a8pro7vhnmx.cloudfront.net/thesnp/pages/5540/attachments/original/1461753756/SNP_Manifesto2016-accessible.pdf?1461753756 (Дата обращения: 10.12.2016.)
17. Scotland decides: SCOTLAND VOTES NO // BBC News. URL: <http://www.bbc.com/news/events/scotland-decides/results> (Дата обращения: 10.12.2016.)
18. Scottish independence: Cameron, Miliband and Clegg sign 'No' vote pledge // BBC News. 2014. Sept. 16. URL: www.bbc.com/news/uk-scotland-scotland-politics-29213418 (Дата обращения: 11.12.2016.)
19. Scottish Parliament Elections 2016: SNP wins historic third term // The Telegraph. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/2016/05/05/scottish-parliament-elections-2016-follow-the-latest-news-as-the/> (Дата обращения: 10.12.2016.)
20. Simpson L., Smith A. Who feels Scottish: National identities and ethnicity in Scotland // ESRC Centre on Dynamics of Ethnicity (CoDE). 2014. August. URL: https://www.academia.edu/7894757/Who_Feels_Scottish_national_identities_and_ethnicity_in_Scotland_lead_author_Ludi_Simpson?auto=download (Дата обращения: 10.12.2016.)
21. Stronger for Scotland. SNP Manifesto 2015 // Lancaster University. URL: <http://ucrel.lancs.ac.uk/wmatrix/ukmanifestos2015/localpdf/SNP.pdf> (Дата обращения: 10.12.2016.)
22. The Implementation of the Smith Agreement // Parliament.uk. 2015. March 10. URL: www.publications.parliament.uk/pa/cm201415/cmselect/cmselect/835/83504.htm#a1 (Дата обращения: 11.12.2016.)

23. Weber V. Scottish, English, British, European identities: a literature review // The University of Edinburgh. URL: http://www.sociology.ed.ac.uk/youth/docs/v_webers_lit_rev.pdf (Дата обращения: 10.12.2016.)

Reference

Anan'eva E. Brekzit: Prostye reshenija slozhnyh voprosov porozhdajut trudnosti. Analiticheskaja zapiska. 2016. N 15 (N 45) // Institut Evropy RAN: Official Website. URL: <http://instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/an45.pdf> (Data obrashhenija: 11.12.2016.)

Becket A. Sturgeon's dreams of a second Scottish independence referendum shattered by new poll // Business Insider UK. 2017. Jun. 15. URL: <http://uk.businessinsider.com/poll-majority-of-scottish-people-dont-want-second-independence-referendum-sturgeon-2017-6> (Data obrashhenija: 10.11.2017.)

David Cameron pledges EU referendum if Conservatives win next election // RTÉ. 2013. 24 Jan. URL: www.rte.ie/news/2013/0123/364037-david-cameron-eu/ (Data obrashhenija: 11.12.2016.)

Deputat SNP: Shotlandija mozhet ostat'sja v ES, ne vyhodja iz sostava Britanii // RIA Novosti. 2016. Oct. 13. URL: <https://ria.ru/world/20161013/1479162977.html> (Data obrashhenija: 11.12.2016.)

Elect a local champion. SNP Manifesto 2010 // Political Science Resources. URL: <http://www.politicsresources.net/area/uk/ge10/man/parties/SNP.pdf> (Data obrashhenija: 04.12.2016.)

Eremina N.V. Regional'naja jekonomika Soedinennogo Korolevstva na primere Ujel'sa, Shotlandii i Severnoj Irlandii: Ot konstitucionnoj reformy do krizisa // Problemy sovremennoj jekonomiki. 2010. N 3. P. 280–284.

EU Referendum. Results // BBC News. URL: http://www.bbc.com/news/politics/eu_referendum/results (Data obrashhenija: 11.12.2016.)

Heart of the Manifesto 2001 // Political Science Resources. URL: <http://www.politicsresources.net/area/uk/e01/man/snpman01.pdf> (Data obrashhenija: 04.12.2016.)

Herald/BMG Poll: Published Scottish Independence Voting Intention results September 2016 // BMG RESEARCH. 2016. 14 Oct. URL: www.bmgresearch.co.uk/scottish-independence-voting-intention-results-september-2016/?platform=hootsuite (Data obrashhenija: 04.12.2016.)

Hunt A., Wheeler B. Brexit: All you need to know about the UK leaving the EU // BBC News. 2018. 5 Dec. URL: <http://www.bbc.com/news/uk-politics-32810887> (Data obrashhenija: 11.12.2016.)

Kagrimanjan A.S. Nezavisimost' Shotlandii: Byt' ili ne byt' // Politika i obshhestvo. 2014. N 7 (115). P. 745–752.

Lord Ashcroft Polls. How the United Kingdom voted on Thursday... and why // Lordashcrofthpolls.com. 2016. June 24. URL: <http://lordashcrofthpolls.com/2016/06/how-the-united-kingdom-voted-and-why/#more-14746> (Data obrashhenija: 11.12.2016.)

McEwen N. Nationalism and the State: Welfare and Identity in Scotland and Quebec. Brussels: P.I.E. PETER LANG, 2006. 212 p.

Our Manifesto. SNP Manifesto 2005 // GlasgowSNP: Official Website. 2005. URL: <http://www.glasgow SNP.org/images/stories/2005/2005manifesto.pdf> (Data obrashhenija: 04.12.2016.)

Re-elect. SNP Manifesto 2016 // Scottish National Party: Official Website. URL: https://d3n8a8pro7vnm.cloudfront.net/thesnp/pages/5540/attachments/original/1461753756/SNP_Manifesto2016-accessible.pdf?1461753756 (Data obrashhenija: 10.12.2016.)

Scotland decides: SCOTLAND VOTES NO // BBC News. URL: <http://www.bbc.com/news/events/scotland-decides/results> (Data obrashhenija: 10.12.2016.)

Scottish independence: Cameron, Miliband and Clegg sign 'No' vote pledge // BBC News. 2014. Sept. 16. URL: www.bbc.com/news/uk-scotland-scotland-politics-29213418 (Data obrashhenija: 11.12.2016.)

Scottish Parliament Elections 2016: SNP wins historic third term // The Telegraph. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/2016/05/05/scottish-parliament-elections-2016-follow-the-latest-news-as-the/> (Data obrashhenija: 10.12.2016.)

Simpson L., Smith A. Who feels Scottish: National identities and ethnicity in Scotland // ESRC Centre on Dynamics of Ethnicity (CoDE). 2014. August. URL: https://www.academia.edu/7894757/Who_Feels_Scottish_national_identities_and_ethnicity_in_Scotland_lead_author_Ludi_Simpson?auto=download (Data obrashhenija: 10.12.2016.)

Stronger for Scotland. SNP Manifesto 2015 // Lancaster University. URL: <http://ucrel.lancs.ac.uk/wmatrix/ukmanifestos2015/localpdf/SNP.pdf> (Data obrashhenija: 10.12.2016.)

The Implementation of the Smith Agreement // Parliament.uk. 2015. March 10. URL: www.publications.parliament.uk/pa/cm201415/cmselect/cmsscota/835/83504.htm#a1 (Data obrashhenija: 11.12.2016.)

2015 General election results summary // UK Political Info. URL: www.ukpolitical.info/2015.htm (Data obrashhenija: 11.12.2016.)

Weber V. Scottish, English, British, European identities: a literature review // The University of Edinburgh. URL: http://www.sociology.ed.ac.uk/youth/docs/v_webers_lit_rev.pdf (Data obrashhenija: 10.12.2016.)

Ф.О. Трунов

**ДИПЛОМАТИЯ ФРГ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ:
РОССИЙСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ**

***Аннотация.** В статье рассматривается изменение схемы применения Германией политических рычагов в отношениях с РФ с 2014 г. Участвуя в попытках Запада осуществить частичную дипломатическую изоляцию России, ФРГ старается в то же время сохранить возможности прямого доведения до нее своей позиции. Для этого используются, особенно на высшем уровне, канал телефонных переговоров, «Нормандский формат» и встречи на полях крупных международных конференций. Особое внимание уделено восстановлению межгосударственных консультаций на высшем уровне (с 2017 г.), организуемых в Сочи.*

***Ключевые слова:** Германия; Россия; дипломатия; инструменты; «Нормандский формат».*

Трунов Филипп Олегович – кандидат политических наук,
старший научный сотрудник Отдела Европы
и Америки ИНИОН РАН. E-mail: 1 trunov@mail.ru

**Ph.O. Trunov. Diplomacy of Germany During the Modern Period:
Russian Direction**

***Abstract.** The article explores the change in the use of political tools by Germany in its relations with Russia since 2014. Participating in the Western attempts to ensure diplomatic isolation of Russia, Germany at the same time strives to use the elements of «soft power» in its direct relations with Moscow, such as telephone contacts, the «Normandy format» and meetings on the margin of major international conferences. Special attention is paid to the factor of the restoration of interstate consultations at the highest level (since 2017), which are organized in Sochi.*

***Keywords:** Germany; Russia; diplomacy; tools; «Normandy format».*

Trunov Philipp Olegovich – Candidate of Political Science,
Senior Researcher, Department of Europe and America,
INION RAS, Moscow. E-mail: 1 trunov@mail.ru

Вопросам развития дипломатических отношений РФ и ФРГ посвящено много отечественных [2; 3] и зарубежных [8; 9] исследований. Их отличают две важные особенности. Первая – недостаток публикаций по эволюции взаимоотношений двух держав в условиях стратегического ухудшения отношений России и Запада в целом, т.е. с 2014 г. Это обусловлено незавершенностью и большой изменчивостью содержания политических диалогов обеих стран. Вторая особенность состоит в том, что в большинстве исследований внимание в основном уделялось самому контенту и результатам развития переговорного процесса. При этом недостаточно исследовалась схема использования каждой из сторон набора дипломатических инструментов и механизмов (двусторонних и многосторонних, в том числе институционализированных). Поэтому важно выявить модели применения ФРГ ее политических рычагов. Это, думается, поможет прогнозировать внешнеполитический курс державы, исторически игравшей огромную роль в налаживании диалога России с Западом. Попытаемся показать эволюцию подхода Германии к использованию дипломатических инструментов в отношении РФ с 2014 г.

В своем развитии с начала 1990-х годов отношения объединившейся Германии и постсоветской России, с одной стороны, опирались на колоссальный исторический багаж. С другой стороны, по своему характеру они существенно отличались от той модели взаимодействия между СССР и ФРГ, которая существовала в годы «классической» холодной войны. На современном этапе это обусловлено соразмерностью суммарного ресурсного потенциала двух держав (в отличие Советского Союза как сверхдержавы и «Боннской республики» как «малой державы»). Не менее важны и масштабные метаморфозы миропорядка, начавшиеся после окончания холодной войны.

В целом динамика отношений России и Германии носила скачкообразный характер: периоды подъема (1991–1994 гг. и 2001–2005 гг.) сменялись периодами ухудшения отношений.

До середины 2010-х годов временем наибольшего спада в диалоге держав считался период 1998–1999 гг. Ключевой причиной являлись глубокие разногласия сторон в подходе к урегулированию «косовской проблемы». Правительство Г. Коля / К. Кинкеля (блок ХДС / ХСС и СвДП), а вслед за ним и вновь избранное правительство Г. Шрёдера / Й. Фишера (СДПГ и Союз 90 / «Зелёные») последовательно выступали в поддержку силового давления на Югославию, перечеркивая тем самым миротворческие усилия России. В ходе последовавшего сближения стороны приступили к повышению степени институционализации сотрудничества: в 2001 г. был создан форум гражданских обществ «Петербургский диалог», параллельно кабинет Г. Шрёдера / Й. Фишера сыграл значительную роль в создании Совета Россия – НАТО (2002). Пиком сотрудничества стала координация позиций сторон в рамках «тройки» (создана в 1998 г.) РФ – ФРГ – Франция по урегулированию военно-

политического кризиса вокруг Ирака (февраль-март 2003 г.), т.е. недопущению военной операции США и их партнеров по «коалиции желающих». С точки зрения автора, столь динамичный переход политического диалога от состояния упадка к резкому подъему обуславливался двумя факторами. Во-первых, это укрепление позиций ФРГ как нового центра влияния в евроатлантической региональной подсистеме, совпавшее с фактическим переходом США из состояния лидера (т.е. добровольно признаваемого ключевого актора) в ней к роли гегемона (доминирующего игрока, навязывающего свои решения силой). В этой ситуации высок был стратегический интерес Германии к РФ как влиятельному партнеру, расположенному за пределами Евро-Атлантического сообщества, диалог с которым существенно укреплял позиции ФРГ как на региональном, так и глобальном уровнях. Во-вторых, интересы двух держав не пересекались на постсоветском пространстве – направлении, приобретавшем в начале XXI в. исключительное значение для РФ. Ситуация стала изменяться с середины 2000-х годов, когда в условиях расширения ЕС и НАТО на страны Восточной Европы эти структуры (а значит, и ФРГ как их весьма влиятельный участник) стали непосредственно соприкасаться с постсоветским пространством.

Этот фактор проявился уже в 2008 г. С одной стороны, Франция и Германия сыграли значимую роль в прекращении собственно боевых действий, прямо и косвенно участвуя в принятии «плана Медведева – Саркози». С другой стороны, как и ее западные партнеры, ФРГ взяла последовательный курс на поддержку официального Тбилиси, осудив признание Россией независимости Абхазии и Осетии (2008).

С начала 2010-х годов стала нарастать скорость параллельных процессов укрепления позиций ФРГ и РФ как на постсоветском пространстве, так и на Ближнем Востоке. Германия позиционировала себя как «ядро» евроатлантической региональной подсистемы, а Россия – вновь возникавшей евразийской, которая де-факто рассматривалась Западом в качестве стратегического конкурента [см.: 16]. Это определило роль региональных «болевых узлов» (особенно на пространстве СНГ) как ключевых «спойлеров» отношений двух держав. В связи с этим украинские события оказали неизмеримо большее – как по масштабу, так и по продолжительности – негативное влияние на диалог РФ и ФРГ, чем «августовская война» 2008 г.

Схема применения дипломатических инструментов ФРГ в условиях стратегического ухудшения отношений Запада и России

Отказ Президента Украины В.Ф. Януковича от подписания соглашения об ассоциации с ЕС в ходе Вильнюсского саммита «Восточного партнерства»

28–29 ноября 2013 г. стал масштабным поражением дипломатии ЕС и его стран-участниц – особенно ФРГ как лидера. На фоне нараставших внутренних кризисных проявлений (финансовых и в целом экономических, институциональных и даже идеологических) успешный процесс расширения Европейского союза – как непосредственного, так и косвенного (на государства, подписавшие соглашения об ассоциации) – выступал для объединения фактором компенсации. В этой ситуации истеблишмент ФРГ и стран – участниц ЕС в целом попытался «отыграть» ситуацию назад, обеспечив сближение Украины и Европейского союза. В условиях активной поддержки Западом (особенно США) выступлений оппозиции в Киеве гарантами соглашения между ней и президентом Украины 22 февраля 2014 г. стали Германия, Франция и Польша. Однако уже 23 февраля 2014 г. оно было нарушено – к власти в Украине пришла прозападная оппозиция.

На фоне этого власти ФРГ весьма скептически воспринимали поддержку со стороны РФ регионов Украины с преобладающим русскоязычным населением. Перспективное видение отношений с Россией было изложено в речи А. Меркель перед Бундестагом 13 марта 2014 г. Канцлер представила два возможных сценария:

1. В случае отказа РФ от активной поддержки русскоязычного населения (особенно на востоке Украины и в Крыму) сохранение имеющегося масштаба политико-дипломатического и экономического взаимодействия Запада с Россией. При этом для снятия опасений Кремля Германия предлагала создать Контактную группу (с участием ФРГ и ЕС, России, Украины), которую предполагалось наделить, по сути, полномочиями лишь по мониторингу ситуации.

2. При сохранении избранной Россией линии взаимодействие с ней на базе действующих переговорных форматов должно было быть свернуто. После этого должны были поэтапно вводиться санкции (в первую очередь экономические) в зависимости от масштаба шагов РФ и длительности реализации курса по поддержке русскоязычного населения в Украине. Планировалось при этом создать одну площадку (*ad hoc*) как механизм изменения политики России [16, S. 1520 A–1521 D].

В условиях возвращения Крыма в состав России (17 марта 2014 г.) и самопровозглашения Донецкой и Луганской народных республик, что сопровождалось началом вооруженного конфликта с ними со стороны официального Киева, германская сторона стала реализовывать второй сценарий.

С 1 апреля 2014 г. было заморожено взаимодействие с РФ по линии Альянса, в том числе прекращена деятельность Совета Россия – НАТО, который задумывался в 2000-е годы как «всепогодный формат». Германия, особенно с 2015 г., принимала активное участие в военно-тренировочной деятельности блока в Восточной Европе, масштаб которой существенно возрос. С конца 2016 г. под эгидой Альянса Германия (впервые со времен Второй мировой

войны) развернула наземные подразделения бундесвера в регионе (в основном в Прибалтике) [1].

Однако если придание НАТО функций механизма военно-политического противодействия РФ стало уже традиционным для кризисов отношений Запада и России в XXI в., то превращение площадки ЕС в мощный инструмент экономического давления на РФ стало качественно новым явлением. Наиболее масштабные санкции были введены после уничтожения в воздухе над зоной вооруженного конфликта пассажирского «Боинга» (летел из Малайзии в Нидерланды с почти 300 пассажирами на борту) 17 июля 2014 г., в чем страны Запада обвинили Россию [17]. Так и не была реализована «Мезебергская инициатива» (2010) А. Меркель и тогдашнего Президента РФ Д.А. Медведева по созданию специального Комитета ЕС – Россия для урегулирования «проблемных узлов», особенно на постсоветском пространстве. Параллельно державы Евро-Атлантического сообщества выступили против приглашения Кремля на саммиты G8, что означало возвращение формата Большой семерки из числа исключительно западных держав (в том числе Японии).

Параллельно процесс свертывания институционализованного сотрудничества с РФ затронул и двусторонние площадки: в 2014 г. не состоялись ни межгосударственные консультации на высшем уровне, ни «Петербургский диалог». По мнению германской стороны, востребованность в запуске «тройки» РФ – ФРГ – Франция отсутствовала [см.: 16]. Кроме того, была существенно снижена интенсивность встреч в рамках дипломатии «второго трека», т.е. экспертных встреч.

Таким образом, де-юре Германия поддержала своих западных партнеров во главе с США, стремившихся ввести частичную дипломатическую изоляцию России с целью добиться кардинального пересмотра ее позиции по «украинскому вопросу» и превращения в лояльного Евро-Атлантическому сообществу партнера. Однако в процессе реализации экономических и особенно военных мер против РФ ФРГ проявляла взвешенность, стремясь осуществлять их поэтапно и не переходить «красные линии», которые могли бы спровоцировать неконтролируемую эскалацию напряженности.

Этим было чревато и возникновение полного «вакуума» на переговорном поле с РФ, чего, как бы парадоксально это ни казалось на первый взгляд, германская сторона стремилась избежать. С одной стороны, Германия прекратила свое взаимодействие с Россией по абсолютному большинству институционализированных каналов. С другой стороны, это частично компенсировалось тремя мерами германской стороны:

1) резким повышением интенсивности использования традиционных каналов – в первую очередь телефонных консультаций – для диалога на высшем уровне (см. таблицу). Этот вид переговоров позволял избежать организации полноценных двусторонних встреч, что было бы воспринято как попытка

сближения с Россией до достижения целей по Украине. Одновременно этот канал позволял оперативно доводить свою позицию до оппонента;

2) запуском одного отдельного формата *ad hoc*, продолжение функционирования которого ставилось бы в зависимость от готовности России идти на уступки Западу (таковым с июня 2014 г. стала «Нормандская четверка»);

3) организацией кратких встреч лидеров ФРГ и РФ «на полях» форумов, где были одновременно представлены не только страны Запада, но и державы, расположенные за пределами Евро-Атлантического сообщества (в первую очередь, G20). Этот вид переговоров по своей формальной политической значимости также располагался ниже отдельных официальных встреч.

Де-юре осуществление этих мер позволяло Германии пройти между Сциллой демонтажа системы частичной дипломатической изоляции РФ и Харибдой полной потери контактов и доверия между сторонами. Между тем реализация этой линии приводила к еще одному парадоксу – основные контакты происходили на двусторонней (а не многосторонней) основе, к чему российская сторона последовательно стремилась с начала 1990-х годов. Безусловно, это не означало отказа ФРГ от роли страны – участницы Евро-Атлантического сообщества – Германия последовательно отстаивала интересы ЕС и НАТО, но сквозь призму своих интересов в этих организациях. Такая позиция позволяла сохранять диалог, не допуская неконтролируемой эскалации военно-политической напряженности.

Резкий рост интенсивности телефонных переговоров между лидерами ФРГ и РФ наблюдался с 20 февраля по конец марта 2014 г. (восемь контактов), что было связано со стремлением А. Меркель довести до своего визави сущность и возможный масштаб рестриктивных мер в отношении России. На решение этой задачи были направлены и усилия главы МИД ФРГ Ф.-В. Штайнмайера, прошедшего рабочую встречу с С.В. Лавровым и В.В. Путиным еще 14 февраля 2014 г., незадолго до попытки легализации бывшей оппозиции в руководстве Украины [5]. Но в апреле – середине мая 2014 г. на фоне возникновения очага боевых действий на востоке Украины телефонное общение на высшем уровне было сведено к минимуму (лишь один контакт), а параллельно была введена первая волна экономических санкций.

Напротив, с конца мая 2014 г. наблюдалась новая волна интенсификации телефонных контактов – только в июне-июле их было по пять ежемесячно. 24 мая 2014 г. впервые консультации были проведены с участием президента Ф. Олланда [10]. Именно на них германо-французский тандем инициировал запуск четырехстороннего (с участием РФ и Украины) формата, первая встреча которого была организована на праздновании 70-летия высадки западных союзников в Нормандии (откуда и произошло его название). Телефонные переговоры 24 мая 2014 г. показали заинтересованность ФРГ

в возобновлении консультаций в формате «тройки». Однако если в 2003 г. внутренняя схема взаимодействия трех держав описывалась формулой «1+1+1», то теперь – «2+1», т.е. германо-французский тандем стремился оказать консолидированное влияние на РФ с целью отказа от поддержки ею ДНР и ЛНР. Де-юре стороны сходились в необходимости скорейшего полного прекращения огня. Однако механизмы достижения этой цели (вновь созданная Контактная группа с участием Украины, ДНР и ЛНР, ОБСЕ, а также мониторинговая миссия ОБСЕ) оказались недостаточными, а германо-французский тандем не оказывал необходимого по масштабу влияния на власти в Киеве для прекращения ими боевых действий.

Как видно из таблицы, лишь небольшая часть телефонных переговоров проводилась ФРГ с РФ в формате «четверки»: большинство из них проходили в двустороннем или трехстороннем формате. В июле-августе 2014 г. сформировалась следующая схема консультаций: сначала германо-французский тандем согласовывал свои позиции с вновь избранным президентом П. Порошенко и лишь затем с руководством РФ. Учет позиции официального Киева был для держав ЕС актуален вдвойне в условиях неоднократных попыток наступления украинских войск, сумевших серьезно сократить площадь подконтрольной ДНР и ЛНР территории. В этой связи власти Украины призывали своих западных партнеров де-факто говорить с позиций силы после полной ликвидации самопровозглашенных республик [15].

Интенсивность телефонных консультаций вновь резко сократилась в конце августа – начале сентября 2014 г., когда войска ДНР и ЛНР перешли в контрнаступление. Оно стало предпосылкой заключения договоренностей «Минск-1» (5 сентября 2014 г.) о прекращении огня между официальным Киевом и самопровозглашенными республиками при посреднической роли РФ. Германия и Франция не участвовали в ведении переговоров – более того, в день подписания «Минска-1» обе страны поддержали решение Уэльского саммита НАТО о серьезном наращивании общих для стран – участниц Альянса военных механизмов (в первую очередь, сил быстрого реагирования). Чем это обусловлено? Заключение договоренностей о прекращении огня являлось промежуточной, но не итоговой целью держав ЕС, ибо не означало кардинального пересмотра политики России в «украинском вопросе». Кроме того, «Минск-1» рассматривался на Западе как соглашение с участием сторон вооруженного конфликта, т.е. и России, хотя она последовательно отрицала это, рассматривая себя лишь как посредника.

Вместе с тем германская дипломатия стремилась добиться выполнения «Минска-1» от сторон – в первую очередь от самопровозглашенных республик (через Россию). Этим обусловлен рост телефонных консультаций в конце сентября – октябре (три контакта) и конце декабря (два контакта), когда

вновь появились признаки «размораживания» вооруженного конфликта по всей линии соприкосновения сторон.

*Таблица**

**СТАТИСТИКА ТЕЛЕФОННЫХ ПЕРЕГОВОРОВ КАНЦЛЕРА ФРГ
И ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ (2013 – май 2018 г.)**

<i>Год</i>	<i>2013</i>	<i>2014</i>	<i>2015</i>	<i>2016</i>	<i>2017</i>	<i>2018**</i>	<i>Всего</i>
Общее число телефонных переговоров	2	29	13	3	7	5	69
в том числе в «Нормандском формате»	0	4 (14%)	6 (46%)	0	2 (29%)	0	12 (17%)
в том числе в трехстороннем формате (РФ – ФРГ – Франция)	0	4 (14%)	3 (23%)	2 (67%)	2 (29%)	1 (20%)	12 (17%)

* Рассчитано автором на основе сайта Ведомства федерального канцлера (<https://www.bundesregierung.de/SiteGlobals/Forms/Webs/Breg/Suche/DE>).

** По состоянию на 25 мая 2018 г.

Во время первого витка вооруженного конфликта на востоке Украины (с апреля по начало сентября 2014 г.) существовала явная диспропорция объемов и, главное, характера взаимодействия германо-французского тандема в пользу официального Киева по сравнению с Кремлем. В условиях новой вспышки организованного насилия (с конца января по середину февраля 2015 г.) ФРГ и Франция де-факто стали стремиться к более сбалансированной позиции. Во-первых, был понижен градус критики РФ в вопросе невыполнения с западной точки зрения договоренностей «Минск-1». Во-вторых, в условиях возобновления работы «Нормандского формата» как на высоком, так и на высшем уровнях германо-французский тандем стал выполнять функции «челночной дипломатии», стремясь найти взаимоприемлемое решение на основе «Минска-1». Предварительным этапом стало резкое повышение интенсивности телефонных контактов в январе (четыре), а основным – специальный визит А. Меркель и Ф. Олланда в Москву 7 февраля и последовавшая выработка и подписание соглашения «Минск-2» 12 февраля 2015 г. Документ состоял из трех основных блоков:

– *миротворческого*; согласно ему, устанавливались жесткие сроки мер по обеспечению режима прекращения огня (в частности, отвод тяжелых вооружений – в течение двух недель);

– *общеполитического*; в основе лежало компромиссное решение о сохранении территорий ДНР и ЛНР в составе Украины в обмен на предоставление им особого статуса после проведения местных выборов;

– *экономического*; он закреплял общую необходимость восстановления жилья, коммунального хозяйства и производственных мощностей в зоне конфликта [4].

Этот документ стал, по сути, первой «стратегической сделкой» между РФ и германо-французским тандемом со времени начала украинских событий. «Минск-2» имел двоякие последствия: с одной стороны, он стал точкой отсчета для восстановления взаимного доверия (оказавшегося крайне медленным), с другой – одновременно и препятствием в случае своего невыполнения.

В первую неделю после подписания «Минска-2» интенсивность телефонных консультаций на высшем уровне была сверхвысокой (пять контактов). Это было связано с тем, что начать реализацию документа было сложно из-за ликвидации формированиями ЛНР и ДНР «дебальцевского котла»¹. В дальнейшем общее количество телефонных переговоров стало падать, но при этом росло их число в формате «Нормандской четверки». Ключевой причиной тому стало «пробуксовывание» «Минска-2» по всем блокам. Официально западные страны возлагали основную долю ответственности на Россию и обе поддерживаемые ею народные республики. Именно это стало главным посылом А. Меркель во время ее рабочего визита в Москву 10 мая 2015 г. в связи с 70-летием Победы [7].

Вместе с тем переговоры между ФРГ и РФ привели и к положительным результатам. Первый – сохранение приверженности «Минску-2», несмотря на срыв сроков, что указывало на взаимное стремление к потеплению отношений. Второй результат: несмотря на частые отдельные вспышки боевых действий, в целом «размораживания» вооруженного конфликта не произошло. Большое значение имело усиление попыток германо-французского тандема подвигнуть власти в Киеве к реализации «Минска-2». Это влияло и на готовность ФРГ к поиску путей постепенного улучшения отношений с РФ. Примечательно, что в октябре 2015 г. вновь (после перерыва в 2014 г.) был проведен форум «Петербургский диалог», проходивший в Потсдаме.

30 ноября 2015 г. по инициативе А. Меркель на полях конференции ООН по борьбе с изменениями климата была проведена встреча с В.В. Путиным. Стороны затронули не только «украинский вопрос» – причем с точки зрения нормализации экономических отношений между ЕС, Украиной и Россией (с участием П. Порошенко), но и борьбу с «Исламским государством»² [12]. Сам формат этой встречи (с участием Украины и на полях международной конференции) показывал, что формально ФРГ еще не готова к всеобъемлю-

1. Самой восточной точкой наступления ВСУ и формально лояльных официальному Киеву военизированных формирований являлось Дебальцево. Войскам ДНР и ЛНР удалось окружить здесь одну из ударных группировок, что стало предпосылкой готовности властей Украины подписать «Минск-2». – Прим. авт.

2. Запрещенная в России террористическая организация. – Прим. авт.

щему восстановлению политико-дипломатических каналов взаимодействия с РФ, но ищет пути интенсификации диалога.

В первую очередь это обуславливалось глубоким изменением внешне-политической обстановки вокруг Германии. ФРГ и ее партнеры по ЕС в условиях разрастания вооруженного конфликта в Сирии оказались подвержены двум тесно связанным угрозам: массовой иммиграции и росту террористической угрозы (со стороны ИГ). Отказываясь от активного военно-политического сотрудничества с Ираном и правительством Б. Асада в пользу «умеренной» оппозиции (и курдов), державы Запада не могли эффективно противодействовать стремительному росту мощи ИГ. Не решило эту задачу и создание второй западной антитеррористической коалиции (с сентября 2014 г.). Напротив, с началом совместной с САР и ИРИ операции Вооруженных сил РФ в Сирии (с 30 сентября 2015 г.) наблюдались постепенная потеря ИГ инициативы и отход его войск. На этом фоне ход встречи 30 ноября 2015 г. показал понимание официальным Берлином безальтернативности решения «сирийского вопроса» с участием России.

С 2016 г. глубокие сдвиги стали наблюдаться и внутри евро-атлантической региональной подсистемы. Начало выхода Великобритании из ЕС (май 2016 г.) и избрание внесистемного с точки зрения западного истеблишмента кандидата Д. Трампа президентом США (ноябрь 2016 г.) стали «стратегическими шоками» для Германии. В то же время эти факторы расширили возможности по ускоренному утверждению ФРГ в качестве одного из центров притяжения в евро-атлантической региональной подсистеме. Необходимость реагировать на несогласованные с партнерами и часто разрушительные действия администрации Д. Трампа (в частности, по выходу из «ядерной сделки» с Ираном), стремление укрепить собственное влияние в мире побуждали Германию активизировать политико-дипломатическое взаимодействие с Россией – особенно двусторонних встреч лидеров. Однако, представляя себя как защитницу демократических принципов и коллегиальных решений Евро-Атлантического сообщества, Германия была не готова и, главное, не могла с учетом позиции партнеров пойти на «размораживание» многосторонних диалоговых площадок с Россией³.

Такое положение дел предполагало, во-первых, продолжение встреч на полях многосторонних форумов – в частности, G20 в Гамбурге 7–8 июля 2017 г., где А. Меркель обсудила с В.В. Путиным широкий спектр вопросов, выходящих за рамки решения «украинского вопроса». Во-вторых, восстанов-

3. Так, при поддержке ФРГ с 2016 г. вновь стали происходить единичные консультации Совета Россия – НАТО. Однако из-за сопротивления ряда государств Альянса (в частности, стран Балтии и Польши), работа этого формата полностью не была перезапущена. – Прим. авт.

ливался механизм двусторонних межгосударственных консультаций на высшем уровне.

Двусторонние переговоры на высшем уровне: На пути к восстановлению стратегического партнерства?

На фоне стратегического ухудшения отношений Запада и России резко сократилась интенсивность переговоров на высшем уровне в двустороннем формате. Так, за весь третий срок президентства В.В. Путин лишь однажды прибыл в Германию с рабочим визитом (2012) и ни разу – с государственным. В свою очередь, с германской стороны двухлетняя пауза наступила после поездки А. Меркель в РФ в связи с 70-летием Победы. Примечательно, что она состоялась лишь 10 мая 2015 г., т.е. после традиционного парада, на фоне украинских событий воспринимавшегося на Западе как одна из нарочитых демонстраций военно-политической мощи РФ.

Лишь 2 мая 2017 г. вновь состоялся рабочий визит канцлера Германии в Россию. Формально переговоры, проходившие в резиденции президента РФ Бочаров ручей (г. Сочи), рассматривались сторонами как подготовка к саммиту G20 в Гамбурге (7–8 июля 2017 г.). В реальности это была первая, весьма осторожная, попытка взаимного зондажа позиций на предмет их сближения. Об этом свидетельствовало акцентирование внимания на экономическом сотрудничестве – даже в условиях введения санкций ЕС это направление было менее проблемным, чем общеполитическое [13]. Связывая их, канцлер А. Меркель обратила внимание на возможность отмены санкций в случае выполнения «Минска-2» [там же]. Однако на встрече не было выдвинуто инициатив по «дореализации» этих договоренностей. По «сирийской проблеме» стороны согласились с необходимостью увязывать воедино переговорные процессы в Женеве и Астане. Это свидетельствовало о признании растущей роли России в урегулировании вооруженного конфликта в САР.

В фокусе внимания сторон также оказалась борьба с международным терроризмом – трек, содержащий значительный потенциал для взаимодействия. С одной стороны, ФРГ как страна – участница западной антитеррористической коалиции, де-факто конкурирующей с объединением РФ – САР – ИРИ для борьбы с «Исламским государством», не выдвинула инициатив по налаживанию координации между ними. С другой стороны, А. Меркель воздержалась от критики как сирийских властей во главе с Б. Асадом, так и российской военной помощи [13]. Это разительно контрастировало с попытками Германии возложить на РФ, САР и Иран ответственность за начало боев в Алеппо в октябре-ноябре 2016 г. [6]. При этом внимание стороны сосредоточили на возникавшей гуманитарной катастрофе. На практике же не менее

важной задачей являлось спасение остатков «умеренной» оппозиции от полного разгрома.

За год, прошедший со времени встречи 2 мая 2017 г., наметилось постепенное сближение позиций двух держав по многим «болевым узлам». Так, снизилась критика РФ со стороны ФРГ как по «сирийской проблеме», так и по «украинскому вопросу». Более того, Германия позитивно восприняла инициативу Кремля о развертывании на востоке Украины миротворческих сил ООН в зоне деятельности мониторинговой миссии ОБСЕ с целью «замораживания» вооруженного конфликта как основы для дальнейшей реализации «Минска-2». Официальный Берлин проявил готовность к сохранению стратегических сделок с участием РФ: в большей степени это положение относилось к многосторонним договоренностям (соглашение по военной денуклеаризации Ирана (2015)), в меньшей – к двусторонним («Северный поток-2»). Причем проведение этой линии сталкивалось с серьезными как внешними (в первую очередь, давление администрации Д. Трампа), так и внутренними препятствиями. К их числу относился кризис с формированием правительства, затянувшийся на полгода, что произошло впервые в новейшей (с 1949 г.) политической истории ФРГ. Провал переговоров о создании правительства в составе блока ХДС / ХСС, «Зелёных» и СвДП (ноябрь 2017 г.) и трудностей формирования кабинета «большой коалиции» (христианских демократов и социал-демократов) (возник в марте 2018 г.) снизили уровень легитимности IV кабинета А. Меркель. В связи с этим примечательно, что власти ФРГ не поставили под сомнение итоги выборов президента России (около 77% голосовавших поддержали В.В. Путина), поздравив его сразу после переизбрания 18 марта 2018 г.

На этом фоне 18 мая 2018 г. состоялся очередной рабочий визит А. Меркель в Россию – переговоры вновь проходили в резиденции Бочаров ручей. На этот раз они отличались потеплением отношений и большей конкретностью при обсуждении вопросов взаимодействия. А. Меркель и В.В. Путин отмечали растущую экономическую взаимозависимость сторон: в РФ было 5 тыс. германских предприятий (270 тыс. занятых), в ФРГ – 1,5 тыс. российских. Была достигнута предварительная стратегическая договоренность по «Северному потоку-2»: подтверждение его строительства в обмен на сохранение поставок газа через Украину⁴, при условии, как подчеркнул В.В. Путин, их экономической целесообразности [14]. Примечательно,

4. Тезис сохранения Украины без средств, получаемых за транзит газа РФ через свою территорию, был ключевым в аргументации украинского истеблишмента, пытавшегося «торпедировать» реализацию «Северного потока-2». В частности, он был высказан президентом П. Порошенко в ходе встречи лидеров ФРГ и Франции в апреле 2018 г. в Аахене. – Прим. авт.

что в ходе пресс-конференции сторонами не был затронут вопрос о санкциях. Это, по мнению автора, означало, что проблема, учитывая сложность ее разрешения в ближайшей перспективе, была временно выведена за скобки для ускорения общего процесса сближения.

На фоне отказа администрации Д. Трампа от подписания договора о Трансатлантическом партнерстве и готовности начать «таможенную войну» против ЕС развитие экономических отношений с РФ (и в целом с крупными государствами за пределами Евро-Атлантического сообщества) приобретало для ФРГ особое значение. Рост внешней торговли, как отмечали западные исследователи, был одним из ключевых инструментов утверждения Германии в качестве глобальной державы [11, р. 5–10].

На пресс-конференции по итогам первого (один на один) раунда переговоров В.В. Путин следующим образом обозначил последовательность политико-военных тем для обсуждения: сохранение иранской «ядерной сделки», урегулирование «сирийской проблемы» и вооруженного конфликта на востоке Украины. А. Меркель представила обратный порядок рассмотрения этих вопросов, т.е. начинала с направления, где имелись наибольшие расхождения [14]. С учетом проведения переговоров на высшем уровне в РФ (причем во второй раз подряд) эта последовательность указывает, что де-факто Россия выступала инициатором сближения, причем степень заинтересованности руководства ФРГ в выработке приемлемых стратегических решений была даже выше.

Автор полагает, что в данном случае А. Меркель вернулась к принципам «прецедентной дипломатии» времен канцлера Г. Коля: действовать в авангарде партнеров, определяя стратегическую повестку дня. Так, продолжением этой встречи можно считать переговоры Президента Франции Э. Макрона с В.В. Путиным на ПМЭФ 24 мая 2018 г.

По Украине на встрече 18 мая 2018 г. стороны признали необходимость развертывания миротворческой миссии ООН в зоне конфликта, а также возобновления работы «Нормандского формата» Это означало снижение интереса ФРГ к трехсторонним встречам (с участием германо-французского тандема и Украины). Стороны расставили акценты в вопросах экономического восстановления Сирии и координации переговоров в Женеве и Астане. Договорились они и о координации позиций и по краеугольному вопросу – подготовке конституционной реформы в САР [там же], т.е. определении перспективной политической архитектуры страны.

ФРГ и РФ подтвердили приверженность выполнению обязательств по иранской «ядерной сделке», несмотря на объявленный 8 мая 2018 г. администрацией Д. Трампа выход из нее. Наряду со стремлением «развязать» «сирийской узел» эти шаги демонстрировали совместный интерес двух держав к стабилизации обстановки на Ближнем и Среднем Востоке.

Таким образом, в целом канцлеру ФРГ и президенту РФ удалось прочертить магистральные линии взаимодействия по ключевым политико-военным и экономическим вопросам. При этом германская сторона пошла на серьезные уступки и, что не менее важно, продемонстрировала готовность к будущему, хотя и очень медленному, восстановлению уровня отношений до 2014 г. Чем это обусловлено?

Во-первых, ослаблением атлантических связей в условиях ужесточения подхода США к диалогу с европейскими партнерами. Это, как уже отмечалось, создает «окно возможностей» для укрепления позиций ФРГ в евроатлантической региональной подсистеме. Для этого официальному Берлину нужно усиливать позиции и на глобальном уровне, в том числе налаживая отношения с Россией. Но подчеркнем еще раз: нельзя преувеличивать значения этих шагов – ФРГ последовательно продолжает рассматривать себя как государство – член Евро-Атлантического сообщества и не готова пойти на пересмотр противоречащих этому положений своей внешней политики для сближения со странами, находящимися за его пределами.

Во-вторых, Германия все более «увязает» в решении «сирийской проблемы» и «украинского вопроса». Они не только оттягивают значительные (особенно политические и экономические) ресурсы ФРГ, но и мешают ее стратегическому закреплению на постсоветском пространстве и на Ближнем Востоке и продвижению в более отдаленные регионы. В связи с увеличением ресурсных возможностей (особенно политико-военных) и ростом влияния России в мире в Берлине все отчетливее осознают, что без РФ невозможно достичь реального урегулирования вооруженных конфликтов ни в Сирии, ни на востоке Украины.

Сам факт майских встреч на высшем уровне на территории РФ является успехом российской дипломатии. Кремлю удалось найти путь ведения переговоров с Германией в двустороннем, а не многостороннем формате. Весьма высока вероятность возникновения ежегодного «сочинского формата» диалога на высшем уровне РФ и ФРГ. Окончательно это прояснится уже в краткосрочной перспективе, что может существенно изменить схему использования Германией своих дипломатических инструментов на российском направлении.

* * *

В 2014 г. ФРГ приняла активное участие в усилиях коллективного Запада по частичной дипломатической изоляции РФ посредством демонтажа большинства имевшихся переговорных двусторонних и многосторонних площадок. Параллельно германская сторона стала искать обходные каналы донесения информации до РФ, формально не являвшиеся столь же политически значимыми как «замороженные» с 2014 г. При этом де-факто взаимодействие

стало в основном развиваться по двусторонним (или трехсторонним – с участием Франции) трекам. Это обеспечивало возможность продолжения переговорного процесса в условиях стратегического ухудшения отношений институтов Запада (ЕС, НАТО) с РФ.

В ситуации «игры вдолгую» правительство ФРГ стало проявлять интерес к наращиванию дипломатических контактов с Россией. Это было обусловлено не только вызовами извне евро-атлантической региональной подсистемы, но и впервые с начала 1990-х годов изнутри нее.

Формально германское руководство не выступает в поддержку восстановления «замороженных» переговорных площадок, особенно многосторонних. Однако на практике происходит восстановление двусторонних форматов для взаимодействия (в частности, Петербургский диалог), из которых особое значение приобретает механизм межгосударственных консультаций на высшем уровне (с 2017 г.).

Это позволяет предположить, что в перспективе именно ФРГ сможет взять на себя ключевую роль в восстановлении стратегического доверия между Россией и Западом. Так, Германия может выступить инициатором налаживания более тесного взаимодействия между Россией и «евротройкой» (ЕЗ) (ФРГ, Франция, Великобритания) как по имплементации иранской «ядерной сделки», так и в сфере контроля над вооружениями в целом. Соответственно, процесс потепления двусторонних отношений будет опережать темпы нормализации диалога коллективного Запада и России. В ближайшей перспективе обе эти тенденции будут развиваться по принципу «малых шагов». Высокую скорость развития они могут приобрести лишь к середине 2020-х годов.

Библиография

1. Буланов К. В НАТО заявили об участии 16 стран в ротации сил в Восточной Европе // РБК. 2016. 26 окт. URL: <http://www.rbc.ru/politics/26/10/2016/581105489a7947ab15d62082> (Дата обращения: 19.05.2018.)
2. Воробьева Л.М. Внешняя политика ФРГ на пороге XXI века. М.: РИСИ, 2000. 354 с.
3. Павлов Н.В. Внешняя политика ФРГ в постбиполярном мире. М.: Наука, 2005. 410 с.
4. Полный текст Минских соглашений // РИА Новости. 2015. 12 февр. URL: <https://ria.ru/world/20150212/1047311428.html> (Дата обращения: 19.05.2018.)
5. Ausführliche Gespräche in Moskau. 14. Februar 2014 // Die Bundesregierung: Official Website. 2014. 14. Feb. URL: <https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Meldungen/2014/02/2014-02-13-steinmeier-moskau.html> (Дата обращения: 19.05.2018.)
6. Außenminister Steinmeier begrüßt Entsendung von UN-Beobachtern nach Aleppo // Auswärtiges Amt: Official Website. 2016. 20. Dez. URL: http://www.auswaertigesamt.de/DE/Aussenpolitik/Laender/Aktuelle_Artikel/Syrien/201216_Syrien_UNBeobachter.html (Дата обращения: 19.05.2018.)
7. Begrüßungsstatement von Bundeskanzlerin Angela Merkel und Präsident Wladimir Putin am 10. Mai 2015 in Moskau // Die Bundesregierung: Official Website. URL: <https://www.bundes->

regierung.de/Content/DE/Mitschrift/Pressekonferenzen/2015/05/2015-05-10-statement-merkel-moskau.html (Дата обращения: 19.05.2018.)

8. Bos El. Deutsche Interessen und Zielen im GUS-Raum // Handbuch zur deutschen Außenpolitik / S. Schmidt, G. Hellmann, R. Wolf (Hrsg.). Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften; GWV Fachverlage GmbH, 2007. S. 456–461.

9. Von Bredow W. Die Außenpolitik der Bundesrepublik Deutschland. Eine Einführung. Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften; GWV Fachverlage GmbH, 2006. 306 S.

10. Bundeskanzlerin Merkel telefonierte gemeinsam mit Hollande und Putin // Die Bundesregierung: Official Website. 2014. 14. Mai. URL: <https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Pressemitteilungen/BPA/2014/05/2014-05-24-telefonat-merkel-hollande-putin.html> (Дата обращения: 19.05.2018.)

11. Lough J. Germany's Russia challenge. Fellowship monograph. Napoli: NATO Defense College, 2018. 47 p.

12. Merkel spricht mit Putin über Kampf gegen IS // Die Bundesregierung: Official Website. 2015. 30. Nov. URL: <https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Artikel/2015/11/2015-11-30-merkel-putin-poroschenko.html> (Дата обращения: 19.05.2018.)

13. Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und dem russischen Präsidenten, 2. Mai 2017 // Die Bundesregierung: Official Website. 2017. 2. Mai. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/aktuelles/pressekonferenzen/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-dem-russischen-praesidenten-putin-844758> (Дата обращения: 19.05.2018.)

14. Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und dem russischen Präsidenten Wladimir Putin, 18. Mai 2018 // Die Bundesregierung: Official Website. 2018. 18. Mai. URL: <https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Mitschrift/Pressekonferenzen/2018/05/2018-05-18-pk-merkel-putin-sotschi.html> (Дата обращения: 19.05.2018.)

15. Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und dem ukrainischen Präsidenten Petro Poroschenko am 23. August // Die Bundesregierung: Official Website. 2014. 23. August. URL: <https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Mitschrift/Pressekonferenzen/2014/08/2014/2014-08-23-pk-kiew.html> (Дата обращения: 19.05.2018.)

16. Rede von Dr. Angela Merkel, Bundeskanzlerin. Zum Treffen der Staatsund Regierungschefs der Europäischen Union zur Lage in der Ukraine am 6. März 2014 // Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Plenarprotokoll 18/20. Berlin, Donnerstag, den 13. März 2014. S. 1518 C–1521 D.

17. Weitere Sanktionen gegen Russland // Die Bundesregierung: Official Website. 2014. 15. Juli. URL: <https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Reiseberichte/2014-07-15-er-sanktionen-russische-unternehmen.html> (Дата обращения: 19.05.2018.)

References

Bulanov K. V NATO zajavili ob uchastii 16 stran v rotacii sil v Vostochnoj Evrope // RBK. 2016. Oct. 26 / URL: <http://www.rbc.ru/politics/26/10/2016/581105489a7947ab15d62082> (Data obrashhenija: 19.05.2018.)

Vorob'eva L.M. Vneshnjaja politika FRG na poroge XXI veka. Moscow: RISI, 2000. 354 p.

Pavlov N.V. Vneshnjaja politika FRG v postbipoljarnom mire. Moscow: Nauka, 2005. 410 p.

Polnyj tekst Minskih soglashenij // RIA Novosti. 2015. Febr. 12. URL: <https://ria.ru/world/20150212/1047311428.html> (Data obrashhenija: 19.05.2018.)

Ausführliche Gespräche in Moskau. 14. Februar. 2014 // Die Bundesregierung: Official Website. 2014. 14. Feb. URL: <https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Meldungen/2014/02/2014-02-13-steinmeier-moskau.html> (Data obrashhenija: 19.05.2018.)

Außenminister Steinmeier begrüßt Entsendung von UN-Beobachtern nach Aleppo // Auswärtiges Amt: Official Website. 2016. 20. Dez. URL: http://www.auswaertiges-amt.de/DE/Aussenpolitik/Laender/Aktuelle_Artikel/Syrien/201216_Syrien_UNBeobachter.html (Data obrashhenija: 19.05.2018.)

Begrüßungsstatement von Bundeskanzlerin Angela Merkel und Präsident Wladimir Putin am 10. Mai 2015 in Moskau // Die Bundesregierung: Official Website. URL: <https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Mitschrift/Pressekonferenzen/2015/05/2015-05-10-statement-merkel-moskau.html> (Data obrashhenija: 19.05.2018.)

Bos El. Deutsche Interessen und Zielen im GUS-Raum // Handbuch zur deutschen Außenpolitik / S. Schmidt, G. Hellmann, R. Wolf (Hrsg.). Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften; GWV Fachverlage GmbH, 2007. S. 456–461.

Von Bredow W. Die Außenpolitik der Bundesrepublik Deutschland. Eine Einführung. Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften; GWV Fachverlage GmbH, 2006. 306 S.

Bundeskanzlerin Merkel telefonierte gemeinsam mit Hollande und Putin // Die Bundesregierung: Official Website. 2014. 14. Mai. URL: <https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Pressemitteilungen/BPA/2014/05/2014-05-24-telefonat-merkel-hollande-putin.html> (Data obrashhenija: 19.05.2018.)

Lough J. Germany's Russia challenge. Fellowship monograph. Napoli: NATO Defense College, 2018. 47 p.

Merkel spricht mit Putin über Kampf gegen IS // Die Bundesregierung: Official Website. 2015. 30. Nov. URL: <https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Artikel/2015/11/2015-11-30-merkel-putin-poroschenko.html> (Data obrashhenija: 19.05.2018.)

Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und dem russischen Präsidenten, 2. Mai. 2017 // Die Bundesregierung: Official Website. 2017. 2. Mai. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/aktuelles/pressekonferenzen/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-dem-russischen-praesidenten-putin-844758> (Data obrashhenija: 19.05.2018.)

Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und dem russischen Präsidenten Wladimir Putin, 18. Mai. 2018 // Die Bundesregierung: Official Website. 2018. 18. Mai. URL: <https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Mitschrift/Pressekonferenzen/2018/05/2018-05-18-pk-merkel-putin-sotschi.html> (Data obrashhenija: 19.05.2018.)

Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und dem ukrainischen Präsidenten Petro Poroschenko am 23. August // Die Bundesregierung: Official Website. 2014. 23. August. URL: <https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Mitschrift/Pressekonferenzen/2014/08/2014-08-23-pk-kiew.html> (Data obrashhenija: 19.05.2018.)

Rede von Dr. Angela Merkel, Bundeskanzlerin. Zum Treffen der Staatsund Regierungschefs der Europäischen Union zur Lage in der Ukraine am 6. März. 2014 // Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Plenarprotokoll 18/20. Berlin, Donnerstag, den 13. März. 2014. S. 1518 C–1521 D.

Weitere Sanktionen gegen Russland // Die Bundesregierung: Official Website. 2014. 15. Juli. URL: <https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Reiseberichte/2014-07-15-er-sanktionen-russische-unternehmen.html> (Data obrashhenija: 19.05.2018.)

О.Ю. Шмелева, А.А. Корпусова

**ВИЗУАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ВОСПРИЯТИЯ
СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА ГРАЖДАНАМИ РФ И ФРГ:
ОПЫТ КОМПАРАТИВИСТСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

***Аннотация.** В статье проведен сравнительный анализ визуальных образов современного государства, выявленных на основе систематизации и обобщения данных психологического рисунка граждан России и Германии (весна 2018 г.). Основными параметрами анализа эмпирического материала стали: простота / сложность, сюжет, смысловая составляющая изображения, композиция, предметность рисунка. Визуальные характеристики образа раскрываются и интерпретируются в контексте глобальных трендов политического развития, через призму константных и ситуационных факторов. Акцентируется внимание на отражении политико-культурных особенностей двух стран в рисунках респондентов. Делаются выводы и обобщения о структурных, семантических, сюжетных сходствах и различиях образов в сознании респондентов РФ и ФРГ.*

***Ключевые слова:** образ государства; визуальные характеристики образа; перцепция; проективный рисунок; политическая культура; ценности; массовое политическое сознание.*

Шмелева Ольга Юрьевна – кандидат исторических наук,
доцент кафедры прикладного политического анализа
и моделирования Института международных отношений
и мировой истории Нижегородского государственного университета
им. Н.И. Лобачевского. E-mail: O_Shmeleva1977@mail.ru

Корпусова Анастасия Александровна – магистр
первого года обучения направления подготовки «Политология»
Института международных отношений и мировой истории
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.
E-mail: nantia@yandex.ru

**O.Yu. Shmeleva, A.A. Korpusova. The Visual Aspect of the Perception of
Modern States Citizens of Russia and Germany: Experience of Comparative
Research**

Abstract. *The article presents a comparative analysis of visual images of the modern state, analyzed on the basis of data systematization and generalization of psychological pictures, carried out by Russian and German citizens in spring of 2018. The principal parameters can be summarized in the following way: simplicity / complexity, plotline, pictures' meaning element, composition, pictures' objective side. Visual characteristics of the state image are exposed and interpreted amid global trends of political development, from the perspective of a handful of factors – constant and situational, additionally, emphasis are put on political and cultural peculiarities of two countries and the reflection of them in the pictures of the respondents; the influence of internal/external political conjuncture on the perception of modern state. There drawn conclusions and generalizations on structural, semantic, plotline similarities and differences of images in the perception of the respondents from Russia and Germany.*

Keywords: *image of the state; visual characteristics of the state image; process of perception; designed draft; political culture; values; conceptions; mass political consciousness.*

Shmeleva Ol'ga Yur'evna – Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor at the Department of Applied Political Analysis
and Modeling in the Institute of International Relations
and World History of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod.
E-mail: O_Shmeleva1977@mail.ru

Korpusova Anastasiya Aleksandrovna – a First-year
Master's Student of Political Sciences at the Department
of Applied Political Sciences in the Institute
of International Relations and World History
of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod.
E-mail: nantia@yandex.ru

В условиях медиатизации, виртуализации политического процесса, развития информационно-коммуникационных технологий основной акцент политической конкуренции переносится в субъективную плоскость политики: усиливается борьба за ресурсы управления массовым сознанием. В результате мощного воздействия разнонаправленных источников информации, расширением публичного пространства политики процесс восприятия политических объектов (прежде всего, государства) усложняется, становится более многомерным. Сложность перцепции современного государства обусловлена его «отраслевой асимметричностью и динамической неравновесностью различных способностей и компетенций государства на различных социальных площадках» [12, с. 95]. Так, рост социальной дифференциации, консервативный характер модернизации, непопулярные среди граждан РФ реформы (в частности, пенсионная) усиливают запрос действующей власти на формирование благоприятного образа основного института политической системы.

В Германии кризис миграционной политики привел к росту количества несогласных с официальным курсом правительства, снижению доверия общества канцлеру Германии и партии ХДС, активизации деятельности праворадикальных сил. Обращает на себя внимание также «снижение уровня пассионарности элиты страны и отсутствия (за исключением А. Меркель) в ее составе харизматичных лидеров...» [8, с. 248]. Следовательно, представление о Германии как о стабильном и даже статичном изнутри государстве является «умозрительным – применительно как к внешней, так и к внутренней политике» [там же]. Поэтому грамотное управление субъективным пространством, основанное на изучении и мониторинге ожиданий, представлений, ценностей, образов политических объектов, оценок населения, способствует стабилизации политической системы, повышению эффективности системы государственного управления. Исследование особенностей восприятия гражданами политического пространства необходимо также в превентивных целях.

Цель данной статьи – на основе изучения визуальных образов (ассоциаций) выявить основные тенденции, закономерности, специфику перцепции современного государства гражданами двух стран в условиях изменяющегося глобального миропорядка.

В рамках достижения поставленной цели необходимо остановиться на рассмотрении теоретических механизмов процесса восприятия и формирования образа государства, факторов, определяющих особенности отражения изучаемого объекта. Образ государства, как и категория образа в целом, является результатом психического отражения в сознании свойств, признаков предмета (современного государства), представленных в виде обобщенной картины мира [16, с. 26–27]. Специфика складывания образа государства связана также с воздействием на массовое сознание социальных механизмов и технологий. Поэтому представляется правомерной точка зрения о направленности восприятия «не столько на отражение объектов реальности, сколько на смысловые и оценочные интерпретации политических феноменов» [11, с. 14, 15].

Отмеченные выше особенности определяют структурную неповторимость образа государства. Можно говорить о присутствии в массовом сознании абстрактного образа государства, аккумулирующего в себе элементы коллективного бессознательного, архетипы, традиционные ценности и установки, теоретические знания об изучаемом политическом объекте и образа государства как конкретного механизма принятия решений, формирующегося под влиянием опыта, практической деятельности граждан. Абстрактный образ государства идеализирован, поэтому редко совпадает с реальным, что дает основание говорить об амбивалентности рассматриваемого нами феномена.

Следовательно, на перцепцию государства, наряду с внутренними особенностями и закономерностями его функционирования, существенное влияние оказывают социальный контекст, личностные особенности (знания о предмете,

мировоззренческие установки, ожидания субъекта), ситуационные и надвременные (константные) факторы (исторические традиции, архетипы, политическая культура и пр.). В большей степени данный тезис относится к политической культуре как «совокупности политических идеалов, ценностных ориентаций, установок и стиля действия различных социальных общностей в их отношениях с властью» [17, с. 17], характеризующейся «высокой пропускной способностью или высоким уровнем отсеивания и фильтрации информации» [17, с. 11].

Например, этатистская традиция исторически свойственна политической культуре России и Германии. На практике это выражается в «сочетании гражданственности и высокого авторитета государства. Граждане ФРГ, критикуя практику тех или иных институтов государственной власти, тем не менее высоко ценят свое государство, протестуя против отдельных недостатков социальной политики, не подрывают его основ» [1, с. 10]. Долг, послушание, дисциплина, порядок постоянно ставились в Германии выше по шкале ценностей, чем свобода, индивидуализм и пр.

Россиянам также исторически были свойственны «положительная оценка ценностной предметности государства, «выковывавшаяся в борьбе с татарщиной, в смутную эпоху, периоды иноземных нашествий» [3, с. 7], «восприятие государства как станового хребта цивилизации, гаранта целостности и существования общества, устроитель жизни» [2, с. 17, 20].

Этатизация политического сознания способствовала выработке аполитичной модели поведения граждан двух стран, закладывая матричные основы взаимодействия власти и общества. Среди прочих проявлений российской политической традиции ученые называют также «властечентричность», самодержавный характер российской политической культуры [9, с. 16]; «...традиции централизованной авторитарной системы управления» [5, с. 74]. Германская государственность также была бы невозможна без ведущей роли Пруссии и авторитарных механизмов скрепления единого государства.

Еще одним фактором формирования образа современного государства является официальный нарратив действующей власти. В риторике политических лидеров, концептуальных документах РФ современное российское государство позиционируется как демократическое, социальное с элементами патернализма, основными принципами которого являются единство, историческая преемственность, толерантность и пр.

Схожие идеологемы имеют место в политико-коммуникативном пространстве Германии. В частности, тема единства является основой политических образов современной Германии. Среди других составляющих нарратива немецкой власти – «равноправие, федерализм, вечная ответственность Германии за историческое прошлое, христианско-иудейские ценности», выделенные в А. Меркель в статье 2017 г. «Моя Германия от “Ф” до “Я”» [19], а также

«справедливость, качество жизни, социальная сплоченность» [13]. Опорные ценности (ориентиры) действующей власти ФРГ обнаруживают связь с ключевыми концептами немецкой культуры: Ordnung (порядок), Sicherheit (ответственность), Disziplin (дисциплина), Fleiß (прилежность), Pünktlichkeit (пунктуальность) [6, с. 133]. Вместе с тем первоочередной ценностью для немцев, как показал опрос, проведенный в мае 2018 г. в Германии, остается свобода выражения мнения, демократия, защита личной жизни и главенство закона [18].

Эти факторы в той или иной степени оказывают влияние на формирование представлений о современном государстве, находят отражение в визуальных образах. Так как по своей природе визуальные компоненты образов имеют бессознательную природу, их анализ требует специального инструментария [11, с. 16]. При написании данной статьи были использованы проективные методы, в частности психологический рисуночный тест как эффективное диагностическое средство, позволяющее исследовать «глубинные, зачастую неосознаваемые характеристики восприятия» объекта [7, с. 126], видение жизни, смыслы, ценности, паттерны, выраженные в виде визуальных образов, выступающих «проекцией внутреннего мира личности» [14, с. 78].

Психологический тест «Проективный рисунок современного государства» проводился весной 2018 г. на кафедре прикладного политического анализа и моделирования ННГУ им. Н.И. Лобачевского при участии авторов статьи. В работе обобщены материалы возрастного кластера 18–30 лет, охватывающего молодежный сегмент РФ и ФРГ. В ходе теста был выполнен 91 рисунок, содержащий 104 элемента информации. Исследование было сфокусировано на данной социально-демографической группе в силу ряда причин: прежде всего существующих поколенческих различий, обусловленных спецификой социализации и социально-политическим контекстом. Респонденты данной возрастной группы проходили процесс социализации после распада социалистического лагеря и СССР, в условиях новой парадигмы общественно-политического развития. Кроме того, изучение мотивации, ценностной картины мира, особенностей восприятия государства данной категорией граждан РФ и ФРГ важно в стратегическом плане, так как именно молодежь является активным субъектом медийного пространства.

В качестве методологического основания исследования визуальных образов восприятия государства были использованы наработки Е.Б. Шестопал, Т.В. Фоломеевой, О.М. Бартеневой по созданию категориального аппарата для интерпретации графического материала [7, с. 129; 15, с. 33]. Основными параметрами анализа данных стали: простота-сложность, сюжет изображения, композиция, предметность рисунка, смысловая составляющая образа. Анализ содержательных признаков рисунка производился с учетом особенностей структуры образа, включающей бессознательные, когнитивные, эмоциональные, рациональные, поведенческие компоненты. В процессе систематизации

материала, полученного в результате проведения психологического теста, нами были выделены простые, метафорические и сюжетные образы. В общей совокупности визуальных символов превалируют метафорические и сюжетные образы, что свидетельствует о комплексности и системности мышления респондентов.



Рис. 1

Удельный вес простых образов в сознании обеих групп респондентов (и у граждан РФ, и у граждан ФРГ) незначителен (23 и 30%, соответственно, от общего количества графических изображений). Визуальный ассоциативный ряд россиян отличается большей дифференциацией, включает изображения герба, флага, географической карты с очертаниями территории РФ, конституции, медведя как национального символа, совокупности людей, олицетворяющих общество, леса, танка с сопроводительной надписью «армия» и др. У граждан Германии простые образы представлены преимущественно пространственными ассоциациями (изображениями территории государства), а также традиционными символами, уходящими корнями в римскую мифологию. Среди них – тяжелый однолезвийный двуручный меч и щит. Меч традиционно служил символом военного верховенства, героического начала, силы, готовности к защите [10, с. 260]. В обоих кластерах получили распространение пространственно-географические образы (карта РФ, очертания территории страны). Однако один и тот же символ в разных социальных средах имеет неодинаковое семантическое значение. Так, на рисунке жителя Берлина (рис. 1) акцент сделан на регионализацию и федерализацию. Тщательно прорисованные очертания границ земель свидетельствуют о развитии региональном самосознании, региональной идентичности, в то время

как у россиян, напротив, очертания государства представляют единое пространство, внимание сфокусировано на обширности земель, защитной функции государства, что позволяет говорить о преобладании национальной идентичности над локальной и региональной.

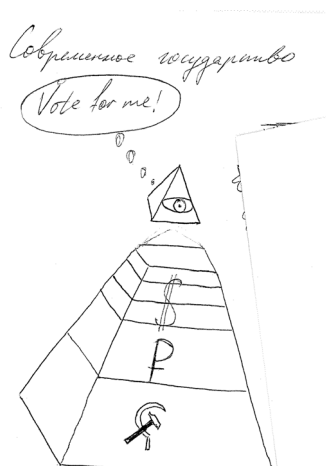


Рис. 2-а

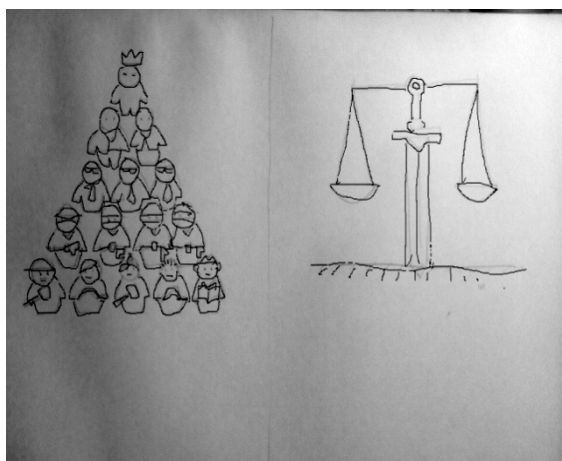


Рис. 2-б

Метафорические визуальные образы, отражающие характерные признаки объекта исследования, были классифицированы нами в зависимости от их содержания (семантического значения). Первую группу составили рисунки, отражающие структуру, принципы государственного устройства. Среди них – изображение пирамиды, дерева, снеговика, репрезентующие современное государство как иерархичную структуру. Наиболее распространенным зрительным образом в разных социокультурных средах стала пирамида, традиционно выступающая символом иерархии, отражающая отношения подчиненности в централизованных структурах. В рисунках респондентов обеих стран структурообразующим стержнем пирамиды является идея социальной дифференциации, получившая отражение в многоступенчатой конструкции изображения, увенчанной фигурой правителя (главы государства) (рис. 2-а, рис. 2-б) или символами власти (у респондентов из Германии это корона, у россиян – корона, трон, скипетр, держава). Каждый уровень соотнобразуется с определенным социальным слоем общества, визуализированным посредством определенных символов, анализ которых позволяет делать вывод о существующих различиях в критериях стратификации: у россиян – это структура доходов населения, у немцев – социальный статус, род занятий (чиновники, полицейские, трудовое население). Трудовое население в сознании обеих групп респондентов ассоциируется с серпом и молотом и формирует основание

пирамиды, высший уровень составляют в восприятии граждан РФ лица, чьи доходы измеряются в долларах, у немцев – чиновники.

В представлении российской молодежи пирамида имеет усеченный вид (рис. 2-а) с нависающей над ней верхушкой, олицетворяющей идею главенства над целым, оторванность (дистанцированность) от общества. Данные атрибуты придают эмоционально-оценочную окраску визуальному образу, выражают состояние неудовлетворенности масштабами социальной дифференциации в обществе, индифферентной позицией государства в решении данной проблемы.

Иерархичная структура государства в рисунках респондентов из РФ передается также через образ дерева – традиционный, древний «символ мирового устройства, прообраз мира, опора мироздания» [10, с. 140], представляющий основной институт политической системы в виде разветвленной структуры, сильный ствол которого олицетворяет устойчивость, опору.

Вторая группа метафорических образов отражает сущностные характеристики и особенности функционирования современного государства. Среди них – движение, развитие (визуализируются через изображения транспортных средств, в том числе велосипеда, передающего неустойчивый характер развития); внутренние противоречия, столкновения интересов репрезентуются через арену борьбы; нарушение конституционных прав, гарантий, несоблюдение законов олицетворяют сапог, наступающий на Конституцию РФ. Корона как символ монархической власти применительно к образу современного Российского государства олицетворяет специфику современной политической ситуации в РФ, связанную с длительным пребыванием В.В. Путина у власти, обширными полномочиями Президента РФ, элементами сакрализации и персонификации федеральной власти.

Характерные черты современного немецкого государства раскрываются через метафорический образ старца, держащего ребенка (рис. 5). Сложная система символов формирует семантическое пространство проективного рисунка, позволяющее интерпретировать немецкое государство как обладающее житейским опытом, мудростью (борода – символ мудрости, зрелости). Каска, меч, щит отражают функциональный аспект изучаемого института, связанный с защитой, верховным военным главенством, героическим началом. Босоногий мальчик, сидящий на коленях старца, олицетворяет собирательный образ современного немецкого социума, беззащитного перед лицом вызовов и угроз, нуждающегося в поддержке, отличающегося миролюбивым характером (о чем свидетельствуют голубь как символ мира, преданности своему дому и курительная трубка – древний символ, означающий прекращение враждебных отношений).

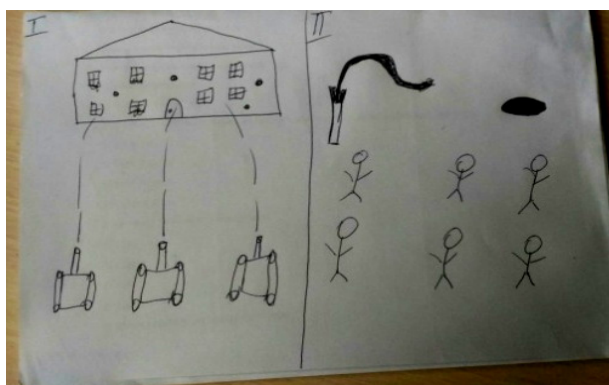


Рис. 3



Рис. 4

Серия рисунков данной подгруппы, принадлежащих респондентам из Берлина и Бремена (Германия), выражает состояние тревожности, подсознательного страха, алармистские настроения участников опроса. Так, на рисунке 3 государство ассоциируется с домом, выступающим мишенью для пушек. Дом традиционно олицетворяет защищенность, место, где человек чувствует себя комфортно, в безопасности. Поврежденные стены конструкции на рисунке 3 передают обратное состояние современного немецкого государства – уязвимости, незащищенности перед лицом вызовов, угроз. Идеино близкий по сюжету и эмоциональному состоянию рисунок 4 репрезентует современное немецкое государство в виде велосипедиста, в спину которому стреляет человек. Сюжет отражает не только подсознательные эмоции (злость, страх, тревогу), но и негативную моральную оценку поступка субъекта – неискренность, нечестность.



Рис. 5

Иное восприятие современного государства представлено в материалах российских респондентов. Так, на рисунке 6 последнее ассоциируется у участников психологического теста с прочной, стойко выдерживающей нападки извне («США», «ЕС»), нерушимой под натиском угроз (огня, военной силы и др.) крепости. Тема устойчивости государства дополняется идеей закрытости и неприступности центральной власти, о чем символизирует большой амбарный замок, стражники, охраняющие «покои» «государя».

Третья группа метафорических образов связана с визуальным отражением характера взаимодействия государства и общества. Этот характер раскрывается в рисунках россиян через такие символы, как крепость, кулак, театр, змей. Крепость означает закрытость, дистанцированность государства от общества. Изображение театра со всеми его атрибутами – сцена, маски, зрители – раскрывает такие черты современного политического процесса, как игра на публику, фальшь, иллюзорность; кровожадное чудовище (Левиафан) позиционирует государство как всепоглощающий механизм, вызывающий страх. Наконец, кулак, сжимающий человека, олицетворяющего общество, свидетельствует об авторитарной модели взаимоотношений, доминировании государства, отсутствии гарантии прав, защищенности. Подобная практика взаимоотношений противоречит официальному нарративу власти, сдерживает развитие гражданского общества, инициативы, ответственности.

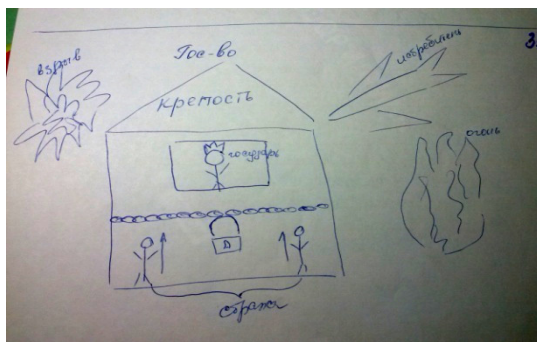


Рис. 6

В материалах респондентов из Германии внимание сфокусировано на иных проблемах. В частности, идея легкомысленного отношения современного немецкого государства к общественно значимым проблемам, заигрывания с либерализмом зафиксирована в образе руки, олицетворяющей государство, играющей с мячом (рис. 7).

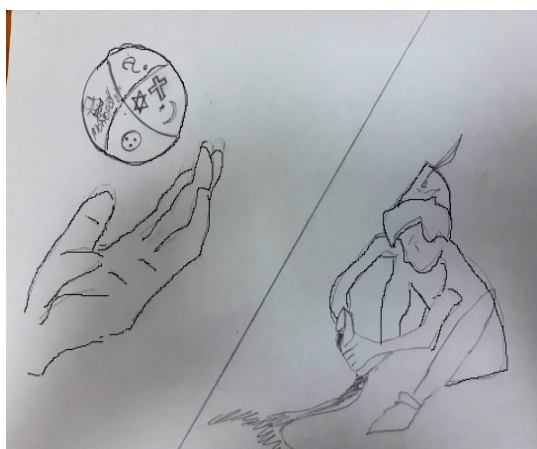


Рис. 7

Мяч представляет немецкое общество, характерные признаки, особенности, проблемы которого визуализированы через систему символов – религиозных, философских, экономических. Так, полумесяц, звезда Давида, крест указывают на поликонфессиональный состав немецкого социума, мигрантский след; экономические проблемы переданы посредством вербально-визуальных символов – образа упитанного буржуа, сопровождаемого подписью «моноролу». Вопросительный знак означает нерешенные проблемы в обществе (например, проблему миграции).

Актуальные темы, связанные с функционированием современного государства, находят отражение в сюжетных образах, содержащих зрительные характеристики последнего. Данная группа рисунков отличается ярко выраженной эмоциональной окрашенностью, проявляющейся как на визуальном, так и на вербальном уровнях (сопроводительные надписи на рисунках, передающие преимущественно негативные настроения граждан РФ и ФРГ: скепсис, недоверие, сарказм, разочарование и пр.). Проведенный нами анализ эмпирического материала позволил выделить ключевые темы, на которых сфокусировано внимание участников опроса. Среди них – проблемы ограничения прав и свобод, бедности и чрезмерной социальной дифференциации, запретительный характер современного государства, популизм чиновников.

В частности, широко представлена в рисунках граждан двух стран (рис. 8, рис. 8-а) тема чиновничества и связанные с ней проблемы дистанцированности общества от бюрократии. В сознании респондентов как России, так и Германии государственные служащие ассоциируются с пустыми разговорами, обещаниями, на что указывают вербальные символы («бла-бла» / «bla-bla»). При раскрытии сущностных характеристик чиновничества обнаруживается сходство композиции изображений, построенной на разделении пространства диагональю на две части. Данный художественный прием подчеркивает контрасты, существующие противоречия во взаимоотношениях между субъектами. Усиливают негативный подтекст сопроводительные надписи на противоположных полях рисунка: «они должны (исполнить долг)» / «ха-ха-ха, мы делаем то, что хотим». В частности, на рисунке 8 респондент из Берлина передает характер взаимоотношений между властью и обществом через столкновение субъектов, олицетворяющих представителей власти (политиков) и граждан; взаимные упреки и обвинения («Ты глупый, ты виноват», «Нет, это ты глупый, ты виноват»). Российский бюрократ представлен в образе своеправного, безапелляционного чиновника, отвечающего на просьбу гражданина («можно хотя бы...») категоричным «нет» (рис. 9).

Через прием «построения на контрастах» раскрываются и другие аспекты политической действительности, в частности, проблема мифологизации массового сознания. Так, в верхней левой части рисунка 9 ситуация в российском социуме позиционируется в позитивном ключе: солнце, улыбающееся с экрана телевизора лицо диктора; нижняя правая половина изображения отражает реальную сторону взаимоотношений государства и общества. Последние носят властечцентричный, запретительный характер, средством устрашения выступает тюрьма.

**ВИЗУАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ВОСПРИЯТИЯ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА
ГРАЖДАНАМИ РФ И ФРГ: ОПЫТ КОМПАРАТИВИСТСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

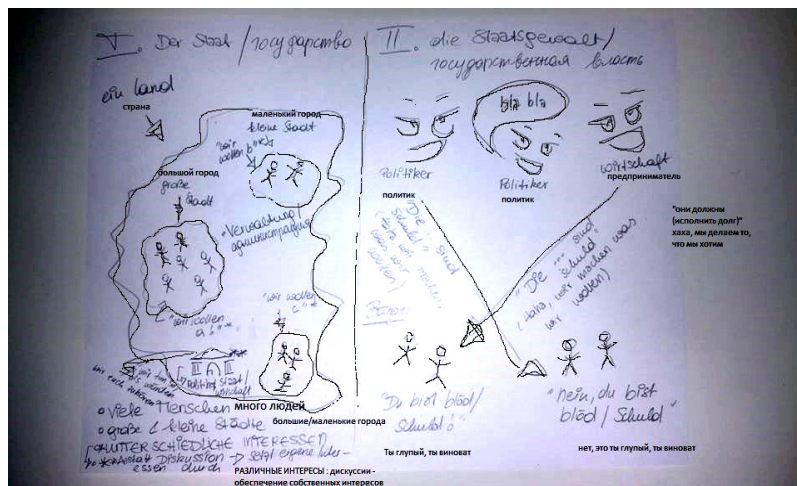


Рис. 8

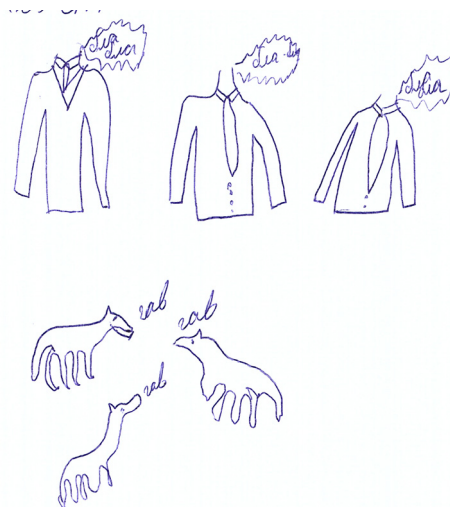


Рис. 8-а



Рис. 9

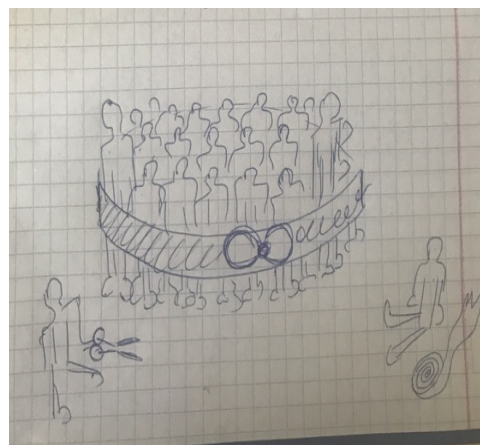


Рис. 10

Распространенной тематикой сюжетных рисунков россиян стала также проблема раскола в обществе, бедности. Характерным приемом передачи социальных контрастов и в этом случае становится композиция рисунка – деление пространства на два поля. Границей на рисунке 12 служит каменная стена, слева от которой люди, купающиеся в деньгах, довольные жизнью, слева – нищие, просящие милостыню. Тема социальных контрастов, бедности получила продолжение на рисунке 11. Визуальный и семантический эффекты усиливает корона на голове персонажа (как намек на то, что деньги дают власть), диагональ, разделяющая плоскость на две части, по одну сторону которой человек, купающийся в деньгах, по другую – плачущий человек на фоне открытого пустого холодильника.

Дополняют образ визуальные символы, отражающие запретительный характер современного государства (колючая проволока) и усиливаемые вербальными символами, комментариями, надписями («тюрьма», «контролирует», «нет») (рис. 10).

Исходя из сказанного выше, можно сделать следующие выводы. Процесс восприятия современного государства носит сложный и противоречивый характер, обусловленный воздействием совокупности факторов. Среди этих факторов ведущую роль играют факторы ситуативные, которые находят отражение в визуальных образах.

Выявленные нами ассоциации позволяют очертить круг значимых для российского и немецкого общества тем и проблем, детерминирующих восприятие государства. Для российской молодежи приоритетными факторами являются трудности в социальной сфере, бедность, дифференциация в обществе, коррупция, для немцев – сложности развития федеративных отношений в Германии, кризис мультикультурализма и последствия миграционной политики.



Рис. 11

Кроме того, можно констатировать факт противоречивого восприятия современного государства, в образе которого, с одной стороны, присутствует визуальный ассоциативный ряд, позволяющий говорить об элементах гордости, с другой – о противоречивости политики властей, неспособности (применительно к Германии) обеспечить гражданам защиту перед лицом вызовов и угроз, неустойчивое, заигрывающее с обществом.



Рис. 12

Данные психологического теста позволили также выделить общие для исследуемых нами государств проблемы, закономерности. Среди них – популизм чиновников, нелицеприятный собирательный образ госслужащих в соз-

нении респондентов обеих стран, представление о иерархичности государственного устройства, выраженном в образе пирамиды и др. Обнаруженные в результате проведенного эмпирического исследования детерминанты политического сознания, существующие на бессознательном уровне ассоциации, особенности восприятия становятся индикаторами существующих в российском и немецком обществе проблем; усиливают запрос действующих политических режимов изучаемых нами стран на поддержание позитивного образа современного государства, выработку превентивных мер по его укреплению.

Библиография

1. Алексеев Д.А. Особенности политической культуры современной Германии. Автореферат дис. ... на канд. полит. наук: 23.00.02. Воронеж: ВГУ, 2005. 24 с.
2. Баталов Э.Я. Политическая культура России сквозь призму civic culture // Pro et contra. 2002. Т. 7. № 3. С. 7–22.
3. Бердяев Н. Судьба России: Ответы по психологии войны и национальности. Репринтное воспроизведение издания 1918 г. М.: Философское общество СССР, 1990. 240 с.
4. Глебова И.И. Политическая культура России: Образы прошлого и современность / Отв. ред. Ю.С. Пивоваров. М.: Наука, 2006. 333 с.
5. Гуторов В.А. Политическая культура и политическая власть в эпоху глобализации // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2006. Т. 2. № 4. С. 63–74.
6. Медведева Т.С. Ценности немецкого народа: История и современность // Вестник Удмуртского университета. 2010. Вып. 3. История и филология. С. 130–134.
7. Образы российской власти: От Ельцина до Путина / Под ред. Е.Б. Шестопал. М.: РОССПЭН, 2008. 416 с.
8. Пархалина Т.Г., Смирнов В.Н., Тимошенкова Е.П., Погорельская С.В., Цвык А.В., Шаншиева Л.В., Трунов Ф.О., Белинский А.В. «Выборы в Германии – 2017: Перспективы внутренней и внешней политики». Методический семинар центра научно-информационных исследований глобальных и региональных проблем ИНИОН РАН // Россия и современный мир. 2018. № 2. С. 245–259.
9. Пивоваров Ю.С. Русская Власть и публичная политика (Заметки историка о причинах неудачи демократического транзита) // Полис. Политические исследования. 2006. № 1. С. 12–32.
10. Похлѣбкин В.В. Словарь международной символики и эмблематики. М.: Международные отношения, 2001. 560 с.
11. Психология политического восприятия в современной России / Под ред. Е.Б. Шестопал. М.: РОССПЭН, 2012. 423 с.
12. Соловьѳев А.И. Государство как производитель политики // Полис. Политические исследования. 2016. № 2. С. 90–108.
13. Стратегия устойчивого развития Германии. Новая редакция. 2016. URL: https://www.bundesregierung.de/Content/EN/StatischeSeiten/Schwerpunkte/Nachhaltigkeit/Anlagen/2017-09-18-kurzpapier-n-russisch.pdf?__blob=publicationFile&v=5 (Дата обращения: 30.03.2018.)
14. Франк Л.К. Проективные методы изучения личности // Проективная психология. М.: Апрель Пресс, Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. С. 69–85.
15. Фоломеева Т.В., Бартенева О.М. Опыт применения проективной методики «психологический рисунок» в исследовании восприятия социальных объектов // Вестник МГУ. 2000. Сер. 14. Психология. № 2. С. 27–40.

16. Шмелева О.Ю. «Образ государства» как категория политической науки: Теоретико-методологические аспекты изучения // Политэксп: Политическая экспертиза: 2017. № 4. С. 23–36.
17. Ширинянц А.А. Нигилизм или консерватизм? (Русская интеллигенция в истории политики и мысли). М.: Изд-во Московского университета, 2011. 649 с.
18. Deutsche und Amerikaner sehen gemeinsame Werte schwinden // Zeit. Online Stellenmarkt. 2018. 7. Mai. URL: www.zeit.de/news/2018-05/06/umfrage-deutsche-und-amerikaner-sehen-gemeinsame-werte-schwinden-180507-99-197708 (Дата обращения: 17.05.2018.)
19. Merkel A. Wasistdeutsch? // Bild. 2018. 9. Dezember. URL: <https://www.bild.de/wa/ll/bild-de/unangemeldet-42925516.bild.html> (Дата обращения: 30.03.2018.)

References

- Alekseev D.A. Osobennosti politicheskoy kul'tury sovremennoj Germanii. Avtoreferat dis. ... na kand. polit. nauk: 23.00.02. Voronezh: VGU, 2005. 24 p.
- Batalov Je.Ja. Politicheskaja kul'tura Rossii skvoz' prizmu civic culture // Pro et contra. 2002. T. 7. N 3. P. 7–22.
- Berdjaev N. Sud'ba Rossii: Otveti po psihologii vojny i nacional'nosti. Reprintnoe vosproizvedenie izdaniya 1918 g. Moscow: Filosofskoe obshchestvo SSSR, 1990. 240 p.
- Deutsche und Amerikaner sehen gemeinsame Werte schwinden // Zeit. Online Stellenmarkt. 2018. 7. Mai. URL: www.zeit.de/news/2018-05/06/umfrage-deutsche-und-amerikaner-sehen-gemeinsame-werte-schwinden-180507-99-197708 (Дата обращения: 17.05.2018.)
- Folomeeva T.V., Barteneva O.M. Opyt primeneniya proektivnoj metodiki «psihologicheskij risunok» v issledovanii vospriyatija social'nyh ob'ektov // Vestnik MGU. 2000. Ser. 14. Psihologija. N 2. P. 27–40.
- Frank L.K. Proektivnye metody izucheniya lichnosti // Proektivnaja psihologija. Moscow: Aprel' Press, Izd-vo JeKSMO-Press, 2000. P. 69–85.
- Glebova I.I. Politicheskaja kul'tura Rossii: Obrazy proshlogo i sovremennost' / Otv. red. Ju.S. Pivovarov. Moscow: Nauka, 2006. 333 p.
- Gutorov V.A. Politicheskaja kul'tura i politicheskaja vlast' v jepohu globalizacii // Politicheskaja jekspertiza: POLITJeKS. 2006. T. 2. N 4. P. 63–74.
- Medvedeva T.S. Cennosti nemeckogo naroda: Istorija i sovremennost' // Vestnik Udmurtskogo universiteta. 2010. Vol. 3. Istorija i filologija. P. 130–134.
- Merkel A. Wasistdeutsch? // Bild. 2018. 9. Dezember. URL: <https://www.bild.de/wa/ll/bild-de/unangemeldet-42925516.bild.html> (Дата обращения: 30.03.2018.)
- Obrazy rossijskoj vlasti: Ot El'cina do Putina / Pod red. E.B. Shestopal. Moscow: ROSSPJeN, 2008. 416 p.
- Parhalina T.G., Smirnov V.N., Timoshenkova E.P., Pogorel'skaja S.V., Cvyk A.V., Shanshieva L.V., Trunov F.O., Belinskij A.V. «Vybornye v Germanii – 2017: Perspektivy vnutrennej i vneshnej politiki». Metodicheskij seminar centra nauchno-informacionnyh issledovanij global'nyh i regional'nyh problem INION RAN // Rossiya i sovremennyy mir. 2018. N 2. P. 245–259.
- Pivovarov Ju.S. Russkaja Vlast' i publichnaja politika (Zametki istorika o prichinah neudachi demokraticheskogo tranzita) // Polis. Politicheskie issledovanija. 2006. N 1. P. 12–32.
- Pohljobkin V.V. Slovar' mezhdunarodnoj simboliki i jemblematiki. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2001. 560 p.
- Psihologija politicheskogo vospriyatija v sovremennoj Rossii / Pod red. E.B. Shestopal. Moscow: ROSSPJeN, 2012. 423 p.
- Shirinjanec A.A. Nigilizm ili konservatizm? (Russkaja intelligencija v istorii politiki i mysli). M.: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 2011. 649 p.

Shmeleva O. Ju. «Obraz gosudarstva» kak kategorija politicheskoy nauki: Teoretiko-metodologicheskie aspekty izuchenija // Politjeks: Politicheskaja jekspertiza: 2017. N 4. P. 23–36.

Solov'jov A.I. Gosudarstvo kak proizvoditel' politiki // Polis. Politicheskije issledovanija. 2016. N 2. P. 90–108.

Strategija ustojchivogo razvitija Germanii. Novaja redakcija. 2016. URL: https://www.bundesregierung.de/Content/EN/StatischeSeiten/Schwerpunkte/Nachhaltigkeit/Anlagen/2017-09-18-kurzpapier-n-russisch.pdf?__blob=publicationFile&v=5 (Data obrashhenija: 30.03.2018.)

М.В. Хорольская

**ПРЕОДОЛЕНИЕ ПРОШЛОГО
И ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ИСТОРИИ ГДР
В СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМАНИИ**

Аннотация. В 1990 г. состоялось воссоединение Германии, однако спустя более четверти века единство новых и старых федеральных земель не достигнуто: сохраняется экономическое отставание Востока, в новых землях выше поддержка евро-скептиков и правых популистов, существуют серьезные расхождения в оценках прошлого Восточной Германии. Статья посвящена проблемам трактовки и восприятия истории ГДР в единой стране. Автором были поставлены задачи проанализировать переосмысление прошлого ГДР, изучить отношение населения новых федеральных земель к истории Восточной Германии, а также выявить, как развивалась «историческая политика».

Ключевые слова: Германия; историческая политика; история ГДР; новые федеральные земли; остральгия; мемориалы; музеи.

Хорольская Мария Витальевна – младший научный сотрудник
Национального исследовательского института
мировой экономики и международных отношений
им. Е.М. Примакова РАН, Москва.
E-mail: khorolskaja.marya@yandex.ru

**M.V. Khorolskaya. Dealing with the Past and Reinterpretation of History
of GDR in Modern Germany**

Abstract. In 1990 Germany was reunited, but after more than a quarter of a century the unity of the new and old federal states was not achieved: the economic lag of the East remains, support of euro-skeptics and right-wing populists in the new federal states is higher than in the old federal states, there are serious differences in the estimates of the past of East Germany. The article is devoted to the problems of interpretation and perception of the history of the GDR in the united country. The author analyzes the rethinking of the past of the GDR, studies the attitude of the population of the new federal states to the history of East Germany, and also explores how the historical policy developed.

Keywords: *Germany; politic of memory; history of GDR; new federal states; ostalgie; memorials; museums.*

**Khorolskaya Maria Vital'evna – Junior Research Fellow,
Primakov National Research Institute of World Economy
and International Relations RAS, Moscow.
E-mail: khorolskaja.marya@yandex.ru**

9 ноября 1989 г. рухнула Берлинская стена, после этого в Западную Германию хлынул поток восточных немцев. Переговоры о решении «германского вопроса» четырех ответственных держав, а также ФРГ и ГДР привели к подписанию 31 августа 1990 г. «Договора об объединении Германии», а 12 сентября 1990 г. – «Договора об окончательном урегулировании в отношении Германии» (Договор 2+4). 3 октября 1990 г., согласно этим договорам, ГДР вошла в состав ФРГ.

Это событие поставило вопрос о переосмыслении истории Восточной Германии, которое включало в себя практические меры, направленные на осуждение преступников и реабилитацию жертв, а также формирование теоретических положений о том, как оценивать историю ГДР и какие способы коммеморации ее прошлого должно поддерживать государство. Данное разделение является методологической условностью, так как практические мероприятия имели большое символическое значение, а теоретические положения были реализованы на практике в музеях и мемориалах.

Для обозначения практических мер будет использоваться введенное представителем Франкфуртской школы Т. Адорно понятие «проработка прошлого» (*Aufarbeitung der Vergangenheit*) или «проработка истории» (*Aufarbeitung der Geschichte*) [1].

Для работы над коммеморацией прошлого ГДР будет использоваться понятие «историческая политика» (*Geschichtspolitik*). Смысловое наполнение этого термина вызывало и вызывает споры среди историков [7, с. 9; 49; 38, S. 22; 31, S. 42; 4; 6, с. 17–19]. В данной работе термин используется в значении свойственной любому государству политики осмысления и мемориализации прошлого, а не фальсификации фактов или манипуляции историей. Особое внимание будет уделяться борьбе различных политических сил и общества за утверждение своей интерпретации.

Проработка восточногерманского прошлого

Проработка прошлого ГДР, начавшаяся сразу после воссоединения Германии, включала в себя судебные разбирательства, принятие решения о судьбе материалов Министерства безопасности ГДР (МГБ ГДР, также известное как Штази) и люстрацию.

В 1990-х годах была проведена серия судебных процессов над бывшими деятелями правящей в ГДР Социалистической единой партии Германии (СЕПГ), включая бывшего главу государства Э. Хонеккера, а также над сотрудниками Штази и пограничниками Национальной народной армии ГДР. Судебные разбирательства привлекли внимание общественности, однако обвинения в преследовании всех функционеров Восточной Германии представляются преувеличенными. Из около 75 тыс. рассматриваемых дел обвинения были предъявлены только по 1,4%, что значительно ниже обычной доли. Из них только 53,9% был вынесен приговор. Лишение свободы, как меру пресечения, получили 580 человек, из них 534 – условно и только 46 человек – реально [33, S. 43]. При этом в связи с преклонным возрастом представителей власти сроки заключения не были высоки. Таким образом, можно сделать вывод, что судебные процессы носили скорее символический характер, а суд стремился в первую очередь обвинить сам режим, а не его представителей.

В связи с требованиями оппозиционного движения ГДР в январе 1992 г. вступил в силу Закон о материалах МГБ бывшей ГДР, по которому было создано Ведомство федерального уполномоченного по материалам Штази, получившее в честь своего первого руководителя правозащитника пастора Й. Гаука неофициальное название Ведомство Гаука. Основными задачами ведомства является сохранение материалов Штази и обеспечение доступа к ним пострадавших, официальных институтов, научного сообщества и прессы. По закону каждый может сделать запрос, было ли в ГДР заведено на него дело, и, в случае положительного ответа, ознакомиться с его содержанием.

Открытие архивов повлекло за собой масштабные последствия. Жертвы слежки смогли узнать, кто информировал Штази об их жизни. Были разрушены успешные карьеры, например одного из основателей восточногерманской СДПГ И. Бёме, а также межличностные отношения. В частности, писательница С. Шедлих рассказала историю своего дяди, который совершил самоубийство после того, как стало известно о его шпионаже за своим братом и другими восточногерманскими авторами.

Раскрытие архивов МГБ ГДР позволяло ограничить доступ к государственной службе лицам, ранее связанным со Штази. Каждый восточный немец, претендующий на должность государственного служащего, проверяется на предмет сотрудничества с МГБ ГДР.

Люстрация была направлена на защиту демократической системы, однако ее негативным последствием стало исключение восточных немцев из элит даже новых федеральных земель. По некоторым подсчетам, общее число уволенных по причине взаимодействия со Штази составляло минимум 55 тыс. человек [5]. Работу потеряли и многие люди, не связанные с МГБ ГДР. В новых землях произошло замещение восточногерманской интеллектуальной элиты на западногерманскую. В научной сфере к началу 2000-х годов остава-

лось от 10 до 40% восточногерманских сотрудников, при этом должности заведующих кафедрой занимали, как правило, бывшие западногерманские исследователи [8, с. 76].

Спустя более четверти века после объединения ситуация изменилась незначительно. Только 20% элит в новых землях являются уроженцами Востока. От 80 до 97% представителей администрации, профсоюзов, юстиции, 80% руководителей высших учебных заведений в восточных землях – выходцы с Запада [43]. Исключенность из элит способствовала формированию у некоторых восточных немцев представления о воссоединении как о колонизации.

Проработка прошлого вызывала ожесточенные споры. В судебных процессах часть восточных немцев видела «суд победителей», другая же, правозащитники и диссиденты, наоборот, упрекала западногерманский суд за отсутствие эффективности в достижении правосудия. Один из узников тюрьмы Хоэншёнхаузен вспоминал, что информация о том, что глава МГБ ГДР Э. Мильке получил маленький срок, вызвала у него негодование, ощущение, что никто не понес наказание, а также страх перед сотрудниками Штази, оставшимися на свободе [42, р. 92]. Противники люстрации говорили об «охоте на ведьм», сторонники же полагали, что люстрация может повысить доверие населения к новым органам власти, восстановить справедливость. Критику вызвал тот факт, что на предмет сотрудничества с МГБ ГДР проверяют только восточных немцев.

Однако несмотря на то что различные оценки политики преодоления истории ГДР сохраняются, можно констатировать, что основные задачи этой политики были реализованы в 1990-х годах. В то же время историческая политика по отношению к прошлому Восточной Германии в настоящее время меняется.

Историческая политика в 1990-х годах

В первые годы после воссоединения экспертная работа с историей ГДР отсутствовала. В СМИ преобладали скандальные разоблачения, а политические партии пытались использовать историю Восточной Германии в предвыборной борьбе. В частности, консервативный Христианский демократический союз (ХДС) стремился вернуть в научный обиход теорию тоталитаризма. Как отмечал исследователь политики преодоления прошлого А.И. Борозняк, в ФРГ теория тоталитаризма теряла свое значение уже в 1970-е годы, однако после воссоединения была возвращена. «Ее нарочито упрощенная версия сводится к прямому уподоблению политических режимов Третьего Рейха и ГДР» [3, с. 58].

Однако в связи с усталостью населения от социально-экономических проблем, от скандальных разоблачений в СМИ, обвинений в сотрудничестве

с тоталитарным режимом в обществе все настойчивее стали звучать требования подведения черты над переоценкой прошлого ГДР.

Созданная в 1992 г. специальная комиссия (Enquete-Kommission, от фр. enquête – расследование) «Проработка истории и последствий диктатуры СЕПГ» (в которую вошли представители всех партийных фракций пропорционально членству в Бундестаге, а также приглашенные ученые) также не смогла представить сколько-нибудь объективную картину истории ГДР. Вопреки декларируемому стремлению к объективности представители партий боролись за монополию на интерпретацию прошлого ГДР [16]. Однако эта комиссия способствовала появлению научного интереса к истории социалистической Германии. К работе были привлечены серьезные ученые, был собран и обнародован значительный пласт материалов, поставлены научные проблемы, обсуждение которых проходило публично.

В 1995 г. была создана вторая комиссия, получившая название «Преодоление последствий диктатуры СЕПГ в процессе немецкого объединения». Комиссия занималась изучением не только властных отношений, но и социальной и культурной жизни ГДР. В заключении был представлен доклад о сложностях интеграционного процесса, даны советы по улучшению ситуации в новых федеральных землях [39]. Комиссия рекомендовала создать постоянный фонд по проработке истории ГДР.

В 1998 г. был сформирован Федеральный фонд исследования диктатуры СЕПГ. В его совет входят представители всех представленных в Бундестаге партий. К задачам фонда относится содействие научным исследованиям и общественным инициативам, поддержка мемориалов, музеев, архивов, работа с историческими документами, свидетелями эпохи. Таким образом, на смену жесткой критике истории ГДР начала 1990-х годов и тоталитарной теории пришел экспертный подход. Фонд должен не только проводить государственную историческую политику, но и поддерживать инициативы и проекты общества [37, S. 81].

Важнейшим элементом исторической политики являются мемориалы. В Западной Германии до объединения финансовая поддержка мемориалов находилась в сфере ответственности федеральных земель. Однако в связи с тем, что бедные восточные земли не могли обеспечить создание новых и реконструкцию старых мест памяти¹, в 1993 г. в докладе парламента было отмечено, что федеральная власть должна финансировать мемориалы в новых федеральных землях и Берлине [41].

Второй комиссией был предложен список мест общенемецкого значения, находящихся в восточных землях. По рекомендации комиссии в 1999 г.

1. В данной работе термин «место памяти» употребляется в значении мемориал, как перевод немецкого понятия *Gedenkstätte*.

была выпущена «Концепция будущей федеральной поддержки мемориалов» [32]. В ней было дано обязательство 50%-ного финансирования мемориалов федерального значения со стороны государства, однако теперь это обязательство распространялось не только на восточные земли, но и на всю Германию. Таким образом, дискуссии о коммеморации истории ГДР способствовали созданию новой общегерманской политики памяти на федеральном уровне.

Таким образом, в первое десятилетие после воссоединения был заложен фундамент исторической политики по отношению к Восточной Германии. В процессе партийной борьбы были сформированы основные механизмы, методологические принципы, институты изучения и формы коммеморации истории ГДР. Важнейшим достижением этого периода является переход к экспертному изучению истории ГДР. Работа с историей ГДР способствовала изменению всей исторической и культурной политики объединенной Германии. Одним из основных итогов исследования истории Восточной Германии было признание политического режима ГДР диктаторским.

Изменения в исторической политике

Попытка расширить историческую политику по переосмыслению прошлого ГДР была связана с периодом руководства страной коалиции СДПГ–Союз 90 / Зелёные. В 2005 г. по инициативе федеральной уполномоченной по культуре и СМИ Кристины Вайс (СДПГ) была создана комиссия из представителей научного исторического сообщества и бывших участников гражданского сопротивления ГДР. По фамилии ее председателя историка Мартина Заброва комиссия получила названия «комиссия Заброва» [10, с. 46].

В 2006 г. комиссия выступила с докладом, в котором критиковала, с одной стороны, тенденции к тривиализации и обелению режима СЕПГ, с другой же – стремление политиков свести историю ГДР к истории репрессий. При этом отмечалось, что явно недостаточное внимание уделяется теме взаимоотношений власти и общества в Восточной Германии, противостояния оппозиционно настроенных граждан существовавшему в ГДР режиму [22]. Было предложено разделить общее содержание политики памяти на три смысловых блока: «Власть – общество – сопротивление», «надзор и преследование», «разделение и границы» [47, S. 663–664], а также уделить внимание повседневной жизни граждан ГДР в условиях диктатуры, создать соответствующие места памяти. Однако комиссию стали обвинять в том, что за обсуждениями повседневной жизни исчезнут различия между диктатурой и демократией [19, S. 30]. Концепция Комиссии Заброва не нашла также поддержки у правящей коалиции под руководством христианских демократов, которая пришла к власти в 2005 г.

В 2007–2008 гг. по инициативе уполномоченного по культуре и СМИ Бернда Нойманна (ХДС) была принята новая концепция развития мемориалов: «Взять на себя ответственность. Усилить проработку. Углубить память». В новом документе по-прежнему рассматривались мемориалы, связанные с «двумя немецкими диктатурами». Однако, в отличие от концепции 1999 г., в нем было сказано о различиях между национал-социализмом и диктатурой СЕПГ. Отмечено, что именно диктатура НСДАП принесла миру неисчислимые страдания, привела к Холокосту, войне на уничтожение на территориях России и Польши, уничтожению различных групп населения.

В данной концепции места памяти были сгруппированы в четыре основные категории, близкие рекомендациям Комиссии Заброва: «разделение и границы, надзор и преследование, повседневность ГДР, противостояние диктатуре СЕПГ» [25, S. 7].

Разработка первых двух тем не претерпела значительных изменений по сравнению с документом 1999 г. Тема противостояния диктатуре была детально проработана, запланировано сотрудничество с Обществом Роберта Хавеманна, занимающегося историей диссидентского движения в ГДР, уделено внимание мемориальным местам, связанным с восточногерманским сопротивлением. Среди изучаемых тем появилась повседневность ГДР. Основной задачей этой темы было «решительно противостоять обелению и смягчению диктатуры СЕПГ и остальгии» [25, S. 9].

Новые теоретические положения нашли отражение в выставках Немецкого исторического музея и Документационного центра повседневной культуры ГДР в Айзенхуттенштадте. Форум современной истории в Лейпциге добавил к своим постоянным выставкам материалы о повседневной жизни, о биографиях рядовых граждан. В 2010 г. постоянная экспозиция Музея ГДР была дополнена информацией о диктатуре СЕПГ и Штази². В выставочном пространстве был создан макет комнаты для допросов МГБ и тюремной камеры [13, S. 101]. Тезис об отображении повседневности Восточной Германии через призму диктатуры был реализован в мемориале «Дворец слез», посвященном расставанию родственников из ГДР и ФРГ на вокзале, и Музее повседневности ГДР в культурном центре Berliner Kulturbrauerei, созданных фондом «Дом истории».

Для анализа изменения в исторической политике были проанализированы экспозиции различных музеев, особое внимание было уделено Музею повседневности ГДР в Berliner Kulturbrauerei.

2. Музей ГДР является частным музеем, посвященным в первую очередь быту, однако можно предположить, что изменение экспозиции было вызвано официальной критикой и влиянием концепции исторической памяти.

В отличие от большинства частных музеев, в поддерживаемых государством музеях представлен широкий комплекс текстов (пояснительные записки, аудиогид), которые минимизируют возможность разнообразного толкования элементов экспозиции. При этом отражение повседневности носит не ностальгический, а критический по отношению к диктатуре СЕПГ характер, что достигается различными методами.

Первый из них – демонстрация контроля власти над обществом через повседневные практики. В частности, этой проблеме посвящены два из четырех основных тематических блоков выставки в Berliner Kulturbrauerei – «Господство СЕПГ» и «В такте коллектива». В экспозициях представлены примеры непосредственного вмешательства партии в повседневную жизнь. В частности, как неотъемлемая часть повседневности представлены пропагандистские плакаты, рассказывается о репрессиях и слежке за рядовыми гражданами ГДР. Именно через концепцию контроля партии над обществом представлены такие темы, как детские сады, пионерская организация, Союз свободной немецкой молодежи, культурный досуг для рабочих.

Вторым подходом было отображение недостатков повседневной жизни на Востоке, отставание уровня жизни от Западной Германии. Об этом рассказывали стенды, посвященные нехватке продовольствия, функционированию «Интершопов», диаграммы, демонстрирующие низкий уровень обеспечения товарами повседневного пользования населения ГДР. Наилучшим образом данный подход иллюстрирует организованный музеем в Berliner Kulturbrauerei мастер-класс, предлагающий детям собрать «вестпакет» (посылку) в подарок восточным немцам.

Третьим было внимание к концепции «ниши»³, в которую человек мог сбежать от политики и быть счастливым (хобби, семья, круг друзей, дача и др.). Соответственно, повседневность ГДР отображается лишь как способ уйти от невыносимой политической реальности. Это достигается с помощью переозначивания остальгических символов. Дача, nudistский пляж и т.п. сами по себе являются нейтральными объектами, однако в остальгическом произведении или экспозиции частного музея они могут получить ностальгические коннотации. В музеях, поддерживаемых государством, подобные образы вписаны в смысловые рамки диктатуры. В частности, одним из центральных объектов выставки в Berliner Kulturbrauerei является Трабант с палаткой на крыше. Трабант, как было отмечено выше, несмотря на свои низкие технические качества, давно стал символом остальгии. В данной же экспозиции посетителям объяснялось, что Трабант с палаткой был одним из способов бегства

3. Термин «общество ниш» (*Nischengesellschaft*) был использован публицистом Гюнтером Гаусом для обозначения особенности жизни ГДР, для которой характерно «бегство» граждан в свою нишу, повседневность.

восточных немцев от всеобъемлющего надзора партии на природу, свободного выбора отдыха. Так, в определенном контексте Трабант становится символом бегства от режима и, соответственно, подтверждает существование диктатуры в ГДР.

Таким образом, в 2000-х годах историческая политика по отношению к прошлому ГДР претерпела серьезные изменения. Ее проблемное поле было расширено темой повседневности, большее внимание стало уделяться оппозиции советским властям. Это позволяет интегрировать в политику памяти представителей оппозиции и рядовых немцев, которые ранее не могли найти себе место в дихотомии «преступники – жертвы».

Работа с прошлым характерна для всех современных наций. Осмысление истории, коммеморация отдельных событий являются важнейшим инструментом конструирования национальной идентичности, легитимизации власти, закрепления традиций и ценностей.

Библиография

1. Адорно Т. Что значит «проработка прошлого» // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. С. 36–45.
2. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
3. Борозняк А.И. ФРГ: Волны исторической памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. С. 58–66.
4. Дюков А. Историческая политика или политическая память. Международная жизнь. 2010. № 1. С. 133–148.
5. Лёзина Е. Люстрация и открытие архивов в странах Центральной и Восточной Европы // Уроки истории XX век. 3 сентября 2015. URL: <http://urokiistorii.ru/node/52813> (Дата обращения: 11.10.2018.)
6. Миллер А. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI века // Историческая политика в XXI веке: сб. ст. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 7–32.
7. Миллер А. Россия: Власть и история // Pro et Contra. 2009. № 3–4. С. 6–23.
8. Морозова В.Н. Переосмысление истории ГДР в контексте трансформационных процессов в объединенной Германии: Специфика, институциональные основы, проблемы осуществления // Опыт трансформации в Центральной и Восточной Европе: Итоги и уроки двадцатилетия реформ: сб. ст. Воронеж: Научная книга, 2010. С. 7–86.
9. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. С. 8–25.
10. Хорольская М.В. Проблемы трактовки и восприятия ГДР в единой Германии // Свободная мысль. 2017. № 5. С. 39–53.
11. Ahbe T. Ostalgie. Zu ostdeutschen Erfahrungen und Reaktion nach dem Umbruch. Thüringen: Landeszentrale f. polit. Bild., 2016. 104 S.
12. Ärger wegen DDR – Nostalgie am Gymnasium – Lehrerin im FDJ-Hemd // Thüringen Allgemeine. 8 März 2014. URL: <http://www.thueringer-allgemeine.de/web/zgt/leben/detail/-/specific/Aerger-wegen-DDR-Nostalgie-am-Gymnasium-Lehrerin-im-FDJ-Hemd-1216264503> (Дата обращения: 10.10.2018.)

13. Arnold-de Simine S. «The Spirit of an epoch is not just reflected in pictures and books, but also in pots and frying pans»: GDR museums and memories of everyday life // The GDR remembered: representation of the East German state since 1989. Rochester, New York: Camden House, 2011. P. 95–111.
14. Aufarbeitung der Aufarbeitung. Die DDR im geschichtskulturellen Diskurs. Schwalbach: Wochenschau Verlag, 2011. 208 S.
15. Behrens H. Zu komplex, zu kontrovers, zu fern? Leerstellen und Perspektive außerschulischer Bildung an Orten der DDR-Geschichte // Aufarbeitung der Aufarbeitung. Die DDR im geschichtskulturellen Diskurs. Schwalbach: Wochenschau Verlag, 2011. S. 71–83.
16. Bericht der Enquete-Kommission «Aufarbeitung von Geschichte und Folgen der SED-Diktatur in Deutschland» gemäß Beschluß des Deutschen Bundestages vom 12. März 1992 und vom 20. Mai 1992. Bonn: Bonner Universitäts-Buchdruckerei, 1994. 308 S. (Deutscher Bundestag. 12. Wahlperiode. Drucksache 12/7820; URL: <http://dipbt.bundestag.de/doc/btd/12/078/1207820.pdf> [Дата обращения: 01.11.2018]).
17. Borries B. von. Zwischen Katastrophenmeldungen und Alltagsernüchterungen? – Aufarbeitung der Aufarbeitung. Die DDR im geschichtskulturellen Diskurs, Schwalbach, 2011. S. 121–139.
18. Boyer D. Ostalgie – oder die Politik der Zukunft in Ostdeutschland // Deutschlands Archiv. 2006. N 39. S. 690–703.
19. Christoph K. «Aufarbeitung der SED-Diktatur» – heute so wie gestern? // Aus Politik und Zeitgeschichte. 2013. N 42–43. S. 27–33.
20. Die Menschen und ihre Geschichte in Darstellung und Dokumenten. Von 1917 bis 1992. Berlin: Cornelsen Verlag, 1995. 336 S.
21. Duetz-Schroeder M., Schroeder K. Oh, wie schön ist die DDR. Schwalbach: Wochenschau Verlag, 2009. 208 S.
22. Empfehlungen der Expertenkommission zur Schaffung eines Geschichtsverbundes «Aufarbeitung der SED-Diktatur» // Bundesstiftung zur Aufarbeitung. URL: <https://www.bundesstiftung-aufarbeitung.de/uploads/pdf/sabrow-bericht.pdf> (Дата обращения: 30.10.2018.)
23. Entdecken und Verstehen. 10. Vom Kalten Krieg bis zur Gegenwart. Geschichte. Thüringen: Cornelsen Verlag, 2014. 256 S.
24. Entwicklungen im Zugehörigkeitsgefühl von Ostdeutschen mit der Bundesrepublik Deutschland in den Jahren 1997 bis 2009 // Statista. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/30238/umfrage/identifikation-von-ostdeutschen-mit-der-bundesrepublik-deutschland/> (Дата обращения: 30.10.2018.)
25. Fortschreibung der Gedenkstättenkonzeption des Bundes, Verantwortung wahrnehmen, Aufarbeitung verstärken, Gedenken vertiefen. Berlin: H. Heenemann GmbH & Co., Buch- und Offsetdruckerei, 2008. 20 S. (Deutscher Bundestag. 16. Wahlperiode. Drucksache 16/9875; URL: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/16/098/1609875.pdf> [Дата обращения: 02.11.2018]).
26. Forum Geschichte. Hessen. 4 Jahrgangsstufe: 4 t. Berlin: Cornelsen Verlag, 2009. Bd. 4: Vom Ersten Weltkrieg bis heute. 344 S.
27. Forum Geschichte. Niedersachsen. 9./10. Jahrgangsstufe: Vom Kaiserreich bis zur Gegenwart. Berlin: Cornelsen Verlag, 2010. 248 S.
28. Geschichte kennen und verstehen 10. Jahrgangsstufe. Oldenbourg: Schulbuchverlag, 2012. 176 S.
29. Geschichte und Geschehen 10. Jahrgangsstufe. Aufgabe in Gymnasium. Stuttgart, Düsseldorf, Berlin, Leipzig: Klett, 1993. 293 S.
30. Handro S. Arbeit am kollektiven Gedächtnis. «1989» in Schulgeschichtsbüchern // Aufarbeitung der Aufarbeitung. Die DDR im geschichtskulturellen Diskurs. Schwalbach: Wochenschau Verlag, 2011. S. 84–107.

31. Kleißmann C. Deutschland einig Vaterland? // Aufarbeitung der Aufarbeitung. Die DDR im geschichtskulturellen Diskurs. Schwalbach: Wochenschau Verlag, 2011. S. 41–48.

32. Konzeption der künftigen Gedenkstättenförderung des Bundes und Bericht der Bundesregierung über die Beteiligung des Bundes an Gedenkstätten in der Bundesrepublik Deutschland. Bonn: Bonner Universitäts-Buchdruckerei, 1999. 24 S. (Deutscher Bundestag. 14. Wahlperiode. Drucksache 14/1569; URL: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/14/015/1401569.pdf> [Дата обращения: 05.11.2018]).

33. Marxen K., Werle G., Schäfer P. Die Strafverfolgung von DDR – Unrecht: Fakten und Zahlen. Berlin: Gutendruck, 2007. 46 S.

34. Mehrheit der Ostdeutschen sieht DDR positiv // Spiegel. 26.06.2009. URL: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/studie-mehrheit-der-ostdeutschen-sieht-ddr-positiv-a-632751.html> (Дата обращения: 04.11.2018.)

35. Pickel G. Neue Entwicklungen der politischen Kultur. Politische Einstellungen im wiedervereinten Deutschland: Neue Krisenerscheinungen oder doch alles beim Alten? // Standortbestimmung Deutschlands: Innere Verfasstheit und internationale Verantwortung. Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft, 2015. S. 154–194.

36. Rüdiger T. Deutsche Kultur im Einigungsprozess // Aus Politik und Zeitgeschichte. 2010. N 30–31. S. 33–34.

37. Rudnik C. Die andere Hälfte der Erinnerung. Die DDR in der deutschen Geschichtspolitik nach 1989. Bielefeld: Transcript Verlag, 2011. 770 S.

38. Sabrow M. Zeitgeschichte als Aufarbeitung. Der Fall DDR // Aufarbeitung der Aufarbeitung. Die DDR im geschichtskulturellen Diskurs. Schwalbach: Wochenschau Verlag, 2011. S. 21–36.

39. Schlußbericht der Enquete-Kommission «Überwindung der Folgen der SED-Diktatur im Prozeß der deutschen Einheit». Bonn: Bonner Universitäts-Buchdruckerei, 1998. (Deutscher Bundestag. 13. Wahlperiode. Drucksache 13/11000. URL: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/13/110/1311000.pdf> [Дата обращения: 04.11.2018]).

40. Unsere Geschichte: 4 t. Frankfurt am Main: Verlag Moritz Diesterweg, 1992. Bd. 4: Vor der Oktoberrevolution bis zur Gegenwart. 304 S.

41. Unterrichtung durch die Bundesregierung. Bericht der Bundesregierung über die Beteiligung des Bundes an Gedenkstätten in der Bundesrepublik Deutschland. Bonn: Bonner Universitäts-Buchdruckerei, 1997. 19 S. (Deutscher Bundestag. 13. Wahlperiode. Drucksache 13/8486; URL: <https://ia801607.us.archive.org/8/items/ger-bt-drucksache-13-8486/1308486.pdf> [Дата обращения: 06.11.2018]).

42. Vaizey H. Born in the GDR. Living in the shadow of the wall. Oxford: Oxford University Press, 2014. 240 p.

43. Volk von hier, Elite von drüben // Frankfurter Allgemeine Zeitungen. 08.03.2014. URL: <http://www.faz.net/aktuell/politik/inland/ost-und-west-volk-von-hier-elite-von-drueben-14254333.html> (Дата обращения: 06.11.2018.)

44. War die Deutsche Demokratische Republik (DDR) Ihrer Ansicht nach ein Unrechtsstaat? // Statista. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/70712/umfrage/beurteilung-der-ddr-als-ein-unrechtsstaat-in-west-und-ost/> (Дата обращения: 06.11.2018.)

45. War die Regierung der DDR durch demokratische Wahlen legitimiert? // Statista. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/1333/umfrage/legitimierung-der-ddr-regierung-durch-demokratische-wahlen/> (Дата обращения: 06.11.2018.)

46. Wege durch die Geschichte. 5. Geschichtsbuch Gymnasium Bayern. Frankfurt am Main: Cornelsen Verlag, 1992. 224 S.

47. Wentker H. Unausgewohnheiten und Schlagseiten. Eine kritische Stellungnahme zu den Empfehlungen der «Sabrow-Kommission» // Deutschland-Archiv. 2006. N 39. S. 662–666.

48. Winkler G. 20 Jahre friedliche Revolution 1989 bis 2009. Die Sicht der Bürger der neuen Bundesländer-Studie. Berlin-Brandenburg: Sozialwissenschaftliches Forschungszentrum, 2009. 72 S. (Beiträge zur sozialen Transformation. Bd. 24.) URL: http://www.sfz-ev.de/index_html_files/Studie_20_Jahre_friedliche_Revolution.pdf (Дата обращения: 29.10.2018.)

49. Wolfrum E. Erinnerungskultur und Geschichtspolitik als Forschungsfelder. Reformation und Bauernkrieg. Erinnerungskultur und Geschichtspolitik im geteilten Deutschland. Leipzig: Evangelische Verlagsanstalt, 2010. S. 13–32.

50. ZDF-Politbarometer Extra: 20 Jahre Mauerfall // Forschungsgruppe Wahlen. URL: http://www.forschungsgruppe.de/Umfragen/Politbarometer/Archiv/Politbarometer-Extra/PB-Extra_Mauerfall/ (Дата обращения: 29.10.2018.)

References

Adorno T. Chto znachit «prorabotka proshlogo» // Neprikosnovennyj zapas. 2005. N 2–3. S. 36–45.

Ahbe T. Ostalgie. Zu ostdeutschen Erfahrungen und Reaktion nach dem Umbruch. Thüringen: Landeszentrale f. polit. Bild., 2016. 104 S.

Ärger wegen DDR – Nostalgie am Gymnasium – Lehrerin im FDJ-Hemd // Thüringen Allgemeine. 8 März 2014. URL: <http://www.thueringer-allgemeine.de/web/zgt/leben/detail/-/specific/Aerger-wegen-DDR-Nostalgie-am-Gymnasium-Lehrerin-im-FDJ-Hemd-1216264503> (Data obrashhenija: 10.10.2018.)

Arnold-de Simine S. «The Spirit of an epoch is not just reflected in pictures and books, but also in pots and frying pans»: GDR museums and memories of everyday life // The GDR remembered: representation of the East German state since 1989. Rochester, New York: Camden House, 2011. P. 95–111.

Assman A. Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. 328 p.

Aufarbeitung der Aufarbeitung. Die DDR im geschichtskulturellen Diskurs. Schwalbach: Wochenschau Verlag, 2011. 208 S.

Behrens H. Zu komplex, zu kontrovers, zu fern? Leerstellen und Perspektive außerschulischer Bildung an Orten der DDR-Geschichte // Aufarbeitung der Aufarbeitung. Die DDR im geschichtskulturellen Diskurs. Schwalbach: Wochenschau Verlag, 2011. S. 71–83.

Bericht der Enquete-Kommission «Aufarbeitung von Geschichte und Folgen der SED-Diktatur in Deutschland» gemäß Beschluß des Deutschen Bundestages vom 12. März 1992 und vom 20. Mai 1992. Bonn: Bonner Universitäts-Buchdruckerei, 1994. 308 s. (Deutscher Bundestag. 12. Wahlperiode. Drucksache 12/7820; URL: <http://dipbt.bundestag.de/doc/btd/12/078/1207820.pdf> [Data obrashhenija: 01.11.2018]).

Boroznyak A.I. FRG: Volny istoricheskoy pamyati // Neprikosnovennyj zapas. 2005. N 2–3. S. 58–66.

Borries B. von. Zwischen Katastrophenmeldungen und Alltagsernüchterungen? – Aufarbeitung der Aufarbeitung. Die DDR im geschichtskulturellen Diskurs, Schwalbach, 2011. S. 121–139.

Boyer D. Ostalgie – oder die Politik der Zukunft in Ostdeutschland // Deutschlands Archiv. 2006. N 39. S. 690–703.

Christoph K. «Aufarbeitung der SED-Diktatur» – heute so wie gestern? // Aus Politik und Zeitgeschichte. 2013. N 42–43. S. 27–33.

Die Menschen und ihre Geschichte in Darstellung und Dokumenten. Von 1917 bis 1992. Berlin: Cornelsen Verlag, 1995. 336 S.

Duetz-Schroeder M., Schroeder K. Oh, wie schön ist die DDR. Schwalbach: Wochenschau Verlag, 2009. 208 S.

Dyukov A. Istoricheskaya politika ili politicheskaya pamyat'. Mezhdunarodnaya zhizn'. 2010. N 1. P. 133–148.

Empfehlungen der Expertenkommission zur Schaffung eines Geschichtsverbundes «Aufarbeitung der SED-Diktatur» // Bundesstiftung zur Aufarbeitung. URL: <https://www.bundesstiftung-aufarbeitung.de/uploads/pdf/sabrow-bericht.pdf> (Data obrashheniya: 30.10.2018.)

Entdecken und Verstehen. 10. Vom Kalten Krieg bis zur Gegenwart. Geschichte. Thüringen: Cornelsen Verlag, 2014. 256 S.

Entwicklungen im Zugehörigkeitsgefühl von Ostdeutschen mit der Bundesrepublik Deutschland in den Jahren 1997 bis 2009 // Statista. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/30238/umfrage/identifikation-von-ostdeutschen-mit-der-bundesrepublik-deutschland/> (Data obrashheniya: 30.10.2018.)

Fortschreibung der Gedenkstättenkonzeption des Bundes, Verantwortung wahrnehmen, Aufarbeitung verstärken, Gedenken vertiefen. Berlin: H. Heenemann GmbH & Co., Buch- und Offsetdruckerei, 2008. 20 S. (Deutscher Bundestag. 16. Wahlperiode. Drucksache 16/9875; URL: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/16/098/1609875.pdf> [Data obrashheniya: 02.11.2018]).

Forum Geschichte. Hessen. 4 Jahrgangsstufe: 4 t. Berlin: Cornelsen Verlag, 2009. Bd. 4: Vom Ersten Weltkrieg bis heute. 344 S.

Forum Geschichte. Niedersachsen. 9./10. Jahrgangsstufe: Vom Kaiserreich bis zur Gegenwart. Berlin: Cornelsen Verlag, 2010. 248 S.

Geschichte kennen und verstehen 10. Jahrgangsstufe. Oldenbourg: Schulbuchverlag, 2012. 176 S.

Geschichte und Geschehen 10. Jahrgangsstufe. Aufgabe in Gymnasium. Stuttgart, Düsseldorf, Berlin, Leipzig: Klett, 1993. 293 S.

Handro S. Arbeit am kollektiven Gedächtnis. «1989» in Schulgeschichtsbüchern // Aufarbeitung der Aufarbeitung. Die DDR im geschichtskulturellen Diskurs. Schwalbach: Wochenschau Verlag, 2011. S. 84–107.

Khal'bvaks M. Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat' // Neprikosnovennyj zapas. 2005. N 2–3. P. 8–25.

Khorol'skaya M.V. Problemy traktovki i vospriyatiya GDR v edinoj Germanii // Svobodnaya mys'l'. 2017. N 5. P. 39–53.

Kleißmann C. Deutschland einig Vaterland? // Aufarbeitung der Aufarbeitung. Die DDR im geschichtskulturellen Diskurs. Schwalbach: Wochenschau Verlag, 2011. S. 41–48.

Konzeption der künftigen Gedenkstättenförderung des Bundes und Bericht der Bundesregierung über die Beteiligung des Bundes an Gedenkstätten in der Bundesrepublik Deutschland. Bonn: Bonner Universitäts-Buchdruckerei, 1999. 24 S. (Deutscher Bundestag. 14. Wahlperiode. Drucksache 14/1569; URL: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/14/015/1401569.pdf> [Data obrashheniya: 05.11.2018]).

Lyozina E. Lyustraciya i otkrytie arhivov v stranah Central'noj i Vostochnoj Evropy // Uroki istorii HKH vek. 3 sentyabrya 2015. URL: <http://urokiistorii.ru/node/52813> (Data obrashheniya: 11.10.2018.)

Marxen K., Werle G., Schäfer P. Die Strafverfolgung von DDR – Unrecht: Fakten und Zahlen. Berlin: Gutendruck, 2007. 46 S.

Mehrheit der Ostdeutschen sieht DDR positiv // Spiegel. 26.06.2009. URL: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/studie-mehrheit-der-ostdeutschen-sieht-ddr-positiv-a-632751.html> (Data obrashheniya: 04.11.2018.)

Miller A. Istoricheskaya politika v Vostochnoj Evrope nachala XXI veka // Istoricheskaya politika v XXI veke: sb. st. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. P. 7–32.

Miller A. Rossiya: vlast' i istoriya // Pro et Contra. 2009. N 3–4. P. 6–23.

Morozova V.N. Pereosmyslenie istorii GDR v kontekste transformacionnyh processov v ob"edinennoj Germanii: specifika, institucional'nye osnovy, problemy osushchestvlenii // Opyt transformacii v Central'noj i Vostochnoj Evrope: Itogi i uroki dvadcatiletiya reform: sb. st. Voronezh: Nauchnaya kniga, 2010. P. 7–86.

Pickel G. Neue Entwicklungen der politischen Kultur. Politische Einstellungen im wiedervereinten Deutschland: Neue Krisenerscheinungen oder doch alles beim Alten? // Standortbestimmung Deutschlands: Innere Verfasstheit und internationale Verantwortung. Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft, 2015. S. 154–194.

Rüdiger T. Deutsche Kultur im Einigungsprozess // Aus Politik und Zeitgeschichte. 2010. N 30–31. S. 33–34.

Rudnik C. Die andere Hälfte der Erinnerung. Die DDR in der deutschen Geschichtspolitik nach 1989. Bielefeld: Transcript Verlag, 2011. 770 S.

Sabrow M. Zeitgeschichte als Aufarbeitung. Der Fall DDR // Aufarbeitung der Aufarbeitung. Die DDR im geschichtskulturellen Diskurs. Schwalbach: Wochenschau Verlag, 2011. S. 21–36.

Schlußbericht der Enquete-Kommission «Überwindung der Folgen der SED-Diktatur im Prozeß der deutschen Einheit». Bonn: Bonner Universitäts-Buchdruckerei, 1998. (Deutscher Bundestag. 13. Wahlperiode. Drucksache 13/11000. URL: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/13/110/1311000.pdf> [Data obrashhenija: 04.11.2018]).

Unsere Geschichte: 4 t. Frankfurt am Main: Verlag Moritz Diesterweg, 1992. Bd. 4: Vor der Oktoberrevolution bis zur Gegenwart. 304 S.

Unterrichtung durch die Bundesregierung. Bericht der Bundesregierung über die Beteiligung des Bundes an Gedenkstätten in der Bundesrepublik. Deutschland. Bonn: Bonner Universitäts-Buchdruckerei, 1997. 19 S. (Deutscher Bundestag. 13. Wahlperiode. Drucksache 13/8486; URL: <https://ia801607.us.archive.org/8/items/ger-bt-drucksache-13-8486/1308486.pdf> [Data obrashhenija: 06.11.2018]).

Vaizey H. Born in the GDR. Living in the shadow of the wall. Oxford: Oxford University Press, 2014. 240 p.

Volk von hier, Elite von drüben // Frankfurter Allgemeine Zeitungen. 08.03.2014. URL: <http://www.faz.net/aktuell/politik/inland/ost-und-west-volk-von-hier-elite-von-drueben-14254333.html> (Data obrashhenija: 06.11.2018.)

War die Deutsche Demokratische Republik (DDR) Ihrer Ansicht nach ein Unrechtsstaat? // Statista. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/70712/umfrage/beurteilung-der-ddr-als-ein-unrechtsstaat-in-west-und-ost/> (Data obrashhenija: 06.11.2018.)

War die Regierung der DDR durch demokratische Wahlen legitimiert? // Statista. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/1333/umfrage/legitimierung-der-ddr-regierung-durch-demokratische-wahlen/> (Data obrashhenija: 06.11.2018.)

Wege durch die Geschichte. 5. Geschichtsbuch Gymnasium Bayern. Frankfurt am Main: Cornelsen Verlag, 1992. 224 S.

Wentker H. Unausgewohnheiten und Schlagseiten. Eine kritische Stellungnahme zu den Empfehlungen der «Sabrow-Kommission» // Deutschland-Archiv. 2006. N 39. S. 662–666.

Winkler G. 20 Jahre friedliche Revolution 1989 bis 2009. Die Sicht der Bürger der neuen Bundesländer-Studie. Berlin-Brandenburg: Sozialwissenschaftliches Forschungszentrum, 2009. 72 S. (Beiträge zur sozialen Transformation. Bd. 24.) URL: http://www.sfz-ev.de/index_htm_files/Studie_20_Jahre_friedliche_Revolution.pdf (Data obrashhenija: 29.10.2018.)

Wolfrum E. Erinnerungskultur und Geschichtspolitik als Forschungsfelder. Reformation und Bauernkrieg. Erinnerungskultur und Geschichtspolitik im geteilten Deutschland. Leipzig: Evangelische Verlagsanstalt, 2010. S. 13–32.

ZDF-Politbarometer Extra: 20 Jahre Mauerfall // Forschungsgruppe Wahlen. URL: http://www.forschungsgruppe.de/Umfragen/Politbarometer/Archiv/Politbarometer-Extra/PB-Extra_Mauerfall/ (Data obrashhenija: 29.10.2018.)

Э.Н. Соболев

**СОЦИАЛЬНОЕ ИНВЕСТИРОВАНИЕ В СФЕРЕ ТРУДА:
МЕХАНИЗМЫ, ЭФФЕКТИВНОСТЬ, ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫЕ РИСКИ**

***Аннотация.** В статье рассматриваются проблемы социальных инвестиций в работников в сфере трудовой деятельности. Обсуждается роль переподготовки квалифицированных кадров и эффективной заработной платы как факторов развития человеческого капитала. Особое внимание уделено повышению конкурентоспособности работников в условиях глобализационных вызовов.*

***Ключевые слова:** социальное инвестирование; человеческий капитал; отдача от образования; эффективная заработная плата; вызовы глобализации.*

**Соболев Эдуард Неньевич – доктор экономических наук,
Институт экономики Российской академии наук,
ведущий научный сотрудник. E-mail: edsobol@rambler.ru**

**E.N. Sobolev. Social Investment in the Sphere of Labour: Mechanisms,
Effectiveness, Globalization Risks**

***Abstract.** The article explores the impact of human capital upon the development of labour relations, the problems of returns to national human capital and human capital development within corporations. Special attention is paid to human capital outflow under the challenges of globalization. The role of social investment and effective wages as factors of strengthening national human capital is discussed.*

***Keywords:** social investment; human capital; returns on education; effective wages; globalization challenges.*

**Sobolev Eduard Nenjevich – Doctor of Economics,
Institute of Economics of Russian Academy of Sciences,
Leading Researcher. E-mail: edsobol@rambler.ru**

В современных условиях возрастает роль профессионально-квалификационных и образовательных характеристик работников для обеспечения экономического роста и поддержания конкурентоспособности

национальной экономики и ее отдельных звеньев. Накопленные человеком в процессе образования и трудовой деятельности знания и навыки приносят дополнительную отдачу в трудовом процессе, реализуясь в более высокой результативности труда, в более высоких заработках, а потому представляют собой особую разновидность капитала – специфический человеческий капитал [17, р. 43–70]. Отсюда возникает потребность в специальных исследованиях экономических механизмов инвестирования в работника.

Обладание специфическим человеческим капиталом усиливает позиции работника в его отношениях с работодателем. Квалифицированный работник может выторговать себе выгодные условия сделки не только с помощью профсоюзов, но и через репутацию, пользуясь тем, что его трудовые услуги востребованы. Общая тенденция состоит в том, что чем о более квалифицированном работнике идет речь, тем больше шансов, что за договором найма скрывается продажа не рабочей силы, а именно трудовой услуги. При этом оплачиваться эта услуга будет, скорее всего, по полной стоимости, а иногда даже выше стоимости. Такая переплата компенсируется относительно низкой оплатой труда тех работников, чей человеческий капитал недостаточен или менее востребован. В том же направлении действует и конкуренция между фирмами за квалифицированную рабочую силу.

Особенностью специфического человеческого капитала, приобретаемого в системе профессионального образования, является возможность его использования лишь в пределах определенной сферы деятельности. Он может постепенно прирастать по мере накопления опыта работы, либо утрачиваться, если не находит себе применения. Поэтому недостаточно просто обучить людей. Необходимо, чтобы люди имели работу, позволяющую им применить полученные знания и навыки, а не растратить их в результате безработицы или ухода в экономическую неактивность. Для получения экономической отдачи необходимо обеспечить соответствие структуры человеческого капитала, накапливаемого в системе профессионального образования и потребностью экономики в работниках разного профессионально-квалификационного профиля.

В то же время направления деятельности образовательных учреждений формируют преимущественно те экономические агенты, от которых зависят перспективы выживания и конкурентоспособности этих учреждений: государство в мере, пропорциональной доле финансируемого им заказа на квалифицированные кадры, и индивидуальные инвесторы, оплачивающие образование из собственного кармана, но имеющие слабое представление о реальных потребностях экономики. В результате наблюдается обострение профессионально-квалификационного дисбаланса, расхождение профиля полученного образования и выполняемой работы, что в современной России

представляет собой одну из наиболее острых и стратегически опасных проблем социально-трудовой сферы [14, с. 96–103].

По данным Комплексного наблюдения условий жизни населения [6], в 2016 г. работа полностью соответствовала специальности лишь у 46,7% работающих россиян, получивших профессиональное образование. Еще 18% работали по специальности, близкой к полученному диплому, 35% работников пришлось полностью сменить сферу деятельности. Подчеркнем, что лишь чуть более трети (37,7) сменивших профиль работы россиян получили при этом какое-либо дополнительное обучение или переподготовку. Таким образом, можно уверенно предположить, что, по крайней мер, две трети из них перешли на более простую работу, а значит, столкнулись с обесценением и постепенной утратой накопленного человеческого капитала. Это предположение подтверждает и то обстоятельство, что более половины (55,2%) работающих респондентов Комплексного наблюдения указали, что располагают навыками для выполнения более сложной работы, чем та, которую им приходится выполнять, а значит, часть накопленного ими человеческого капитала не используется, не приносит отдачи в виде прироста заработков и не вносит вклада в экономический рост.

О наличии структурного дисбаланса на рынке труда свидетельствуют и данные о профессиональных устремлениях студенческой молодежи и фактическом трудоустройстве выпускников (см. табл. 1).

Таблица 1

СООТВЕТСТВИЕ РАБОТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ

Работают / собираются работать	Доля лиц в возрасте до 30 лет, обучавшихся и / или завершивших обучение в 2014 / 2015 и 2013 / 2014 учебном году в организации профессионального или высшего образования (%)			
	Еще не работают			Уже работают
	В целом	Выпускники 2015	Выпускники 2014	
По полученной специальности	81,3	73,4	65,9	40,4
По близкой специальности	9,4	15,8	14,3	23,9
По другой специальности	3,5	7,7	12,9	35,7
Не определились	5,7	3,2	6,9	—

Источник: [4].

Вопреки распространенному мнению о том, что сегодня высшее образование воспринимается прежде всего как социальная норма, большинство студентов намерены работать именно по той специальности, по которой они получают образование. Однако на практике реализовать это намерение удастся далеко не всем. Фактическая доля получивших работу по специальности даже

несколько ниже, чем по населению в целом. При этом возможности для работы по специальности довольно значительно различаются по группам специальностей (см. табл. 2).

Таблица 2

**СООТВЕТСТВИЕ РАБОТЫ ПО ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ
ПО ГРУППАМ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ В 2015 г.**

Специальность по диплому	Доля работающих выпускников (%)		
	по своей	по близкой	по другой
Металлургия, машиностроение	34,5	30,2	35,2
Транспорт	41,3	27,1	31,6
Информатика и вычислительная техника	40,6	34,6	24,8
Электронная техника, радиотехника и связь	30,7	10,2	59,1
Архитектура и строительство	46,0	10,7	43,3
Сельское и рыбное хозяйство	19,1	46,0	34,8
Юриспруденция	38,5	20,7	40,9
Экономика и управление	40,8	24,4	34,8
Сфера обслуживания	29,1	24,5	46,4
Здравоохранение	67,2	19,7	13,1
Образование и педагогика	47,1	30,8	22,1

Источник: [4].

Работодатели жалуются, что формальная система образования не готовит необходимых им кадров, а представители образовательных учреждений заявляют, что не имеют внятного заказа от работодателей в отношении профилей подготовки и наполнения учебных программ. На деле же голос работодателей принимается во внимание лишь в той мере, в которой они готовы сами выступить в качестве инвесторов и финансировать образовательный процесс.

Развитие человеческого капитала в корпорациях. В современном обществе, где императивом постепенно становится непрерывное обучение в течение всей жизни, несмотря на тенденцию к увеличению средней продолжительности обучения в системе формального образования, ее вклад в формирование совокупного запаса человеческого капитала постепенно снижается. Причем формирование навыков и компетенций взрослого населения в подавляющей части происходит в результате «обучения в процессе деятельности» (learning-by-doing), а не в рамках специальных программ повышения квалификации. Наибольший вклад в неформальное накопление человеческого капитала вносят творческие виды деятельности, в ходе которых происходит накопление «элитных» знаний и производственного опыта. Однако, как показывают исследования, обучение в процессе деятельности сегодня играет значимую роль далеко за пределами сектора НИОКР. По некоторым оценкам, вклад послешкольного обучения непосредственно на рабочих

местах в современных развитых экономиках составляет почти половину накопленного человеческого капитала.

Российские работодатели сегодня также начинают осознавать необходимость инвестиций в развитие человеческого капитала работников. Наряду с актуализацией потребности в непрерывном обновлении знаний, навыков и компетенций к этому их подталкивает снижение качества массового профессионального образования, рассогласованность профессионального профиля выпускников разных учебных заведений и потребности в кадрах. Крупные корпорации, обладающие ресурсами для социальных инвестиций, постепенно воспринимают инвестиционную стратегию развития рабочей силы, в рамках которой работник рассматривается как стабильный и долговременный фактор развития предприятия [1, с. 32–34; 11, с. 39–42]. Стремление к увеличению прибыли, естественно, сохраняется, однако дополняется осознанием необходимости учитывать интересы наемных работников и устанавливать устойчивые и продуктивные взаимоотношения с ними.

Ядром системы социальных инвестиций в человеческий капитал на российских предприятиях являются вложения в программы обучения работников, охрану их здоровья и обеспечение безопасных условий труда. Следует отметить, что социальные расходы в том или ином объеме несет любое предприятие. Но только в том случае, если работа ведется системно, в расчете на долговременный экономический или социальный результат (а не просто реагирует на те или иные требования со стороны властей или персонала), можно говорить о том, что социальные расходы приобретают характер социальных инвестиций в человеческий капитал.

Доля расходов на профессиональное обучение в структуре затрат организаций на рабочую силу в России весьма незначительна и в течение более чем 20 лет не превышает 0,3% [2; 8] (для сравнения: в странах ЕС на обучение тратится на порядок больше – около 3%).

По данным Росстата, среди специалистов высшего уровня квалификации различными формами профессионального обучения ежегодно оказывается охвачен каждый седьмой, а среди специалистов среднего уровня квалификации – каждый десятый российский работник. При этом как минимум в трети случаев обучение на профессиональных курсах осуществляется на основе самофинансирования, т.е. за счет средств самих обучающихся. Однако в последние годы дополнительное образование стало в гораздо меньшей степени финансироваться за счет средств самих обучающихся и в гораздо большей – за счет средств предприятий [5, с. 28–29].

Тем не менее с точки зрения современных требований, предъявляемых экономикой знаний, существующий охват программами профессиональной переподготовки выглядит как явно недостаточный. К тому же учеба в значительной части носит краткосрочный и формально-имитационный характер.

Среди отраслей наиболее продвинутые программы профессиональной подготовки преобладают в ВПК (свыше двух месяцев), а наиболее краткосрочные и формальные – в государственном управлении (не более двух недель). В организациях, работающих с прибылью, расходы на обучение были выше в 2 раза, чем в убыточных организациях.

В наибольшей мере социальное инвестирование получило развитие в деловой практике крупнейших российских компаний, инкорпорированных в мировое бизнес-сообщество. У таких компаний, с одной стороны, есть возможность для проведения сильной социальной политики, а с другой – их социально ответственное поведение является условием поддержания конкурентоспособности на международных рынках. Однако для большинства средних и малых предприятий, не входящих в «сырьевую элиту» или непосредственно с нею не связанных, и сегодня характерно не расширение, а минимизация программ и мероприятий социальной направленности. Таким образом, можно говорить о двух принципиально разных моделях поведения российского бизнеса в отношении вклада в человеческий капитал наемных работников. Если на предприятиях, применяющих инвестиционную стратегию, 55% работников охвачены программами обучения, переподготовки или повышения квалификации, то на предприятиях, не придерживающихся этой стратегии, таких работников только 22% (см. табл. 3).

Таблица 3

**ОХВАТ РАБОТНИКОВ СОЦИАЛЬНЫМИ ПРОГРАММАМИ
НА ПРЕДПРИЯТИЯХ, ПРИМЕНЯЮЩИХ И НЕ ПРИМЕНЯЮЩИХ
ИНВЕСТИЦИОННУЮ СТРАТЕГИЮ**

Вид льгот или социальных программ	Доля работников, пользовавшихся льготой	
	На предприятиях, применяющих инвести- ционную стратегию	На предприятиях, не при- держивающихся инвести- ционной стратегии
Дотации на транспорт	11,7	11,7
Субсидии на питание	26,3	8,6
Дополнительное медицинское страхование	42,8	10,6
Льготные путевки в санаторий и дома отдыха	38,1	14,5
Оплата занятий спортом	17,6	5,6
Материальная помощь	14,8	21,9
Оплата дошкольных учреждений	5,5	5,5
Участие в программах обучения, переподготовки, повышения квалификации	54,9	21,8

Источник: [11, с. 41].

На предприятиях малого бизнеса, как показало обследование социально-экономической защищенности населения, занятого в сфере малого бизнеса, проведенное при поддержке Уполномоченного по правам человека в г. Москве в декабре 2014 – январе 2015 г., потребность в продолжении образования, приобретении новых профессиональных навыков в большинстве случаев остается нереализованной. По факту, какое-либо обучение за пределами рабочего места за три года, предшествовавшие опросу, проходили лишь 20% квалифицированных кадров, занятых в малом бизнесе, причем эта доля мало зависит от статуса занятости и от возраста. Лишь после 50 лет отмечается ее небольшое снижение. Ожидания респондентов в целом соответствуют фактическому положению дел. Лишь около четверти из них уверены в доступности для них программ дополнительного образования, переподготовки или повышения квалификации, не считая обучения на рабочем месте и самообразования. При этом подавляющее большинство (77,7%) из тех, кто считает получение дополнительного образования доступным, рассчитывают, прежде всего, на коммерческие программы, которые они готовы оплачивать из собственных средств или опираясь на ресурсы семьи. Каждый третий представитель этой группы (35,8%) считает реальным получить финансовую поддержку со стороны работодателя [13, с. 190–213].

Поскольку прямое институциональное давление со стороны государства или профсоюзов на бизнес очень слабое, возникает вопрос, что заставляет предпринимателей вкладывать средства в развитие человеческого капитала работников. Диапазон мотивации у менеджмента достаточно широк. Во-первых, альтруистическая мотивация – благотворительность или социальная ответственность бизнеса «в чистом виде»; во-вторых, конъюнктурные требования закрепления квалифицированных работников; в-третьих, осознание стратегической выгоды социальных инвестиций. Этот набор (альтруизм, рынок и прагматизм) существует на всем протяжении постсоветского периода. Но вес различных мотивов не остается неизменным. В первой половине 1990-х годов ведущим мотивом был альтруизм, желание помочь нуждающимся. Особенно это было заметно на старых предприятиях. Исследование, проведенное в эти годы в секторе оборонной промышленности, показало, что две трети директоров (67%) в общей выборке и 89% на благополучных предприятиях в качестве основного мотива называли заботу о работниках и членах их семей [3, с. 44–47]. Это традиционный патерналистский подход. Но уже во второй половине 1990-х годов прагматическая мотивация сравнялась с альтруистической, а в 2000-е годы стремление увязать внутреннюю корпоративную социальную политику с экономическим расчетом (практика социальных инвестиций) уверенно выходит на первое место. Не последнюю роль играет фактор формирования благоприятного имиджа компании в обществе.

Проблема утечки человеческого капитала. Несмотря на позитивные сдвиги в поведении крупных корпораций, на сегодняшний день в экономике сохраняется ситуация, когда бизнес, с одной стороны, жалуется на нехватку квалифицированных работников, а с другой – не особенно стремится усилить свои позиции как субъекта инвестирования в человеческий капитал и не очень активно разворачивает собственные программы подготовки и переподготовки кадров. Важнейший сдерживающий фактор – остро стоящая проблема удержания обученных и накопивших опыт работы специалистов. Проведенные сотрудниками Института экономики РАН анкетирование работников и экспертные интервью менеджеров нескольких крупных корпораций позволяют выделить несколько стимулов для оттока квалифицированных кадров. Ведущую роль среди них играют недостаточность заработной платы и высокая трудовая нагрузка. Отмеченные проблемы идут в связке: высокая и растущая интенсивность труда не компенсируется адекватным повышением заработной платы. Самое неблагоприятное соотношение заработной платы и трудовой нагрузки – на позициях линейных руководителей. В результате это звено становится узким местом и препятствует нормальному плавному карьерному росту, формированию кадрового резерва, нормальной смене поколений руководителей и специалистов различных уровней.

В значительной части текучесть кадров происходит за счет молодых работников, но уже хорошо обученных и имеющих необходимый производственный опыт. Накопив «стартовый» человеческий капитал, многие из них покидают компанию в поисках более выгодных условий занятости. В конечном итоге расширение системы подготовки и переподготовки кадров в условиях экономии на заработной плате уменьшает внутреннюю (на уровне компании) отдачу от средств, инвестируемых в нематериальные активы, но в то же время дает позитивный внешний эффект, способствуя повышению качественных параметров человеческих ресурсов (приросту человеческого капитала) в регионах присутствия. Очень точно обрисовал ситуацию один из экспертов топ-менеджеров: «Получается, что наши учебные центры стали “кузницей кадров” для всего региона».

Аналогичная проблема дает о себе знать и на уровне экономики в целом. Исследуя взаимосвязь между инвестициями в человеческий капитал и конкурентоспособностью национальных экономик, многие авторы отмечают, что для относительно успешных экономик открыта возможность восполнить недостаток тех или иных категорий работников путем поощрения внешней трудовой миграции [16]. При этом возможности, открытые для успешных стран и соответственно угрозы для менее сильных экономик, резко возрастают в условиях глобализации.

На протяжении постсоветского периода в результате миграции квалифицированных кадров в более благополучные страны Россия лишилась значи-

тельной части национального человеческого капитала. По некоторым оценкам, на протяжении первого десятилетия XXI в. отток специалистов с высшим образованием составил около 1 млн человек [10, с. 24–35]. В то же время в последние годы в связи с обострением кризисных явлений в экономиках западных стран привлекательные для российских специалистов возможности трудоустройства за рубежом несколько снизились, что существенно повлияло на их миграционные настроения. Так, по оценкам ВЦИОМ, в 2011 г. 16% тех, кто рассматривал возможность переезда в другую страну, надеялись, что там больше возможностей для карьерного роста или ведения бизнеса, то в 2016 г. их доля сократилась до 3%, в 2017 г. – 4% [15]. Происходит и переориентация миграционных потоков с евро-американского направления на страны Юго-Восточной Азии, где, в отличие от европейского направления, предпочтение отдается временной трудовой миграции на жестко определенные сроки.

Снижению стимулов для внешней трудовой миграции способствует постепенное выравнивание заработных плат для элитных категорий высококвалифицированных специалистов в России и за рубежом. К примеру, заработная плата пилотов самолетов гражданской авиации или программистов уже вполне сопоставима с заработками аналогичных категорий работников в США и Европе [9]. Тем не менее обе проблемы: высокая текучесть внутри национального сегмента квалифицированных кадров, тормозящая склонность российских корпораций к социальному инвестированию, и угроза оттока квалифицированных кадров в зарубежные страны сегодня сохраняют актуальность.

Один из возможных подходов к решению первой проблемы – кооперация, партнерство работодателей в подготовке кадров, что позволит распределять издержки на многие предприятия по типу страхования рисков. Такое сотрудничество более всего возможно на региональном уровне, поскольку общенациональный рынок труда еще не сложился и многие рынки из-за огромных транспортных издержек, неразвитости рынка жилья и т.п. изолированы и функционируют в автономном режиме. Но если на локальном уровне главные работодатели скооперируются, то издержки распределяются среди всех. Если подготовленный работник уйдет от одного к другому, каждый из них уже вложился в его подготовку.

Одновременно следует повышать привлекательность условий труда в корпорации для удержания квалифицированного ядра наемного персонала и для привлечения уже подготовленных кадров со стороны. Здесь важное направление – политика эффективной заработной платы. Эффективная заработная плата (несколько превышающая уровень зарплаты, сложившийся на рынке труда для данной категории работников) способствует тому, что работники дорожат своим рабочим местом, повышается уровень мотивации их труда, растет его производительность. Она предполагает гарантированность

основной части заработка, а также выбор устойчивых систем оплаты труда, в которых величина заработков зависит как от важнейших характеристик работников (образование, квалификация, опыт), так и от результативности их работы на предприятии.

Установление эффективной заработной платы способно внести вклад и в решение второй проблемы, предотвращая отток квалифицированных специалистов из национальной экономики и стимулируя обратный процесс привлечения специалистов в рамках «ротации умов» внутри мирового сообщества.

К сожалению, в последние годы определенные потери стал нести фактор образования и квалификации. Если со второй половины 1990-х годов наблюдался интенсивный рост отдачи от образования, которая достигла 8% на каждый дополнительный год обучения в начале 2000-х годов. С середины нулевых годов началось снижение отдачи на образование в оплате труда. К концу нулевых годов она стала составлять около 7%. Во многом это результат расцвета так называемого псевдообразования, когда многие вузы превратились из места получения знаний в контору по выдаче дипломов. Рынок труда отреагировал снижением интереса работодателей к выпускникам многих вузов. Но есть и более важная и глубинная причина – это продолжающаяся сырьевая ориентация российской экономики, недостаточное развитие высокотехнологичных отраслей, что объективно ограничивает спрос на услуги высококвалифицированных работников. По прогнозам, снижение отдачи от образования в России продолжится, несмотря на противоположную мировую тенденцию [7, с. 24–35].

Политика социального инвестирования бизнеса, рассчитанная на долгосрочную перспективу, временами может вступать в противоречие с задачами обеспечения текущей конкурентоспособности, прибыльности бизнеса. Это противоречие отчасти снимается в том случае, когда инвестиции в развитие человеческого капитала получают широкое распространение, захватывая подавляющую или, по крайней мере, значительную часть бизнес-структур. В России до этого еще далеко. Поэтому следует активнее использовать механизмы институционального принуждения. Это, во-первых, введение жестких законодательных норм, регламентирующих поведение бизнеса, а также реализация мер по принуждению к исполнению этих норм; во-вторых, использование механизмов социального партнерства для достижения компромисса, выработки гибких, в том числе неформальных, правил взаимодействия работодателя и работников; в-третьих, формирование договоренностей в рамках предпринимательских союзов относительно основных социальных функций, которые возлагаются на работодателей [12, с. 157–159].

Распространение стратегии социальных инвестиций в бизнес-сообществе является длительным процессом, который протекает сложно и противоречиво даже в высокоразвитых странах. Предпринимательство медленно эволюцио-

нирует от примитивных форм к цивилизованным, его ответственность перед работниками возрастает по мере развития подходов к мотивации персонала, роста профессионализма менеджмента, изменения его ценностных ориентаций и, соответственно, стратегических целей развития бизнеса. Здесь многое зависит от формирования «человекоориентированной» институциональной среды, которая должна стимулировать политику инвестирования в развитие наемного персонала. Законодательные меры часто оказываются недостаточными и должны дополняться изменениями культурных норм и формированием новых ценностных ориентиров. Важным внутренним фактором, способствующим распространению этой стратегии, является устойчивое финансово-экономическое положение предприятий. В то же время весьма велика здесь и роль государства как стратега, определяющего ориентиры социально-экономического развития страны и ключевого субъекта инвестирования в национальный человеческий капитал.

Библиография

1. Анисимова Г., Соболев Э. О стратегии менеджмента в области оплаты труда на российских предприятиях // *Человек и труд*. 2010. № 1. С. 32–34.
2. Бюллетень о составе затрат организаций на рабочую силу за 2017 год // Федеральная служба государственной статистики: Официальный сайт. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_costs/ (Дата обращения: 04.12.2018.)
3. Виноградова Е., Дюк Е. Российские промышленные предприятия в 1996 году // *Экономические и социальные перемены*. 1997. № 2. С. 44–47.
4. Выборочное наблюдение качества и доступности услуг в сферах образования, здравоохранения и социального обслуживания содействия занятости населения. 2015 г. // Федеральная служба государственной статистики: Официальный сайт. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/quality15/index.html (Дата обращения: 04.12.2018.)
5. Капелюшников Р.И., Лукьянова А.Л. Трансформация человеческого капитала в российском обществе. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2010. 196 с.
6. Комплексное наблюдение условий жизни населения. 2018 г. // Федеральная служба государственной статистики: Официальный сайт. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ16/index.html (Дата обращения: 04.12.2018.)
7. Лукьянова А.Л. Отдача от образования: Что показывает мета-анализ // *Экономический журнал ВШЭ*. 2010. № 3. С. 328–348.
8. О составе затрат на рабочую силу в 2005 году // Федеральная служба государственной статистики: Официальный сайт. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B07_04/IssWWW.exe/Stg/d020/4-00.htm (Дата обращения: 04.12.2018.)
9. Панин А. Состояние рынка труда в РФ в 2013 году. Аналитическая записка. М.: Центр политической информации, 2014. URL: http://polit-info.ru/images/data/gallery/0_9517_rinka_truda_v_RF (Дата обращения: 16.02.2015.)
10. Рязанцев С.В., Письменная Е.Е. Эмиграция ученых из России: «Циркуляция» или «утечка» умов // *Социологические исследования*. 2013. № 4. С. 24–35.
11. Соболев Э.Н. Развитие инвестиционной стратегии бизнеса в сфере труда // *Экономическое возрождение России*. 2015. № 2 (44). С. 39–42.

12. Соболев Э.Н. Трудовые отношения в свете российских трансформаций (XX – начало XXI в.). М.: ИЭ РАН, 2012. 260 с.
13. Социально-экономическая защищенность населения столицы, занятого в малом бизнесе / Под ред. И.В. Соболевой. М.: ООО «ЭсПэХа», 2016. 378 с.
14. Устинова К.А. Сфера образования и рынок труда: Проблемы рассогласования // Социологические исследования. 2014. № 6. С. 96–103.
15. Эксперт ВЦИОМ: Волна эмиграции России не грозит // РИА Новости. 2017. 10 авг. URL: https://ria.ru/radio_brief/20170810/1500161185.html (Дата обращения: 04.12.2018.)
16. Rodríguez-Pose A. Human capital and regional disparities in the EU. London School of Economics. Paper prepared for the Joint Conference of the European Commission and European Investment Bank on Human Capital, Employment, Productivity and Growth. Brussels, 2003.
17. Soboleva I. Paradoxes of the measurement of human capital // Problems of Economic Transition. 2010. T. 52. N 11. P. 43–70.

References

- Anisimova G., Sobolev Je. O strategii menedzhmenta v oblasti oplaty truda na rossijskikh predpriyatiyakh // Chelovek i trud. 2010. N 1. P. 32–34.
- Bulleten' o sostave zatrat organizacij na rabochuju silu za 2017 god // Federal'naja sluzhba gosudarstvennoj statistiki: Oficial'nyj sajt. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_costs/ (Data obrashheniya: 04.12.2018.)
- Ekspert VCIOM: Volna jemigracii Rossii ne grozit // RIA Novosti. 2017. Avg. 10. URL: https://ria.ru/radio_brief/20170810/1500161185.html (Data obrashheniya: 04.12.2018.)
- Kapeljushnikov R.I., Luk'janova A.L. Transformacija chelovecheskogo kapitala v rossijskom obshhestve. Moscow: Fond «Liberal'naja missija», 2010. 196 p.
- Kompleksnoe nabljudenie uslovij zhizni naselenija. 2018 god // Federal'naja sluzhba gosudarstvennoj statistiki: Oficial Website. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ16/index.html (Data obrashheniya: 04.12.2018.)
- Luk'janova A.L. Otdacha ot obrazovanija: Chto pokazyvaet meta-analiz // Jekonomicheskij zhurnal VShJe. 2010. N 3. P. 328–348.
- O sostave zatrat na rabochuju silu v 2005 godu // Federal'naja sluzhba gosudarstvennoj statistiki: Oficial Website. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B07_04/IssWWW.exe/Stg/d020/4-00.htm (Data obrashheniya: 04.12.2018.)
- Panin A. Sostojanie rynka truda v RF v 2013 godu. Analiticheskaja zapiska. Moscow: Centr politicheskaj informacii, 2014. URL: http://polit-info.ru/images/data/gallery/0_9517_rinka_truda_v_RF (Data obrashheniya: 16.02.2015.)
- Rjazancev S.V., Pis'mennaja E.E. Jemigracija uchenyh iz Rossii: «Cirkuljacija» ili «utechka» umov // Sociologicheskie issledovanija. 2013. N 4. P. 24–35.
- Rodríguez-Pose A. Human capital and regional disparities in the EU. London School of Economics. Paper prepared for the Joint Conference of the European Commission and European Investment Bank on Human Capital, Employment, Productivity and Growth. Brussels, 2003.
- Sobolev Je.N. Razvitie investicionnoj strategii biznesa v sfere truda // Jekonomicheskoe vrozozhdenie Rossii. 2015. N 2 (44). P. 39–42.
- Sobolev Je.N. Trudovye otnoshenija v svete rossijskikh transformacij (XX – nachalo XXI v.). Moscow: IJe RAN, 2012. 260 p.
- Soboleva I. Paradoxes of the measurement of human capital // Problems of Economic Transition. 2010. Vol. 52. N 11. P. 43–70.

Social'no-jekonomicheskaja zashhishhennost' naselenija stolicy, zanjatogo v malom biznese / Pod red. I.V. Sobolevoj. Moscow: OOO «JesPjeHa», 2016. 378 p.

Ustinova K.A. Sfera obrazovanija i rynek truda: problemy rassoglasovanija // Sociologicheskie issledovanija. 2014. N 6. P. 96–103.

Vinogradova E., Djuk E. Rossijskie promyshlennye predprijatija v 1996 godu / Jekonomicheskie i social'nye peremeny. 1997. N 2. P. 44–47.

Vyborochnoe nabljudenie kachestva i dostupnosti uslug v sferah obrazovanija, zdavoohranenija i social'nogo obsluzhivaniya sodejstvija zanjatosti naselenija. 2015 g. // Federal'naja sluzhba gosudarstvennoj statistiki: Official Website. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/quality15/index.html (Data obrashhenija: 04.12.2018.)

В.А. Ковалёв

**«ПРАЧЕЧНАЯ» ДЛЯ РАДИКАЛА.
ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЗГЛЯДОВ ПИТИРИМА СОРОКИНА
НА РЕВОЛЮЦИОННЫЙ КРИЗИС**

***Аннотация.** В статье рассматриваются противоречия в научном наследии российско-американского социального теоретика Питирима Сорокина. В центре внимания находятся вопросы теории и практики революции, описанные в «Социологии революции» Сорокина. Прослеживается эволюция взглядов социолога на проблему революционных преобразований. Для лучшего понимания идей Сорокина привлекается его фантастический роман «Предтеча» («Прачечная человеческих душ»). Рассматривается связь подхода Сорокина с другими теориями революции. Социология революции Сорокина связывается с его теорией вертикальной мобильности и социокультурной динамики. Подчеркивается актуальность идей Сорокина для современной России.*

***Ключевые слова:** Россия; революция; Питирим Сорокин; кризис; политический режим; коммунистическая диктатура; распад государства; голод; социальная мобильность; социокультурная динамика; утопия; tabula rasa.*

Ковалёв Виктор Антонович – доктор политических наук, профессор Сыктывкарского госуниверситета им. Питирима Сорокина.

V.A. Kovalev. «Laundry» for the Radical. Transformation of Pitirim Sorokin's Views on the Revolutionary Crisis

***Abstract.** The article deals with the important contradictions in the scientific heritage of the Russian-American social theorist Pitirim Sorokin. The article focuses on the theory and practice of revolution, described in the «Sociology of revolution» P. Sorokin. The author traces the evolution of sociologist's views on the problem of revolutionary transformations. For a better understanding of the evolution of Sorokin's ideas, his fantastic novel «The forerunner» («Laundry of human souls») is attracted. The problem of connection of Pitirim Sorokin's approach with other theories of revolution is considered. The sociology of the Sorokin revolution is associated with its theory of vertical mobility and problems of socio-cultural dynamics. The relevance urgency of Sorokin's ideas for modern Russia is emphasized.*

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Keywords: *Russia; revolution; Pitirim Sorokin; crisis; political regime; communist dictatorship; disintegration of the state; hunger; social mobility; socio-cultural dynamics; utopia; tabula rasa.*

**Kovalev Victor Antonovich – Doctor of Political Sciences,
Professor, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University.**

В 2018 г. исполнилось 50 лет со дня смерти выдающегося русско-американского социолога Питирима Александровича Сорокина (21.01.1889–10.02.1968). Эта дата перекликается со 100-летними и трагическими юбилеями в отечественной истории: век прошел после Февральской революции и Октябрьского переворота, уничтожения семьи Романовых, начала Гражданской войны и т.д. Питирим Сорокин был непосредственным участником и страстным свидетелем многих переломных событий в российской истории, а впоследствии, чудом выжив, дал им оригинальную теоретическую интерпретацию.

И сегодня отечественные исследователи, которых интересуют процессы социально-политической трансформации, вряд ли могут пройти мимо фундаментального труда Сорокина «Социология революции». В книге рассматривается множество интересных проблем и драматических противоречий. Сорокин антиномичен и в жизни, и в научном и публицистическом творчестве – в этом он созвучен российской истории всего последнего столетия, да и тому, что ей предшествовало. Надежды на воплощение революционных идей, в которые Сорокин и его товарищи верили, обернулись кошмарной катастрофой, заставившей выжившего ученого очень многое переосмыслить в своих политических взглядах и научных построениях.

«Бездна наконец-то разверзлась. Большевизм одержал победу... Всё произошло очень просто. Временное правительство и первый Всероссийский Совет были свергнуты так же легко, как и царский режим», – так в 1917 г. Сорокин в своем дневнике писал о самом значительном и катастрофическом событии российской истории XX в. [25, с. 107]. Это «наконец-то», вольно или невольно сопряженное Сорокиным с «бездной» в данной цитате, и сегодня привлекает наше внимание. Сорокин предложил современникам и оставил потомкам свои свидетельства и размышления о российской Смуте времен революции и Гражданской войны. К ним относятся такие поразительные и страшные с точки зрения содержащихся в них описаний социальных бедствий «Листки из русского дневника», «Голод как фактор» и «Социология революции». С позицией Сорокина по тому или иному политическому или историческому вопросу можно соглашаться или нет, но нельзя не отдать должное его человеческой и научной смелости. Работа Сорокина в последние годы второго и в начале третьего десятилетия XX в. – это рискованный

«репортаж с петлей на шее», постоянное нахождение под дамокловым мечом голода, тифа и революционного террора.

В советский период тема революции, безусловно, была актуальной, но возможности ее научного описания и анализа были минимальными. На излете так называемой «перестройки» и после нее отношение к теме революции в нашей стране было своеобразным. Резко изменились ее оценки: с официально-восторженных советских характеристик «великой октябрьской революции», как всемирно-исторического события, открывшего новую эру человечества и т.п. до осознания Смуты начала XX в., как национальной катастрофы, заведшей страну и общество в исторический тупик с огромными жертвами. Это действительно была величайшая в истории антропологическая катастрофа.

Вот характерное замечание свидетеля: «Революция произвела ужаснейшее – количественное и качественное – опустошение и ухудшение населения России. Она заложила основы последующей его дегенерации» [25, с. 416]. По итогам революционных событий Сорокин стал считать, что вместо революции, безусловно, предпочтительнее реформы. В 1920-е годы, как полагал Сорокин, «немного найдется людей, которые не признавали бы старый режим бесконечно лучшим, чем современный режим, установленный большевиками» [25, с. 501].

Распространенной стратегией ныне вообще является желание не думать по-настоящему о страшных страницах отечественной истории, заменить историческое знание и моральное отношение к нему на удобный и необременительный для ума и совести миф. Знающий подробную историю «красной Смуты», российский историк пишет: «Современному человеку сложно жить с сознанием зыбкости своего существования – отсюда своего рода эсхатологическая паника, периодически охватывающая даже просвещенных людей, а равно и желание исследователей уклониться от бесстрастного проникновения в природу катастрофических явлений... Тематика революции стала малопривлекательным свидетельством когнитивной уязвимости всего современного обществоведения» [4, с. 19].

Сорокин, выживший в большевистском аду, дорогой ценой приобрел иммунитет против такого рода «когнитивной уязвимости». («Россия во мгле» хорошо просветляла мозги, конечно, если удавалось сохранить голову.) Только учитывая эти конкретные и экстраординарные обстоятельства, среди которых рождалась сорокинская теория революции, можно адекватно обсуждать ее теоретические плюсы и минусы.

Уже вскоре после революции трагический личный опыт, неоднократная угроза гибели, а также наблюдения за гекатомбами смертей, разрушением государства и «социального агрегата» сравнительно быстро побудили Сорокина к его «ценным признаниям», к отказу от участия в политических дейст-

виях, выходу из эсеровской партии, зафиксированным известным письмом в газету [25, с. 687–689].

Но ведь до этого Сорокин и его коллеги ученые и товарищи общественники, многие из которых состояли в пресловутых масонских ложах, сами активно играли в политический радикализм, развили антиправительственную агитацию и бурную деятельность по подготовке к перевороту. Конечно, их деятельность, игра в разнообразные заговоры и прожекты, была в основном направлена на политику, но не стоит забывать, какую роль в возрождении русского масонства [2] в начале XX в. сыграл, к примеру, М.М. Ковалевский, ведущий научный авторитет и один из важных учителей Сорокина (как и Де Роберти). Это оказывало существенное влияние на умонастроения образованных кругов. В том числе и поэтому политический курс Временного правительства, так или иначе, опирался на соответствующие установки (к примеру, требование войны до победного конца в интересах Франции, союзников). Опосредованно политический заговор соприкасался с комплексом внешне наукообразных теорий в области социологии, права, истории и т.д. и имел выход в публицистику и пропаганду – кадетскую, эсеровскую, социал-демократическую и др. Нам не хотелось бы здесь касаться вопроса об отношении самого Сорокина к масонерии и игре в заговоры, тем более что эта связь мало изучена и тема отчасти табуирована. Но Сорокин, с молодых ногтей приобщившийся к революционной агитации, а потом, имея таких учителей, как профессора-масоны М.М. Ковалевский и Е.Де Роберти, а также будучи секретарем А.Ф. Керенского, быть совсем «не в теме» просто не мог.

Сорокин успел за непродолжительный период как очароваться планами и перспективами революции, так и разочароваться в них. Его оценки революции после того, как она произошла, весьма заметно расходятся с тем, что он писал о русской революции, когда она готовилась и разворачивалась [23; 26]. Сам Питирим Александрович был одно время близок к эпицентру российской политики, выполняя функции секретаря у Керенского, несколько месяцев находясь возле этой фигуры, – отвратительной карикатуры на политического деятеля, как многие считают. (В рецензиях на книгу Сорокина Керенский именуется «неадекватным джентльменом», «пустословом и мечтателем» и т.п.) [25, с. 614, 616].

Но разве не применимы подобные определения к характеристике личности самого Сорокина незадолго до наступления русской катастрофы? О прямолинейных, если не сказать грубее, воззрениях молодого Сорокина на социальное развитие говорят и пробы его научного пера, разнообразная публицистика и – в особенно наглядной форме – опыт сочинения им фантастического романа, где при помощи чудо-установки решаются социальные проблемы. Пожалуй, даже больше, чем реконструкция биографических подробностей, представление о развитии взглядов Сорокина дают его тексты,

написанные до и после революционного кризиса. Здесь, помимо публицистики и научных упражнений, богатый материал для исследователей представляет опыт его художественного творчества, фантастический роман «Предтеча» или по-другому «Прачечная человеческих душ» [27, с. 109–390]. Чем-то этот донельзя наивный текст, написанный незадолго до революции, был дорог самому Сорокину, и он уже на склоне лет включал «Прачечную» в свою библиографию. В романе явственно выразились ранние умонастроения Сорокина, сказавшиеся в том числе и на его понимании революционных процессов. Эта утопия говорит нам о воззрениях автора порой даже больше, чем его публицистика и научные труды.

Конечно, в этом сочинении молодого Сорокина трудно отыскать какие-то особые художественные достоинства, хотя роман написан вполне на уровне массовой фантастики того времени. Определенная занимательность сюжета в нем присутствует, однако помимо приключений там есть и определенный социологический аспект (и утопический, ведь теснейшая связь утопии и социологии прослеживается уже у Огюста Конта, не говоря о Марксе). Если вкратце, то интрига романа состоит в том, что изобретается некая установка («прачеШная – как писали тогда, через «ш») и туда помещаются антисоциальные элементы. Под воздействием чудо-технологии люди перевоспитываются, «перековываются»; преступники становятся образцовыми членами общества, отстающие учащиеся демонстрируют невиданные успехи, блистают эрудицией и т.п. Вот оно – наивно-примитивное умонастроение предреволюционной российской интеллигенции и широких «народных масс», легко уверовавших в чудо. Согласно этим настроениям, достаточно сделать небольшое усилие, и все – произойдет чудо. Общество революционно обновится и усовершенствуется; изменили рефлексy, человека как собаку Павлова «перевоспитали». В романе, кстати, действуют и прототипы академика Павлова, и многие другие узнаваемые лица, например пресловутая Матильда, и, конечно же, будущий знаменитый экономист Николай Кондратьев, и сам Сорокин.

Возможно, сам автор относился к своим художественным опытам (например, к рифмованным виршам) не очень серьезно, как к шуточному развлечению. Однако если попробовать оценить «Предтечу» как действительно фантастический роман «с идеей», то там можно выявить интересное противоречие. Действительно, переломные эпохи весьма способствуют расцвету утопического сознания, которое просто цветет махровым цветом и выражается в том числе в оригинальных произведениях фантастического жанра. Как отмечал известный исследователь отечественной фантастики Леонид Геллер: «Фантастика бурно развивается, когда приходит осознание сложности мира и недостаточности однозначных, чересчур рациональных его интерпретаций» [5, с. 372]. Это – один из факторов расцвета хорошей фантастической литературы. Сорокинского «Предтечу» мы бы к таковой не отнесли, и не только

потому, что автор все же не был писателем, но и в силу того, что в своем опыте фантастического романа Сорокин как раз чересчур рационально (это еще мягко сказано!) подходит к бесконечной сложности социального мира. И при этом мечтает о решении его проблем в духе крайнего позитивизма и какой-то рефлексологии. Это было проблемой, конечно, не только для незадачливых литераторов, но в самом «духе эпохи» было разлито представление о том, что и общество, и человека можно переделать быстро и радикально, что люди – это «чистые доски», на которых передовые умы могут написать что угодно, а «архитекторы» могут как угодно перестраивать социальное здание.

Такие идеалистические и упрощенные ожидания были свойственны интеллигенции начала прошлого века, держались они долго, и были характерны не только для революционеров, не только для либералов, но и для так называемых консерваторов. Для сравнения возьмем, скажем, роман одного «реакционера», вышедший в Белграде в середине 20-х годов, он называется «Диктатор мира». Революция уже позади, миллионы бывших подданных Российской империи разбросало по свету, но один из них, писатель А. Ренников, тоже предлагает свой фантастический сюжет. Он состоит в том, что некий властелин мира, находясь в районе экватора, насылает на европейские столицы лучи, которые парализуют население, и выдвигает ультиматум: распустить парламент и партии, прекратить политическую деятельность и подчиниться монархии [19]. То есть, если у Сорокина Никуличев и Колыбин (прототипами которых послужили сам Сорокин и его друг Николай Кондратьев) перевоспитывают недорослей и маргиналов, способствуя тем самым либерализации и прогрессу, то у Ренникова, наоборот, – прогресс поворачивается вспять, и все кажется быстрым и легким. Вот так – что революционеры, что реакционеры мечтали о простой перемене фигур на доске и не склонны были задумываться о хитросплетениях общественной жизни. (Речь, разумеется, не о фантастах, где такой подход обусловлен во многом жанровыми особенностями соответствующих текстов, а о социальных преобразователях революционного толка и различного идеологического окраса.)

Такой настрой повлиял и на возникновение драматического противоречия в воззрениях того же Сорокина. В своем научном исследовании о причинах революции он пишет о подавлении базовых инстинктов и противоречий с человеческой природой, а в художественном произведении незадолго до этого утверждал, что ситуацию можно быстро и просто изменить. И в такой вере в быстрый и простой прогресс, в коренные изменения сходились столетие назад многие революционеры и реакционеры, социалисты и монархисты и т.д.

Вряд ли это было только социально-политическим заблуждением и кратковременным идейным увлечением. Нет, под этим кроется глубинная филосо-

фия и способ понимания человека, который связан с идеей «чистого листа», или *tabula rasa*. Сторонники этой идеи придерживались весьма радикальных взглядов на возможности переделки как социума, так и отдельных индивидуумов. В XX в. это выразилось и в крайностях бихевиористской психологии, и в попытках реализации отдающих безумием экспериментов социальной инженерии. (Подробную критику идеи «чистого листа» и ее драматических последствий при попытках практического воплощения предпринял, например, Стивен Пинкер в своем фундаментальном исследовании «Чистый лист. Природа человека. Кто и почему отказывается признавать ее сегодня» [17].)

Переосмысливание Сорокиным и его товарищами своих прежних революционных идей несет в себе глубокий экзистенциальный смысл. Ведь раньше сами незадачливые революционеры в своих действиях также руководствовались теми или иными идеями, разнообразной «наукой» (марксизмом, позитивизмом, эволюционизмом и т.п.); они активно изучали и пытались воплотить опыт Великой французской революции, да так, что французский террор и количество жертв «великой революции» были превзойдены на порядок. Сорокин, можно сказать, вовремя одумался и счастливо спасся из жерла революционного вулкана. Он предпринял титанические усилия, дабы вновь вернуться к научным занятиям и преуспеть в них.

По мнению самого социолога, человек, лично переживший кошмар очередной смуты, современник революции, лучше других способен охарактеризовать это явление: «Не потомки, а современники исторических событий с их непосредственным опытом (...) являются лучшими знатоками, наблюдателями и судьями» [25, с. 268]. Понимание непреходящей актуальности и проблематики социологии революции вообще и сорокинского наследия, в частности, присутствует в тематике нынешних научных исследований. «Нужно знать причины и специфику процесса, повлекшего за собой дестабилизацию всей системы. Для сегодняшней ситуации в России этот вопрос немаловажен, ведь кризис 80–90-х годов XX в. обладал всеми отличительными чертами революции: он стал коренным переворотом в жизни общества, привел к ликвидации предшествующего общественно-политического строя и установлению новой власти. В связи с этим возникает необходимость анализа работ, конституирующих такое теоретическое направление, как “социология революции”», справедливо отмечает современная исследовательница социологии революций О.С. Грязнова [6, с. 3].

Конечно, «социология революций» важна сама по себе, но она важна также и как некая лаборатория для конструирования более изощренных методов наблюдения и объяснения социальных процессов. «Революции – это скоротечные и запутанные события, однако лучшие работы о революции привносят в изучение социального изменения методологическую и концептуальную ясность» [12, с. 95]. Безусловно, изучение революций вносит немалый вклад

в развитие социальной теории. Об этом хорошо написал Ш. Эйзенштадт, отмечавший, что великие революции оказали воздействие на развитие социологии: «Дело не только в том, что современная социологическая мысль и методы анализа происходят от идеологических систем и интеллектуальных течений, тесно связанных с тем или иным революционным опытом, который сформировал современное общество, и что понимание современного общества с его революционным происхождением и опытом как уникального типа общества составляет основу современного социологического и политического анализа. Этот революционный опыт, воспринятый важнейшими идейными течениями современного общества, породил ряд основополагающих постулатов современной общественно-политической мысли вообще и социологического анализа в частности...» [29, с. 43]. Анализ феномена революции и конкретных исторических событий, связанных с революцией в России, предпринятый Сорокиным, продолжает и сегодня привлекать внимание исследователей. Мы уже однажды обращались к разбору «Социологии революции» Сорокина, сравнивая его теорию революции с подходом Алексиса де Токвиля [28, с. 43] и задачами текущей политики [8, с. 168–192].

В отличие от многих современных исследователей, акцент Сорокин делает на психологические и даже «биологические» стороны революционных процессов, когда в ходе них культурная оболочка «слетает» с человека как «общественного животного» и развязывает его самые дикие инстинкты. Социальная революция – это когда природа как бы берет верх над культурой и социальностью: «“Ущемленные” рефлексy начинают давить на другие, эти – на следующие, происходит взрыв и наступает “извержение вулкана”. Кора социальных форм поведения ломается и разрывается, огонь биологических импульсов прорывается наружу...» [25, с. 277]. Сорокин также живо интересуется революционными движениями прошлых эпох и опыт этих исторических экскурсов и широких хроно-политических сравнений в дальнейшем послужил Сорокину в деле подготовки грандиозной «Социокультурной динамики». Но, к сожалению, разработки Сорокина сегодня вспоминают не слишком часто и в объяснении революций господствуют иные теоретико-методологические подходы.

На наш взгляд, удовлетворительного для большинства подхода и общепризнанной теории революции, позволяющей объяснить события Семнадцатого года, сегодня нет. (И вряд ли таковые появятся, учитывая разницу в идеологических воззрениях историков, социологов, а также «разруха», которая характеризует состояние научных дисциплин.) В нашей стране, после падения социализма и разрушения коммунистической догмы, исчез единый образный взгляд на революцию как на восстание наиболее передовых социальных сил ради установления справедливого общественного строя и строительства социализма во главе с коммунистической партией, хотя его

приверженцы сохранились во множестве, и они продолжают активно отстаивать свои палеонтологические политические взгляды. Несостоятельной также представляется трактовка революции как, прежде всего, результата деятельности революционеров, партий оппозиции Старому Порядку и «царскому режиму», прежде всего большевиков. Да, они присоединились к революционной стихии, возглавили ее и сумели удержаться на революционной волне и потом укротить ее, но «сделали» революцию отнюдь не «коммунисты». Широко известно высказывание «вождя революции», относящееся к началу 1917 г., о том, что их поколению революции и социализма не видать. «Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции», – говорил Ленин в январе 17-го года, [13, с. 328], что примечательно в «Докладе о революции 1905 года». Что называется: «Не ждали»!

Как уже упоминалось, ранее мы также сравнивали и даже противопоставляли подходы к революции Алексиса де Токвиля и Сорокина. Но вот, по мнению известного историка революций В.П. Булдакова, они не противоположны и даже одинаково ограничены: «Попытки выработать универсальный взгляд на “анатомию революций” не прекращались со времен Великой французской революции и особенно интенсифицировались после “красной смуты”. Всякий раз они оказывались европоцентричными (как в прогрессистской, так и консервативной их ипостасях) и безнадежно позитивистскими. Центр дискуссий имплицитно смещался к высказанному еще Алексисом де Токвилем предположению, что жертвами революции становятся не нищающие низы, а напротив, прогрессивные элементы старой системы – особенно те из них, которые оказались особенно активны в преодолении своей ущемленности. Мнение Сорокина о том, что политическим изменениям в обществе предшествуют психические изменения, практически ничего не меняло. Сложившиеся подходы тяготели к социологизирующей описательности, а с появлением теории тоталитаризма грозили вырождаться в нравоучительные экскурсы во славу филистерского эволюционизма... Подобные “универсалистские” генерализации в лучшем случае становятся подспорьем сравнительного изучения цивилизаций, осуществляемого, впрочем, на все том же, заведомо ограниченном языке греко-иудейской или атлантической цивилизации» [3, с. 647].

Однако речь может идти не только об опыте отдельного исторического этапа или региона. Обратимся к другому важнейшему тексту Сорокина – книге «Голод как фактор». Эта работа, написанная в постреволюционном Петрограде, под влиянием страшного голода, частично и чудом сохранилась (набор рассыпали) и пока не оценена должным образом, хотя недавно и была перепечатана. Но на важное часто мало обращают внимание. Прожив несколько страшных лет в государстве «РСФСР», которое поклонниками «октября Семнадцатого» характеризовалось как «первое в мире социалисти-

ческое государство», выживший социолог показывал и доказывал, что социалистический опыт был далеко не первым. Конечно, сорокинское понимание социализма было далеко от пропагандистских сказок о дороге к земному раю. Социализм в своей сущности – это огосударствление всего и вся, диктатура обожествляемых вождей, произвол разросшегося чиновничества. Откуда это берется? Причины в той же мальтузианской ловушке, когда разросшемуся населению при неразвитых технологиях не хватает «хлеба». Эти дефициты и «ущемление пищевых рефлексов» резко усиливаются войной и последующей разрухой. Исследователь голода пишет: «Следствием как войны, так и революции оказывается милитаризация, централизация и “военная коммунизация” общества, т.е. тот же принудительный этатизм». Последний и является, по Сорокину, «социализмом» – тем самым «социализмом», по которому сегодня столь многие ностальгируют, забыв о миллионах жертв, а также про карточки, пайки, очереди, «колхозы», хронический дефицит и постоянные заботы о продовольственном обеспечении семьи. С подачи М.И. Ростовцева и других историков, социолог считает, что подобие «социализма» (т.е. принудительного этатизма) наблюдалось к концу истории Рима. Всё опекается, всё регламентируется, всё принудительно регулируется сверху. И тогда «на месте Римского государства возникает близкое к предельному принудительно-этатическое общество [22, с. 375]. Получается что-то до боли знакомое. «Третий Рим» закончил примерно тем же как «Первый». Так что сорокинскую теорию революции, взятую во всем многообразии ее аспектов, рано сбрасывать со счетов и полагать «устаревшей».

Конечно, революционные события также сопровождаются соответствующей «идеологией» (в широком смысле), о чем писал Ш. Эйзенштадт: «Центральное место в этом лидерстве приобрели особые культурные группы – религиозные или секулярные, – прежде всего интеллигенция и политические активисты, среди которых выделялись носители гностических представлений о построении Небесного Града или же какой-то его секулярной версии на Земле» [29, с. 31]. Добавим, что такого рода идеологии – от коммунизма до радикального исламизма – хорошо приспособлены для оправдания массовых убийств «лишнего населения» в социумах, попавших в «мальтузианскую ловушку»; а после разрушающих инфраструктуру гражданских войн и т.п. «лишние рты» безжалостно истребляются.

Далее стоит кратко указать собственно на теории революции. Наиболее удачным нам представляется определение революции, данное Джеком Голдстоуном: «Революция – это насильственное свержение власти, осуществляемое посредством массовой мобилизации (военной, гражданской или той и другой вместе взятых) во имя социальной справедливости и создания новых политических институтов» [7, с. 15]. Мы бы также сказали, что понимаем революцию, как разрушение прежнего государства (как аппарата управления

и легитимного насилия), произведенного внутренними силами. Да, революция – это, прежде всего, РАСПАД ГОСУДАРСТВА, что, применительно к России, красочно и ярко отражено в сорокинских «Листках из Русского дневника». Понимание революции, как прежде всего «классовой борьбы», в марксистском духе весьма сомнительно. Особенно смешно это выглядит, когда октябрьский переворот большевиков называют «пролетарской революцией». Однако и использование революционной энергии крестьянства, когда большевики оседлали стихию мужицкого бунта с тем, чтобы потом приступить к методичному уничтожению сельского населения – «лишнего и нелишнего»), и попытки эсеров (партии, к которой принадлежал Сорокин) дать свободу большинству народа, и попытки осуществить «буржуазно-демократические преобразования», которые наш социолог на первых порах радостно приветствовал в своих газетных статьях [26], – всё это окончилось провалом. Как пишет Мартин Малия: «Октябрь 1917 г. был одновременно и государственным переворотом, и социальной революцией. По содержанию, он был ультрареволюционным: большевики отняли власть не только у буржуазии, но у общества как такового» [14, с. 316].

Что касается «классовой борьбы», которая, конечно же, имеет место (притом, что сама категория «класса» – это идеально-типическая конструкция, которая в одних случаях может подходить для анализа, а в других – лучше сконцентрироваться на иных противоречиях в социуме и пользоваться другими понятиями). Но не классовая борьба сама по себе приводит к революции, а сочетание иных факторов. По мнению известного американского макросоциолога Р. Коллинза, в последние десятилетия старая парадигма революции как классового конфликта была разрушена, хотя остатки ее сохраняются в современном мышлении об идеологии примерно так же, как продолжает крутиться маховик, когда приводной вал уже сломан [11, с. 53]. По его же мнению, гораздо большее значение в крахе СССР (а ранее и Российской империи) сыграло геополитическое напряжение [10]. Государство с недостаточно развитой экономикой и неустойчивой социальной структурой ввязывается во внешнеполитические авантюры и, пытаясь решить непосильные задачи, надрывается. Сейчас, кажется, наша история повторяется уже в откровенно карикатурном виде.

Р. Коллинз отмечает: «Благодаря сравнительным исследованиям подъемов и крушений государственных режимов Теды Скочпол, Джека Голдстоуна, Чарльза Тилли, Майкла Манна и других была сформулирована так называемая теория революции как распада государства. Ее центральное положение состоит в том, что успешная революция начинается сверху, а не снизу, со стороны недовольных и обнищавших масс. Основные составляющие этого процесса таковы. Во-первых, налоговый кризис государства: государство оказывается неспособным платить по своим счетам, а в конечном итоге

оплачивать свои службы безопасности, армию и полицию. Фискальный кризис государства ведет к летальным последствиям, если он сопровождается вторым компонентом – расколом в элите по поводу того, что делать. К этому можно добавить вторичные факторы, предшествующие основным двум и обычно (хотя и не всегда) включающие причины военного характера. Налоговый кризис государства часто становится следствием чрезмерных военных расходов, а элитный тупик особенно усугубляется военным поражением, которое лишает правительство легитимности и провоцирует призывы к решительным реформам. Раскол элит парализует государство и открывает путь новой коалиции с радикальными целями. Именно в этом вакууме власти – в том, что теоретики социальных движений теперь называют структурой политической возможности, – успешно мобилизуются социальные движения. Нередко они выступают во имя недовольных низов, но в общем случае эти радикальные движения возглавляются группами представителей высшего среднего класса, обладающими наилучшими социальными связями и организационными ресурсами. Как давно уже признал А. де Токвиль [28], радикализм того или иного движения не соотносится со степенью обнищания масс. На самом деле то, что предопределяет степень радикализма, находится скорее в области идеологической и эмоциональной динамики возникающего конфликта, хотя теоретическое осмысление этого обстоятельства так и осталось незавершенным» [10, с. 48].

В подходе Сорокина к объяснению революции невооруженным взглядом просматривается влияние подходов Павлова и Бехтерева, а также социальной и психологической науки того времени. То есть идеи, повлиявшие на написание фантастического романа о чудесном преобразовании людей, продолжали оказывать еще свое остаточное влияние на автора «Социологии революции». Согласно последнему, шестому очерку «Социология революции», к революции могут привести «пищевые рефлексy» людей, ущемленные голодом, «рефлексy индивидуального самосохранения», ущемленные произвольными казнями или войной, ущемленные «изнасилованиями, развращением их жен и дочерей, принудительными браками или разводами» и т.п. [25, с. 513–514].

Этот перечень легко связать с событиями той или иной революции. Но также легко найти эти признаки и в событиях эпох, которые ни к каким революциям не привели. Отличие «Социологии революции» от господствующих ныне в макросоциологии теорий революции не только в методологии, обусловленной развитием науки конца XIX – первой четверти XX в., увлечении Сорокиным психологическими и биологическими подходами, что оборачивалось подчас «махровым бихевиоризмом» и т.д. Главное – это сосредоточенность Сорокина на протекании самого революционного процесса. Подробное и остроумное описание им ...«рефлексов», до предела разрушающихся в революционные эпохи, а потом восстанавливающихся при помощи драконов-

ских мер при возвращении общества в «норму». Однако люди большую часть истории жили очень плохо и «подавление базовых инстинктов» к революции ведет отнюдь не всегда. Конечно, сегодня такое преимущественно бихевиористское объяснение революций удовлетворять уже не может. Видимо, не вполне устраивало оно и самого Сорокина.

Сорокин, после того, как до глубины души был потрясен революционными событиями, которые произошли в стране, дальше, в эмиграции, начинает работать над изучением проблемы академически. Один из главных его трудов, благодаря которому Сорокин вошел в историю социологии, – это, конечно, «Социальная мобильность» [24]. В этой книге социолог также размышляет об опыте революции. Видно, что его концепция направлена против марксистской мифологии всеобщего равенства, утверждений о возможности построения бесклассового общества. Сорокин утверждает, что когда одна система социальной стратификации разрушается, вскоре другая на ее месте создается. Эта система может быть даже более несправедливой, более асимметричной. Но равенства в сложных обществах быть не может. Социальная стратификация неразрывна с социальной мобильностью. Сорокин в качестве объяснения предлагает модель «скороварки». Если несколько упростить, то в чем причина революции? Там наверху элита монополизировала все лучшие позиции и никого туда не пускает. Внизу растет напряжение, есть инициативные люди, которые туда хотят подняться. Но лифты, каналы вертикальной мобильности для них закрыты: кипит наш разум «возмущенный», создается контрэлита, и начинается революция. На первый взгляд, убедительно, но модель «скороварки» подверглась серьезной критике – об этом, например, писал Р. Коллинз. Интенсивная вертикальная мобильность усиливает конкуренцию и это может привести к кризису системы.

Созданные теории стратификации и мобильности позволили объяснить революцию как период, в ходе которого общества с низким индексом мобильности (закрытые общества) осуществляют необходимую перестройку, которую открытые общества с высоким уровнем мобильности реализуют эволюционно [1, с. 35], и, с точки зрения Сорокина, революция является следствием количественных и качественных форм запаздывания социальной мобильности. Ослабление групп социального контроля Сорокин считает следствием общей деградации власти, порождаемой как социальными, так и биологическими причинами. Блокировка каналов социальной мобильности и ее медленный характер приводит к практике наследования статусов и власти, что, в свою очередь, влечет за собой деградацию как способностей, так и биологических качеств. Помимо этого происходит атрофия силы и воли элиты ввиду доминирования умственного труда над физическим, следствием чего является неспособность к решительным действиям.

Из анализа причин революции логично следует рассмотрение и объяснение ее исходов. С одной стороны, объясняется, почему власть становится неспособной сдерживать растущее социальное напряжение, с другой – почему фракция интеллектуалов-реформаторов из числа оппозиции после смещения старой власти становится неэффективной и с третьей – почему ключевые позиции в новой социальной иерархии занимают не интеллектуалы, а решительные, тоталитарно ориентированные «фанатики» или «военные вожди». [6, с. 16–17].

Если «непригодные индивиды смещаются со своих мест несвоевременно и не в полном составе», это приводит к тому, что во всех «слоях их будет накапливаться все больше и больше. В результате социальные функции всех слоев начинают выполняться плохо. Вследствие этого происходит дезинтеграция всей жизни общества. Члены такого общества начинают страдать. Страдание порождает все большее и большее недовольство. Если подобная ситуация сохраняется, то происходит либо медленное разложение общества, либо революционный взрыв» [24, с. 339].

Однако и теория мобильности Сорокина сегодня также нуждается в уточнении. Как отмечает Коллинз: «Общая модель подъема и падения классов была относительно автономна от экономической основы, но сохраняла ее структурные свойства. В американской социологии со времени Сорокина, т.е. с 1920-х годов, акцент сместился на индивидуальную мобильность. Революции связывались с прорывом препятствий для социальной мобильности индивидов, продвигающихся вверх благодаря своим талантам и амбициям, тогда как открытые каналы мобильности в соответствии с достоинствами считались своего рода предохранительным клапаном, ослабляющим давление и устраняющим условия возникновения революций. Изучение социальной мобильности (позже названной “достижением статуса”, или “статусным продвижением”, – status attainment), игравшее главную роль в социологических исследованиях вплоть до 1960-х годов, было в значительной степени результатом принятия базовой модели о том, что блокирование “поднимающихся социальных классов” приводит к революциям, а также результатом предпочтения пошаговых, постепенных реформ, которые, как считалось, и способствуют мобильности» [9, с. 52].

В принципе сам Сорокин своей биографией, своей жизнью и своей политической карьерой как бы опровергает собственные тезисы о том, что революция произошла из-за закрытия каналов восходящей мобильности. Он ведь сам поднялся из самых низов, его «вертикальная мобильность» – это впечатляющий взлет вверх. Конечно, это произошло благодаря огромной настойчивости, работоспособности, собственным огромным усилиям и редким способностям. Но таких как Сорокин было очень много в предреволюционной России. И, несмотря на достигнутые личные успехи, их недовольство

общим положением дел стремительно росло, – они были ферментом социальной радикализации. В этом еще одно противоречие в подходах при объяснении причин революции.

Из теорий революции по понятным причинам громче всех заявляли о себе различные варианты марксистского подхода, но не только. Сама Теда Скочпол в своей знаменитой книге выделяет, помимо марксистских, еще три теоретических подхода: «Три других группы теорий революции сформировались значительно позже, чем марксизм... Каковы бы ни были намерения их авторов, данные теории были призваны объяснить революции как особые явления либо как часть более широкого круга явлений. Большинство этих новых теорий может быть идентифицировано с одним из трех основных подходов: психологические теории стремятся объяснить революции с точки зрения психологической мотивации людей на участие в политическом насилии или оппозиционных движениях; системные теории пытаются объяснить революции как насильственный ответ идеологических движений на резкое нарушение равновесия в социальных системах; теории политического конфликта утверждают, что конфликт между правительствами и стремящимися к власти организованными группами должен занять центральное место в объяснении коллективного насилия и революций. Важнейшими работами в рамках каждого из этих подходов являются: “Почему люди восстают” Т. Гурра (психологическое направление) (1), “Революционные изменения” Ч. Джонсона (системная теория) (2) и “От мобилизации к революции” Ч. Тилли (теория политического конфликта)» [30, р. 9].

Анализ, который предприняла сама Скочпол, отличается от этих подходов тем, что он носит «неволютаристский характер», уделяет значительное внимание международному (геополитическому) контексту произошедших революций, не замыкаясь только на внутренних факторах, а также рассматривает государства как организации потенциально независимые от социально-экономических интересов и структур, хотя и обусловленных последними. Надо также напомнить, что в развитии структурного подхода к революциям наблюдается завидная преемственность между Б. Муром, Т. Скочпол и Д. Голдстоуном, когда исследователи развивали и дополняли теорию своего учителя.

Как видим, социальная теория в изучении революций пошла иным путем, нежели предполагал Сорокин. Сам русско-американский социолог, после работ 1920-х годов, обратился, как известно, к построению теории социокультурной динамики, в рамках которой войны, революции и кризис нашего времени рассматривались как выражение кризиса так называемой чувственной суперсистемы [21, с. 427–504]. Проблематика социальных революций таким образом ставилась в гораздо более широкий контекст.

Следующий этап работы профессора Сорокина, который условно можно выделить, связан с работой над «Социальной и культурной динамикой». И здесь чувствуется русский след. Он не только в том, что Сорокин привлекает российских эмигрантов для подготовки книги, но и в интерпретации причин революции, которые он видит в кризисе так называемой чувственной суперсистемы культуры. Опять возникают серьезные противоречия, связанные с социокультурной динамикой и с дальнейшим его переходом к изучению альтруизма.

В чем эти противоречия? Вообще в первой половине XX столетия многие увлекались попытками создать теорию истории, сконструировать историософию, в рамках которой можно было бы охватить все, объяснить весь мировой исторический процесс. Самый известный пример для сравнения – это попытка А. Тойнби и его «Постижения истории» [21, с. 427–504], наполненной серьезными концептуальными противоречиями. Как нам кажется, Сорокин тоже не избежал этого, хотя он сделал труд более компактным (за четыре года вышло «всего» четыре тома). Но когда он пытается доказать, что чувственная система рушится и возникает нечто новое, где важную роль будет играть роль творческий альтруизм, то хочется задать много вопросов, к примеру, спросить, а в этих событиях, которые Сорокин видит кризисными, разве не было элемента альтруизма? Ведь революция сопровождается не только резней, одичанием, но и массовым самопожертвованием, и там был даже своего рода альтруизм. А в мировых войнах, где с разных сторон гибнут миллионы, но при всем том многими движут высокие порывы, своеобразный идеализм, помноженный на милитаристский психоз, – разве это не проявление альтруизма? Позднейшие теоретические построения Сорокина поражают как своей грандиозностью, так и противоречивостью, но здесь невозможно подробно осветить эти вопросы. Применительно к нашей теме надо отметить, что Сорокин прямо не раскаивается в непосредственно своей революционной деятельности в царской России, но «снимает» это противоречие на уровне более широких обобщений. Однако пережитые в ходе революции и Гражданской войны ужасы не могли не повлиять на основания мировоззрения самого Сорокина: «Волна смерти, зверства и невежества, захлестнувшая мир в XX цивилизованном, как считалось, столетии полностью противоречила всем сладеньким теориям прогрессивной эволюции...» [19, с. 167].

Сорокин очень часто варьирует эти идеи, особенно в связи с работой над грандиозным трудом «Социальная и культурная динамика» и др., где он приходит к выводу о глобальном кризисе так называемой «чувственной суперсистемы», выражением которой и были войны и революции переживаемого им столетия. Опасность возрастала также в связи с глобальным характером этого кризиса, помноженного на новые разрушительные возможности техники. Поэтому «во всей человеческой истории едва ли найдется другой, столь же

критический период с точки зрения сохранения жизни на земле, столь же пораженный безумием людских масс и особенно правящих кругов, столь же отмеченный превращением человека в самого дикого и опасного из зверей. Человек-убийца, человек-разрушитель принес смерть телу, духу, уничтожил в себе Божье подобие. Всё гибло – тело, дух, вековая мудрость, прекрасные мечты» [20, с. 213–214].

И в этом интеллектуальном покаянии русский социолог был не одинок. Любопытный и в чем-то даже курьезный пример, подтверждающий это, находим в эмигрантском «обмене мнениями» между Сорокиным и А.Ф. Керенским. Незадачливый политический деятель эпохи «Смуты» пишет своему бывшему секретарю: «После Вашего “Кризиса нашего времени” я окончательно убедился, что при всех наших во многом расхождениях мы одинаково видим и переживаем главное: распад современной цивилизации как следствие отречения от Духа христианства. Вот вопрос, который меня мучает: возможно ли чудо Воскресения религии после двух тысячелетий, заканчивающейся духовной катастрофой?!» [18, с. 16]. К сожалению, эти духовные, или, если угодно, «психоментальные» (термин, используемый историком В.П. Булдаковым) предпосылки как русской революции, так и глобального кризиса по-прежнему плохо изучены. А поскольку отсутствие кризисов нам не грозит ни в настоящем, ни в будущем, то сорокинское наследие объективно является весьма востребованным. Но анализ его «Динамики» и других более поздних и более зрелых работ – это уже другая тема.

Если вернуться к «Социологии революции» то, как это ни удивительно, написанная более 80 лет назад книга Сорокина остается политически актуальной как для рассмотрения недавних событий в отечественной политической истории, и того, что происходит сегодня, как и для анализа завтрашних перспектив. Не будем, наконец, забывать о глобальном контексте возможных политических потрясений, с которыми и ранее были синхронизированы русские Смуты. Возможно, это объяснимо с точки зрения теории экономических циклов, которую разработал погибший друг Сорокина Николай Кондратьев – эти большие циклы несут с собой не только экономические, но и социальные, культурные и политические перемены. Ход и итоги развития мирового кризиса, в том числе его политической составляющей, предсказать точно практически невозможно. Однако стоит задуматься над тем, что этот кризис только на поверхности выглядит как «ипотечный», «финансовый» и т.п., но корни его скрыты гораздо глубже. Состояние экономики лишь выражает более глубокие причины мировых катаклизмов, глобальной социокультурной динамики, объяснить которые пытался Сорокин своей теорией о кризисе «чувственной суперсистемы». Этот глобальный кризис с неизбежностью будет усугублять собственно российские проблемы и может привести к политиче-

ским потрясениям, точно прогнозировать которые сейчас просто нет возможности.

Противоречия и дилеммы в изучении революций – это неизбежность [16, с. 92], однако сорокинский анализ революционного феномена, особенно с учетом последующих разработок, позволяет осуществить выход на многие теории революции – и в этом его достоинство, а не недостаток. И такая необходимость существует, особенно в связи с актуальными и опасными тенденциями в мире современной политики и видимой уже невооруженным взглядом тенденции затягивания России в воронку нового сильнейшего кризиса. Проблема, однако, в том, что принять эстафету от того же Сорокина сейчас нам очень непросто. Русскую теорию революции просто некому было развивать в советских условиях при безраздельном господстве репрессивного марксистско-ленинского «талмудизма». В итоге, для того чтобы приблизиться к адекватной теоретической рефлексии по поводу своей собственной трагической истории, надо не только осваивать мировые (западные) научные достижения, но и обращаться к своим собственным истокам. И здесь теория социологии революции Сорокина может оказать большую помощь. Конечно, отношение к социологической классике и связь ее с анализом современных ситуаций – это очень сложная проблема, которую в свое время остро поставил Роберт Мертон. Коллега Сорокина писал, «что интерес к классическим произведениям прошлого также вызвал интеллектуально дегенеративные тенденции в истории идей». И далее: «Изучение классических произведений может быть или прискорбно бесполезным или удивительно полезным. Всё зависит от того, какую форму принимает это изучение: бесплодного простого толкования классики и превращения истины в банальность или активного развития и разработки теоретических наметок авторитетных предшественников. Огромная пропасть разделяет эти два подхода и обуславливает двойственное отношение ученых к постоянному чтению первоисточников» [15, с. 54].

Хотя опыт русской трагедии послужил для самого Сорокина своеобразной «прачечной души», избавив его от ряда крайних позитивистских и радикальных воззрений, многие из ранних идей социолога впоследствии своеобразно трансформировались и вновь обнаружили себя (к примеру, в беспощадной критике послевоенной американской действительности). Питирим Сорокин – это человек с чисто русской судьбой, у него много своих внутренних демонов, которые его разрывают не меньше, чем, например, Ф.М. Достоевского. При этом Сорокин привлекает именно тем, что он зачастую противоречит сам себе. В постановке вопроса он расширяет исследовательское поле, и противоречий, нестыковок, драматических моментов в сознании возникает еще больше. И тем самым он расширяет контекст. А то, что Сорокин для нас очень современен и актуален, несмотря на все его противоречия, у нас

сомнений нет. Идейно Сорокин – наш современник. Его метания и драмы, может быть, часто важнее и интереснее, чем иные его позитивные утверждения.

Библиография

1. Асочаков Ю.В., Иванов Д.В., Ломоносова М.В. Питирим Сорокин как «зеркало» трех русских революций (по материалам круглого стола 13.11.2015) // Наследие. Сыктывкар, 2016. № 1(8). С. 32–39.
2. Берберова Н. Люди и логи. Русские масоны XX столетия. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2018. 332 с.
3. Булдаков В.П. Красная Смута: Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 2010. 967 с.
4. Булдаков В.П. Кризисный ритм российской истории: К культурно-антропологическому переосмыслению // Политическая концептология. Ростов-на-Дону, 2015. № 2. С. 18–52.
5. Геллер Л. Вселенная за пределами догмы. Размышления о советской фантастике. London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1985. 444 с.
6. Грязнова О.С. Теоретические подходы в социологии революции: сравнительный анализ концепций П. Сорокина, Л. Эдвардса и Т. Скокпол: Автореферат дис. ...на канд. соц. наук. М., 2009. 28 с.
7. Голдстоун Д. Революции. Очень краткое введение. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 192 с.
8. Ковалёв В.А. Русская «Смута» как предмет «Социологии революции» П.А. Сорокина: Воспоминания о будущем? // Питирим Сорокин: Новые материалы к научной биографии. Сб. научных трудов. М.: ИНИОН РАН. 2012. С. 168–192.
9. Коллинз Р. Макроистория: Очерки социологии большой длительности. М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2015. 504 с.
10. Коллинз Р. Предсказания в макросоциологии: Случай советского коллапса // Время мира. Альманах. Новосибирск, 2000. Вып. 1. С. 234–278.
11. Коллинз Р. Технологическое замещение и кризисы капитализма: Выходы и тупики // Политическая концептология. Ростов-на-Дону, 2010. № 1. С. 35–50.
12. Лахман Э. Что такое историческая социология? М.: ИД «Дело»; РАНХиГС, 2016. 240 с.
13. Ленин В.И. Доклад о революции 1905 года // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М.: Изд-во политической литературы, 1973. Т. 30. С. 306–328.
14. Малия М. Локомотивы истории: Революции и становление современного мира. М.: РОССПЭН, 2015. 405 с.
15. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, 2006. 880 с.
16. Никифоров А.А. Революция как объект теоретического осмысления: Достижения и дилеммы субдисциплины // Полис. 2007. № 5. С. 92–104.
17. Пинкер С. Чистый лист. Природа человека. Кто и почему отказывается признавать ее. М.: Альпина нон-фикшн, 2018. 608 с.
18. Письмо А.Ф. Керенского П.А. Сорокину от 12 мая 1944 // Питирим Сорокин: Избранная переписка. Вологда: Древности Севера, 2009. 336 с.
19. Ренников А.М. Диктатор мира. Роман будущего. Белград: Новое время. 1925. 207 с.
20. Сорокин П.А. Долгий путь. Сыктывкар: СЖ Коми. 1991. 304 с.
21. Сорокин П.А. Кризис нашего времени // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Республика. 1992. С. 427–504.

22. Сорокин П.А. Голод как фактор: Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2014. 496 с.
23. Сорокин П.А. Заметки социолога. Социологическая публицистика. СПб.: Алетейя, 2000. 300 с.
24. Сорокин П.А. Социальная мобильность. М.: Academia; LVS, 2005. 588 с.
25. Сорокин П.А. Листки из русского дневника. Социология революции. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2015. 848 с.
26. [Сорокин П.А.] Питирим Сорокин: Известные газетные статьи 1917 года. М.: Перо, 2016. 152 с.
27. Сорокин П.А. Прачечная человеческих душ: Художественные произведения. 1907–1923. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2017. 512 с.
28. Токвиль, Алексис де. Старый порядок и революция. СПб.: Алетейя, 2008. 248 с.
29. Эйзенштадт Ш. Революции и преобразования обществ. Сравнительное изучение цивилизации / Пер. с англ. А.В. Гордона, под ред. Б.С. Ерасова. М.: Аспект-Пресс, 1999. 416 с.
30. Skocpol T. States and Social Revolutions. A Comparative Analysis of France, Russia and China. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. 407 p.

References

- Asochakov Ju.V., Ivanov D.V., Lomonosova M.V. Pitirim Sorokin kak «zerkalo» treh russkikh revolucij (po materialam kruglogo stola 13.11.2015) // Nasledie. Syktyvkar, 2016. N 1 (8). P. 32–39.
- Berberova N. Ljudi i lozhi. Russkie masonry XX stoletija. Moscow; Berlin: Direkt-Media, 2018. 332 p.
- Buldaikov V.P. Krasnaja Smuta: Priroda i posledstvija revoljucionnogo nasilija. Moscow: ROSSPJeN, 2010. 967 p.
- Buldaikov V.P. Krizisnyj ritm rossijskoj istorii: K kul'turno-antropologicheskomu pereosmysleniju // Politicheskaja konceptologija. Rostov-na-Donu, 2015. N 2. P. 18–52.
- Geller L. Vselennaja za predelami dogmy. Razmyshlenija o sovetskoj fantastike. London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1985. 444 p.
- Goldstoun D. Revoljucii. Ochen' kratkoe vvedenie. Moscow: Iz-vo Instituta Gajdara, 2015. 192 p.
- Grjaznova O.S. Teoreticheskie podhody v sociologii revoljucii: Sravnitel'nyj analiz koncepcij P. Sorokina, L. Jedvardsa i T. Skokpol: Avtoreferat dis. ... na kand. soc. nauk. Moscow: 2009. 28 p.
- Jeizenshtadt Sh. Revoljucii i preobrazovanija obshhestv. Sravnitel'noe izuchenie civilizacii / Per. s angl. A.V. Gordona, pod red. B.S. Erasova. Moscow: Aspekt-Press, 1999. 416 p.
- Kollinz R. Makroistorija: Ocherki sociologii bol'shoj dlitel'nosti. Moscow: URSS: LENAND, 2015. 504 p.
- Kollinz R. Predskazaniya v makrosociologii: Sluchaj sovetskogo kollapsa // Vremja mira. Al'manah. Novosibirsk, 2000. Vol. 1. P. 234–278.
- Kollinz R. Tehnologicheskoe zameshhenie i krizisy kapitalizma: Vyhody i tupiki // Politicheskaja konceptologija. Rostov-na-Donu, 2010. N 1. P. 35–50.
- Kovalev V.A. Russkaja «Smuta» kak predmet «Sociologii revoljucii» P.A. Sorokina: Vospominanija o budushhem? // Pitirim Sorokin: Novye materialy k nauchnoj biografii. Sb. nauchnyh trudov. Moscow: INION RAN. 2012. P. 168–192.
- Lahman Je. Chto takoe istoricheskaja sociologija? Moscow: ID «Delo»; RANHiGS, 2016. 240 p.
- Lenin V.I. Doklad o revoljucii 1905 goda // Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij. M.: Izd-vo politicheskoy literatury, 1973. Vol. 30. P. 306–328.

- Malija M. Lokomotivy istorii: Revoljucii i stanovlenie sovremennogo mira. Moscow: ROSSPJeN, 2015. 405 p.
- Merton R. Social'naja teorija i social'naja struktura. Moscow: AST, 2006. 880 p.
- Nikiforov A.A. Revoljucija kak ob'ekt teoreticheskogo osmyslenija: Dostizhenija i dilemmy subdiscipliny // Polis. 2007. N 5. P. 92–104.
- Pinker S. Chistyj list. Priroda cheloveka. Kto i pochemu otkazyvaetsja priznavat' ejo. Moscow: Al'pina non-fikshn, 2018. 608 p.
- Pis'mo A.F. Kerenskogo P.A. Sorokinu ot 12 maja 1944 // Pitirim Sorokin: Izbrannaja perepiska. Vologda: Drevnosti Severa, 2009. 336 p.
- Rennikov A.M. Diktator mira. Roman budushhego. Belgrad: Novoe vremja. 1925. 207 p.
- Skocpol T. States and Social Revolutions. A Comparative Analysis of France, Russia and China. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. 407 p.
- Sorokin P.A. Dolgij put'. Syktyvkar: SZh Komi. 1991. 304 p.
- Sorokin P.A. Golod kak faktor: Vlijanie goloda na povedenie ljudej, social'nuju organizaciju i obshhestvennuju zhizn'. Syktyvkar: OOO «Anbur», 2014. 496 p.
- Sorokin P.A. Krizis nashego vremeni // Sorokin P.A. Chelovek. Civilizacija. Obshhestvo. Moscow: Respublika. 1992. P. 427–504.
- Sorokin P.A. Listki iz russkogo dnevnika. Sociologija revoljucii. Syktyvkar: OOO «Anbur», 2015. 848 p.
- [Sorokin P.A.] Pitirim Sorokin: Neizvestnye gazetnye stat'i 1917 goda. Moscow: Pero, 2016. 152 p.
- Sorokin P.A. Prachechnaja chelovecheskih dush: Hudozhestvennye proizvedenija. 1907–1923. Syktyvkar: OOO «Anbur», 2017. 512 p.
- Sorokin P.A. Social'naja mobil'nost'. Moscow: Academia; LVS, 2005. 588 p.
- Sorokin P.A. Zametki sociologa. Sociologicheskaja publicistika. Saint Petersburg: Aletejja, 2000. 300 p.
- Tokvil', Aleksis de. Staryj porjadok i revoljucija. Saint Petersburg: Aletejja, 2008. 248 p.

Д.Л. Асиновский

**ИДЕОЛОГИЯ И ПРАГМАТИЗМ
В РАННИХ СОВЕТСКИХ ОЦЕНКАХ
РЕВОЛЮЦИИ В ИРАНЕ 1978–1979 гг.**

Аннотация. Революция в Иране, начавшаяся в 1978 г. и достигшая своей кульминации к 1979 г., оказалась неожиданностью для абсолютного большинства мировых экспертов. Советские специалисты и принимающие решения аппаратчики не оказались исключением. В то же время к концу 1970-х годов руководство советской внешней политики было уверено в общей тенденции к развороту развивающихся стран Азии и Африки к советской модели развития. Идеологические успехи в Южном Йемене, Анголе, Мозамбике, Эфиопии сформировали среди советских экспертов представление о благоприятном развитии глобального противостояния с США в «третьем мире». Таким образом, начало революционных событий в Иране было воспринято в СССР благоприятно, хотя и с опасениями, связанными с ролью США в иранском политическом кризисе. Несмотря на то что в начале 1979 г. все более значимой силой в лагере победивших революционных сил становились шиитские религиозные лидеры, в СССР приняли решение продолжать поддерживать новый революционный режим, невзирая на явные идеологические разногласия. В статье предпринята попытка оценить причины этой поддержки и роль, которую в формировании решения играли идеологические и прагматические соображения в руководстве советской внешней политики.

Ключевые слова: Иранская революция; советская внешняя политика; глобальная холодная война; международники; третий мир; страны Азии и Африки; идеология.

Асиновский Дмитрий Леонидович – младший специалист-исследователь Европейского университета в Санкт-Петербурге.
E-mail: dasinovskiy@gmail.com

D.L. Asinovskiy. Ideology and Pragmatism in the Early Soviet Assessments of the Revolution in Iran 1978–1979

Abstract. The revolution in Iran, that started in 1978 and culminated by the early 1979, happened to be a complete surprise for an absolute majority of experts worldwide, including the Soviet specialists and decision-makers. At the same time, by the end of the

1970s a certain belief in the general turn of the developing countries of Asia and Africa towards the Soviet model of development stabilized among the Soviet foreign policy top officials. Ideological successes in South Yemen, Angola, Mozambique, Ethiopia, etc. formed among the Soviet experts a perception of a positive trend in the global rivalry with the United States in the Third world. Thus the beginning of revolutionary events in Iran was considered in the USSR as a positive development with certain reservations due to the ambiguous perception of the US role in the Iranian political crisis. Although in the early 1979 the growing influence of the Iranian religious leadership became evident, the Soviet Union continued to support new revolutionary regime despite obvious ideological differences. This article is an attempt to explain the reasons of that support and the role played by the ideological and pragmatic considerations in this decision.

Keywords: *Iranian revolution; Soviet foreign policy; global Cold war; the Third world; ideology; countries of Asia and Africa.*

**Asinovskiy Dmitry Leonidovich – Junior Researcher,
European University at Saint Petersburg.
E-mail: dasinovskiy@gmail.com**

В январе 1979 г. шах Мохаммед Реза Пехлеви покинул Иран, и 1 февраля того же года Аятолла Хомейни с триумфом возвратился в Тегеран. В своей официальной позиции Советский Союз приветствовал свержение «реакционной монархии». Советский министр иностранных дел Андрей Громыко позже писал в своих мемуарах: «Не нам, не Советскому Союзу, сожалеть, что носитель шахской короны с завидной быстротой умчался за рубеж и кончил свой век в качестве изгнанника. Мы искренне приветствовали иранскую революцию и никогда не скрывали, что желаем поддерживать с Ираном дружественные, и только дружественные, отношения» [4, с. 416].

Впрочем, эти строки Громыко написал спустя почти десятилетие после описываемых событий, а в начале 1979 г. в советском руководстве на революцию в Иране смотрели с тревогой. Выступление Брежнева в «Правде» в ноябре 1978 г. задало основную тему опасений и главный вопрос, беспокоящий советское руководство, – какую роль играют в этой революции Соединенные Штаты? С одной стороны, опасались реализации сценария, аналогичного событиям 1953 г., – организованного американцами переворота против новой (на тот момент еще неизвестно какой, но ожидаемо антиимпериалистической) иранской власти.

С другой стороны, находились и те, кто подозревали и лидеров протеста в связях с американцами, объясняя революционные события в Иране планом ЦРУ по смещению ставшего слишком независимым иранского монарха. Так, к примеру, руководитель отдела международной информации ЦК КПСС Леонид Замятин выразил подобные опасения в эфире Центрального телевидения в интервью Валентину Зорину в программе «9 студия»: «...Когда неза-

висимая политика [шаха] не устроила американцев, было решено напомнить ему таким образом, что нужно обратить внимание на то, что происходит у него в стране. Они также позволили сформироваться этой оппозиции в Иране [...] Американцы думали, что это не повредит шаху и в то же время сделает его более сговорчивым [...] Когда начались эти события, сразу несколько сил к ним присоединились [...] все движение было вдруг возглавлено шиитским духовенством, потому что оно само пострадало от аграрной реформы, проведенной шахом. Духовенство стояло во главе протестного движения, несмотря на то что, на самом деле, оно является реакционной силой...» [17, р. 49].

Записи в дневнике Анатолия Черняева от января 1979 г. свидетельствуют о том, что это публичное выступление Замятина вызвало недовольство в Международном отделе. Впрочем, намекают они и на то, что в Международном отделе не только отсутствовало понимание происходящего в Иране, но и вовсе не уделялось особого внимания революционным событиям до середины января 1979 г. Черняев, несмотря на то что Иран был далеко за пределами его сферы ответственности в рамках Международного отдела, явно с горечью пишет о том, что его призывы обратить внимание на развитие событий, остаются без внимания. В целом эти записи Черняева могли бы послужить эпиграфом к описанию советской реакции на революцию, столь ярко они отражают непонимание и бездействие советских экспертов: «В Иране идет “революция 1905 года”, мощный разворот массовой всенародной борьбы. У нас под боком. А что мы, марксисты-ленинцы, знали об этом? Догадывался ли хоть бы один человек в Советском Союзе, что может там произойти, ученый или политик?! Чего стоит вся наша наука и теория “на службе политики”! В результате мы имеем “авторитетное” мнение руководителя Отдела международной информации ЦК, объявленное через телеэкран на весь Союз: все эти события – результат происков ЦРУ, американцы-де хотели чуть-чуть попугать шаха, ставшего не очень послушным... Замятин даже записку в ЦК написал, предлагая “проводить линию поддержки стабильности в Иране” (т.е. шаха!). Суслов и Кириленко уже начертали на записке “согласен”. К счастью, события развертывались быстрее, чем делопроизводство в аппарате ЦК. Они перехлестнули эту “линию Замятина”» [9, с. 352].

Сравнение иранских событий с революцией 1905 г. чрезвычайно примечательно. С одной стороны, оно выдает марксистскую оценку – революция в Иране, по Черняеву, получается явлением прогрессивным, хотя и не руководимым левыми силами. С другой стороны, неизбежность социалистической революции вслед за «революцией 1905 года» также, несомненно, предполагается. Что же касается явно презрительного отношения Черняева к декабрьским оценкам Замятина, то здесь он противоречит собственным

записям от ноября 1978 г. Так, в записи от 26 ноября Черняев пересказывает свой обмен репликами с ленинградским первым секретарем Григорием Романовым и напрямую цитирует свой ответ на вопрос Романова о ситуации в Иране:

«Что в Иране будет? – почти кричит он.

Не знаю. Наверно, скинут его (шаха. – Д. А.) американцы. Не подходит он им уже» [9, с. 344–345].

Таким образом, в отличие от января 1979 г., в ноябре 1978 г. Черняев полностью солидарен с Замятинским в оценках возможной стратегии американцев по использованию оппозиции. В целом умение увидеть во всех международных событиях «руку Вашингтона», практикуемое в частных разговорах, а не пропагандистских статьях, отражает реальные глубинные представления советских аппаратчиков (даже таких, как принято считать, «просвещенных», как Черняев) об устройстве мировой политики и, соответственно, выявляет явную специфику их взгляда при принятии решений.

Разочарование Черняева бездействием Международного отдела и в целом руководящих органов было в скором времени компенсировано. По воспоминаниям Леонида Шебаршина, в начале 1979 г. при Политбюро была создана комиссия по Ирану во главе с Брежневым, в которую входили Ю.В. Андропов, Б.Н. Пономарев и Д.Ф. Устинов. Именно этой комиссии и предстояло, по его утверждению, отчитываться Шебаршину, как резиденту КГБ в Тегеране [11, с. 144–145]. В то же время деятельность комиссии на сегодняшний день остается загадкой. Нам неизвестно ни одного документа по итогам деятельности этой комиссии, ни одного решения, принятого комиссией. Однако, по воспоминаниям Шебаршина, именно комиссия требовала от него, как резидента, информации о происходящем в Иране. Единственным источником, подтверждающим существование такой комиссии, кроме мемуаров Шебаршина, является все тот же дневник Черняева, где 17 января 1979 г. он сделал следующую запись: «Собирает он (Пономарев. – Д. А.) группу консультантов. Озадачивал. На этом совещании я разразился упреками: вот уже год в Иране целая революция, а мы делаем вид, что ничего не видим. А ведь это обязанность консультантов – давать такие оценки Центральному комитету. Б.Н. игнорировал мою атаку. (А на другой день сообщил, что принято на ПБ решение создать комиссию ЦК – по записке Брежнева – по Ирану.) И сейчас вовсю занимается иранской революцией, о которой и слышать не хотел из моих уст» [9, с. 352].

Общая система функционирования высшего советского руководства в этот период известна нам на примере работы других комиссий при Политбюро – таких, к примеру, как активно работавшая в 1979 г. комиссия по Афганистану, документы и решения которой хорошо известны исследователям. В афганскую комиссию, так же как и в реально или номинально существующую

ющую комиссию по Ирану, входили Андропов, Устинов, Громыко, Суслов и Пономарев. Именно эти пять человек при находящемся «на шадящем режиме» больном Брежнев, которого информировали, как правило, через его советника Александра-Агентова, принимали ключевые решения в вопросах внешней политики. Пример решений по Афганистану также показывает, что даже в этой пятерке решающее слово оставалось за наиболее близкими к генсеку и обладающими самыми мощными аппаратными рычагами Андроповым, Устиновым и Громыко. Участие Суслова, Косыгина и Черненко во внешнеполитических решениях, как показывает афганский пример, ограничивалось ролями переговорщиков и говорящих голов. Для Пономарева, несомненно, влияние на выработку ключевых решений было важнейшей задачей, однако его издавна сложные отношения с Брежневым не давали ему такого уровня влияния, какой имела тройка Андропов – Устинов – Громыко. Так, решение по введению войск в Афганистан было принято, несмотря на то что Пономарев изначально выступал против [13, р. 46–73; 15, р. 128–132; 16, р. 288–330; 18, р. 260–261]. Так или иначе, вполне вероятно, что созданная в начале 1979 г. комиссия по Ирану служила вывеской для принятия решений этим узким кругом высших партийных руководителей, имевших возможность вырабатывать советскую позицию и в рамках других совещаний и работы своих аппаратов.

В целом в начале 1979 г. в советском руководстве существовало единое представление о том, что «самые важные левые силы Ирана, включая Туде, должны быть за Хомейни» [16, р. 297]. Однако развитие событий весной 1979 г. сформировало в советском правительстве две альтернативные платформы в оценке дальнейшего развития ситуации в Иране. Первую из них отстаивал Пономарев, который стоял на позиции, определенной опытом последнего десятилетия советской внешней политики в странах Азии и Африки. В Иране, по версии Международного отдела, произошла антиимпериалистическая революция, которая со временем должна будет обратиться к левым силам, чтобы они повели ее дальше. Альтернативный подход был предложен Андроповым, который предполагал, что в обозримом будущем религиозные лидеры не выпустят власть из своих рук, а левые силы и, прежде всего Туде, слишком слабы и разобщены, чтобы приобрести серьезное влияние. Андропов предлагал путь поиска компромисса с режимом Хомейни. В том числе с целью предотвратить влияние исламского правительства на дружественные Советскому Союзу Афганистан и Ирак. В частности, для формирования более уверенной позиции по выбору стратегии поведения в отношении Ирана в Тегеран был направлен Леонид Шебаршин [там же].

Шебаршин вспоминал о встрече с Андроповым перед отъездом в Тегеран, на которой председатель КГБ в том числе выражал свои сомнения по поводу идеалистических ожиданий скорого перехвата революционной

инициативы в Иране тудеистами или другой «прогрессивной» оппозицией: «Он (Андропов. – Д. А.) принимал меня накануне и во время моей иранской командировки. “Смотри, брат, – напутствовал он меня перед отъездом, – персы такой народ, что мигом могут посадить тебя в лужу, и охнуть не успеешь!” Как бы продолжая какой-то спор, Юрий Владимирович предупредил против иллюзий по поводу непрочности и недолговечности власти шиитского духовенства (Хомейни лишь недавно вернулся в Иран). И добавил, что надо внимательно разобраться в потенциале демократического движения: “Думается мне, что перспективы у левых в Иране нет”. Юрий Владимирович оказался прав» [10, с. 191].

Показательно и то, как Андропов читал сложившуюся в Иране ситуацию, на что опирался в своих оценках. Если взглянуть на его позицию относительно других членов Политбюро и прочитать его напутствие Шебаршину, может сложиться впечатление, что при оценке ситуации в Иране Андропов был абсолютным прагматиком, не опиравшимся на идеологические подпорки. Однако в воспоминаниях Шебаршин говорит о том, что в своих оценках, противоположных оценкам Пономарева, Ульяновского, Брутенца, Андропов руководствовался так же, как и все они, прежде всего марксистской теорией, впрочем, в ее классическом виде, т.е. Марксом: «И еще однажды Андропов удивил и порадовал меня. Он посоветовал мне прочитать “18 брюмера” Карла Маркса для того, чтобы глубже понять иранские события. Именно это я уже сделал раньше, меня поразила применимость многих мыслей Маркса к иранской ситуации, изящество его формулировок. Удивительно было то, что это увидел один из руководителей того периода, когда живой самостоятельной мысли, казалось, уже не было места в высоких сферах» [там же].

Несмотря на то что этот взгляд исповедовал один из узкого круга людей, принимающих ключевые внешнеполитические решения, нельзя сказать, что подобное прочтение марксистской теории оказалось наиболее влиятельным. По крайней мере весной 1979 г. информации о происходящем в Иране еще было недостаточно, и тот режим, которому Андропов сулил долгое правление, еще только формировался. На тот момент среди советских руководителей явно преобладала точка зрения развития революции. Ключевая роль религиозных лидеров в революции в этих ранних советских оценках была практически проигнорирована и воспринята как оболочка, внутри которой спрятаны реальные движущие силы революции. В качестве «реальных сил», прежде всего, подразумевалась национальная буржуазия, а политической силой ее представлявшей был расценен «Национальный фронт». Даже правительство Мехди Базаргана, утвержденное Хомейни, рассматривалось, прежде всего, как националистическое и только во вторую очередь традиционалистское. Более того, революционный перелом в Иране на этом раннем этапе наложился на общую внешнеполитическую эйфорию, связанную с советскими

внешнеполитическими успехами в «странах Азии и Африки» на протяжении 1970-х годов. Таким образом, сформировались ожидания быстрого перехвата инициативы просоветскими политическими силами или же формирования коалиционного правительства с их влиянием, следуя модели Ирака. И главной руководящей силой этого нового этапа революции должна была стать, очевидно, Народная партия Ирана – партия Туде.

Революция в Иране оказалась для находящихся в изгнании в Восточной Германии лидеров Туде полной неожиданностью. Со времени шахского запрета на функционирование Туде в Иране ее штаб-квартира находилась в Лейпциге, а все содержание партии в изгнании было возложено на Международный отдел ЦК КПСС и КГБ СССР как посредническую организацию для передачи денег лидерам Туде [8, с. 5]. Развитие событий в 1978 г. спровоцировало в ЦК НПИ вместо консолидированной реакции и программы действий внутрипартийную борьбу. Только вмешательство координаторов Туде из Международного отдела ЦК КПСС помогло сформировать определенную стратегию поведения. После падения шаха в Туде стали проводиться кадровые изменения, которые проходили в русле советского взгляда на развитие событий. Непримиимый борец с религией Ирадж Искандери был смещен с позиции первого секретаря партии и заменен на более лояльного традиционным ценностям Нуреддина Киянури. 6 января 1979 г., в преддверии своего избрания на пленуме ЦК НПИ, Киянури по предложению Вадима Загладина посетил Баку. Целью было заручиться поддержкой руководства Советского Азербайджана и лично первого секретаря Гейдара Алиева, а также эмигрантов из Иранского Азербайджана, в частности лидеров Азербайджанской Демократической Партии, оставшихся в Баку с 1946 г. [3, с. 488]. Поддерживая линию Международного отдела ЦК КПСС, Киянури в разговоре с Алиевым заявил о необходимости объединения Туде с Хомейни против шаха и США. Утверждая эту позицию в разговоре с Алиевым, Киянури, как и его патроны в ЦК КПСС, не предполагал, что Хомейни после возвращения в Иран действительно будет перестраивать страну по исламским принципам. Ссылаясь на ряд шиитских религиозных деятелей, близких к Хомейни, Киянури подчеркивал их положительное отношение к Советскому Союзу как потенциальному союзнику в их борьбе против шаха [6]. Вояж Киянури в Баку завершился успехом – партия азербайджанских эмигрантов выступила в поддержку его линии на сотрудничество с религиозной оппозицией. Впрочем, странно было бы, если лидеры АДП повели бы себя иначе. Еще за три дня до визита Киянури в Баку они встречались с Гейдаром Алиевым, который рекомендовал им поддержать позицию Киянури, аргументируя необходимость союза с муллами невероятной популярностью Хомейни [5].

Так или иначе, 13 января 1979 г. исполком ЦК НПИ избрал Нуреддина Киянури первым секретарем партии, а спустя полтора месяца Киянури был

утвержден в должности пленумом ЦК НПИ [7]. В своих заявлениях зимы-весны 1979 г. Киянури неоднократно подтверждал готовность Туде сотрудничать с религиозными лидерами: «Аятолла Хомейни завоевал нашу поддержку, когда он начал делать решительные и радикальные высказывания против шахского режима. Партия Туде признает наличие объективно прогрессивных элементов в религиозном движении. Мы делаем все возможное, чтобы найти общий язык с Хомейни. Очевидно, что он играет прогрессивную роль в развитии Ирана» [17, р. 59].

Это высказывания Киянури и другие утверждения логично вписывались в привычную систему оценок роли религии в революционном процессе. Религия уже не была верным союзником «полуфеодальной монархии», но приобрела объективно прогрессивное влияние. Однако, исходя из описанной выше теоретической роли религии в рамках идеологии, даже в случае использования религии прогрессивными силами, период, в который она могла составлять влиятельную часть нового революционного режима, обязан был быть временным. И то место, которое религия освободит со временем, должны будут занять уже подлинно прогрессивные силы, руководствующиеся научностью и атеизмом.

Вопрос о роли «Национального фронта» и в более широком смысле иранского национализма как основной движущей силы революции в Иране был увязан не только с марксистской теорией, но и с более широкой перспективой недавней иранской истории. Большое значение имел ретроспективный взгляд советского руководства на период правления Мохаммеда Мосаддыка. Напомним, что многие из высшего партийного руководства в начале 1950-х годов уже были во власти и имели возможность наблюдать весь масштаб просчета советской внешней политики, заподозрившей в Мосаддыке британского агента и упустившей возможность поддержать независимый республиканский режим в Иране. Например, второй человек в КПСС Михаил Суслков в 1952 г. был назначен Сталиным для встреч с иранскими делегациями. Другие же советские руководители – Пономарев, Ульяновский, Брутенц – тем более опасались повторить ошибку 1953 г., поскольку в своих трудах они в течение многих лет после начала хрущёвского поворота к развивающимся странам обосновывали американское влияние в Иране переворотом против Мосаддыка и не могли не понимать роль, не сыгранную СССР в той ситуации. В связи с этим практически любая аналитическая работа, посвященная ситуации в Иране в 1978–1979 гг. начиналась с описания событий 25-летней давности и предостережения возможного повторения сценария переворота при поддержке американских спецслужб. Именно в этом аналитическом контексте появилось упомянутое выше выступление Брежнева в «Правде», предостерегающее третьи силы от вмешательства во внутренние дела Ирана.

Отметим, что косвенным подтверждением реальной советской тревоги по поводу вероятного вмешательства США является тот факт, что перед публикацией заявления Брежнева в «Правде» был произведен обмен корреспонденцией в закрытом режиме напрямую между аппаратами Брежнева и Картера. Так, в письме, направленном Картеру, Брежнев повторяет предупреждение, опубликованное позже в прессе, и получает ответ об американской позиции поддержки шаха, но невмешательства во внутренние дела Ирана [12; 14]. Таким образом, риторика за закрытыми дверями была такой же, как и в публичном поле, что свидетельствует о том, что опасения, связанные с американским вмешательством в иранский кризис, существовали в головах советских руководителей, а не были просто пропагандой для внутреннего потребления.

В целом в своей публичной позиции Советский Союз приветствовал становление нового иранского режима. В частности, эту позицию высказал в своей предвыборной речи в марте 1979 г. Л.И. Брежнев: «Особо надо сказать о народной, антиимпериалистической, национально-освободительной революции в Иране. Мы, как и все искренние сторонники мира, прогресса и независимости народов, приветствуем победу этой революции, которая покончила с деспотическим, угнетательским режимом, превратившим страну в объект эксплуатации и опорную базу иностранного империализма. Мы желаем успехов и процветания новому, революционному Ирану и надеемся, что отношения добрососедства между народами Советского Союза и Ирана получат в новых условиях плодотворное развитие на прочной основе взаимного уважения, доброй воли и невмешательства во внутренние дела друг друга» [2, с. 54].

Любопытно, что примерно в то же самое время лидеры нового иранского правительства аятолла Хомейни и премьер-министр Мехди Базарган регулярно делали заявления об особенном пути развития исламской революции, независимом как от Соединенных Штатов, так и от Советского Союза. Более того, Базарган в ряде интервью достаточно откровенно высказывал свою антипатию по отношению к коммунистам и Советскому Союзу, явно подчеркивая свое стремление снизить возможное влияние СССР на внутреннюю политику Ирана.

Как и многие в советском руководстве, Базарган хорошо помнил уроки 1953 г. и ту позицию, которую партия Туде и СССР заняли по отношению к Мосаддыку: «Я не доверяю им... Я всегда был против них... С ними нет возможности договориться. Они всегда предадут. Туде предала Мосаддыка. Когда он был свергнут, ее лидеры признали свою ошибку и сожалели о ней. Но было слишком поздно» [17, р. 56].

Однако в 1979 г. вопрос контроля власти в Иране религиозными лидерами уже начинал противоречить ожиданиям советских аналитиков. Своего рода тревога и недовольство значительной ролью мулл заметны уже в самой

первой статье, посвященной иранской революции за авторством не журналиста, а специалиста из Института востоковедения Салеха Алиева: «Близкие к религиозным лидерам группировки объявляют иранскую революцию исламской и пытаются заменить ранее господствовавшую имперскую идеологию, потерпевшую полный крах, исламской идеологией. Но иранская революция, несмотря на активное участие в ней религиозных деятелей, никоим образом не была религиозным движением» [1, с. 57].

Развитие событий, последовавших за революцией 1978–1979 гг. совершенно не подтверждало теорию о «Национальном фронте», как о наследниках Мосаддыка, которые должны были бы оказаться во главе революции. Религиозные лидеры не только не планировали расставаться с властью, напротив, начали ее активно консолидировать. Религия не испарилась из идеологического дискурса ни через месяц, ни через год. Это сохранение религии как правящей (хоть и революционной) силы представляло вызов для советских идеологов и теоретиков.

Библиография

1. Алиев С.М. Антимонархическая и антиимпериалистическая революция в Иране // Восток. 1979. № 3. С. 45–57.
2. Брежнев Л.И. Во имя счастья советских людей. Речь на встрече с избирателями Бауманского избирательного округа г. Москвы 2 марта 1979 года // М.: Правда, 1979. 16 с.
3. Гасанлы Дж.П. СССР – Иран: Азербайджанский кризис и начало холодной войны (1941–1946 гг.). М.: Герои Отечества, 2006. 559 с.
4. Громыко А.А. Памятное. Кн. 2. М.: Политиздат, 1988. 413 с.
5. Запись беседы кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС, первого секретаря ЦК КП Азербайджана Г.А. Алиева с членом Исполбюро ЦК НПИ, председателем ЦК АДП Г.Я. Данешшаном. 03.01.1979 // Центральный Государственный Архив Политических Партий и Общественных Движений Азербайджанской Республики (ЦГАППОД АР). Ф. 1. Оп. 89. Д. 213. Л. 28.
6. Запись беседы кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС, первого секретаря ЦК КП Азербайджана Г.А. Алиева с членом Исполбюро ЦК НПИ, секретарем ЦК НПИ Нуретдином Киянури. 06.01.1979 // ЦГАППОД АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 213. Л. 35.
7. Информация о ходе проведения XVI пленума ЦК НПИ. 20.03.1979 г. // ЦГАППОД АР. Ф. 1. Оп. 89. Д. 213. Л. 81.
8. Митрохин В. КГБ в Иране // Papers of Vasily Mitrokhin. Churchill College Cambridge Archives. MITN 1/2.
9. Черняев А.С. Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972–1991 годы. М.: РОССПЭН, 2008. 1047 с.
10. Шебаршин Л.В. Рука Москвы. М.: Алгоритм, 2014. 333 с.
11. Шебаршин Л.В. Рука Москвы: Записки начальника советской разведки. М.: Терра, 1996. 332 с.
12. Backchannel Message From the President's Assistant for National Security Affairs (Brzezinski) to the Ambassador to the Soviet Union (Toon) // Carter Library. National Security Affairs. Staff Material. Office. Outside the System File. Box 69. USSR: Brezhnev-Carter Correspondence: 1–12/78. Secret.

13. Kalinovsky A. Decision-Making and the Soviet War in Afghanistan: From Intervention to Withdrawal // *Journal of Cold War Studies*. 2009. Vol. 11. N 4. P. 46–73.
14. Letter From Soviet General Secretary Brezhnev to President Carter. November 17, 1978 // Carter Library. National Security Affairs. Staff Material. Office. Outside the System File. Box 69. USSR: Brezhnev-Carter Correspondence: 1–12/78.
15. Westad O.A. Concerning the Situation in 'A': New Russian Evidence on the Soviet Intervention in Afghanistan // *CWHIP Bulletin*. Iss. 8–9. Winter 1996/1997. P. 128–132.
16. Westad O.A. *Global Cold War. Third World Interventions and the Making of Our Times*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 484 p.
17. Yodfat A.Y. *The Soviet Union and Revolutionary Iran*. London: Croom Helm, 1984. 168 p.
18. Zubok V.M. *A Failed Empire: the Soviet Union in the Cold War from Stalin to Gorbachev*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2009. 468 p.

References

- Aliev S.M. Antimonarhicheskaja i antiimperialisticheskaja revoljucija v Irane // *Vostok*. 1979. N 3. P. 45–57.
- Backchannel Message from the President's Assistant for National Security Affairs (Brzezinski) to the Ambassador to the Soviet Union (Toon) // Carter Library. National Security Affairs. Staff Material. Office. Outside the System File. Box 69. USSR: Brezhnev-Carter Correspondence: 1–12/78. Secret.
- Brezhnev L.I. Vo imja schast'ja sovetskikh ljudej. Rech' na vstreche s izbirateljami Baumanskogo izbiratel'nogo okruga g. Moskvy 2 marta 1979 goda // *Moscow: Pravda*, 1979. 16 p.
- Chernjaev A.S. *Sovmestnyj ishod. Dnevnik dvuh jepoh. 1972–1991 gody*. Moscow: ROSSPJEN, 2008. 1047 p.
- Gasany Dzh.P. *SSSR – Iran: Azerbajdzhanskij krizis i nachalo holodnoj vojny (1941–1946 gg.)*. Moscow: Geroi Otechestva, 2006. 559 p.
- Gromyko A.A. *Pamjatnoe*. Kn. 2. Moscow: Politizdat, 1988. 413 p.
- Informacija o hode provedenija XVI plenuma CK NPI. 20.03.1979 g. // CGAPPOD AR. F. 1. Op. 89. D. 213. L. 81.
- Kalinovsky A. Decision-Making and the Soviet War in Afghanistan: From Intervention to Withdrawal // *Journal of Cold War Studies*. 2009. Vol. 11. N 4. P. 46–73.
- Letter from Soviet General Secretary Brezhnev to President Carter. November 17, 1978 // Carter Library. National Security Affairs. Staff Material. Office. Outside the System File. Box 69. USSR: Brezhnev-Carter Correspondence: 1–12/78.
- Mitrohin V. *KGB v Irane* // *Papers of Vasilij Mitrokhin*. Churchill College Cambridge Archives. MITN 1/2.
- Shebarshin L.V. *Ruka Moskvy: Zapiski nachal'nika sovetskoj razvedki*. Moscow: Terra, 1996. 332 p.
- Shebarshin L.V. *Ruka Moskvy*. Moscow: Algoritm, 2014. 333 p.
- Westad O.A. Concerning the Situation in 'A': New Russian Evidence on the Soviet Intervention in Afghanistan // *CWHIP Bulletin*. Iss. 8–9. Winter 1996/1997. P. 128–132.
- Westad O.A. *Global Cold War. Third World Interventions and the Making of Our Times*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 484 p.
- Yodfat A.Y. *The Soviet Union and Revolutionary Iran*. London: Croom Helm, 1984. 168 p.
- Zapis' besedy kandidata v chleny Polibjuro CK KPSS, pervogo sekretarja CK KP Azerbajdzhana G.A. Alieva s chlenom Ispolbjuro CK NPI, predsedelem CK ADP G.Ja. Daneshianom.

03.01.1979 // Central'nyj Gosudarstvennyj Arhiv Politicheskikh Partij i Obshhestvennyh Dvizhenij Azerbajdzhanskoy Respubliki (CGAPPOD AR). F. 1. Op. 89. D. 213. L. 28.

Zapis' besedy kandidata v chleny Politbjuro CK KPSS, pervogo sekretarja CK KP Azerbajdzhana G.A. Alieva s chlenom Ispolbjuro CK NPI, sekretarem CK NPI Nuretdinom Kijanuri. 06.01.1979 // CGAPPOD AR. F. 1. Op. 89. D. 213. L. 35.

Zubok V.M. A Failed Empire: the Soviet Union in the Cold War from Stalin to Gorbachev. Chapell Hill: University of North Carolina Press, 2009. 468 p.

А.С. Ципко

ЧЕГО МЫ НЕ ХОТИМ ЗНАТЬ О КАРЛЕ МАРКСЕ?

***Аннотация.** В статье предпринята попытка оценить учение К. Маркса в контексте современных представлений об истории экономической науки. Автор анализирует работы предшественников Маркса: Сен-Симона, Рикардо, Смита и др. Делается вывод о несамостоятельности многих идей Маркса, о том, что Маркс-ученый в критические минуты всегда сдавался Марксу-политику и идеологу.*

***Ключевые слова:** К. Маркс; Ф. Энгельс; В.И. Ленин; Д. Рикардо; А. Смит; «Манифест коммунистической партии»; «Капитал».*

**Ципко Александр Сергеевич – доктор философских наук,
главный научный сотрудник Института экономики РАН,
Москва. E-mail: astsipko@yandex.ru**

A.S. Tsipko. What We Don't Want to Know about Karl Marx?

***Abstract.** The article attempts to assess the teachings of Marx in the context of modern ideas about the history of economic science. The author analyzes the works of the predecessors of Marx, Saint-Simon, Ricardo, Smith, etc., demonstrating that in many respects Marx was not self-sufficient and often sacrificed his scientific intentions to politics and ideology.*

***Keywords:** K. Marx; F. Engels; V.I. Lenin; D. Ricardo; «Communist manifesto»; «Capital».*

**Tsipko Alexander Sergeevich – Doctor of Philosophy,
Principal Researcher the Institute of Economics
the Russian Academy of Sciences, Moscow.
E-mail: astsipko@yandex.ru**

*Посвящаю этот текст своему учителю,
профессору Т.И. Ойзерману, автору книги
«Оправдание ревизионизма» [7].*

**Сен-симонизм так и остался
единственной наукой о социализме**

Еще в советское время все же нас в вузах учили, что Карл Маркс позаимствовал свое учение о будущем ассоциированном некапиталистическом обществе у социалистов-утопистов, у Сен-Симона. Но вот что не менее важно. То, с чем чаще всего связывают имя Маркса, с наукой об экономике, а именно с определением стоимости рабочего времени, является заслугой Давида Рикардо. Именно Рикардо сумел создать науку о природе капитала, преодолеть глубинные противоречия учения Смита в его труде о происхождении «Богатства народов» и включил в стоимость товара стоимость потраченных средств производства. Вместо купленного труда на сцену явился затраченный труд, а вместо неопределенного понятия «труд» – более точное понятие «рабочее время». Поэтому, когда мы сегодня, вслед за русскими философами начала XX в. говорим, что бесспорная заслуга Маркса и его последователей заключается в том, что они показали «важную роль экономических причин в истории» [см. об этом: 11, с. 91], то надо понимать, что автор «Капитала» отнюдь не был первопроходцем в этой сфере общественного знания. Сен-симонисты, как позже и Маркс, говорили даже не о «важной», а о решающей роли развития производства в человеческой истории, обращали внимание на связь между способом эксплуатации человека человеком и способом организации производства. Все те категории, которые мы связываем с Марксом, были внесены в общественную науку почти за полвека до появления его «Капитала», в начале 20-х годов XIX столетия. Речь идет о понятиях «эксплуатация человека человеком», «отношение собственности», «ассоциированный труд» и т.д. Что касается экономической составляющей учения Маркса, то он сам говорил, что идет в исследовании природы труда вслед за Рикардо.

В «Теориях прибавочной стоимости» он прямо пишет, что с открытия Рикардо начинается экономическая наука. «Основы, исходный пункт физиологии буржуазной системы – понимания ее внутренней органической связи и жизненного процесса, – пишет Маркс, – есть определение стоимости рабочего времени. Отсюда исходит Рикардо и требует от науки, чтобы она оставила свою прежнюю рутину и дала себе отчет в том, насколько остальные развитые, внесенные ею категории – отношение производства и обращения – соответствуют или противоречат этой основе, этому исходному пункту... В этом-то и заключается историческое значение Рикардо для науки» [8, с. VIII].

Сравнивая все, что писали об истоках марксизма переболевшие им в молодости основатели так называемого «русского идеализма начала

XX века», с тем, что писал на эту тему Ленин, можно сказать, что Владимир Ильич в этом отношении был более осведомлен, чем они. К примеру, Николай Бердяев видит заслугу Маркса в том, что он внес в общественную науку понятие «класс». Но на самом деле классовая природа капиталистического общества была впервые описана сен-симонистами. Именно они связали понятие «класс» с понятием «эксплуатация человека человеком». Ленин, в отличие от будущих веховцев, не присваивал Марксу заслуги сен-симонистов. Ленинская статья «Три источника и три составных части марксизма» давала возможность вполне легально в печатных подцензурных публикациях показывать, что на самом деле у Маркса как мыслителя ни одной собственной оригинальной идеи не было. Даже в советское время существовал не только профессиональный интерес к марксизму как к основанию государственной марксистско-ленинской идеологии, но возможность уже по крайней мере с начала 1960-х «втихую» говорить о том, что прогноз Маркса о самоисчерпании частнокапиталистической цивилизации не совпадает с реальным ходом человеческой истории.

Ощущение вторичности Маркса и в его учении о капитализме, и особенно в его учении о коммунистической ассоциации производителей, свободной от эксплуатации человека человеком, всегда ощущалось теми, кто знакомился с текстами тех, кого называли «предшественниками» Маркса. Если цитировать выдержки из упомянутых мной выше лекций сен-симонистов, не называя источник, то можно будет подумать, что перед нами тексты Маркса. Первое – критика капиталистической конкуренции, порождающей кризисы перепроизводства. «Бросим взгляд на окружающее нас общество. Промышленность жестоко страдает от многочисленных кризисов, от прискорбных катастроф. Это явление начинает поражать некоторые умы, но они не отдают себе отчета в принципе столь большой неурядицы, они не видят, что она представляет собой результат практического применения принципа неограниченной конкуренции. В самом деле, что такое осуществленная на практике конкуренция, как не непрерывно продолжающаяся в новой форме убийственная война между индивидами и обществом, между нацией и нацией» [10, с. 286].

Те, кто был знаком с историей социалистических учений, знали, что лежащая в основе мировоззрения Маркса вера в неизбежность гибели частной собственности и выросшей на ее основе цивилизации, мира капитализма, была доминирующим настроением эпохи Просвещения, начиная с Руссо. Главная идея «Манифеста коммунистической партии», идея уничтожения частной собственности и «разрушения всего, что до сих пор охраняло и обеспечивало частную собственность» [6, с. 434], конечно является повторением главной идеи «Общественного договора» Руссо.

Главный вывод «Манифеста», что «история всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов», имеет своим теоретическим источником вывод, сделанный Сен-Симоном из анализа человеческой истории. Сен-Симон писал, что «закон, устанавливающий власть и форму правления, не имеет такого значения и такого влияния на благосостояние нации, как закон, устанавливающий собственность и регулирующий пользование ею... Учреждение собственности – суть, именно этот институт служит основанием общественного здания... Таким образом, наиболее важный вопрос, подлежащий разрешению, это вопрос о том, как должна быть организована собственность для наибольшего блага всего общества в отношении свобод и в отношении богатства» [10, с. 354–355]. В этом существо марксова учения о том, что отношения собственности, т.е. производственные отношения, первичны по отношению к институтам права.

В так называемом научном социализме Маркса не было ни одного понятия, которое не было бы создано до него теми, кого у нас в советское время было принято называть «социалистами-утопистами». Особое внимание сен-симонисты уделяли судьбе рабочего как потомка раба, и в связи с этим использовали понятие «эксплуатация человека человеком». Рабочий лишен в жизни главного, что для эпохи Просвещения было основной ценностью, утверждали сен-симонисты, лишен «времени для развития своих интеллектуальных способностей, своих нравственных привязанностей». А «может ли он возыметь стремление к этому?» – спрашивали сен-симонисты. И сами себе отвечали: «А если бы он испытывал это стремление, кто дал бы ему средства для его удовлетворения? Кто сделал бы науку доступной для него? Кто признал бы изъяснения его сердца? Никто о нем не думает, жалкое физическое существование ведет его к огрублению, а огрубление – к развращенности, источнику новых бедствий: образуется порочный круг, каждая точка которого внушает отвращение и ужас, вместо того чтобы вызвать только жалость» [2, с. 254].

Все названные выше понятия и идеи, включая идею «всемирной ассоциации», которая избавит человечество от всех «антагонизмов», от «эксплуатации человека человеком», тоже принадлежали Сен-Симону и сен-симонистам. В том числе и понятие «классовые отношения». Конечная цель всемирной истории, настаивали сен-симонисты, это «всемирная ассоциация, т.е. ассоциация всех людей по всему лицу земли и во всех областях отношений», т.е. отмирание не только классов, но и наций, национальных государств. «Состояние антагонизмов» должно сменить «состояние ассоциации» [2, с. 214–215].

Забегая вперед, не могу не сказать, что если история не подтвердила прогноз Маркса о судьбе капитализма, а именно его веру в то, что капитализм ждет глубочайший кризис, который поставит на повестку дня необхо-

димось перехода к принципиально иной организации производства, то она, история, подтвердила многие прогнозы сен-симонистов. Социализация, улучшение условий жизни и труда рабочих возможна и при сохранении существующей цивилизации. На постепенное очеловечивание цивилизации наемного труда надеялись сен-симонисты. Они противопоставили эволюцию революции. Оправдалось их предвидение, что руководство промышленными предприятиями будет постепенно переходить от капиталиста к технократу, что готовится нечто подобное «государственному капитализму», в основе которого уже будет лежать идея планирования, идея сочетания интересов промышленников и общества. Предусматривалось также, что использование промышленниками кредитов из общего межнационального банка будет обосновано с научной точки зрения. Для этого последователи Сен-Симона предлагали создать то, что потом в СССР назовут «госпланом», а именно «командитарную ассоциацию», объединяющую в себе наиболее «способных ученых и промышленников». Совет ассоциации, согласно учению сен-симонистов, имел своей основной задачей оценку предложений, направляемых в ассоциацию предприятиями, желающими воспользоваться кредитом. Непосредственная задача ассоциации как кредитного учреждения состоит в том, чтобы поддерживать способнейших организаторов индустрии, стремящихся вводить в промышленность улучшенные методы. Таким образом, весь понятийный аппарат марксистского учения об ассоциации производителей был сформулирован сен-симонистами за 20 с лишним лет до «Манифеста».

В чем же отличие марксизма от сен-симонизма? Прежде всего в том, что сен-симонисты были большими реалистами, чем Маркс и марксисты. И, конечно, надо учитывать, что сен-симонисты были верующие христиане, а Маркс – воинствующий атеист. В отличие от него сен-симонисты считали, что при помощи революции, насилия ничего позитивного создать нельзя, а потому связывали идею ассоциации прежде всего с наукой, постепенным облагораживанием отношений собственности. Трагедия Маркса и марксистов состояла в том, что все, что с их точки зрения должно было придать научный характер социальному учению сен-симонистов, и прежде всего гегелевская диалектика, на самом деле вело к полному отрыву их так называемого научного социализма от реальности, от бытия человека, от природы человека.

Люди, говорящие сегодня в России о всемирно-историческом значении учения Маркса, не знают, что на самом деле не было никакой «победы марксизма» среди европейской социал-демократии. Создателем немецкой социал-демократии был не Маркс, а его идейный противник Лассаль. Не соответствует фактам, подчеркивает Т.И. Ойзерман, идущее у нас в России от Ленина убеждение, что марксизм в Германии пошел вширь, т.е. стал массовым пролетарским сознанием. «...Факты говорят о другом. А. Бебель в своей автобиографии отмечает, что “Манифест коммунистической партии” и другие

труды Маркса и Энгельса стали известны партии только в конце 60-х – начале 70-х годов. Сам он узнал о существовании Маркса, лишь когда прочитал написанный Марксом “Учредительный манифест Первого Интернационала”. В рабочем движении тогдашней Германии, т.е. в 70-х годах XIX в., наиболее влиятельными были идеи Лассалля, а не Маркса. Бебель, объясняя Энгельсу эту ситуацию, писал в мае 1873 г.: “Не следует забывать, что в действительности труды Лассалля, написанные популярным языком, являются основой социализма масс. Это факт, который мы не можем игнорировать: они имеют в Германии в десять, в двадцать раз большее распространение, чем любые другие работы о социализме”. В этой же связи Т.И. Ойзерман обращает внимание, что и в начале XX в. в немецкой социал-демократии, “в социал-демократической, социалистической массе и в руководящих кадрах марксизм едва воспринимался. Согласно исследованию, проведенному в 1905 г., лишь около десяти процентов членов партии обладали знанием марксистского мышления”» [7, с. 10–11].

На мой взгляд, довольно легко объяснить, почему немецкая социал-демократическая партия уже Второго, не коммунистического, а социал-демократического Интернационала ушла от марксизма как революционного социализма к социализму как постепенному, эволюционному способу преодоления противоречий капитализма, постепенной социализации общественной жизни. Революционный максимализм марксизма с его простыми решениями входил во все большее противоречие с европейским парламентаризмом, с традициями гражданского общества. Неслучайно Маркс и Энгельс в конце жизни начали признавать возможность мирного демократического пути перехода от капитализма к социализму.

Нельзя забывать – на это обращали внимание веховцы, более точно – авторы сборника «Из глубины», – что Маркс и Энгельс были противниками таких эволюционных форм социализации, очеловечивания капитализма, как кооперация и профсоюзы рабочих. Вообще пора понять, писал в своей статье «Социализм, культура и большевизм» в сборнике «Из глубины» А.С. Изгоев, что «профессиональное рабочее и кооперативное движения, организующая роль которых во много раз сильнее социализма, нельзя связывать ни с социализмом, ни с деятельностью социалистов, принимающих и в тред-юнионизме и в кооперации большое участие. Кто вдумается поглубже в профессиональное рабочее движение, тот без труда убедится, что оно в конечном счете покоится на национализме, оно охраняет интересы рабочих данной страны, и границы его достижений зависят от силы страны. При более глубоком анализе кооперации нетрудно увидеть, что она имеет своим фундаментом наличие частной собственности. Обе эти идеи, и государственный национализм, и частная собственность, в корне противоречат идее чистого социализма...» [1, с. 364–365].

Как писал тот же А.С. Изгоев, «экономическая теория Маркса давно уже была разрушена европейскими теоретиками», «некультурность социализма в области науки сводится к тому же его основному греху, как и некультурность в области моральной жизни: к мечте о возможности разорвать традицию мировой человеческой жизни и из царства “буржуазной скверны” перескочить в “социалистический рай”» [1, с. 371].

Все исследователи так называемого «научного социализма» Маркса связывали исходный утопизм его рассуждений с лежащей в основе его учения о капитализме идеей Рикардо, что прибавочную стоимость создает только простой физический труд рабочего. Из чего он сделал вывод, что вытеснение машиной, машинным производством простого физического труда рабочего убивает экономическую основу капитализма как производства прибавочной стоимости и тем самым подготавливает материальные условия для социалистического ассоциированного труда.

С чем сам Маркс связывал свое учение о капитализме? Прежде всего с учением о стоимости, с тем, что стоимость как таковая, как он неоднократно подчеркивал, не имеет «иного вещества», кроме самого труда. Это исходное положение, а именно представление о том, что стоимость создает только непосредственный, физический труд рабочего как совокупность его продолжающихся во времени усилий, вело, полагал он, к целому ряду серьезнейших теоретических и политических выводов. В частности, что класс капиталистов сам по себе, сколько бы он ни вкладывал деньги в новые машины, как бы он ни совершенствовал производство, не может создать новую стоимость и, следовательно, единственным источником вновь созданной стоимости, во имя которой и существует капиталистическое производство, является труд рабочего. В третьем томе «Капитала» Маркс показывает, что использование машинного производства ведет не только к концентрации капитала, к появлению необходимости в «хозяйственном плане», но и к «убийству» простого физического труда рабочего. Да, Маркс связывал свое основное открытие с тем, что, по его мнению, машина, машинное производство убивают капитализм. Капитал, увлекшись погоней за прибылью, за избыточным живым трудом рабочего, полагает Маркс, незаметно для себя существенно подрывает свои собственные устои, постоянно сокращая то, что дает прибавочную стоимость, а именно сокращая долю живого труда в производстве.

В конце концов наступает момент, когда, согласно Марксу, сам капитал становится тормозом развития производства. И этот момент наступил вместе с появлением собственных совершенных машин, вытесняющих живой труд. И потому, по мнению Маркса, капитал был заинтересован в машине, пока к ней можно присоединить труд рабочего. Но он отнюдь не заинтересован в машине, которая освобождает рабочего от труда, дает человечеству «свободное время, представляющее собой как досуг, так и время для более

возвышенной деятельности» [5, с. 221]. А потому, считал Маркс, капитализм себя исчерпал и тем, что он не заинтересован в техническом прогрессе. Для капиталиста выгоднее получить большую прибыль на старой машине, чем меньшую – на новой.

Любому мыслящему человеку всегда было ясно, что история капитализма уже при жизни Маркса, во второй половине XIX в., полностью опровергло то, чему он посвятил свою жизнь, а именно то, что он назвал научным обоснованием грядущей социальной революции. Капитализм за последние 100 лет преодолел все кризисы перепроизводства, которые, по убеждению Маркса, должны были его убить. И самое главное. Капитал не только не был тормозом развития производительных сил, но и стал инициатором к тому времени уже трех научно-технических революций.

Несколько неожиданным является предмет исследования набросков 27 главы к третьему тому «Капитала», в которых Маркс связывает уже гибель капитализма, а более точно – предпосылки перехода к ассоциированному коммунистическому производству – с появлением кооперативных фабрик рабочих, акционерного капитала. «В акционерном деле, – писал здесь Маркс, – уже существует противоположность старой формы, в которой общественные средства производства выступают как индивидуальная собственность, но само превращение в форму акции еще стеснено капиталистическими рамками... Кооперативные фабрики рабочих являются в пределах старой формы, хотя они всюду, в своей действительной организации, конечно, воспроизводят и должны воспроизводить все недостатки существующей системы. Но в пределах этих фабрик уничтожается противоположность между капиталом и трудом, хотя вначале только в такой форме, что рабочие как ассоциация являются капиталистом по отношению к самим себе, т.е. применяют средства производства для эксплуатации своего собственного труда. Они показывают, как на известной ступени развития производительных сил и соответствующих им общественных форм производства с естественной необходимостью из одного способа производства возникает и развивается новый способ производства» [4, с. 483–484].

Но и здесь, как видно из процитированного выше отрывка из 27 главы третьего тома «Капитала», Маркс изменяет себе как ученый. Ведь из того факта, что рабочие стали акционерами и стимулируют свой труд возможностью получения прибыли, совсем не следует, что они захотят добровольно превратить свою ассоциацию акционеров в ассоциацию рабочих, где уже не будет ни собственности, ни права на собственность, ни стимула получить прибыль и т.д. Можно было бы говорить, как пишет Маркс, что из акционерного капитала вырастет подлинная коммунистическая ассоциация, если бы был хоть один пример превращения кооперативной фабрики рабочих (кооператива крестьян, что, кстати, Маркса никогда не интересовало) в коммунистическую

ассоциацию, в то, что Маркс именует «новым», более высоким, достойным способом производства. Ведь одно дело – ассоциация собственников, а другое – то, с чем связывал будущее Маркс, а именно ассоциация производителей, порвавших со всем, что связано с собственностью.

Но особое устройство сознания Маркса, которое, на мой взгляд, как раз и породило его экономический детерминизм, не дают ему, к примеру, возможность увидеть человеческую суть и акционерного капитала, и тех же «кооперативных фабрик самих рабочих». На самом деле, если видеть мир таким, какой он есть, а не таким, каким ты его создал своей «наукой», то акционерный капитал, расширяющий до невиданных ранее размеров мир собственников, мир людей, живущих прибылью со своих состояний, пробивает брешь не в капиталистическом способе производства, а в твоём учении о неизбежной гибели капиталистического способа производства, гибели мира частной собственности. Но трагедия Маркса как ученого состояла в том, что он упрямо пренебрегал тем миром и тем человеком, которые напоминали ему об утопичности его воззрений на мир, подрывали его апокалиптику, его ожидание «потопа», конца частнособственнической цивилизации.

Соединение науки и религиозной апокалиптики в творчестве Карла Маркса

Особенность марксизма как социального учения состояла в том, что ее автор соединил приземленный экономизм сен-симонизма с его анализом капиталистической конкуренции, с анализом перспектив ассоциации производителей, с идеей планирования, с верой, что общество должно быть организовано «согласно заранее предусмотренному общему плану» [2, с. 450]. Маркс обладал уникальной способностью созерцать судьбу человечества как целостности, как изначально заложенную в его истории. Нельзя сказать, что те же сен-симонисты рассматривали свое учение о плановой, научной организации общества, свои идеалы вне истории человечества. Ощущение единства исторической судьбы человечества является сердцевиной эпохи Просвещения. У сен-симонистов в концептуальном плане есть все, что многие до сих пор называют сущностью марксизма. Есть идея внутренних закономерностей общественного развития, в том числе и закономерности развития производства, которые они называют «провиденциальным планом» истории. У них есть и идея смены так называемых «органических эпох» так называемыми «критическими эпохами», эпохами «разрушения принципов и учреждений, ранее управлявших обществом» [2, с. 460]. Понятно, что сен-симонизм вобрал в себя все уроки и открытия Французской революции 1789–1794 гг. Сен-симонисты видят, что критические эпохи, которые Маркс назовет эпохами «революции», всегда являются иррелигиозными, несут с собой разрушение

верований и ценностей, характерных для «органических» эпох. Разница между сен-симонистами и Марксом состоит только в том, что для первых «критическая эпоха» – это беда, это время «ожесточенной войны», анархии, эпоха «злых чувств», агрессии, ненависти. А для Маркса, напротив, эпохи революции являются «локомотивами истории», а классовая борьба, ненависть, злоба эксплуатируемых классов к эксплуататорам, просто к высшим классам, даже к мещанам – предпосылкой рождения нового добра, новой морали. Маркс прямо заявляет, что плебейский терроризм якобинцев, т.е. физическое уничтожение аристократии, духовенства и даже «мещанства», является предпосылкой победы революции. Да, Маркс как мыслитель, как политик откровенно звал к крови. И Ленин имел полное право говорить меньшевикам: хотите быть революционерами – не бойтесь крови. «Удастся решительная победа революции, – говорил Ленин, – тогда мы разделаемся с царизмом по-якобински, или, если хотите, по-плебейски». «Весь французский терроризм, – писал Маркс в знаменитой “Новой Рейнской газете” в 1848 г., – был не чем иным, как плебейским способом разделаться с врагами буржуазии, с абсолютизмом, феодализмом и мещанством... Думали ли когда-нибудь о значении слов Маркса те люди, которые пугают социал-демократических русских рабочих пугалом “якобинства” в эпоху демократической революции?» [3, с. 47].

Сен-симонисты были намного более реалистичны, ближе к жизни, чем марксисты. Прогнозы первых оправдались уже во второй половине XX в., когда капитал научился, используя знания о «деталях» производства, преодолевать периодически возникающие кризисы (уже не кризисы перепроизводства, а финансовые кризисы). А Маркс, который жаждал революции, активно поддерживал идею революционного насилия, по крайней мере при жизни пользовался популярностью среди революционно настроенной части пролетариата. И все дело в том, что Маркс обладал уникальной способностью придать видимость науки своему мессианизму, своей вере в неизбежность крушения мира сего.

Ведь ученый, как это видно на примере Рикардо, просто старается изучить то, что до него не изучали, найти объяснение тому, что до сих пор является для других тайной. Приведу только один пример. Рикардо в своем исследовании природы меновой стоимости исходит из принципа, который Смит в своем «Богатстве народов» связывает с принципом, «согласно которому соотношение между количеством труда, необходимого для производства различных предметов, представляет единственное основание, которым можно руководствоваться при обмене одних товаров на другие». Но Смит, с точки зрения Рикардо, не исследует, как влияет на относительную стоимость сам тот факт, что предпринимателю необходимо выплачивать ренту. «Адам Смит, – пишет Рикардо, – нигде не анализирует влияние накопления капитала

и обращение земли в частную собственность на относительную стоимость. Важно поэтому, – ставит себе научную задачу Рикардо, – определить, в какой степени действие, неизменно оказываемое на меновую стоимость товаров сравнительным количеством труда, затраченное на их производство, изменяется или модифицируется накоплением капитала и утратой ренты». И Рикардо как ученый говорит, и это уже неопровержимая истина, что на стоимость товаров влияет не только труд, применяемый непосредственно к ней, но и труд, затраченный на орудия, инструменты и здания, способствующие этому труду» [9, с. 9].

А теперь посмотрим, как исследует экономические явления Маркс. К примеру, в третьем томе «Капитала» он обращает внимание на развитие акционерного капитала. Но он здесь рассматривает не конкретные особенности акционерного капитала, не его качественные отличия от традиционного предпринимательского капитала. Акционерный капитал интересует его только с позиции веры в неизбежность гибели капитала, он рассматривает акционерный капитал только как предпосылку, начало грядущей «экспроприации» частной капиталистической собственности и превращение ее в достояние всего общества. По его убеждению, акционерный капитал, особенно «кооперативные фабрики рабочих», – это уже «первая брешь» в системе «эксплуатации человека человеком», и такие новые формы организации производства еще раз подтверждают его веру в то, что «на известной ступени развития материальных производительных сил и соответствующих им общественных форм производства с естественной необходимостью из одного способа производства возникает и развивается новый способ производства» [4, с. 483–484].

Этот пример показывает, что Маркс на самом деле не занимается исследованием экономики, ее содержания самой по себе, он только настойчиво ищет доказательства своей неосыпаемой веры, что развитие капитализма, замена одних форм капитала другими неизбежно приведет к превращению национального богатства в «общественное».

Маркс таким образом создает не просто учение об экономике капитализма, он создает политическую экономию, создает теоретическое обоснование неизбежной, как он полагал, пролетарской революции, учение о неизбежном превращении капиталистической экономики в коммунистическую. Не учитывая эту особенность Маркса как мыслителя, нельзя понять и природу его учения.

Несмотря на то что Маркс внес существенный вклад в развитие политической экономии как науки в науку о производстве вообще и капиталистическом производстве в частности, в своих представлениях о будущем, как он полагал, некапиталистическом обществе, он ничем не отличался от мыслителей, которых принято называть «утопистами». Он не сумел решить свою главную задачу – создать научный социализм как науку о неизбежном само-

исчерпанию капиталистического способа производства. И это связано с тем, что в основу своего учения он положил изначально ложный, идеологизированный взгляд на природу и источник прибавочной стоимости. Речь идет об учении Рикардо, что прибавочная стоимость создается только трудом рабочего. Этот тезис был важен для Маркса, ибо он нес в себе моральное осуждение капитала, капиталистов-предпринимателей, которые, как он считал, богатели только за счет того, что отнимали у рабочего то, что он производил своими руками, т.е. прибавочную стоимость. Как справедливо пишет Т.И. Ойзерман, если это заблуждение Рикардо было вызвано недостаточным развитием машинного производства в его эпоху, то «что же касается заблуждения Маркса, то оно во многом определилось его партийной позицией (выделено мной. – А. Ц.), которая и находила свое теоретическое выражение в положении, что принадлежащие капиталисту средства производства никакой стоимости не создают; все общественное богатство создается трудом пролетариев» [3, с. 365]. И сам по себе этот факт, т.е. отстаивание во имя партийных интересов положения, которое уже при жизни Маркса находилось в вопиющем противоречии с действительностью, еще раз свидетельствует о том, что Маркс-ученый в критические минуты всегда сдавался Марксу-политику и идеологу.

Библиография

1. Вехи. Из глубины. М.: Правда, 1991. 608 с.
2. Изложение учения Сен-Симона / Под ред. и с коммент. Э.А. Желубовской; Вступ. статья В.П. Волгина. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 608 с.
3. Ленин В.И. Две тактики социал-демократии в демократической революции // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М.: Госполитиздат, 1960. Т. 11. 582 с.
4. Маркс К. Капитал. Т. III // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 25. Ч. I. 542 с.
5. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 гг. (первоначальные вариант «Капитала»). Часть II // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Политиздат, 1969. Т. 46. Ч. II. 620 с.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1955. Т. 4. С. 419–459.
7. Ойзерман Т.И. Оправдание ревизионизма. М.: Канон+; Реабилитация, 2005. 688 с.
8. Предисловие // Рикардо Д. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1941. Т. 1. С. V–XXX.
9. Рикардо Д. Начало политической экономии и налогового обложения // Рикардо Д. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1941. Т. 1. 287 с.
10. Сен-Симон, Клод Анри де. Избранные сочинения. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. Т. 1. 468 с.
11. Трубецкой Е.Н. К характеристике учения Карла Маркса и Энгельса. О значении идеи в истории // Проблемы идеализма. М.: РОССПЭН, 2010. С. 78–99.

References

- Vehi. Iz glubiny. Moscow: Pravda, 1991. 608 p.
- Izlozhenie uchenija Sen-Simona / Pod red. i s comment. Je.A. Zhelubovskoj; Vstup. Stat'ja V.P. Volgina. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1961. 608 p.
- Lenin V.I. Dve taktiki social-demokratii v demokraticeskoy revoljucii // Lenin V.I. Poln. sobr. soch. Moscow: Gospolitizdat, 1960. Vol. 11. 582 p.
- Marks K. Kapital. T. III // Marks K., Jengel's F. Sochinenija. Moscow: Gospolitizdat, 1961. Vol. 25. Ch. I. 542 p.
- Marks K. Jekonomicheskie rukopisi 1857–1859 gg. (pervonachal'nye variant «Kapitala»). Chast' II // Marks K., Jengel's F. Sochinenija. Moscow: Politizdat, 1969. Vol. 46. Ch. II. 620 p.
- Marks K., Jengel's F. Manifest kommunisticheskoy partii // Marks K., Jengel's F. Sochinenija. Moscow: Gospolitizdat, 1955. Vol. 4. P. 419–459.
- Ojzerman T.I. Opravdanie revizionizma. Moscow: Kanon+; Reabilitacija, 2005. 688 p.
- Predislovie // Rikardo D. Sochinenija. Moscow: Gospolitizdat, 1941. Vol. 1. P. V–XXX.
- Rikardo D. Nachalo politicheskoy jekonomii i nalogovogo oblozhenija // Rikardo D. Sochinenija. M.: Gospolitizdat, 1941. T. 1. 287 p.
- Sen-Simon, Klod Anri de. Izbrannye sochinenija. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1948. T. 1. 468 p.
- Trubeckoj E.N. K karakteristike uchenija Karla Marksa i Jengel'sa. O znachenii idei v istorii // Problemy idealizma. M.: ROSSPJeN, 2010. P. 78–99.

А.С. Гаева

**МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ
НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

***Аннотация.** В статье рассмотрены правовые основания функционирования общего рынка труда, охарактеризованы миграционные процессы в ЕАЭС, выявлены их особенности. Сделан вывод о том, что евразийский интеграционный процесс положительно отразился на объемах трудовой миграции и способствовал повышению адаптируемости иностранных работников из Евразийского блока к кризисным условиям на рынках труда принимающих стран.*

***Ключевые слова:** Евразийский экономический союз; Евразийская миграционная система; международная миграция; трудовая миграция; долгосрочная миграция.*

Гаева Анастасия Сергеевна – кандидат политических наук,
старший научный сотрудник Института стран СНГ, Москва.
E-mail: tlingell2@gmail.com

A.S. Gaeva. Migration Processes in the Eurasian Space

***Abstract.** The article considers the legal grounds for the functioning of the general labor market, describes the migration processes in the EAEU and reveals their features. In the conclusion the author suggests that the Eurasian integration process had a positive impact on the labor migration and contributed to strengthening the adaptability to the crisis conditions in the labor markets of the host countries.*

***Keywords:** the Eurasian Economic Union; the Eurasian Migration System; international migration; work migration; long-term migration.*

Gaeva Anastasiya Sergeevna – Candidate of Political Sciences,
Senior Researcher of the Institute of CIS Countries, Moscow.
E-mail: tlingell2@gmail.com

Международная миграция в Евразийском экономическом союзе – один из основных факторов обеспечения устойчивого социально-экономического и демографического развития стран – членов ЕАЭС. С одной стороны,

миграция компенсирует демографические потери и снижает нагрузку на систему социального обеспечения в странах Союза, сталкивающихся с риском депопуляции и дефицитом трудовых ресурсов, с другой – она позволяет сохранять политическую и социально-экономическую стабильность в трудоизбыточных странах с высокими темпами естественного прироста населения и экономической стагнацией. В связи с этим выработка единых подходов к регулированию миграционных процессов ЕАЭС и формирование общего рынка труда наряду с устранением барьеров к движению товаров, услуг и капитала стала существенным достижением евразийского интеграционного процесса.

Поскольку ЕАЭС – проект, прежде всего, экономической интеграции, в которой важное место отводится функционированию единого рынка труда и занятости, фокус межгосударственного сотрудничества сосредоточен на управлении международной трудовой миграцией. Правовой основой для этого служит Договор о Евразийском экономическом союзе, раздел XXVI которого вводит ряд преференций для мигрантов из стран-участниц [5]. В частности, на них не распространяются меры по защите национального рынка труда и правила миграционного учета, согласно которым они обязаны в 30-дневный срок зарегистрироваться и найти работу¹. Для трудоустройства в принимающей стране Союза им не требуется оформление соответствующих разрешительных документов: доступ к занятости осуществляется наравне с гражданами страны-реципиента, а срок пребывания работника и членов его семьи определяется сроком, на который заключен трудовой или гражданско-правовой договор с работодателем. Если договор был расторгнут после окончания 90 дней, то иностранный работник без необходимости выезда в течение 15 дней имеет право на заключение нового договора.

Не менее важным пунктом является взаимное признание документов об образовании без проведения соответствующих процедур аккредитации. Это значительно упрощает выход мигрантов из стран – участниц ЕАЭС на рынок труда принимающего государства, позволяет им получить рабочую позицию с более выгодными условиями, согласно специальности и квалификации. Вне этого положения – сферы медицины, преподавания, юриспруденции и фармацевтики, что, вероятно, связано не только с повышенной социальной ответственностью специалистов данных областей, но и существующими различиями в образовательных и профессиональных системах стран ЕАЭС.

Поскольку в современном мире управление миграционными процессами базируется не только на реализации интересов государства, но и предусмат-

1. На постановку на миграционный учет и поиск работы мигрантам из стран – участниц ЕАЭС отводится 90 дней.

ривает защиту прав и свобод мигрантов, наряду с либерализацией условий пребывания и осуществления трудовой деятельности, Договором также предусмотрена их интеграция в социальную систему страны-реципиента. Так, трудящиеся из государств – участников ЕАЭС и члены их семей имеют право на равное с гражданами страны трудоустройства социальное обеспечение, за исключением пенсионного, и право на получение бесплатной неотложной и экстренной медицинской помощи [5]. Это означает, что трудовые мигранты в рамках евразийского экономического пространства получают все виды пособий по случаю временной нетрудоспособности и в связи с материнством. Их дети также включаются в систему дошкольного и школьного образования государства-реципиента. Это способствует развитию их социокультурных компетенций и интенсификации межкультурного обмена.

С целью повышения уровня социальной защищенности работников из ЕАЭС трудовой стаж, приобретенный в принимающем государстве, засчитывается в общий трудовой стаж. Вместе с тем указанная норма не распространяется на пенсионное страхование: сегодня выработка единых стандартов пенсионного обеспечения и «экспорта» пенсионных прав в рамках Союза остается наиболее трудноразрешимой. Основная причина – значительные отличия пенсионных систем стран – членов ЕАЭС, как на структурном уровне (параметры начисления размера пенсии), так и в способах формирования и распределения пенсионных накоплений. В настоящее время проект Договора о пенсионном обеспечении трудящихся государств – членов Евразийского экономического союза, предусматривающий выплату пенсии принимающим государством за период, который мигрант работал на его территории, находится на стадии обсуждения.

Таким образом, благодаря интеграционному процессу на евразийском экономическом пространстве были сняты основные барьеры, препятствующие доступу мигрантов из стран – участниц ЕАЭС на национальные рынки труда, и гарантирована их социальная защита. Эти нововведения закономерно отразились на миграционных процессах и на структуре миграционных потоков в государства, выполняющие роль основных реципиентов.

Страны ЕАЭС являются частью сложившейся на постсоветском пространстве Евразийской миграционной системы [7, с. 21]. Это означает, что исторические, социокультурные, экономические, демографические факторы, обусловившие ее развитие и конфигурацию, оказывают влияние на структуру и направления движения миграционных потоков между государствами – членами Евразийского блока. Так, исторический опыт функционирования в составе единого политического образования не только определил наличие общих культурных, политических и экономических связей, способствовавших формированию устойчивых миграционных отношений между государ-

ствами, но и повлиял на создание безвизового режима въезда, положительно коррелирующего с миграционной мобильностью населения.

Одновременно с этим создание условий для совместного межгосударственного управления миграцией выделяет ЕАЭС на фоне Евразийской миграционной системы как более интегрированную подсистему с зоной свободного перемещения и занятости и, соответственно, новыми «переменными». В этой подсистеме определяющими для миграции факторами выступают неравномерность социально-экономического развития стран в нее входящих и демографический дисбаланс между ними. В результате экономически активное население из государств, не обладающих возможностями для трудоустройства и стабильного заработка, перемещается в страны, испытывающие потребность в трудовых и демографических ресурсах и предлагающие лучшие условия труда. К первым относятся прежде всего Кыргызстан и Армения, которые среди стран – членов ЕАЭС имеют наиболее высокие уровни безработицы и бедности (табл. 1). В этих условиях денежные переводы трудовых мигрантов, составившие в 2016 г. 34,5% от ВВП Кыргызстана и 11,3% от ВВП Армении [19, р. 23], положительно влияют на уровень доходов населения и снижают уровень бедности, поддерживая социально-экономическую стабильность в данных странах.

Таблица 1

**ОТДЕЛЬНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО
И ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СТРАН ЕАЭС, 2016 г.**

	Россия	Казахстан	Беларусь	Кыргызстан	Армения
Безработица (%)	5,5	5	0,8	7,2	18
Бедность (%)	13,4	2,6	4,2	25,4	29,4
Естественный прирост / убыль (тыс. человек)	–2,3	269,4	–1,6	124,6	12,4
Миграционный прирост / убыль (тыс. человек)	262,0	–21,2	7,9	–3,9	–24,8
Общий прирост населения (тыс. человек)	259,7	248,3	6,3	120,7	–12,4

Источник: Составлено по данным национальных статистических служб стран – членов ЕАЭС.

Указанные социально-экономические показатели обеспечивают Армении и Кыргызстану в миграционной подсистеме ЕАЭС статус отправляющих, ориентированных на поддержание связей со своей диаспорой и использование трансграничных денежных переводов ее представителей для стимулирования экономического роста. В случае Кыргызстана «выталкивающие» факторы бедности и безработицы сочетаются с демографическими. Высокие

темпы роста численности населения и его молодая возрастная структура [2, с. 83] создают условия для избытка рабочей силы. В случае Армении естественный прирост населения не способствует увеличению его численности при высоких показателях миграционного оттока, однако также наблюдается дисбаланс спроса и предложения рабочей силы в пользу преобладания последнего (на одно рабочее место в Армении претендуют 37 безработных [1, с. 60]), что стимулирует эмиграцию.

В рамках ЕАЭС к экономически благополучным странам с отрицательными показателями естественного воспроизводства населения и сокращением его трудоспособной доли относится, прежде всего, Россия. Согласно прогнозам, ее потребность в иммиграции с течением времени будет нарастать: общая величина естественной убыли населения за период с 2017 по 2030 г. составит более 4 млн человек [8], а общая численность населения трудоспособного возраста без учета иммиграции с 2014 по 2030 г. сократится на 11 млн человек [11, с. 22]. Причем если сегодня ежегодный миграционный прирост в размере 200–300 тыс. человек способен обеспечить стабилизацию и рост численности населения России, то уже с 2020 г. этого будет недостаточно даже для покрытия естественной убыли [8].

Благоприятная конъюнктура российского рынка труда, состоящая в преобладании спроса на рабочую силу над ее предложением [1, с. 60], высокие показатели социально-экономического развития в совокупности с негативными демографическими тенденциями делают Россию центром притяжения долгосрочных и временных трудовых мигрантов не только из стран ЕАЭС, но и всего постсоветского пространства.

Здесь стоит отметить, что объем трудовой миграции в Россию из Узбекистана, Таджикистана и в последние годы Украины, мобильность граждан которой возросла в результате эскалации военного конфликта на востоке страны, значительно превосходит объем трудовой миграции из всех стран ЕАЭС в совокупности (рис. 1). В 2017 г. граждане Узбекистана и Таджикистана составили 56,8% общего трудового потока в Россию, на граждан стран – участниц ЕАЭС пришлось только 16,9%, из них на выходцев из Кыргызстана – 7,7, Армении – 4,7, Беларуси – 2,5, Казахстана – 1,8% [13]. В потоках долгосрочной миграции преобладают граждане Украины (25,5% от общего числа международных мигрантов), Казахстана (12,1), Узбекистана (10,8), Кыргызстана (6,9%) [4].

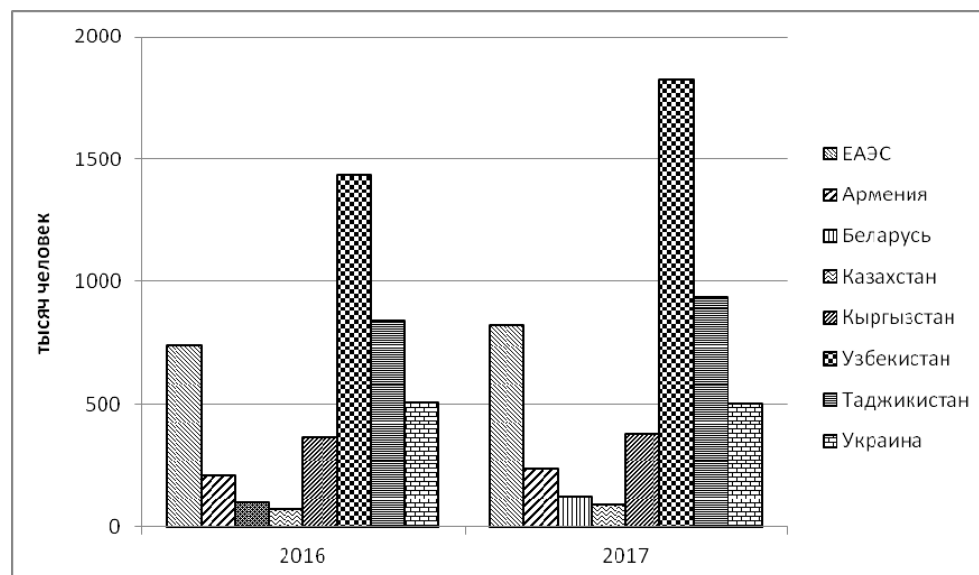


Рис. 1. Число иностранных граждан, въехавших в РФ с целью «работа», 2016–2017 гг.

Источник: Составлено по данным Главного управления по вопросам миграции МВД РФ [16; 13].

Ухудшение экономической ситуации в России в 2014–2015 гг. в результате снижения цен на энергоресурсы, возросшее миграционное давление граждан Украины и ужесточение российского миграционного режима показали, что рабочие из государств вне Евразийского блока оказались менее защищены от воздействия этих негативных факторов, в результате чего трудовая миграция в Россию практически из всех стран СНГ сократилась. Особенно интенсивно валютный кризис и «сжатие» российского рынка труда в совокупности с финансовыми и временными издержками получения и оплаты патента отразились на иностранцах из Узбекистана и Таджикистана: в 2015 г. общая численность работников из этих стран уменьшилась в среднем на 15–20% [12, с. 300]. Девальвация рубля по отношению к иностранным валютам способствовала и снижению личных трансграничных переводов мигрантов в Узбекистан и Таджикистан в 2015 г. на 47 и 43%, соответственно (рис. 3).

Напротив, трудовая миграция из стран – участниц ЕАЭС в Россию или стабильно росла в период 2014–2016 гг., как в случае Казахстана и Беларуси, или росла в 2015 г., и незначительно снижалась в 2016 г., как в случае Армении и Кыргызстана. Причем в кризисный 2015 г. численность иностранных трудящихся из Кыргызстана увеличилась более чем на 27% (рис. 2).

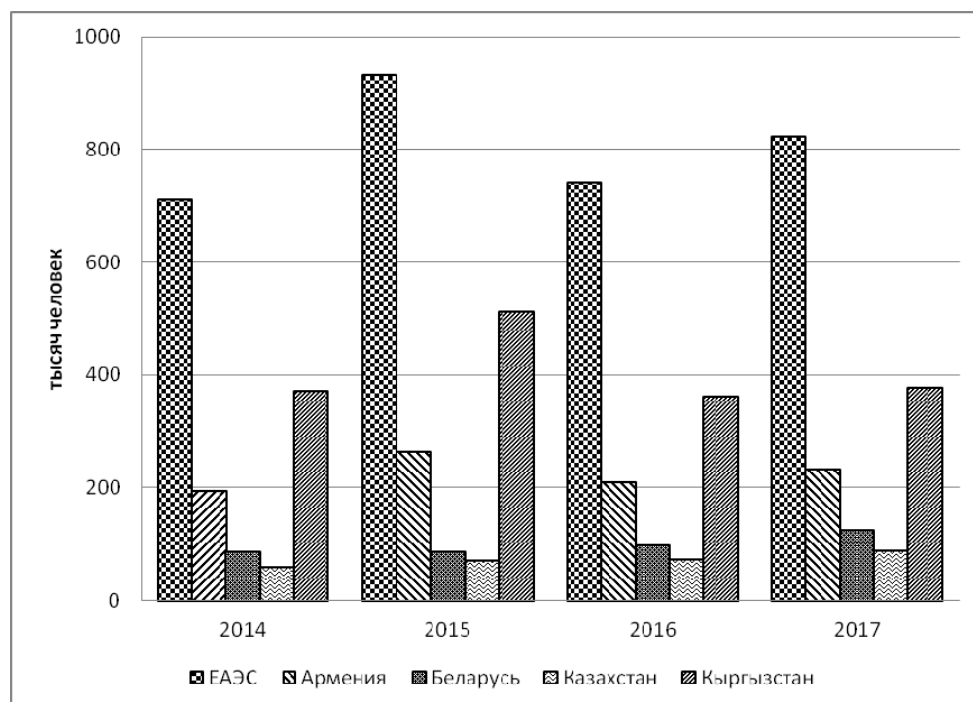


Рис. 2. Трудовая миграция из стран ЕАЭС в РФ (число въехавших в РФ с целью «работа»), 2014–2017 гг.

Источник: Составлено по данным Евразийской экономической комиссии [15].

По сравнению с Узбекистаном и Таджикистаном, а также с другими странами СНГ объем личных денежных переводов в страны ЕАЭС в 2015 г. сократился меньше: в Беларусь на 41%, в Армению – на 33, в Кыргызстан – на 32, и в Казахстан на 25%. Быстрее всех от кризиса оправились трудовые мигранты из Казахстана и Кыргызстана, о чем свидетельствует рост переводов в данные страны на 18,3 и 3,6%, соответственно, уже в 2016 г. (рис. 3).

Таким образом, принадлежность к Евразийскому экономическому союзу позволила трудовым мигрантам из стран-участниц относительно безболезненно преодолеть кризисные явления в российской экономике, а также отрицательное влияние других факторов, таких как рестриктивные миграционные правила. В 2017 г. трудовая миграция из стран ЕАЭС продолжила демонстрировать положительную динамику (на 9,8%), причем за счет увеличения миграции из всех стран-участниц. Параллельно стабилизации российской экономики временное снижение миграции из Узбекистана и Таджикистана сменилось ростом, хотя ее показатели еще не вышли на докризисный уровень. В ближайшее время эти страны за счет значительных демографических

резервов, высокой бедности и безработицы останутся основными донорами рабочей силы в Россию. Между тем возможности социально-экономической интеграции в российское общество, созданные посредством евразийских интеграционных процессов, повысили конкурентоспособность и социальную защищенность мигрантов из ЕАЭС, что особенно заметно в кризисных условиях. В перспективе, при условии сохранения современного состава ЕАЭС, это может трансформировать этническую структуру трудовой миграции в Россию и повлиять на ее объемы.

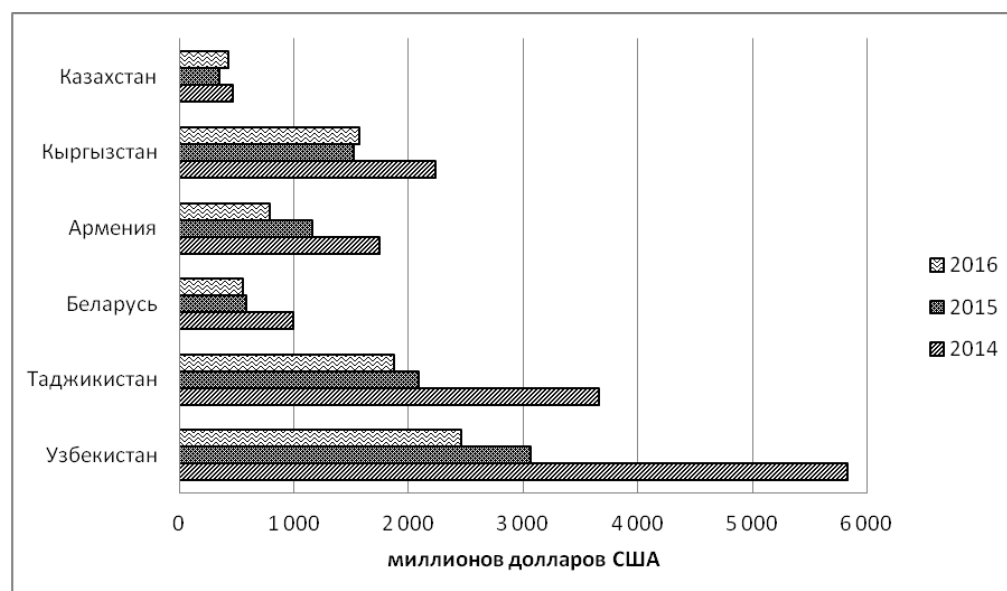


Рис. 3. Личные трансграничные переводы из РФ в страны ЕАЭС, Узбекистан и Таджикистан, 2014–2016 гг.

Источник: Составлено по данным Центрального банка РФ [10].

Уникальное промежуточное положение в Евразийской миграционной системе занимает Казахстан, являясь страной как экспортирующей, так и импортирующей рабочую силу. Такая роль обусловлена, с одной стороны, высокими темпами естественного воспроизводства населения и избытком труда в отдельных регионах (например, Астана, Атырауская и Северо-Казахстанская области) [1, с. 67], что позволяет Казахстану экспортировать рабочую силу; с другой – постепенным сокращением дистанции между Россией и Казахстаном по ряду социально-экономических параметров и показателей уровня жизни населения [6, с. 17], что является благоприятным условием для привлечения трудовых ресурсов. В рамках ЕАЭС Казахстан пока остается

источником трудовых мигрантов, нацеленных в основном на российский рынок труда, а в миграционных отношениях с государствами Центральной Азии выступает реципиентом.

Так же, как и в России, в Казахстане основную массу иностранных работников составляют граждане Узбекистана, численность которых с 2011 г. неуклонно растет, а в 2016 г. превысила 1 млн человек² [17, с. 18]; более 300 тыс. человек получили разрешение на работу [там же]. Интеграционные процессы в ЕАЭС способствовали увеличению трудового потока в Казахстан из Кыргызстана и России в 2016 г. на 60 и 35%, соответственно, хотя объем трудового потока значительно уступает объему потока из Узбекистана. Причем если в Россию в 2016 г. трудовая миграция из Армении и Кыргызстана снизилась, то в Казахстан из всех стран ЕАЭС она увеличилась на 63,2% в 2015 г. и на 64,2% в 2016 г. (рис. 4). Вероятно, из-за экономического кризиса в России часть трудового потока из Кыргызстана в 2015–2016 гг. переориентировалась на Казахстан, а часть носила возвратный характер. По мере нормализации экономической ситуации в России показатели трудовой миграции в Казахстан начали снижаться.

Поскольку для республик Центральной Азии, и особенно Узбекистана и Кыргызстана, трудовая миграция в Казахстан обладает рядом материальных и нематериальных преимуществ, по сравнению с поездкой на заработки в Россию, Казахстан уже сегодня перенаправляет на себя часть миграционного потока, изначально нацеленного на трудоустройство в России. Снижение востребованности российского рынка труда во всех странах ЕАЭС (за исключением Беларуси) и ряде стран СНГ [9, с. 56] – доля желающих поработать в России снизилась в Кыргызстане с 38% в 2015 г. до 30 – в 2017 г., в Казахстане – с 23 до 21%, в Армении – с 27 до 25%, в Таджикистане – с 53 до 37%, – в совокупности с негативным отношением к трудовым мигрантам среди российских граждан [9, с. 14] также будут способствовать диверсификации миграционных потоков на постсоветском пространстве в пользу Казахстана. Чтобы не проиграть борьбу за человеческие ресурсы, Россия должна не только налаживать эффективное сотрудничество в миграционной сфере со странами отправления, входящими в состав ЕАЭС и СНГ, но и преодолеть в своей миграционной политике тенденцию к секьюритизации миграции, снизить уровень внутренней ксенофобии: согласно данным Интеграционного барометра, в 2017 г. 53% населения России высказались против привлечения иностранных работников из каких-либо стран [там же].

2. Согласно данным по временной регистрации иностранных граждан, указавших в качестве цели своего въезда работу.

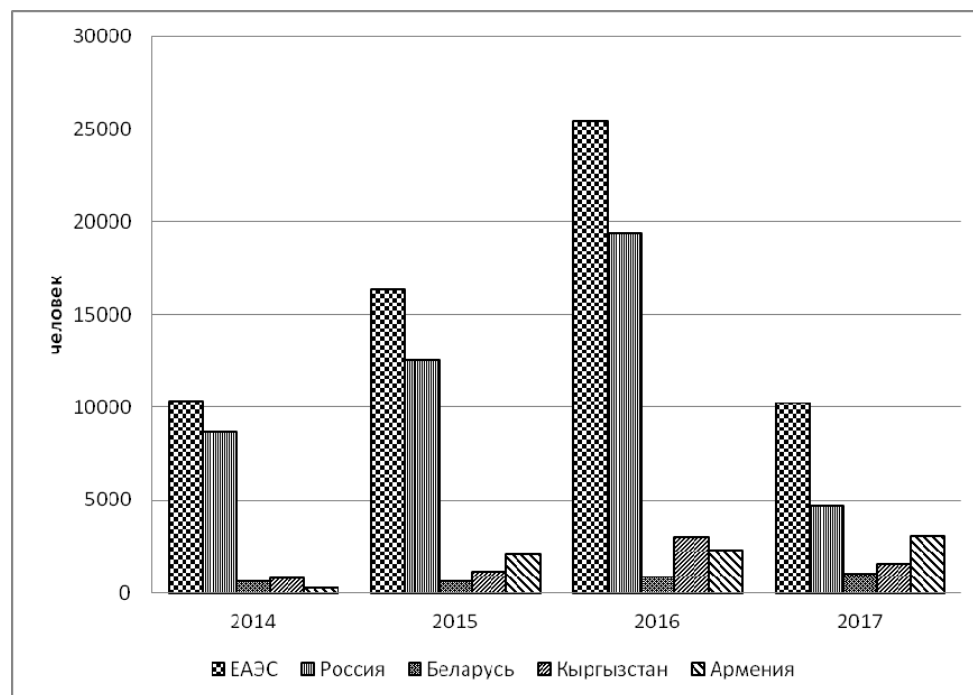


Рис. 4. Трудовая миграция из стран ЕАЭС в Казахстан (количество въехавших с целью «работа»), 2014–2017 гг.³

Источник: Составлено по данным Евразийской экономической комиссии [15].

Что касается Беларуси, то в миграционной подсистеме ЕАЭС так же как и Казахстан, она занимает промежуточное положение, являясь донором трудовых мигрантов и одновременно реципиентом. При этом если в Казахстан направляются преимущественно мигранты-работники, то в Беларусь иммигранты, ориентированные на постоянное проживание.

3. Оценки объемов трудовой миграции разных организаций могут отличаться. Например, Международная организация по миграции приводит следующие данные: в 2015 г. из Кыргызстана в Казахстан на работу прибыли 114 тыс. человек, а в 2016 – 157 тыс. человек [17]. Эти данные значительно превосходят данные Евразийской экономической комиссии, отраженные на рис. 4.

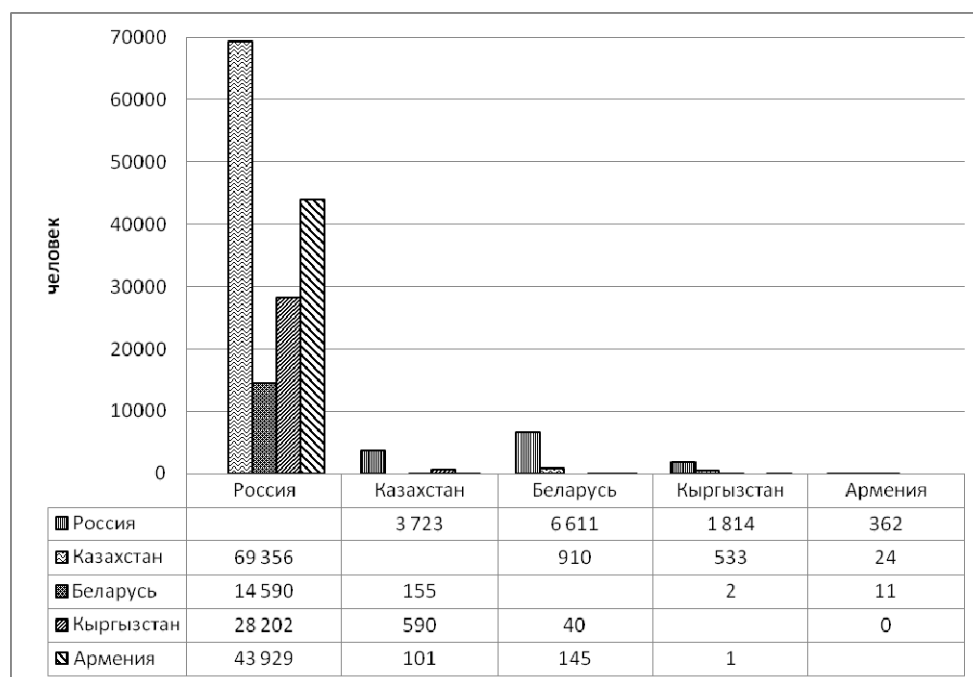


Рис. 5. Международная миграция в странах ЕАЭС, 2016 г.

Источник: Составлено по данным национальных статистических служб стран – членов ЕАЭС.

Вероятно, это связано с тем, что в процессы долгосрочной миграции на пространстве ЕАЭС вовлечены в основном русские и русскоязычные, поэтому приоритетными государствами для иммиграции являются культурно и лингвистически близкие Россия и Беларусь. Этот тезис подтверждают и статистические данные: основными источниками долгосрочных иммигрантов в Беларусь из стран – участниц ЕАЭС являются Россия и Казахстан, на которые пришлось 86,7 и 11,9%, соответственно, от общей численности долгосрочных международных мигрантов, прибывших в Беларусь из стран – участниц ЕАЭС в 2017 г. (рис. 5). Иммиграция с целью постоянного проживания отвечает демографическим потребностям Беларуси, поскольку для нее характерны аналогичные российским процессы депопуляции [18]. В результате естественной убыли с 2000 по 2017 г. страна потеряла более 500 тыс. человек [3, с. 131], основным источником стабилизации и роста численности населения был и остается миграционный прирост. Согласно среднему варианту прогноза ООН, низкие показатели рождаемости, не обеспечивающие простого воспроизводства населения, будут способствовать тому, что население Бела-

руси к 2050 г. сократится почти на 1 млн человек [20, р. 23]. В то же время демографическое старение и сокращение с 2013 по 2030 г. численности лиц трудоспособного возраста на 777,6 тыс. человек [14, с. 6] актуализируют необходимость привлечения трудовых мигрантов. Пока процессы трудовой миграции для Беларуси в контексте ЕАЭС характеризуются миграционным оттоком в пользу России, чему способствуют отсутствие культурного и языкового барьеров, равенство прав при трудоустройстве, географическая близость, более высокий уровень заработной платы.

Таким образом, диспропорции в распределении демографического и социально-экономического потенциалов по странам ЕАЭС служат стимулами к миграционному перемещению населения в рамках Евразийского экономического пространства, создавая центры притяжения и выталкивания мигрантов. Указанные диспропорции сохранятся и в перспективе, что формирует объективную потребность в углублении и расширении евразийского интеграционного процесса, который будет способствовать «смягчению» демографического давления трудоизбыточных стран региона и снижать риски распространения бедности и неравенства.

Анализ миграционных процессов на Евразийском экономическом пространстве позволяет выделить следующие их особенности:

1. Доминирование трудовых миграционных потоков над долгосрочными, что соответствует распределению миграционных потоков по целям въезда на всем постсоветском пространстве: трудовая миграция также более интенсивна, чем долгосрочная.

2. Неравномерность распределения как временных трудовых, так и долгосрочных миграционных потоков. Основная их часть направлена в Россию, в то время как миграционный обмен между остальными странами – участниками ЕАЭС незначителен или практически отсутствует. При этом постепенно повышается миграционная привлекательность Казахстана для трудовых мигрантов из Кыргызстана и России, хотя по численности трудовых мигрантов из стран – участниц Союза ЕАЭС Казахстан все еще существенно уступает России.

3. Страновая структура трудовой миграции практически не отличается от структуры долгосрочной: и в первом, и во втором случае наиболее популярным направлением является Россия, которая выступает как центром миграционной подсистемы ЕАЭС, так и всей Евразийской миграционной системы. По объемам трудовой миграции второе после России место принадлежит Казахстану, а по объемам долгосрочной – Беларуси.

4. Наиболее масштабные потоки трудовой миграции в основные страны-реципиенты – Россию и Казахстан направляются из-за пределов миграционной подсистемы ЕАЭС, но в рамках постсоветского пространства, а именно из Узбекистана.

5. Основным донором трудовой миграции выступает Кыргызстан, на граждан которого приходится около 47% общего трудового миграционного потока в рамках ЕАЭС. Основным донором долгосрочной иммиграции – Казахстан, граждане которого составляют около 44% общего иммиграционного потока.

6. Общность языка межнационального общения и исторически сложившиеся тесные экономические, культурные, политические и, соответственно, миграционные связи увеличивают возможности для миграции и положительно влияют на динамику и интенсивность миграционного обмена между странами – участницами ЕАЭС.

7. Взаимная заинтересованность в миграции и эффективном ее регулировании принимающих и отправляющих стран – участниц Союза, которая базируется на неравномерности их социально-экономического и демографического развития.

Резюмируя, можно сделать следующий вывод: посредством евразийского интеграционного процесса был создан эффективный с точки зрения обеспечения поступательного социально-экономического и демографического развития стран – участниц ЕАЭС механизм управления трудовой миграцией. Он упростил доступ мигрантов к национальным рынкам труда, повысил уровень их социальной защищенности, а также через снятие барьеров к занятости и проживанию легализовал часть миграционного потока на постсоветском пространстве. Все это способствовало интенсификации миграционного обмена между отправляющими и принимающими странами в рамках ЕАЭС и повысило адаптируемость к кризисным ситуациям, конкурентоспособности и возможности миграционной «маневренности» иностранных работников из Киргизии, Армении и Беларуси на рынках труда России и Казахстана.

Вместе с тем сегодня в миграционной сфере ЕАЭС существуют проблемные моменты, препятствующие повышению эффективности использования установившихся миграционных связей на евразийском пространстве и их социального, экономического и демографического потенциалов. Среди таких проблем, по мнению автора, наиболее актуальными являются отсутствие инфраструктурных и информационных возможностей для организованного набора трудовых мигрантов и начала процесса трудоустройства еще на территории страны отправления и отсутствие совместных программ языкового обучения, профессиональной подготовки и повышения квалификации с учетом потребностей рынков труда принимающих стран ЕАЭС. Указанные проблемные моменты могут быть преодолены посредством дальнейшего развития и углубления сотрудничества между странами – членами ЕАЭС в области миграции.

Библиография

1. Вишневская Н.Г. Рынок труда стран СНГ: Сравнительный анализ конъюнктурных особенностей // Региональная экономика: Теория и практика. 2015. № 37. С. 58–71.
2. Данилова И.А. Возрастные структуры населения в странах ЕАЭС / И.А. Данилова, Р.В. Дмитриев // Демографический потенциал стран ЕАЭС: VIII Уральский демографический форум. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2017. Т. II. С. 81–85.
3. Демографический ежегодник Республики Беларусь: Статистический сборник / Под ред. И.В. Медведева. Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2017. 440 с.
4. Демографический прогноз до 2035 года: Изменение численности населения по вариантам прогноза // Федеральная служба государственной статистики: Официальный сайт. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (Дата обращения: 25.05.2018.)
5. Демография на 1 января 2018 года // Федеральная служба государственной статистики: Официальный сайт. URL: http://www.gks.ru/bgd/free/b18_00/IssWWW.exe/Stg/dk01/7-0.doc (Дата обращения: 30.05.2018.)
6. Договор о Евразийском экономическом союзе (ратифицирован Федеральным законом от 03.10.2014 № 279-ФЗ, вступил в силу для Российской Федерации 1 января 2015 года) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201501160013> (Дата обращения: 02.06.2018.)
7. Евразийский экономический союз в цифрах: Краткий статистический сборник / Отв. ред. Д.Б. Байжуманов. М.: Евразийская экономическая комиссия, 2017. 204 с.
8. Ивахнюк И.В. Евразийская миграционная система: Теория и практика // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2008. № 2. С. 21–28.
9. Интеграционный барометр ЕАБР – 2017. Доклад № 46 / И.В. Задорин [и др.]. СПб.: ЦИИ ЕАБР, 2017. 108 с.
10. Личные переводы из России и страны СНГ // Центральный банк Российской Федерации. URL: http://www.cbr.ru/statistics/CrossBorder/Personal_Remittances_CIS.xlsx (Дата обращения: 09.06.2018.)
11. Население России 2013: двадцать первый ежегодный демографический доклад / Отв. ред. С.В. Захаров. М.: Изд. дом ВШЭ, 2015. 428 с.
12. Население России 2015: двадцать третий ежегодный демографический доклад / Отв. ред. С.В. Захаров. М.: Изд. дом ВШЭ, 2017. 360 с.
13. Отдельные показатели миграционной ситуации в Российской Федерации за январь–декабрь 2017 года с распределением по регионам // ГУВМ МВД РФ: Официальный сайт. URL: https://mvd.ru/upload/site1/document_news/temp/_1517237587_9045/SAYT_2-RD_17kv4.xlsx (Дата обращения: 09.06.2018.)
14. Привалова Н.Н., Станишевская Л.С. Прогноз демографического развития Беларуси // Экономический бюллетень. 2013. № 10. С. 4–14.
15. Сведения о численности граждан государств – членов Евразийского экономического союза, въехавших в страну (Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Российская Федерация) для осуществления трудовой деятельности за 2012–2017 годы // Евразийская экономическая комиссия: Официальный сайт. URL: <https://goo.gl/fXbSwT> (Дата обращения: 12.06.2018.)
16. Статистические сведения по миграционной ситуации в Российской Федерации за 12 месяцев 2016 г. с распределением по странам и регионам // ГУВМ МВД РФ: Официальный

сайт. 2017. 30 янв. URL: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/9359228/> (Дата обращения: 15.06.2018.)

17. Уязвимость мигрантов и потребности интеграции в Центральной Азии. Оценка потребностей мигрантов и общин и управление рисками / П. Казмеркевич [и др.]. Астана: Международная организация по миграции (МОМ), 2017. 48 с.

18. Шахотько Л.П. Сложное демографическое будущее Беларуси // Демоскоп Weekly. 2015. № 649–650. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2015/0649/tema01.php> (Дата обращения: 21.06.2018.)

19. Migration and Remittances: Recent Developments and Outlook Special Topic: Global Compact on Migration, April 2017. URL: <http://pubdocs.worldbank.org/en/992371492706371662/MigrationandDevelopmentBrief27.pdf> (Дата обращения: 21.06.2018.)

20. World Population Prospects. The 2017 Revision. Key Findings and Advance Tables. New York: United Nations, 46 p. URL: https://esa.un.org/unpd/wpp/Publications/Files/WPP2017_KeyFindings.pdf (Дата обращения: 19.06.2018.)

References

Danilova I.A. Vozrastnye struktury naselenija v stranah EAJeS / I.A. Danilova, R.V. Dmitriev // Demograficheskij potencial stran EAJeS: VIII Ural'skij demograficheskij forum. Ekaterinburg: Institut jekonomiki UrO RAN, 2017. Vol. II. P. 81–85.

Demograficheskij ezhegodnik Respubliki Belarus': Statisticheskij sbornik / Pod red. I.V. Medvedeva. Minsk: Nacional'nyj statisticheskij komitet Respubliki Belarus', 2017. 440 p.

Demograficheskij prognoz do 2035 goda: Izmenenie chislennosti naselenija po variantam prognoza // Federal'naja sluzhba gosudarstvennoj statistiki: Official Website. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (Data obrashhenija: 25.05.2018.)

Demografija na 1 janvarja 2018 goda // Federal'naja sluzhba gosudarstvennoj statistiki: Official Website. URL: http://www.gks.ru/bgd/free/b18_00/IssWWW.exe/Stg/dk01/7-0.doc (Data obrashhenija: 30.05.2018.)

Dogovor o Evrazijskom jekonomicheskom sojuze (ratificirovan Federal'nym zakonom ot 03.10.2014 N 279-FZ, vstupil v silu dlja Rossijskoj Federacii 1 janvarja 2015 goda) // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201501160013> (Data obrashhenija: 02.06.2018.)

Evrazijskij jekonomicheskij sojuz v cifrah: Kratkij statisticheskij sbornik / Otv. red. D.B. Bajzhumanov. Moscow: Evrazijskaja jekonomicheskaja komissija, 2017. 204 p.

Integracionnyj barometr EABR – 2017. Doklad N 46 / I.V. Zadorin [i dr.]. Saint-Petersburg: CII EABR, 2017. 108 p.

Ivahnjuk I.V. Evrazijskaja migracionnaja sistema: Teorija i praktika // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Mezhdunarodnye otnoshenija. 2008. N 2. P. 21–28.

Lichnye perevody iz Rossii i strany SNG // Central'nyj bank Rossijskoj Federacii. URL: http://www.cbr.ru/statistics/CrossBorder/Personal_Remittances_CIS.xlsx (Data obrashhenija: 09.06.2018.)

Migration and Remittances: Recent Developments and Outlook Special Topic: Global Compact on Migration, April 2017. URL: <http://pubdocs.worldbank.org/en/992371492706371662/MigrationandDevelopmentBrief27.pdf> (Data obrashhenija: 21.06.2018.)

Naselenie Rossii 2013: Dvadcat' pervyj ezhegodnyj demograficheskij doklad / Otv. red. S.V. Zaharov. Moscow: Izd. dom VShJe, 2015. 428 p.

Naselenie Rossii 2015: Dvadcat' tretij ezhegodnyj demograficheskij doklad / Otv. red. S.V. Zaharov. Moscow: Izd. dom VShJe, 2017. 360 p.

Otdel'nye pokazateli migracionnoj situacii v Rossijskoj Federacii za janvar'-dekabr' 2017 goda s raspredeleniem po regionam // GUVM MVD RF: Official Website. URL: https://mvd.ru/upload/site1/document_news/temp/_1517237587_9045/SAYT_2-RD_17kv4.xlsx (Data obrashhenija: 09.06.2018.)

Privalova N.N., Stanishevskaja L.S. Prognoz demograficheskogo razvitiya Belarusi // Jekonomicheskij bjulleten'. 2013. N 10. P. 4–14.

Shahot'ko L.P. Slozhnoe demograficheskoe budushhee Belarusi // Demoskop Weekly. 2015. N 649–650. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2015/0649/tema01.php> (Data obrashhenija: 21.06.2018.)

Statisticheskie svedenija po migracionnoj situacii v Rossijskoj Federacii za 12 mesjacev 2016 goda s raspredeleniem po stranam i regionam // GUVM MVD RF: Official Website. 2017. Jan. 30. URL: <https://mvd.rf/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/9359228/> (Data obrashhenija: 15.06.2018.)

Svedenija o chislennosti grazhdan gosudarstv – chlenov Evrazijskogo jekonomicheskogo sojuza, v'ehavshih v stranu (Respublika Armenija, Respublika Belarus', Respublika Kazahstan, Kyrgyzskaja Respublika, Rossijskaja Federacija) dlja osushhestvlenija trudovoj dejatel'nosti za 2012–2017 gody // Evrazijskaja jekonomicheskaja komissija: Official Website. URL: <https://goo.gl/fXbSwT> (Data obrashhenija: 12.06.2018.)

Ujazvimost' migrantov i potrebnosti integracii v Central'noj Azii. Ocenka potrebnostej migrantov i obshhin i upravlenie riskami / P. Kazmerkevich [i dr.]. Astana: Mezhdunarodnaja organizacija po migracii (MOM), 2017. 48 p.

Vishnevskaja N.G. Rynok truda stran SNG: Sravnitel'nyj analiz kon'junkturnyh osobennostej // Regional'naja jekonomika: Teorija i praktika. 2015. N 37. P. 58–71.

World Population Prospects. The 2017 Revision. Key Findings and Advance Tables. New York: United Nations, 46 p. URL: https://esa.un.org/unpd/wpp/Publications/Files/WPP2017_KeyFindings.pdf (Data obrashhenija: 19.06.2018.)

Е.Ю. Трещенков

**СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТЬ
В ДИСКУРСАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА***

***Аннотация.** В последнее десятилетие Европейский союз столкнулся с беспрецедентным количеством взаимосвязанных внутренних кризисов и внешних угроз. Кроме того, его наднациональная политика подвергается серьезной критике со стороны самых разных европейских политических сил. Одним из ответов Брюсселя стала Глобальная стратегия внешней политики и безопасности, представленная в конце июня 2016 г. При этом провозглашенное ядром стратегии понятие «стрессоустойчивость» (resilience) мало знакомо для национальных политических дискурсов большинства неанглоязычных государств – членов Евросоюза. В предлагаемом исследовании выявлена специфика присутствия стрессоустойчивости в политических дискурсах Евросоюза и отдельных стран-участниц, включая перспективу формирования целостного и функционально непротиворечивого европейского подхода. Особое внимание уделено контексту, в котором реализуется «стрессоустойчивость», – наднациональному и национальным дискурсам управления и безопасности.*

***Ключевые слова:** Европейский союз; страны-члены; стрессоустойчивость; неолиберализм; управление.*

Трещенков Евгений Юрьевич – кандидат исторических наук,
доцент кафедры международных отношений
на постсоветском пространстве, Санкт-Петербургский
государственный университет. Email: e.treschenkov@spbu.ru

E.Yu. Treshchenkov. Resilience in Discourses of the European Union

***Abstract.** In the past decade, the European Union faced an unprecedented number of inter-related internal crises and external threats. In addition, his supranational policy has been heavily criticized by various European political forces. One of the answers was the Global Strategy for Foreign and Security Policy, presented in June 2016. But the concept of «resilience», proclaimed as the core of the EU approach, is new to the national political*

* Исследование выполнено на средства гранта Российского научного фонда № 17-18-01110.

discourses of the majority of non-anglophone Member States. The article identifies the specificity of the presence of resilience in the political discourses of the European Union and its members, including the prospect of forming a coherent and functionally consistent European approach. Particular attention is paid to the context in which «resilience» is realized – supranational and national discourses of governance and security.

Keywords: *European Union; Member States; resilience; neoliberalism; governance.*

**Treshchenkov Evgeny Yur'evich – PhD (History of IR),
Associate Professor, School of International Relations,
Saint Petersburg University. Email: e.treshchenkov@spbu.ru**

Последнее десятилетие стало для Евросоюза временем испытаний. Европейский интеграционный проект столкнулся с множественными и зачастую взаимосвязанными кризисами и угрозами. Представление о том, что преодоление кризисов является естественной составляющей европейской интеграционной динамики, сменилось обеспокоенностью относительно способности ЕС успешно справиться с ними в этот раз. Как сам интеграционный проект в его нынешнем виде, так и попытки европейской бюрократии и стран-основательниц вывести европейскую интеграцию из кризиса подвергаются критике со стороны широкого спектра политических сил стран – членов Евросоюза. Рост евроскептицизма и популизма напрямую угрожает той системе ценностей, чье доминирование в дискурсе и политике объединенной Европы постепенно оформилось после окончания Второй мировой войны.

Одним из ответов стала презентованная в июне 2016 г. Глобальная стратегия внешней политики и политики безопасности. Она заменила предыдущий похожий документ – Европейскую стратегию безопасности 2003 г. Ядром представленного видения происходящего, а также перспектив выхода из кризиса была провозглашена концепция стрессоустойчивости¹ (resilience). В Глобальной стратегии 2016 г. стрессоустойчивость упоминалась в разных вариациях более 40 раз. При этом само понятие «стрессоустойчивость», хоть и начало активное проникновение в дискурс глобального и регионального управления сравнительно недавно, не является принципиально новым. Ранее оно разрабатывалось представителями академических кругов, после чего через экспертизу в конкретных областях управления постепенно перешло в дискурсы национальных бюрократий и международных организаций. Бюрократический аппарат Великобритании, находящейся в процессе выхода из Евросоюза, давно использует в своей практике понятие «стрессоустойчивость».

1. Такой перевод «resilience» на русский язык является рабочим, в достаточной степени отражая базовый смысл, вкладываемый в понятие и экспертами, и бюрократами.

Как ни парадоксально, национальным политическим дискурсам многих других членов ЕС, не ставящих под вопрос свое участие в европейском проекте, понятие «стрессоустойчивости» чуждо.

Цель предлагаемого исследования – выявление взаимосвязей между трактовками стрессоустойчивости в дискурсах институтов Европейского союза и государств-членов. При этом особое внимание предлагается уделить рассмотрению стрессоустойчивости в контексте нынешнего кризиса европейской модели управления. Вопрос заключается в том, способно ли «внедрение стрессоустойчивости» в дискурс наднационального управления ликвидировать озабоченности, существующие среди стран-участниц, или появление стрессоустойчивости как ядра «нового подхода» ЕС является лишь косметической мерой, не имеющей отношения к устранению существующих дисбалансов.

Задачи, сформулированные исходя из цели исследования, были решены последовательно. В первую очередь были охарактеризованы существующие академические подходы к определению понятия «стрессоустойчивость», к анализу его значений и взаимосвязей с проблематикой безопасности и управления. Это позволило сформировать инструментарий для последующей работы с дискурсами Евросоюза и государств-членов. Было проанализировано место стрессоустойчивости в дискурсе институтов ЕС, контекст, причины и направления введения стрессоустойчивости в европейский дискурс. В завершающей части исследования были проанализированы дискурсы стрессоустойчивости конкретных стран с учетом специфики их участия в европейском интеграционном проекте, а также с учетом места объединенной Европы в их национальной идентичности. Поскольку количество стран – участниц европейского интеграционного проекта приближается к трем десяткам, было решено сфокусировать внимание на нескольких – Великобритании, Германии, Франции, Польше и Финляндии.

Стрессоустойчивость:

От научной концепции к прикладному инструменту

Появление понятия «стрессоустойчивость» в академическом дискурсе связывают с именем канадского эколога К. Холлинга. В его статье 1973 г. речь шла о стабильности и стрессоустойчивости экологических систем. Под стрессоустойчивостью предлагалось понимать способность системы выдерживать колебания параметров в результате воздействия, а под стабильностью – способность системы возвращаться в состояние равновесия после временного потрясения. Исходя из этой логики, система может обладать высокой стрессоустойчивостью, но низкой стабильностью (сложные системы), и наоборот

(более простые системы). Если система достаточно стрессоустойчива, результатом будет ее сохранение, если недостаточно – исчезновение [17, р. 17].

В дальнейшем потенциал концепции применительно к анализу функционирования сложных систем был высоко оценен представителями других дисциплин – психологии, экономической теории и социальных наук. Представление о стрессоустойчивости системы дополнилось тезисами о ее способности к адаптации и изменению, а также о роли обучения и усвоения системой прошлого опыта. Постепенно из академического термина стрессоустойчивость превратилась в понятие, используемое в сфере государственной политики (США, Великобритания) и глобального управления (прежде всего, система ООН).

Как отмечают исследователи, такое широкое и разнообразное применение понятия «стрессоустойчивость» привело к размыванию его целостности и концептуального характера. Все чаще стрессоустойчивость фигурирует не в качестве целостной концепции, а в формате способа мышления, парадигмы или подхода. Этот формат облегчает коммуникацию между представителями различных областей знания и сфер управления. Вместе с тем «плавающий» характер понятия придает дискуссии лишь видимость наличия консенсуса, скрывая существующие противоречия и конфликты [5].

Следующее значимое с точки зрения темы предлагаемого исследования обстоятельство – связь стрессоустойчивости с дискурсом безопасности. Она рассматривается в контексте поиска адекватного ответа на разнообразные вызовы – от хакерских атак до стихийных бедствий. При этом обоснованием введения стрессоустойчивости в этот дискурс служит представление о том, что современные вызовы безопасности комплексны, взаимосвязаны, трудно предсказуемы и являются естественной частью повседневной жизни современного человечества [6, р. 222–223]. В этой ситуации предлагается делать акцент не только на традиционном для сферы безопасности предотвращении угроз, но и на развитии внутренних характеристик и ресурсов системы, способных обеспечить ее устойчивость и восстановление в результате неблагоприятного воздействия.

Такая трактовка присутствия стрессоустойчивости в дискурсе безопасности совпадает с неолиберальным подходом к управлению. Исследователи описывают его через концепцию «нового управленчества»² (new governmentality), предложенную М. Фуко. В ее основе лежит представление о произошедшем в странах Запада изменении подходов к управлению через рационализацию взгляда управленцев на сущность управления и на управляемых [2,

2. Канонического перевода термина «newgovernmentality» на русский язык не сложилось. Существует несколько вариантов, среди которых «новое управленчество», на наш взгляд, адекватнее всего отражает суть этой концепции.

с. 406]. В этом ключе стрессоустойчивость понимается как неолиберальная форма управления, когда государство вовлекает бизнес, общество, местные сообщества и индивидов в процесс управления рисками, при этом делая ставку на формирование стрессоустойчивых субъектов (resilient subjects) [6, р. 223–224]. Поскольку неолиберальный подход к управлению считается прерогативой западных демократий, вопрос о наличии взаимосвязи между неолиберализмом и стрессоустойчивостью в дискурсах Евросоюза и его стран-членов также представляется уместным. При этом, вслед за Фуко, здесь под либерализмом предлагается понимать именно практику рационализации, а не политическую идеологию или экономическую теорию. Соответственно, в анализируемых дискурсах маркерами присутствия неолиберального подхода стали такие понятия как «децентрализация», «индивидуальная ответственность», «приватизация», «ответственность собственников», «стрессоустойчивые субъекты», «вовлечение бизнеса и местных сообществ», «вмешательство государства», «избыток управления» и т.п.

Поскольку речь идет о дискурсах управления, основным материалом исследования стали тексты институтов Евросоюза и правительств стран – членов ЕС. Отдельное место среди материалов занимают стенограммы дебатов в Европарламенте по резолюциям, имеющим отношение к стрессоустойчивости. Эти тексты позволяют сделать выводы относительно общей релевантности национальным подходам дискурса европейской бюрократии по стрессоустойчивости. Кроме того, в соответствии с традицией, заложенной концепцией рациональной бюрократии М. Вебера, отдельное внимание уделено разнице в ролях бюрократического аппарата и политиков. Соответствующее предположение заключается в том, что стрессоустойчивость в дискурсах управления и институтов Евросоюза и его государств-членов (там, где она присутствует) является продуктом бюрократии и ее взаимодействия с экспертами и занимает мало места в текстах политиков. С этой целью, в частности, были рассмотрены программные документы основных политических партий стран – членов ЕС. В совокупности документальная база исследования составила более 150 текстов.

Стрессоустойчивость – ключевое понятие в дискурсе Европейского союза

Понятие «стрессоустойчивость» появилось и развивалось в управленческом дискурсе Евросоюза в соответствии с общей сложившейся тенденцией. С 1980-х и до 2010-х годов это были либо точечные упоминания, связанные с экологией и экономикой, либо случаи использования понятия в специализированных дискурсах, сопряженных с работой европейских агентств или участием Евросоюза в деятельности ООН по предотвращению последствий

стихийных бедствий [1]. Так, в докладах Европейской комиссии о политике развития 2005–2010 гг. не содержится ни одного упоминания этого понятия. Аналогичная ситуация – и со Стратегией безопасности ЕС (2003). Более системное проникновение понятия «стрессоустойчивость» в дискурс управления ЕС началось в 2011–2013 гг. Отдельными сферами его употребления стали кибербезопасность [9] и политика развития. В последнем случае ключевую роль сыграло изменение подходов ООН к проблематике международной помощи развитию: была сделана ставка на объединение инструментария гуманитарной помощи и помощи развитию с акцентом на формирование долгосрочной стрессоустойчивости получателей помощи перед лицом кризисов [31].

Таким образом, до принятия Глобальной стратегии безопасности ЕС (2016) [32] употребление термина «стрессоустойчивость» оставалось ограничено отдельными специфическими сферами, смыкавшимися с повесткой ООН, а также с дискуссиями экспертов-бюрократов в области экологии, энергетики, экономики и информационной безопасности. Для того чтобы этот концепт стал одним из центральных элементов дискуссий о будущем Евросоюза, должно было появиться ощущение наличия угрозы этому будущему. Формированию такого ощущения способствовали последствия кризиса зоны евро, украинский кризис и резкое ухудшение отношений с Россией, конфликты на южной границе Евросоюза и проблема беженцев, дальнейшее обострение проблемы международного терроризма, теперь затрагивающей страны Европы на регулярной основе. Серьезным вызовом стал референдум о выходе Великобритании из ЕС.

Как отмечала в предисловии к Глобальной стратегии безопасности ЕС Верховный представитель Евросоюза по иностранным делам и политике безопасности Ф. Могерини, «существование нашего Союза оказалось под вопросом» [32, р. 3].

Иными словами, Глобальная стратегия 2016 г. – это текст о стрессоустойчивости самого европейского интеграционного проекта, а также о ее внутреннем и внешнем измерении. Укрепление стрессоустойчивости Евросоюза понимается авторами документа через необходимость устранения противоречий внутри ЕС в пользу еще большего внутреннего ценностного и нормативного единства, через способность ЕС автономно действовать на международной арене, продвигая принципы и ценности, лежащие в его основе, а также через содействие формированию стрессоустойчивых обществ, государств и экономик по периметру. Несмотря на провозглашенную центральность понятия «стрессоустойчивость», его введение в официальный дискурс институтов ЕС не сопровождалось принципиальными изменениями в восприятии угроз или способов их устранения. Так, идея взаимосвязанности благополучия Евросоюза и процессов в соседних государствах существует как

минимум со времен принятия Стратегии безопасности 2003 г. Представление о целесообразности стимулировать реформы в соседних государствах не напрямую, а создавая там ощущение их необходимости, также не является новой. Евросоюз не отказался и от продвижения в соседних регионах своей модели развития и своих ценностей как единственно верных. В этих терминах объясняется и механизм достижения стрессоустойчивости – через развитие демократии, проведение рыночных реформ и гражданское участие [32]. При этом само понятие «стрессоустойчивость» употребляется в разных контекстах, часто без соответствующего определения и носит «плавающий» характер.

Неоднозначной является и ситуация со взаимосвязью между неолиберальным подходом и стрессоустойчивостью в дискурсе Евросоюза. С одной стороны, для институтов ЕС в духе «нового управленчества» характерна постоянная рефлексия относительно избытка управления. Помимо прочего, она нашла отражение в принципах субсидиарности и пропорциональности, зафиксированных в учредительных договорах. В большинстве проанализированных текстов укрепление стрессоустойчивости связывается с децентрализацией и призывом полагаться на ресурсы систем. С другой стороны, в числе одной из причин ряда кризисов указывается недостаток наднационального управления (например, в банковской сфере и монетарной политике). И институты ЕС, и правящие элиты отдельных его стран-членов указывают на необходимость дальнейшей консолидации европейской модели управления вокруг Брюсселя [12].

Такой подход, в свою очередь, сталкивается с критикой со стороны тех политических сил стран – членов ЕС, которые полагают, что именно политика Брюсселя и ключевых стран Евросоюза привела к нынешнему кризису. Ценностная основа европейской модели также все чаще подвергается ими сомнению. Яркие примеры этой тенденции – реформы правящей партии «Право и справедливость» в Польше, риторика германской «Альтернативы для Германии» и французского «Национального фронта». В этой ситуации «стрессоустойчивость» рискует быть воспринятой критиками Брюсселя как еще одно изобретение наднациональной бюрократии, не имеющее отношения к устранению существующих дисбалансов управления.

Стрессоустойчивость в дискурсах стран-членов: Артикуляция и контекст

Англосаксонское происхождение понятия «стрессоустойчивость» напрямую влияет на характер его локализации в дискурсах стран – членов Евросоюза. Анализ переводов этого термина на национальные языки в официальных документах и материалах дебатов в Европарламенте (см., напр.: [29])

свидетельствует об отсутствии понятия «стрессоустойчивость» в национальных дискурсах значительного количества стран-членов. Зачастую существует несколько несинонимичных вариантов перевода (например, немецкие «Widerstandsfähigkeit» и «Resilienz») или один, но с частичной утратой первоначального значения англоязычного термина (например, польская «odporność», переводящаяся как «сопротивляемость»). Вместе с тем есть государства, в управленческих дискурсах которых стрессоустойчивость присутствует давно. В исследовании эта группа стран представлена Великобританией и Францией.

Великобритания, ныне застывшая на пороге выхода из ЕС, традиционно занимает специфическую позицию по ряду вопросов европейской интеграции. Ее экономическая и политическая модели часто противопоставляются континентальной Европе [26]. Ключевой сферой употребления понятия «стрессоустойчивость» в управленческом дискурсе Великобритании является проблематика готовности к преодолению последствий стихийных бедствий и чрезвычайных ситуаций [7]. Однако этим все не исчерпывается – в контексте кибербезопасности упоминается стрессоустойчивость информационной инфраструктуры в связи с экономическими кризисами – макро- и микроэкономическая стрессоустойчивость. Вместе с тем можно говорить о том, что для британского дискурса управления первостепенное значение имеет внутренняя стрессоустойчивость всех систем Соединенного Королевства. Проблематика помощи международному развитию довольно обширна, но второстепенна, в фокусе внимания – прежде всего страны Британского Содружества и бывшие колонии.

В многочисленных руководствах (guidances) и информационных материалах правительственных служб подробно раскрывается содержание стрессоустойчивости, меры по ее укреплению в каждой из сфер и на каждом из уровней децентрализованной системы управления (правительство, бизнес, региональные и местные власти, индивиды). Стрессоустойчивость определяется как «способность активов, сетей и систем предвидеть, поглощать, адаптироваться и / или быстро восстанавливаться после разрушительного воздействия» [21, р. 14]. При этом совершенно в духе неолиберального подхода ситуацию неопределенности будущего, рисков и вызовов безопасности предлагается воспринимать как ситуацию, дающую новые возможности [19].

Ключевым актором артикуляции стрессоустойчивости в политическом дискурсе Великобритании является бюрократия. В последних предвыборных манифестах большинства политических партий Великобритании стрессоустойчивость как понятие отсутствует. При этом существует очевидная связь между идеологией партии и степенью восприимчивости к дискурсу стрессоустойчивости. Лидером по количеству обращений к нему являются проевропейские либеральные демократы, исповедующие идеологию социал-либера-

лизма [24; 25]. В манифестах Лейбористской партии стрессоустойчивость упоминается крайне редко [34] и вовсе не упоминается консерваторами [33].

Интерпретация понятия «стрессоустойчивость» бюрократическим аппаратом происходит в исторически сложившейся национальной системе координат, где право частной собственности незыблемо, индивид ставится во главу угла, а вмешательство государства, по определению, является потенциальным объектом критики. Через эту же призму воспринимается и вмешательство наднациональных структур Евросоюза в британскую политику и управление. Неслучайно идея связывать понятие «стрессоустойчивость» с неолиберальным подходом к управлению возникла именно на основе анализа британского случая [20; 33]. Система формирования стрессоустойчивости Соединенного Королевства предполагает принципиальную ответственность за этот процесс со стороны операторов и владельцев соответствующих ресурсов и инфраструктуры [27].

Вместе с тем признается необходимость координации усилий всех участников на всех уровнях системы при направляющей роли правительства, осознающего, что нет такого подхода, который одинаково хорошо подошел бы всем. Соответственно, основной упор делается на анализ характеристик соответствующих систем и поддержку их самостоятельной инициативы [8]. При этом сама терминология, используемая для характеристики участия правительства в формировании стрессоустойчивости (например, словосочетание «government interventions»), явно совпадает с описанным М. Фуко подходом к рационализации управления через постоянную рефлекссию относительно его избыточности.

Следует заметить, что кейс формы собственности на критическую инфраструктуру хорошо отражает специфику национальных моделей управления стран – членов Евросоюза, а также то, какое место и наполнение получает в их бюрократических дискурсах понятие «стрессоустойчивость». В британском случае формирование стрессоустойчивости неслучайно связывается бюрократами с принципом индивидуальной ответственности каждого собственника и оператора за свой участок инфраструктуры. Британская экономика и инфраструктура характеризуются высокой степенью демонополизации и присутствия частного сектора. Достаточно взглянуть на такой сегмент инфраструктуры, напрямую связанный со стрессоустойчивостью перед лицом террористической угрозы, как воздушное сообщение. Согласно данным Международного совета аэропортов, более 50% воздушных гаваней Соединенного Королевства находится в частной собственности и еще около четверти – в смешанной. Для сравнения: в Финляндии и Польше доля государства в собственности на инфраструктуру воздушных перевозок – 100%. В Германии практически все аэропорты относятся к государственному сектору либо полностью, либо преобладающей частью. Промежуточное положение

занимает Франция, где наблюдается баланс государственного и частного секторов [35].

Естественно, открытая приватизационная политика Великобритании и членство страны в ЕС привела к проникновению в британскую экономику государственных компаний из стран континентальной Европы. Так, существенная часть энергетической инфраструктуры попала под контроль французской EDF, а контракты на пассажирские железнодорожные перевозки получают немецкий и голландский государственные железнодорожные операторы. На этом фоне отдельные эксперты и общественность выражают опасения относительно увеличения зависимости критической инфраструктуры страны от «неэффективных» европейских континентальных государственных компаний [18].

Если британская модель управления часто характеризуется в терминах неолиберализма и децентрализации, то во Франции государственный аппарат рассматривает себя в качестве выразителя политической воли нации и традиционно действенен в сфере регулирования социальной и экономической активности. Это принципиальным образом влияет на артикуляцию стрессоустойчивости во французском дискурсе. При кажущемся совпадении сфер упоминания и базового определения категории есть несколько существенных нюансов в интенсивности обращения к данному понятию и в предлагаемых способах достижения стрессоустойчивости. Во-первых, употребление термина «стрессоустойчивость» во французском дискурсе имеет более локализованный характер, ограниченный темами борьбы с террористической угрозой и чрезвычайными ситуациями, а также проблематикой глобального изменения климата (соответствующие переговоры под эгидой ООН проходили в 2015 г. в Париже). Во-вторых, роль государственного аппарата в обеспечении стрессоустойчивости предстает определяющей – правительство нуждается лишь в легитимации своих усилий со стороны французской нации [23]. В-третьих, в отличие от британского случая, редко, но все же встречаются упоминания Евросоюза в связи со стрессоустойчивостью. Примечательно, что локализованы они исключительно в сфере общей внешней политики и политики безопасности.

Германия, Финляндия и Польша представляют ту группу стран, в политическом дискурсе которых стрессоустойчивость как понятие либо полностью отсутствует, либо упоминается крайне эпизодически в связи с проникновением в национальный дискурс повестки глобального и регионального управления (ООН, ЕС, НАТО).

Для управленческого дискурса Германии стрессоустойчивость никогда не являлась центральным понятием. В качестве немецкоязычных аналогов стрессоустойчивости используются и полная калька с английского – «Resilienz», и не передающий всю смысловую нагрузку термин «Widerstandsfähigkeit»

(сопротивляемость, устойчивость) [15, S. 25]. В целом до начала работы над Глобальной стратегией безопасности ЕС 2016 г. стрессоустойчивость крайне эпизодически упоминалась экспертами исключительно в таких сферах, как социальная работа, охрана окружающей среды и информационная безопасность.

Существенное увеличение количества и разнообразия упоминаний произошло именно в конце 2015 – 2016 г. В духе ответственности за судьбу европейского проекта и международного развития федеральные ведомства ФРГ активно интегрируют понятие «стрессоустойчивость» в трактовке Евросоюза и ООН в международную повестку глобального управления (например, в программу председательства ФРГ в G20) [4]. Более того, обращаясь к членам Бундестага, министр финансов В. Шойбле призывает их «научиться использовать термин “стрессоустойчивость”» [30] – и это неслучайно, поскольку для политических элит это понятие пока, очевидно, малознакомо. Анализ текстов самых свежих программ германских политических партий федерального уровня свидетельствует о полном отсутствии в них понятия «стрессоустойчивость», в то время как «устойчивому развитию» (*nachhaltige Entwicklung*) и «устойчивости» (*Nachhaltigkeit*) в разных интерпретациях даже посвящены отдельные разделы [11; 14; 22; 37; 38].

На сегодняшний момент носителями неолиберального видения стрессоустойчивости в германском политическом дискурсе являются эксперты, выполняющие различные исследования и разработки для бюрократического аппарата [16]. В то же самое время в ключевых концептуальных документах ФРГ, содержащих упоминания этого термина, присутствует четкое представление о первостепенной обязанности федерального правительства (в некоторых случаях – правительств земель) укреплять стрессоустойчивость страны и ее экономики [10].

Как и в случае с Германией, присутствие понятия «стрессоустойчивость» в управленческом дискурсе Финляндии стало заметно в 2016–2017 гг. Вместе с тем его употребление четко связано с участием Финляндии в глобальном и региональном управлении под эгидой ООН и ЕС (например, проблематика сирийского конфликта и беженцев), а также с сотрудничеством с НАТО, расширившимся после украинского кризиса. Для характеристики состояния дел в самой Финляндии термин «стрессоустойчивость» употребляется, преимущественно, в контексте борьбы с киберугрозами. Однако и тут заметно заимствование из наднационального дискурса. Финская Стратегия кибербезопасности (2013) была принята практически одновременно с аналогичной стратегией Евросоюза. В целом текст документа свидетельствует о внимании авторов стратегии к внутренним ресурсам и характеристикам всех уровней системы – бизнеса, местных сообществ, индивидов. Однако речь не идет о децентрализации ответственности за формирование стрессоустойчивости.

Правительство провозглашается ответственным и за общее политическое руководство процессом, и за подготовку стратегических руководств по кибербезопасности, а также за принятие решений относительно развития необходимых ресурсов [13].

Польша – «новая» страна – член ЕС – считается одной из самых успешных и «стрессоустойчивых» экономик Европы. Страна, ранее принадлежавшая к социалистическому блоку, прошла классический путь «возвращения в Европу». При этом ее роль в процессах европейской интеграции изменчива. В первые годы членства в ЕС она выступала в образе «троянского коня» Соединенных Штатов, затем государства, стремящегося всеми силами консолидировать европейский проект (например, деятельность Р. Сикорского), и, наконец, страны, чья нынешняя внутривластная конфигурация и инициативы властей критикуются как противоречащие сути и принципам европейской модели [36].

Для стратегической культуры Польши характерны традиционные подходы. Так, термин «стрессоустойчивость» упоминается в тексте польской Стратегии национальной безопасности, однако речь не идет ни об устойчивой связи этого понятия с неолиберальным подходом, ни о децентрализации, а само понятие используется для характеристики «критической инфраструктуры». Польскую национальную безопасность обеспечивает государство, опираясь при этом на сильную экономику, эффективную систему управления и социальный капитал [28]. Основная сфера упоминания стрессоустойчивости представителями правительства и политического руководства – экономика Польши и ее место в Европейском союзе. В этом контексте в последнее время все чаще подчеркивается необходимость реформирования валютной и экономической моделей управления ЕС. Для основных современных политических партий страны стрессоустойчивости как категории практически не существует. Исключение составляет европеизированная часть представителей «Гражданской платформы», интегрированных в управленческие структуры Евросоюза.

Заключение

Понятие «стрессоустойчивость» малознакомо для национальных политических дискурсов многих государств – членов Евросоюза, о чем свидетельствуют и отсутствие его адекватных национальных переводов, и поверхностные обсуждения во время дебатов в Европарламенте. Часто оно локализовано в узкоспециальных англоязычных экспертных дискуссиях, а также в примыкающей к ним активности бюрократий по реализации национального вклада в глобальную и региональную повестку ООН.

Ярким исключением является Великобритания. Для находящейся в процессе все еще неочевидного выхода из Евросоюза страны стрессоустойчи-

вость давно стала одной из ключевых категорий в области управления рисками. При этом дискурс стрессоустойчивости поддерживается и развивается преимущественно национальной бюрократией и близкими к ней экспертами. Бюрократический характер и разнообразие сфер употребления сближают подходы ЕС и Великобритании к стрессоустойчивости. Однако нельзя сказать того же о взаимосвязи ее трактовки с неолиберальными практиками децентрализации и индивидуальной ответственности. В британском случае такая взаимосвязь представляется довольно прочной, при этом вмешательство европейской бюрократии в сферы суверенной политики страны воспринимается в тех же терминах, что и вмешательство национального бюрократического аппарата в повседневную жизнь и активность британцев.

В странах континентальной Европы (Польше, Франции, Германии и Финляндии) государственный аппарат остается ключевым актором в формировании стрессоустойчивости. Среди областей пересечения существующих сфер присутствия стрессоустойчивости в наднациональном (ЕС) и национальных дискурсах можно отметить проблематику информационной безопасности (здесь дискурсы ряда стран-членов смыкаются с повесткой не только ЕС, но и НАТО), а также проблематику глобального управления и развития.

Нынешние усилия наднациональных институтов Евросоюза по продвижению стрессоустойчивости в европейской повестке дня встречают отклик среди политического руководства тех стран – членов ЕС, которые в наибольшей степени заинтересованы в сохранении и продвижении интеграционного проекта. Ключевое место в их ряду занимает Германия. Также потенциально высока восприимчивость северных стран (например, Финляндии) к дискурсу Евросоюза. Такая восприимчивость объясняется рядом обстоятельств: местом, которое европейский проект занимает в национальной идентичности того или иного государства – члена ЕС; степенью европеизации его политики и управления; местом многосторонности в национальных подходах к решению региональных и глобальных проблем. Вместе с тем перспективы формирования целостного и функционально непротиворечивого подхода к стрессоустойчивости среди стран – членов ЕС туманны. Помимо существующих различий в национальных моделях управления и ограниченного практического интереса к инструментарию стрессоустойчивости, влияние оказывает заинтересованность самого Брюсселя в сохранении обтекаемого и консенсусного характера ключевых элементов Глобальной стратегии безопасности ЕС 2016 г. Похоже, роль понятия «стрессоустойчивость» в наднациональной повестке дня – быть «пограничным понятием» (boundaryobject), способствующим коммуникации между участниками и различными областями политики.

Библиография

1. Романова Т.А. Категория «стрессоустойчивость» в Европейском союзе // Современная Европа. 2017. № 4. С. 17–28.
2. Фуко М. Рождение биополитики. СПб.: Наука, 2010. 448 с.
3. Anderson B. What kind of resilience? // Politics. 2015. Vol. 35. Iss. 1. P. 60–66.
4. Auf den Punkt: Informationen aus dem Bundesfinanzministerium. G20 Präsidentschaft 2017: Schwerpunkte im Finanzbereich // Bundesministerium der Finanzen: Official Website. 2016. Sept. 16. URL: http://www.bundesfinanzministerium.de/Content/DE/Downloads/Broschueren_Bestellservice/2016-12-01-auf-den-punkt-g20-praesidentschaft.pdf?__blob=publicationFile&v=5 (Дата обращения: 24.07.2018.)
5. Brand F.S., Jax K. Focusing the meaning (s) of resilience: Resilience as a descriptive concept and a boundary object // Ecology and Society. 2007. Vol. 12. N 1. URL: <http://www.ecologyandsociety.org/vol12/iss1/art23/> (Дата обращения: 24.07.2018.)
6. Brassett J., Croft S., Vaughan-Williams N. Introduction: An agenda for resilience research in politics and international relations // Politics. 2013. Vol. 33. Issue 4. P. 221–228.
7. Civil contingencies act 2004 // The official home of UK legislation. URL: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2004/36/pdfs/ukpga_20040036_en.pdf (Дата обращения: 24.07.2018.)
8. Civil nuclear cyber security strategy // UK Government. Department for business, energy and industrial strategy: Official Website. URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/591619/170213_-_Civil_Nuclear_Cyber_Security_Strategy.pdf (Дата обращения: 24.07.2018.)
9. Cybersecurity strategy of the European Union: An open, safe and secure cyberspace: Joint communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Brussels // European Commission: Official Website. 2013. Feb. 7. URL: http://eeas.europa.eu/archives/docs/policies/eu-cyber-security/cybsec_comm_en.pdf (Дата обращения: 24.07.2018.)
10. Cyber-Sicherheitsstrategie für Deutschland 2016 // Bundesministerium des Innern: Official Website. URL: https://www.bmi.bund.de/cybersicherheitsstrategie/BMI_CyberSicherheitsStrategie.pdf (Дата обращения: 24.07.2018.)
11. Denken wir neu. Das Programm der Freien Demokraten zur Bundestagswahl 2017: «Schauen wir nicht länger zu» // Freie Demokraten: Official Website. URL: <https://www.fdp.de/sites/default/files/uploads/2017/08/07/20170807-wahlprogramm-wp-2017-v16.pdf> (Дата обращения: 24.07.2018.)
12. Final report of the Future of Europe Group of the Foreign Ministers of Austria, Belgium, Denmark, France, Italy, Germany, Luxembourg, the Netherlands, Poland, Portugal and Spain // Centre for European reform: Official Website. 2012. Sept. 17. URL: http://www.cer.eu/sites/default/files/westerwelle_report_sept12.pdf (Дата обращения: 24.07.2018.)
13. Finland's cyber security strategy. Government Resolution 24.01.2013 // Ministry of Defence: Official Website. 2013. 24 January. URL: http://www.defmin.fi/files/2378/Finland_s_Cyber_Security_Strategy.pdf (Дата обращения: 24.07.2018.)
14. Für ein Deutschland, in dem wir gut und gerne leben: Regierungsprogramm 2017–2021 // Wayback Machine. Internet Archive. URL: <https://web.archive.org/web/20171102010058/https://www.cdu.de/system/tdf/media/dokumente/170703regierungsprogramm2017.pdf?file=1> (Дата обращения: 24.07.2018.)
15. Gleiche Chancen für alle. Beauftragte für Migration, Flüchtlinge und Integration. Berlin, Presse- und Informationsamt der Bundesregierung. 2007. 104 S.

16. Gründungspotenziale von Menschen mit ausländischen Wurzeln. Entwicklungen, Erfolgsfaktoren, Hemmnisse // Bundesministerium für Wirtschaft und Energie: Official Website. 2017. URL: https://www.bmwi.de/Redaktion/DE/Publikationen/Studien/gruendungspotenziale-menschen-auslaendische-wurzeln.pdf?__blob=publicationFile&v=13 (Дата обращения: 24.07.2018.)
17. Holling C.S. Resilience and stability of ecological systems // *Annual Review of ecology and systematics*. 1973. Vol. 4. P. 1–23.
18. How Dutch and German train and bus firms are taking UK taxpayers for a ride // *The Guardian*. 2014. Oct. 12. URL: <https://www.theguardian.com/politics/2014/oct/12/rail-privatisation-dutch-and-german-companies-took-uk-for-ride> (Дата обращения: 24.07.2018.)
19. Jones A. Managing transport in an uncertain world: Speech // UK Government: Official Website. 2016. March 2. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/managing-transport-in-an-uncertain-world> (Дата обращения: 24.07.2018.)
20. Joseph J. Resilience in UK and French security strategy: An Anglo-Saxon bias? // *Politics*. 2013. Vol. 33. Iss. 4. P. 253–264.
21. Keeping the country running: Natural hazards and infrastructure: A guide to improving the resilience of critical infrastructure and essential services // UK Government: Official Website. 2011. Oct. URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/61342/natural-hazards-infrastructure.pdf (Дата обращения: 24.07.2018.)
22. Langfassung des Wahlprogramms zur Bundestagswahl 2017: Sozial. Gerecht. Frieden. Für Alle: Die Zukunft, für die wir kämpfen! // Die Linke. URL: https://www.die-linke.de/fileadmin/download/wahlen2017/wahlprogramm2017/die_linke_wahlprogramm_2017.pdf (Дата обращения: 24.07.2018.)
23. Le Livre Blanc: Défense et sécurité nationale. Paris: Direction de l'information légale et administrative, 2013. 160 p.
24. Liberal Democrats. Manifesto 2015: Stronger economy. Fairer society. Opportunity for everyone. London: Tim Gordon on behalf of the Liberal Democrats, 2015. 157 p. URL: https://d3n8a8pro7vbmh.cloudfront.net/libdems/pages/8907/attachments/original/1429028133/Liberal_Democrat_General_Election_Manifesto_2015.pdf (Дата обращения: 24.07.2018.)
25. Liberal Democrat Manifesto 2017: Change Britain's future. London: Tim Gordon on behalf of the Liberal Democrats, 2017. 95 p. URL: <https://d3n8a8pro7vbmh.cloudfront.net/themes/5909d4366ad575794c000000/attachments/original/1495020157/Manifesto-Final.pdf> (Дата обращения: 24.07.2018.)
26. Marcussen M., Risse Th., Engelmann-Martin D., Knopf H.J., Roscher K. Constructing Europe? The evolution of French, British and German nation state identities // *Journal of European public policy*. 1999. Vol. 6. Iss. 4. P. 614–633.
27. National security strategy and strategic defence and security review 2015: A secure and prosperous United Kingdom // UK Government: Official Website. URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/478936/52309_Cm_9161_NSS_SD_Review_PRI_NT_only.pdf (Дата обращения: 24.07.2018.)
28. National security strategy of the Republic of Poland. Warsaw. 2014 // National Security Bureau of Poland: Official Website. URL: https://www.bbn.gov.pl/ftp/dok/NSS_RP.pdf (Дата обращения: 24.07.2018.)
29. Resilience as a strategic priority of the EU external action (Debate) // European Parliament: Official Website. 2017. May 31. URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=CRE&reference=20170531&secondRef=ITEM-014&language=EN&ring=B8-2017-0381> (Дата обращения: 24.07.2018.)

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

30. Schäuble W. Demokratische Politik muss Chancen eröffnen // Die Bundesregierung: Official Website. 2016. Sept. 27. URL: <https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Namensbeitrag/2016/09/2016-09-27-faz-schaeuble.html> (Дата обращения: 24.07.2018.)

31. SHARE: Supporting Horn of Africa resilience: Commission staff working document // European Commission: Official Website. Brussels, 2012. Apr. 11. URL: <http://ec.europa.eu/transparency/regdoc/rep/10102/2012/EN/SWD-2012-102-F1-EN-MAIN-PART-1.PDF> (Дата обращения: 24.07.2018.)

32. Shared vision, common action: A stronger Europe: A global strategy for the European Union's foreign and security policy // European external action service. 2016. June 28. URL: <https://europa.eu/globalstrategy/en/shared-vision-common-action-stronger-europe> (Дата обращения: 24.07.2018.)

33. The Conservative and Unionist Party Manifesto 2017: Forward, together: Our plan for a stronger Britain and a prosperous future. London: Alan Mabbutt on behalf of the Conservative Party, 2017. 84 p. URL: <https://s3.eu-west-2.amazonaws.com/conservative-party-manifestos/Forward+Together+-+Our+Plan+for+a+Stronger+Britain+and+a+More+Prosperous....pdf> (Дата обращения: 24.07.2018.)

34. The Labour Party Manifesto 2017: For the many, not the few. London: Iain McNicol on behalf of the Labour Party, 2017. 124 p. URL: <https://labour.org.uk/wp-content/uploads/2017/10/labour-manifesto-2017.pdf> (Дата обращения: 24.07.2018.)

35. The Ownership of Europe's airports 2016 // Airports Council International: Official Website. URL: https://www.aeroport.fr/uploads/documents/ACI%20EUROPE%20Report_The%20Ownership%20of%20Europes%20Airports%202016.pdf (Дата обращения: 24.07.2018.)

36. Tusk D. Statement on the situation in Poland // European Council: Official Website. Brussels. 2017. July 20. URL: <http://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2017/07/20-tusk-statement-situation-poland/> (Дата обращения: 24.07.2018.)

37. Zeit für mehr Gerechtigkeit: Unser Regierungsprogramm für Deutschland // SPD: Official Website. URL: https://www.spd.de/fileadmin/Dokumente/Regierungsprogramm/SPD_Regierungsprogramm_BTW_2017_A5_RZ_WEB.pdf (Дата обращения: 24.07.2018.)

38. Zukunft wird aus Mut gemacht: Bundestagswahlprogramm 2017 // Bündnis 90 / Die Grünen: Official Website. URL: https://www.gruene.de/fileadmin/user_upload/Dokumente/BUENDNIS_90_DIE_GRUENEN_Bundestagswahlprogramm_2017_barrierefrei.pdf (Дата обращения: 24.07.2018.)

References

Anderson B. What kind of resilience? // *Politics*. 2015. Vol. 35. Iss. 1. P. 60–66.

Auf den Punkt: Informationen aus dem Bundesfinanzministerium. G20 Präsidentschaft 2017: Schwerpunkte im Finanzbereich // Bundesministerium der Finanzen: Official Website. 2016. Sept. 16. URL: http://www.bundesfinanzministerium.de/Content/DE/Downloads/Broschueren_Bestellservice/2016-12-01-auf-den-punkt-g20-praesidentschaft.pdf?__blob=publicationFile&v=5 (Дата обращения: 24.07.2018.)

Brand F.S., Jax K. Focusing the meaning (s) of resilience: Resilience as a descriptive concept and a boundary object // *Ecology and Society*. 2007. Vol. 12. N 1. URL: <http://www.ecologyandsociety.org/vol12/iss1/art23/> (Дата обращения: 24.07.2018.)

Brassett J., Croft S., Vaughan-Williams N. Introduction: An agenda for resilience research in politics and international relations // *Politics*. 2013. Vol. 33. Issue 4. P. 221–228.

Civil contingencies act 2004 // The official home of UK legislation. URL: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2004/36/pdfs/ukpga_20040036_en.pdf (Data obrashhenija: 24.07.2018.)

Civil nuclear cyber security strategy // UK Government. Department for business, energy and industrial strategy: Official Website. URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/591619/170213_-_Civil_Nuclear_Cyber_Security_Strategy.pdf (Data obrashhenija: 24.07.2018.)

Cyber-Sicherheitsstrategie für Deutschland 2016 // Bundesministerium des Innern: Official Website. URL: https://www.bmi.bund.de/cybersicherheitsstrategie/BMI_CyberSicherheitsStrategie.pdf (Data obrashhenija: 24.07.2018.)

Cybersecurity strategy of the European Union: An open, safe and secure cyberspace: Joint communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Brussels // European Commission: Official Website. 2013. Feb. 7. URL: http://eeas.europa.eu/archives/docs/policies/eu-cyber-security/cybsec_comm_en.pdf (Data obrashhenija: 24.07.2018.)

Denken wir neu. Das Programm der Freien Demokraten zur Bundestagswahl 2017: «Schauen wir nicht länger zu» // Freie Demokraten: Official Website. URL: <https://www.fdp.de/sites/default/files/uploads/2017/08/07/20170807-wahlprogramm-wp-2017-v16.pdf> (Data obrashhenija: 24.07.2018.)

Final report of the Future of Europe Group of the Foreign Ministers of Austria, Belgium, Denmark, France, Italy, Germany, Luxembourg, the Netherlands, Poland, Portugal and Spain // Centre for European reform: Official Website. 2012. Sept. 17. URL: http://www.cer.eu/sites/default/files/westerwelle_report_sept12.pdf (Data obrashhenija: 24.07.2018.)

Finland's cyber security strategy. Government Resolution 24.01.2013 // Ministry of Defence: Official Website. 2013. 24 January. URL: http://www.defmin.fi/files/2378/Finland_s_Cyber_Security_Strategy.pdf (Data obrashhenija: 24.07.2018.)

Fuko M. Rozhdenie biopolitiki. Saint Petersburg: Nauka, 2010. 448 p.

Für ein Deutschland, in dem wir gut und gerne leben: Regierungsprogramm 2017–2021 // Wayback Machine. Internet Archive. URL: <https://web.archive.org/web/20171102010058/https://www.cdu.de/system/tidf/media/dokumente/170703regierungsprogramm2017.pdf?file=1> (Data obrashhenija: 24.07.2018.)

Gleiche Chancen für alle. Beauftragte für Migration, Flüchtlinge und Integration. Berlin, Presse- und Informationsamt der Bundesregierung. 2007. 104 S.

Gründungspotenziale von Menschen mit ausländischen Wurzeln. Entwicklungen, Erfolgsfaktoren, Hemmnisse // Bundesministerium für Wirtschaft und Energie: Official Website. 2017. URL: https://www.bmwi.de/Redaktion/DE/Publikationen/Studien/gruendungspotenziale-menschen-auslaendische-wurzeln.pdf?__blob=publicationFile&v=13 (Data obrashhenija: 24.07.2018.)

Holling C.S. Resilience and stability of ecological systems // Annual Review of ecology and systematics. 1973. Vol. 4. P. 1–23.

How Dutch and German train and bus firms are taking UK taxpayers for a ride // The Guardian. 2014. Oct. 12. URL: <https://www.theguardian.com/politics/2014/oct/12/rail-privatisation-dutch-and-german-companies-took-uk-for-ride> (Data obrashhenija: 24.07.2018.)

Jones A. Managing transport in an uncertain world: Speech // UK Government: Official Website. 2016. March 2. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/managing-transport-in-an-uncertain-world> (Data obrashhenija: 24.07.2018.)

Joseph J. Resilience in UK and French security strategy: An Anglo-Saxon bias? // Politics. 2013. Vol. 33. Iss. 4. P. 253–264.

Keeping the country running: Natural hazards and infrastructure: A guide to improving the resilience of critical infrastructure and essential services // UK Government: Official Website. 2011.

Oct. URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/61342/natural-hazards-infrastructure.pdf (Data obrashhenija: 24.07.2018.)

Langfassung des Wahlprogramms zur Bundestagswahl 2017: Sozial. Gerecht. Frieden. Für Alle: Die Zukunft, für die wir kämpfen! // Die Linke. URL: https://www.die-linke.de/fileadmin/download/wahlen2017/wahlprogramm2017/die_linke_wahlprogramm_2017.pdf (Data obrashhenija: 24.07.2018.)

Le Livre Blanc: Défense et sécurité nationale. Paris: Direction de l'information légale et administrative, 2013. 160 p.

Liberal Democrat Manifesto 2017: Change Britain's future. London: Tim Gordon on behalf of the Liberal Democrats, 2017. 95 p. URL: <https://d3n8a8pro7vnm.cloudfront.net/themes/5909d4366ad575794c000000/attachments/original/1495020157/Manifesto-Final.pdf> (Data obrashhenija: 24.07.2018.)

Liberal Democrats. Manifesto 2015: Stronger economy. Fairer society. Opportunity for everyone. London: Tim Gordon on behalf of the Liberal Democrats, 2015. 157 p. URL: https://d3n8a8pro7vnm.cloudfront.net/libdems/pages/8907/attachments/original/1429028133/Liberal_Democrat_General_Election_Manifesto_2015.pdf (Data obrashhenija: 24.07.2018.)

Marcussen M., Risse Th., Engelmann-Martin D., Knopf H.J., Roscher K. Constructing Europe? The evolution of French, British and German nation state identities // Journal of European public policy. 1999. Vol. 6. Iss. 4. P. 614–633.

National security strategy and strategic defence and security review 2015: A secure and prosperous United Kingdom // UK Government: Official Website. URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/478936/52309_Cm_9161_NSS_SD_Review_PRI_NT_only.pdf (Data obrashhenija: 24.07.2018.)

National security strategy of the Republic of Poland. Warsaw. 2014 // National Security Bureau of Poland: Official Website. URL: https://www.bbn.gov.pl/ftp/dok/NSS_RP.pdf (Data obrashhenija: 24.07.2018.)

Resilience as a strategic priority of the EU external action (Debate) // European Parliament: Official Website. 2017. May 31. URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=CRE&reference=20170531&secondRef=ITEM-014&language=EN&ring=B8-2017-0381> (Data obrashhenija: 24.07.2018.)

Romanova T.A. Kategorija «stressoustojchivost'» v Evropejskom Sojuze // Sovremennaja Evropa. 2017. N 4. P. 17–28.

Schäuble W. Demokratische Politik muss Chancen eröffnen. // Die Bundesregierung: Official Website. 2016. Sept. 27. URL: <https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Namensbeitrag/2016/09/2016-09-27-faz-schaeuble.html> (Data obrashhenija: 24.07.2018.)

SHARE: Supporting Horn of Africa resilience: Commission staff working document // European Commission: Official Website. Brussels, 2012. Apr. 11. URL: <http://ec.europa.eu/transparency/regdoc/rep/10102/2012/EN/SWD-2012-102-F1-EN-MAIN-PART-1.PDF> (Data obrashhenija: 24.07.2018.)

Shared vision, common action: A stronger Europe: A global strategy for the European Union's foreign and security policy // European external action service. 2016. June 28. URL: <https://europa.eu/globalstrategy/en/shared-vision-common-action-stronger-europe> (Data obrashhenija: 24.07.2018.)

The Conservative and Unionist Party Manifesto 2017: Forward, together: Our plan for a stronger Britain and a prosperous future. London: Alan Mabbutt on behalf of the Conservative Party, 2017. 84 p. URL: <https://s3.eu-west-2.amazonaws.com/conservative-party-manifestos/Forward+Together+-+Our+Plan+for+a+Stronger+Britain+and+a+More+Prosperous....pdf> (Data obrashhenija: 24.07.2018.)

The Labour Party Manifesto 2017: For the many, not the few. London: Iain McNicol on behalf of the Labour Party, 2017. 124 p. URL: <https://labour.org.uk/wp-content/uploads/2017/10/labour-manifesto-2017.pdf> (Data obrashhenija: 24.07.2018.)

The Ownership of Europe's airports 2016 // Airports Council International: Official Website. URL: https://www.aeroport.fr/uploads/documents/ACI%20EUROPE%20Report_The%20Ownership%20of%20Europes%20Airports%202016.pdf (Data obrashhenija: 24.07.2018.)

Tusk D. Statement on the situation in Poland // European Council: Official Website. Brussels. 2017. July 20. URL: <http://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2017/07/20-tusk-statement-situation-poland/> (Data obrashhenija: 24.07.2018.)

Zeit für mehr Gerechtigkeit: Unser Regierungsprogramm für Deutschland // SPD: Official Website. URL: https://www.spd.de/fileadmin/Dokumente/Regierungsprogramm/SPD_Regierungsprogramm_BTW_2017_A5_RZ_WEB.pdf (Data obrashhenija: 24.07.2018.)

Zukunft wird aus Mut gemacht: Bundestagswahlprogramm 2017 // Bündnis 90 / Die Grünen: Official Website. URL: https://www.gruene.de/fileadmin/user_upload/Dokumente/BUENDNIS_90_DIE_GRUENEN_Bundestagswahlprogramm_2017_barrierefrei.pdf (Data obrashhenija: 24.07.2018.)

Е.Ю. Довгополов, О.А. Полюшкевич

**О ПРИРОДЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ЭТНИЧНОСТИ
(На примере каталонских событий 2017 г.)**

Аннотация. В статье раскрывается природа политической институционализации этничности. На примере событий осени 2017 г. в испанской автономной области Каталония анализируются причины взрыва этнической солидарности, мобилизуемой политическими элитами в процессе институционализации этнического национализма.

Ключевые слова: политическая институционализация; этничность; этническая солидарность; социальная солидарность; этнополитика; Каталония.

Довгополов Егор Юрьевич – кандидат юридических наук,
доцент, юрист Центра исследования проблем российского права,
Москва. Email: mr.iwnew@yandex.ru

Полюшкевич Оксана Александровна – кандидат философских наук,
доцент кафедры государственного и муниципального управления
Института социальных наук Иркутского государственного университета.
Email: okwook@mail.ru

E.Yu. Dovgoplov, O.A. Polushkevich. On the Nature of Political Institutionalization of Ethnicity (On the Example of the Catalan Events of 2017)

Abstract. The article reveals the nature of political institutionalization of ethnicity. On the example of the events of autumn of 2017 in the Spanish autonomous region of Catalonia, the causes of the explosion of ethnic solidarity, mobilized by political elites in the process of institutionalizing ethnic nationalism, are being analyzed.

Keywords: political institutionalization; ethnicity; ethnic solidarity; social solidarity; ethnopolitics; Catalonia.

Dovgoplov Egor Yur'evich – Candidate of Law,
Docent Jurist of the Centre for Research of Problems
of the Russian Law, Moscow. Email: Degor@pochta.ru

**Polushkevich Oksana Aleksandrovna – Candidate of Philosophy,
Docent, Associate Professor of the Department of State
and Municipal Management Institute of Social Sciences
of Irkutsk State University. Email: okwook@mail.ru**

События 2017 г., связанные с политическим процессом отделения Каталонии от Испании, стали еще одним ярким подтверждением выдвижения ранее периферийных ценностей и традиционных форм механической солидарности на весьма значимые позиции в процессах общественного развития. Интенсивное преобразование этносов из традиционных субъектов культуры в субъекты права и политики проявляется в том, что даже самая продвинутая в интеграционном отношении Европа становится ареной политической мобилизации этнической идентичности. Политизированная этничность институционализируется на основе идеологии национализма, в которой мобилизуемые массы находят социально-психологическую поддержку в противовес общегражданской идентичности. Актуальность осмысления вышеупомянутых процессов (в том числе и для России, с точки зрения формирования российской нации) определяет необходимость выяснения природы политической институционализации этничности в современном мире.

Феномен институционализации объективно обусловлен потребностями реагирования политических систем на общественные вызовы. Процессы в сфере национально-этнических отношений детерминируют импульсы «входа» в систему этнополитики. Затем внутри этнополитики осуществляется деятельность ее субъектов по «переработке» этих импульсов в соответствии с их политическими интересами. Эта «переработка» проявляется в созревании, формировании и активном использовании различных мировоззренческих оснований этнополитической мобилизации в виде идеологических взглядов и представлений, лозунгов, программ, деклараций. Соответственно, новые политические институты и институциональные практики вызываются к жизни потребностями реализации интересов и ценностей субъектов этнополитики.

Процесс такой реализации нередко носит конфликтный характер. Именно поэтому возникает объективная потребность сочетания различных этнополитических интересов. В случае достижения этнополитического консенсуса «обратная связь» системы этнополитики проявляется в том, что на выходе мы имеем дело с решениями, законами, символами, знаками и сообщениями, которые носят согласованный характер и содействуют интеграции внешней национально-этнической среды.

Вместе с тем следует отметить, что в современных условиях сфера этнополитики все больше превращается в арену игры профессионалов, выигравшем в которой выступает власть в качестве самоценной категории. Из этого следует, что реальным смыслом этнополитической деятельности является не

последовательное отстаивание публично провозглашаемых ценностей, а действия политических игроков в выборе алгоритмов и технологий, жизненно необходимых для воспроизводства и укрепления власти. В такой ситуации ориентация субъектов этнополитики на следование идеологическим ценностям политически бесперспективна, так как они являются своего рода обязательствами этнополитических элит перед народом. Обязательствами, которые ограничивают возможности полноценного участия в политических играх.

В свете вышеизложенного становится понятной мотивация как этнократии, так и бюрократических структур мультиэтнических демократических государств к «изобретению», «внедрению», «запуску» с последующим функционированием всевозможных организационно-управленческих, общественно-политических и социально-культурных структур (министерств, агентств, управлений, партий, общественных объединений, национально-культурных автономий, этнокультурных ассоциаций, фронтов, движений и т.п.). Фактически «этническое предпринимательство» осуществляет воспроизводство институтов не для ответа на общественные вызовы, а в интересах самосохранения и самовоспроизводства как чиновников, так и «активистов» от так называемой национальной политики. Осуществляемая таким образом политическая институционализация направлена на поддержание конструируемой этнополитической реальности.

Кроме того, рост числа продавцов «этнополитического товара» и новые формы конкуренции между ними объективно генерируют увеличение количества конфликтов, ибо последние создают новый спрос на этнополитику. Драма состоит в том, что в результате формируется огромный массив этнополитической конфликтности, порождаемый дискриминацией, сепарацией и этническим национализмом. Налицо несоответствие проводимой национальной (этнической) политики посредством закрепленных элитными группами политических институтов объективным интересам этнических общностей.

Конечно, не исключены варианты такого формирования новых этнополитических институтов, при котором властные группы вынуждены разрабатывать и реализовывать соответствующие политические практики. Следовательно, в известном смысле политические элиты нередко заинтересованы в достижении соответствующего качества управления национально-этническими процессами. Именно поэтому целесообразно предположить, что одним из основных противоречий, процесс разрешения которого служит источником развития этнополитической институционализации, является противоречие между стремлением к воспроизводству и самосохранению политических элит и необходимостью их реагирования на общественные вызовы в сфере национально-этнических взаимодействий.

Одним из вариантов разрешения такого противоречия является попытка элитных групп достигнуть высокого уровня управляемости неэлитными

массами в актуальных этнополитических процессах. Это, в свою очередь, предполагает достижение определенной социальной солидарности между различными слоями внутри неэлитных масс на основе общих разделяемых ценностей. В свою очередь, такие ценности должны формироваться совокупностью условий, которые переживаются значительными массами населения в терминах социальной идентичности, общей исторической судьбы, коллективной памяти поколений и т.д.

Феномен социальной солидарности в этнокультурном, этносепарационном варианте весьма ярко проявился в событиях осени 2017 г. в испанской автономной области Каталонии. По сути дела, речь шла об «оседлании» объективного недовольства этнических меньшинств Испании процессами аккультурации, утраты языка, особенностей быта, обычаев и традиций, которые обусловлены глобализационными тенденциями XX–XXI вв. Именно в таком недовольстве и коренятся мотивы повышенной этнополитической мобилизации, которые осуществляются элитными группами и этническими антрепренерами. Меньшинства во времена масштабных и глубоких социальных перемен, в условиях кризиса духовной культуры нередко пытаются решительно противостоять тенденциям отказа от преемственности поколений, нарушения единства внутри групп и поколений.

Однако этническая солидарность обусловлена не только этнокультурными причинами. Феномен каталонского сепаратизма демонстрирует и другую немаловажную причину взрыва этнической солидарности. Главная причина – «разочарованность значительной части населения в способности ведущих общенациональных партий, прежде всего ИСРП и НП, центральных институтов власти, включая генеральные Кортесы и Конституционный суд, защитить интересы регионов и простых граждан как в обычные годы, так и в период экономического кризиса 2008–2014 гг.» [1, с. 92].

В Каталонии этнополитическое недовольство сформировалось как форма социально-экономического недовольства. Каталонцы не согласны с принципом социально-экономической солидарности, предполагающим больший вклад в общенациональную казну богатых регионов и получение дотаций и субсидий от центральных властей бедными регионами [1, с. 92–93]. Этническая солидарность в этом случае производная от социальной солидарности региона в его противостоянии социально-экономической несправедливости, исходящей от центральных властей полиэтничного государства.

Необходимо обратить внимание на то, что интенсификация процессов этнической мобилизации усиливает неоднородность игрового поля этнополитики. Помимо прочего, происходит расслоение «этнических предпринимателей» на тех, кто намерен идти до конца, вплоть до сепаратизма и сецессии, и тех, кто готов остановиться или идти на компромиссы с противниками этнического национализма. Как правило, к последним относятся бюрократиче-

ские группы, представители которых боятся потерять свои статусы и роли, субсидируемые центральной властью полиэтнического государства. Так, в Каталонии из 200 тыс. государственных служащих только около половины настроены в пользу независимости. С одной стороны, этого достаточно чтобы парализовать системы исполнительной власти в регионе. С другой стороны, государственная служба в Испании очень престижна и высокооплачиваема. Мало кто из местных чиновников захочет потерять свою должность [2].

К политическим институтам поддержки этнополитического сепаратизма, как правило, относятся общественно-политические объединения и политические партии, которые представлены во власти стремящихся к отделению регионов полиэтнических государств. В Каталонии на региональных парламентских выборах 27 сентября 2015 г. 47,8% избирателей проголосовали за объединение «Вместе-за» и партию «Кандидатура народного единства» (КНЕ). Следует отметить, что организационным ядром «Вместе-за» являются правящие в Каталонии с 2012 г. партии «Демократическая конвергенция» и «Левые республиканцы Каталонии». Примечательно, что весь электоральный процесс сентября 2015 г. был организован и позиционирован националистическими силами как плебисцит по вопросу предоставления региону права на самоопределение. Было провозглашено, что в случае поддержки избирателей националистами будет сформировано правительство, которое инициирует процесс выхода Каталонии из состава Испании, и даже озвучены временные рамки этого процесса – 18 месяцев. Реальные сроки оказались не столь далеки от запланированных, как показали события сентября-октября 2017 г. [1, с. 85–86]. Таким образом, процесс институционализации этнополитического сепаратизма перешел на более высокий уровень.

Необходимо отметить, что исключительно важное значение для институционализации этничности имеют те представленные в общественном дискурсе ценностные установки, которые, по мнению элит, наиболее приемлемы для использования на этот момент. Осуществляя их воспроизводство, политические элиты фактически превращают их в культурные основания институционализации этнополитики, в значительной степени определяющие характер и направленность развития как институциональных практик, так и самих политических институтов. Так, каталонскими националистами используются следующие элементы общественного дискурса, в которых синтезированы этнокультурная идентичность, этническая солидарность и стремление к сепаратизму:

1. Идет ссылка на произвольность сложившихся в прошлом границ между отдельными европейскими государствами и регионами. Муссируется тезис о том, что Каталония была поработана Испанией и спустя три столетия имеет право на суверенитет.

2. Декларируется потребность каталонцев в поддержании этнокультурной идентичности, политическая институционализация которой проявляется в формировании и деятельности националистических партий и движений.

3. В случае самостоятельного существования Каталонии предлагается сформировать Иберийский совет, объединяющий Каталонию, Португалию, Испанию и Андорру [1, с. 88]. Каталонии как суверенному государству рекомендуется в максимальной степени сохранять тесные связи с Испанией в различных областях [4].

Ресурс общественного дискурса весьма масштабен. По данным Центра изучения общественного мнения (Centre d'Estudis d'Opinió), являющегося структурным подразделением каталонского Женералитета, за период с 2010 по 2014 г. число сторонников независимости Каталонии выросло на 24,6%. Весьма показательна динамика роста сторонников суверенитета среди населения региона: январь 2010 г. – 19,4%, январь 2011 – 24,5, февраль 2012 – 29, февраль 2013 – 46,4, март 2014 г. – 45,2% [1, с. 91]. Такие показатели согласуются с информацией Центра социологических данных Испании: 40% каталонцев являются сторонниками независимости, за период с 2010 по 2014 г. 1,3 млн каталонцев пополнили ряды тех, кто поддерживает линию на независимость региона [5]. Результаты референдума 2017 г. таковы: за – 90,18%. В голосовании приняли участие 43,03% избирателей [3].

Вышеприведенный анализ показывает, что успех деятельности политических субъектов, определяющих направленность институционализации этничности, во многом опирается на следующие предпосылки:

1. Этническая идентичность и солидарность проявляется в разнообразных формах межгруппового и межличностного согласия, принятия коллективных норм и ценностей в рамках определенной этнической общности. С этой точки зрения элитам объективно выгодно не противостояние, не разрыв между ценностными и институциональными формами мобилизации этничности, а их максимальное совпадение. Поскольку сегодня институциональный уровень формирования и реализации этнической идентичности отдан на откуп элитам, а ценностный уровень формируется в широких слоях общества, то возникает необходимость согласования целей и действий различных групп для консолидации этнической общности под эгидой элит.

2. События в Каталонии 2017 г. показали трансформацию требований стабильности, справедливости и сильной власти в требования социальных изменений, связанных с более осязаемым феноменом национализирующей этничности, т.е. этничности, претендующей на институционализацию в форме национального государства. Именно это обстоятельство и используется этнополитическими элитами как обоснование необходимости создания социальных институтов и социальных практик, соответствующих провозглашаемому ценностям этнополитического самоопределения.

Итак, предмет политической институционализации этничности есть совокупность связей и отношений, содержанием которых выступают проблемы актуализации этнической идентичности с целью формирования институтов и институциональных практик, необходимых для обретения политической власти, ее использования или воздействия на нее для реализации интересов определенных общественных групп. Природа же политической институционализации этничности заключается в интересах, мотивах и деятельности политических элит по политической мобилизации этнической идентичности.

Для современной России весьма опасно возникновение условий, при которых может произойти формирование институциональных практик и институтов этнического ограничения и исключения, ведущих к этнической сепарации и продуцирующих межэтнические конфликты. При таком варианте развития событий блокируются возможности реализации гражданско-национальной стратегии. Результатом такой политики должны стать институциональные практики и институты согласия и конфликтопредупреждения, нацеленные на формирование взаимного доверия в кросс-этнической коммуникации на основе конструкции общегражданской идентичности.

Библиография

1. Волкова Г.И. Каталонский национализм и проблемы территориальной целостности Испании // Сравнительная политика. 2016. Т. 7. № 2 (23). С. 85–94.
2. Получит ли Каталония независимость? // Аргументы и факты. Дальинформ. 2017. № 44. С. 18.
3. El Govern trasllada els resultats definitius del referèndum de l'1 d'octubre al Parlament de Catalunya // Generalitat de Catalunya: Official Website. URL: https://govern.cat/pres_gov/govern/ca/monografics/303541/govern-trasllada-resultats-definitius-referendum-11-doctubre-parlament-catalunya.html (Дата обращения: 20.06.2017.)
4. Maiol R. Los asesores de Mas recomiendan una alianza con España si llega la secesion // Cataluna. 2013. Des. 20. URL: http://ccaa.elpais.com/ccaa/2013/12/20/catalunya/1387539621_259988.html (Дата обращения: 18.05.2017.)

References

- El Govern trasllada els resultats definitius del referèndum de l'1 d'octubre al Parlament de Catalunya // Generalitat de Catalunya: Official Website. URL: https://govern.cat/pres_gov/govern/ca/monografics/303541/govern-trasllada-resultats-definitius-referendum-11-doctubre-parlament-catalunya.html (Data obrashhenija: 20.06.2017.)
- Maiol R. Los asesores de Mas recomiendan una alianza con España si llega la secesion // Cataluna. 2013. Des. 20. URL: http://ccaa.elpais.com/ccaa/2013/12/20/catalunya/1387539621_259988.html (Data obrashhenija: 18.05.2017.)
- Poluchit li Kataloniya nezavisimost' ? // Argumenty i fakty. Dal'inform. 2017. N 44. P. 18.
- Volkova G.I. Katalonskij nacionalizm i problemy territorial'noj celostnosti Ispanii // Sravnitel'naya politika. 2016. Vol. 7. N 2 (23). P. 85–94.

И.Н. Суетин

РОССИЙСКИЕ (СОВЕТСКИЕ) ПРЕПОДАВАТЕЛИ МУЗЫКИ В ЕВРОПЕЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ. ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

***Аннотация.** В обзоре рассматриваются основные исследования, посвященные развитию отечественного музыкального профессионального образования в странах Европы в условиях эмиграции 1917–1945 гг. В работе актуализированы имена и фамилии педагогов-музыкантов (П.Ф. Волошина, Э.Я. Гаека, А.К. Глазунова, А.Т. Гречанинова, Л.В. Ивановой, С.В. Рахманинова, Ф.И. Шаляпина, С.К. Экснера) – организаторов и преподавателей музыкально-образовательных учреждений в Бельгии, Италии, Королевстве Югославия, Польше, Франции, Чехословакии. Особый акцент сделан на образовательную деятельность, осуществляемую представителями отечественного музыкального профессионального образования.*

***Ключевые слова:** эмиграция; музыкальное образование; Л.В. Иванова; С.К. Экснер; Э.Я. Гаек.*

Суетин Илья Николаевич – кандидат педагогических наук,
доцент кафедры теоретических основ экономики
и правопедания Ульяновского государственного
педагогического университета им. И.Н. Ульянова.
Email: piazzolla73@gmail.com

I.N. Suetin. Russian (Soviet) Music Teachers in European Emigration. Historiographic Review

***Abstract.** The review examines the main studies on the development of domestic musical vocational education in Europe in the conditions of emigration from 1917–1945. Shown is the activities of P.F. Voloshin, E.Ya. Gaek, A.K. Glazunov, A.T. Grechaninov, L.V. Ivanova, S.V. Rakhmaninov, F.I. Shalyapin, S.K. Exner) as organizers and teachers of musical and educational institutions in Belgium, Italy, the Kingdom of Yugoslavia, Poland, France, Czechoslovakia.*

***Keywords:** emigration; music education; L.V. Ivanova; S.K. Exner; E.Ya. Gaek.*

Suetin Ilya Nikolayevich – Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor of the Department of Theoretical Foundations

of Economics and Law of I.N. Ulyanov's State
Pedagogical University, Ulyanovsk. Email: piazzolla73@gmail.com

Российские и советские специалисты, которые по тем или иным причинам покинули Родину, оказали существенное влияние на развитие науки, культуры и образования многих стран мира. Эмиграция специалистов высокого интеллектуального уровня и профессиональной подготовки, с одной стороны, ослабляла научный потенциал России (СССР), с другой – создавала уникальную ситуацию – способствовала развитию отечественных традиций подготовки кадров за рубежом. Актуальность исторических исследований, связанных с жизнью и профессиональной деятельностью отечественных музыкантов-практиков за рубежом, не вызывает сомнения, так как на сегодняшний день многие аспекты этой сферы не изучены и не освещены достаточно полно в научной литературе. Настоящая статья направлена на обобщение материала, отражающего развитие российской (советской) музыкально-образовательной школы в странах Европы в 1917–1945 гг.

* * *

Особенно массовой была эмиграция после революции 1917 г. и до окончания Великой Отечественной войны. Существовало несколько направлений потока переселенцев. М.Ю. Сумская выделяет четыре основных направления: европейское (через границы Польши, Германии, Финляндии и др.), азиатское (через Персию, Афганистан и Монголию), южное (через Турцию и Болгарию), дальневосточное (через Китай и Японию) [10, с. 17].

Справедливый интерес вызывает европейское направление, которое являлось наиболее массовым. Согласно данным опроса, проведенного Отделом расселения Русского комитета регистрации беженцев в Константинополе в 1920 г. (было опрошено 14 276 человек), предпочтения в выборе региона эмиграции были следующими: Европа – 83,4%, Северная Америка – 8,9, Южная Америка – 1,1, Азия и Африка – 1,9% [10, с. 25–26]. При этом хотя и происходило постепенное сокращение числа прибывающих российских (советских) беженцев в страны Европы, на протяжении 1920–1930-х годов оно оставалось значительным (1922 г. – 718 тыс. человек, 1930 – 503 тыс. человек, 1937 г. – 355 тыс. человек) [10, с. 20].

Вызывает интерес география распределения эмигрантов по странам. Статистические данные за август–декабрь 1921 г., приводимые в исследовании гражданки Франции К. Гусефф (внучка беженцев из России), свидетельствуют, что наибольшее количество эмигрантов осело в Польше – 39,3%, Германии – 36,3, Франции – 9,0%. Среди европейских стран были и те, в которых количество переселенцев не превышало 3%: Австрия – 3%; Королевство Сербов,

Хорватов и Словенцев – 2,1; Болгария – 1,8; Финляндия – 1,5; Чехословакия – 1,2; Эстония – 1,2; Великобритания – 0,9; Латвия – 0,9; Италия – 0,6; Румыния – 0,5; Бельгия – 0,5; Греция – 0,4; Венгрия – 0,3; Скандинавия – 0,3; Литва – 0,2% [3, с. 63].

Важным аспектом для исследования является уровень образования и особенности профессиональной принадлежности эмигрантов.

К. Гусефф в своих воспоминаниях пишет о том, что среди эмигрантов были крестьяне, рабочие, интеллигенция, буржуазия, военные [3, с. 48]. По уровню образования переселенцы были распределены следующим образом: имели высшее образование – 15%, имели среднее образование – 66, не имели образования – 5% [3, с. 49]. Согласно данным Министерства иностранных дел Чехословакии, за 1921 г. на территорию страны въехали 100 профессоров из России [10, с. 27].

Известно, что около 10% эмигрантов из России были заняты в сфере свободных профессий (писатели, художники, артисты, юристы, врачи, инженеры и др.) [3, с. 154]. Многие эмигранты являлись музыкантами-исполнителями и музыкантами-педагогами. Согласно статистике, за 1920 г. официальное число покинувших родину музыкантов равнялось 1%. При этом можно предположить, что среди других категорий («артисты» – 1%, «учителя» – 4, «учащиеся» – 9, «без указания профессии» – 21%) также могли находиться беженцы, имеющие отношение к музыкальной профессии (певцы, учителя музыки и пения, учащиеся музыкально-образовательных учреждений и др.) [10, с. 24–25].

Естественно, те кто в России или СССР имел отношение к музыке, устраиваясь работать по специальности, вносили в музыкальное образование отечественные принципы преподавания. Особую роль здесь играли преподаватели, учащиеся и выпускники музыкально-образовательных учреждений (музыкальных классов, музыкальных училищ, консерваторий), которые курировались Императорским Русским музыкальным обществом (ИРМО). Свою деятельность, основанную на отечественных традициях подготовки музыканта-практика, они осуществляли как в западноевропейских, так и в восточноевропейских странах.

Также серьезную роль в распространении российских принципов обучения музыке за рубежом играла Русская православная церковь. Традиция музыкального воспитания, заложенная в царской России, когда одним из важных предметов общеобразовательных учреждений различного уровня было «Церковное пение» [11], продолжалась на клиросах русских храмов за рубежом [6; 7; 8].

Среди западноевропейских государств можно отметить Францию, где немало эмигрантов из России имели отношение к музыкальному образованию [3]. Известно, что по инициативе русских музыкантов – выпускников

Московской и Петербургской консерваторий (А.К. Глазунова, А.Т. Гречанинова, С.В. Рахманинова, Ф.И. Шаляпина и др.) в этой стране была создана и функционировала в 1923–1931 гг. Русская консерватория имени Сергея Рахманинова. С 1932 г. это учебное заведение перешло в ведение Русского музыкального общества в Париже и просуществовало весь XX в. [6, с. 158]. В консерватории велось обучение по классам вокала, фортепиано, скрипки, альты, виолончели, гитары, балалайки, саксофона, фагота, кларнета, флейты, арфы. Российские специалисты заложили прочные основы преподавания теории музыки, гармонии, сольфеджио, композиции, истории музыки. Обучение велось на русском и французском языках.

Музыкально-просветительскую и музыкально-культурную деятельность русских эмигрантов в Бельгии можно рассмотреть на примере интерната для детей «Святой Георгий», который изначально был открыт в 1921 г. в Константинополе при Комитете по воспитанию русских детей. Деятельность этого образовательного учреждения детально описана в книге «Дом в изгнании: очерки о русской эмиграции в Чехословакии, 1918–1945».

В 1923–1945 гг. интернат располагался в г. Намюр (Бельгия). Благодаря деятельности интерната происходило сохранение русского языка и развитие русской культуры. Важную роль воспитатели отводили и художественно-эстетическому развитию детей. В частности, на базе интерната функционировали оркестр русских народных инструментов, смешанный хор, вокально-танцевальный ансамбль и др. Руководителем балалаечного оркестра являлся выпускник музыкального училища ИРМО П.Ф. Волошин [1, с. 87–88].

В очерке Н.С. Востковой «Лидия Вячеславовна Иванова» рассказывается о жизни российской эмигрантки – композитора и педагога Л.В. Ивановой, обосновавшейся в 1924 г. в Риме. Известно, что до эмиграции Иванова получила качественное музыкальное образование, включающее обучение в Московской консерватории по классу фортепиано А.Б. Гольденвейзера и в Бакинской консерватории по классу композиции М.Е. Попова. В 1927 г. она окончила курс консерватории Santa Cecilia по классу композиции О. Респиги, а в 1928 г. Римскую консерваторию по классу органа. В 1937 г. Иванова получает диплом Accademia Chigi в Сиене (у педагога Ф. Джермани). Ее карьера включала работу в нескольких музыкально-образовательных учреждениях Италии: 1935–1936 гг. – школа при мэрии Рима (обучение хоровому пению), 1936–1941 гг. – консерватория Santa Cecilia (обучение игре на органе и григорианскому пению), 1941–1942 гг. – консерватория г. Кальяри на острове Сардиния (преподавание гармонии и общей музыкальной культуры) и др. Говоря о композиторском наследии музыканта, необходимо отметить следующие сочинения: симфоническая поэма «Облако»; Концерт для фортепиано с оркестром; Кантата для меццо-сопрано, хора и большого оркестра «Молитва святого Бернарда»; романсы на тексты А.С. Пушкина и Ф.И. Тютчева.

Помимо педагогической и композиторской деятельности, Л.В. Иванова занималась музыкально-просветительской деятельностью, была штатным музыкальным критиком римской газеты «Presence» и еженедельника «Музыкальный мир» [2, с. 208–216].

Необходимо выделить восточноевропейские страны, в которые эмигрировали отечественные музыканты-практики: Польша; Чехословакия; Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев (Королевство Югославия) и др.

Некоторые русские эмигранты-музыканты предпочли обосноваться в Чехословакии. В исследовании Т.Е. Аникиной «Дом в изгнании: очерки о русской эмиграции в Чехословакии, 1918–1945» отмечается, что многие певцы и музыканты Национального театра были русского происхождения: артист оркестра В. Асеев (контрабас), вокалистка Л. Балабина (сопрано), вокалист Б. Хорович (бас), дирижер А. Подашевский, пианист и дирижер Н. Малько и др. [1, с. 363–367]. Эти специалисты принимали участие в постановке опер чешских, русских, итальянских, французских и немецких композиторов. При этом многие совмещали работу в театре с педагогической деятельностью в музыкально-образовательных учреждениях Чехословакии, тем самым пропагандируя российскую (советскую) школу подготовки музыканта за рубежом.

В 1921 г. эмигрировал в Польшу (Келецкое воеводство) преподаватель, а в прошлом директор Саратовской консерватории С.К. Экснер. В эмиграции он продолжил заниматься педагогической деятельностью [4; 5]. О его судьбе можно прочитать, в частности, в энциклопедической статье В.Е. Ханецкого, помещенной в изданной к 100-летию консерватории энциклопедии. Экснер был выпускником Лейпцигской консерватории по классу И. Мошелеса и Санкт-Петербургской консерватории по классу Л. Брассена. Благодаря его организаторским качествам в России была открыта третья отечественная консерватория (первая в Поволжье) и создан уникальный педагогический коллектив, в который входили профессиональные теоретики (Г.Э. Конюс, Л.М. Рудольф), пианисты (И. Сливинский, М.Л. Пресман, И.А. Розенберг, А.Ф. Складневский, Э.Я. Гаек), вокалисты (М.Е. Медведев); струнники (С.М. Козолупов, Я.Я. Гаек, В.В. Зайц), духовики (В.Г. Брандт, И.В. Липаев) [9, с. 424–425]. Подробные сведения о его профессиональной деятельности в эмиграции к настоящему моменту отсутствуют.

Показателен также пример профессора Саратовской консерватории Э.Я. Гаека, который в 1921 г. эмигрировал из России. С 1928 г. он жил и работал в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев (с 1929 г. – Королевство Югославия), где возглавлял сначала Белградскую музыкальную школу «Станкович», а с 1937 г. Белградскую музыкальную академию. Являясь профессором академии, он воспитал целую плеяду высококлассных исполнителей, лауреатов Международных конкурсов. Благодаря высокому профессио-

нализму и авторитету организатора Э.Я. Гаек вывел фортепианные классы академии на мировой уровень. Востребованность Э.Я. Гаека подтверждается также тем, что он неоднократно был членом жюри Международных конкурсов в городах Восточной Европы (Бухаресте, Варшаве, Праге). Э.Я. Гаека справедливо называют основоположником профессионального музыкального образования Югославии. О биографии Гаека рассуждают авторы А.Н. Гольденберг и В.Е. Ханецкий в энциклопедическом издании «Саратовская государственная консерватория им. Л.В. Собинова: 1912–2012» [9, с. 82–83].

Изучение и обобщение литературы по теме исследования позволили сделать следующие выводы:

– деятельность отечественной эмиграции в 1917–1945 гг. в странах Европы способствовала сохранению и развитию русской (советской) школы подготовки специалиста музыкального профиля за рубежом;

– подготовленные в 1917–1945 гг. российскими (советскими) специалистами кадры музыкантов-исполнителей и музыкантов-педагогов внесли значительный вклад в развитие музыкального профессионального образования стран Европы в XX в.

Библиография

1. Аникина Т.Е. Дом в изгнании: Очерки о русской эмиграции в Чехословакии, 1918–1945. Прага: Русская традиция: RT+RS Servis, 2008. 511 с.
2. Восткова Н.С. Лидия Вячеславовна Иванова // Россия и Италия. М.: Наука, 2003. Вып. 5. Русская эмиграция в Италии в XX веке. С. 207–218.
3. Гусефф К. Русская эмиграция во Франции: Социальная история (1920–1939 годы). М.: Новое литературное обозрение, 2014. 321 с.
4. Демченко А.И. Саратовская консерватория (1912–2012). Вехи, события, лица. Саратов: Саратовская государственная консерватория (академия) имени Л.В. Собинова, 2012. 288 с.
5. Из истории Саратовской консерватории. Саратов: Изд-во Саратов. консерватории, 2004. 180 с.
6. Люди и судьбы Русского зарубежья: сборник статей. М.: ИВИ РАН, 2011. 275 с.
7. Русская эмиграция в Европе: 20–30-е годы XX века: Сборник статей. М.: ИВИ РАН, 1996. 268 с.
8. Русское зарубежье и Вторая мировая война: IV Культурологические чтения «Русская эмиграция XX века», Москва, 28–29 марта 2011 года: сборник докладов. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2013. 371 с.
9. Саратовская государственная консерватория им. Л.В. Собинова: 1912–2012: Энциклопедия. Саратов: Изд. ИП Везмегинова, 2012. 444 с.
10. Сумская М.Ю. Русская эмиграция в 20–30-х годах XX века: Социальная, правовая и экономическая адаптация. Пятигорск: Рекламно-информ. агентство на Кавминводах, 2011. 199 с.
11. Юстус И.В. История образования в Симбирской губернии – Ульяновской области. Ульяновск: Издательский центр УлГУ, 2014. 531 с.

References

- Anikina T.E. Dom v izgnanii: Ocherki o russkoj jemigracii v Chechoslovakii, 1918–1945. Prague: Russkaja tradicija: RT+RS Servis, 2008. 511 p.
- Vostkova N.S. Lidija Vjacheslavovna Ivanova // Rossija i Italija. Moscow: Nauka, 2003. Issue. 5. Russkaja jemigracija v Italii v XX veke. P. 207–218.
- Guseff K. Russkaja jemigracija vo Francii: Social'naja istorija (1920–1939 gody). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. 321 p.
- Demchenko A.I. Saratovskaja konservatorija (1912–2012). Vehi, sobytija, lica. Saratov: Saratovskaja gosudarstvennaja konservatorija (akademija) imeni L.V. Sobinova, 2012. 288 p.
- Iz istorii Saratovskoj konservatorii. Saratov: Izd-vo Sarat. konservatorii, 2004. 180 p.
- Ljudi i sud'by Russkogo zarubezh'ja: sbornik statej. M.: IVI RAN, 2011. 275 p.
- Russkaja jemigracija v Evrope: 20–30-e gody XX veka: Sbornik statej. M.: IVI RAN, 1996. 268 p.
- Russkoe zarubezh'e i Vtoraja mirovaja vojna: IV Kul'turologicheskie chtenija «Russkaja jemigracija XX veka», Moskva, 28–29 marta 2011 goda: sbornik dokladov. Moscow: Dom-muzej Mariny Cvetaevoj, 2013. 371 p.
- Saratovskaja gosudarstvennaja konservatorija im. L.V. Sobinova: 1912–2012: Jenciklopedija. Saratov: Izd. IP Vezmetinova, 2012. 444 p.
- Sumskaja M.Ju. Russkaja jemigracija v 20–30-h godah XX veka: Social'naja, pravovaja i jekonomicheskaja adaptacija. Pjatigorsk: Reklamno-inform. agentstvo na Kavminvodah, 2011. 199 p.
- Justus I.V. Istorija obrazovanija v Simbirskoj gubernii – Ul'janovskoj oblasti. Ul'janovsk: Izdatel'skij centr UIGU, 2014. 531 p.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ, ПОСТУПАЮЩИМ В ЖУРНАЛ «РОССИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР»

I

Ежеквартальный мультидисциплинарный научный журнал «Россия и современный мир» публикует статьи по социально-экономическим, историко-культурным и политическим проблемам России, а также статьи, анализирующие роль и место России в современной системе международных отношений. Сайт журнала расположен в сети Интернет по адресу: www.rossovmir.ru

Журнал не перепечатывает материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях или в сети Интернет. Все права на материалы, опубликованные в журнале, принадлежат редакции и авторам. Перепечатка публикаций журнала в других изданиях возможна лишь с указанием автора, названия журнала, номера и года публикации.

При публикации материала редакция заключает с автором лицензионный договор, согласно которому автор предоставляет редакции неисключительные права на свою статью; это означает, что редакция получает право распространять печатные экземпляры журнала с этой статьей вплоть до полной реализации, размещать на ресурсах журнала в сети Интернет. Автор также имеет право републиковать текст в другом печатном или сетевом издании, включить в книгу, выложить в сети Интернет.

Плата за публикацию не взимается. Гонорары не выплачиваются.

II

Объем присылаемых рукописей не должен превышать 1 п.л.

В имени файла необходимо указать фамилию и инициалы автора статьи на русском языке, например Иванов П.С. Рукописи принимаются по электронной почте на официальный адрес редакции: rossovmir@gmail.com. Кроме того, на сайте журнала предусмотрена специальная форма, заполнив которую, также можно прислать рукопись в редакцию.

Редакция организует экспертизу материалов. Если статья требует доработки, автору посылается письмо с соответствующими рекомендациями по

доработке текста на основании рецензии. В случае отказа в публикации статьи редакция направляет автору мотивированный отказ с использованием материалов рецензии.

Главные требования к публикациям: наличие научной проблематики, соответствующей профилю журнала, новизна, хороший литературный язык. Редакция оставляет за собой право сокращать и редактировать материалы рукописи, не меняя смысла представленной информации. Автор несет ответственность за содержание своей работы, за точность цитат, за корректность цитирования и отсутствие в тексте плагиата. Мнение автора может не совпадать с позицией редакции и членов редколлегии.

III

В «шапке» рукописи сначала ставятся инициалы и фамилия автора; с новой строки – заголовок. После этого приводится краткая аннотация и ключевые слова, употребляемые в тексте. Далее указываются фамилия, имя и отчество автора полностью, ученая степень, ученое звание, место работы и должность, город, e-mail.

Далее инициалы и фамилия автора, аннотация, ключевые слова (не более 10) и сведения об авторе (авторах) даются в переводе на английский язык.

Цитируемые источники и литература оформляются однотипно. Список цитированных источников и литературы располагается после текста статьи, предваряется словом «Библиография» и располагается в алфавитном порядке под номерами. Сначала указываются русскоязычные издания, а затем иноязычные; нумерация сплошная. Для источников и литературы из электронных изданий указывается URL и дата обращения.

Список источников и литературы должен быть транслитерирован латинскими буквами; на английский язык переводятся только названия городов в библиографическом описании и буква р. – обозначение страницы. Транслитерированный список помещается в списке под названием «References». Этот список также располагается по алфавиту, но без нумерации. Для транслитерации допускается использование специализированных сайтов в сети Интернет, например: <http://translit.net/>

Опубликованные источники и литература описываются следующим образом: фамилия автора, инициалы, название публикации, место публикации, издательство (для изданий книжного типа), год публикации, общее количество страниц (для изданий книжного типа) или те страницы, на которых помещена публикация (для статей в журналах и сборниках). Примеры: 1) Иванов И.И. Проблемы науки. М.: Наука, 2010. 250 с.; 2) Петров П.П. К вопросу о... // Россия и современный мир. М., 2011. № 4. С. 5–25.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

В транслитерированном виде описание выглядит так: 1) Ivanov I.I. Problemy nauki. Moscow: Nauka, 2010. 250 p.; 2) Petrov P.P. K voprosu o... // Rossiya i sovremenny mir. Moscow, 2011. N 4. P. 5–25.

Архивные источники описываются так: фамилия автора, инициалы, название рукописи, название архива, в котором хранится рукопись, указание на опись (если есть), номер дела и общее количество страниц в деле (или те страницы, на которых помещен цитируемый документ). Или: название дела, название архива, в котором хранится рукопись, указание на опись (если есть), номер дела и общее количество страниц в деле. Например: 1) Багрицкая Л.Г. Письмо В.П. Катаеву от 7.10.1947 г. // РГАЛИ. Ф. 1399. Оп. 2. Д. 81. Л. 1–4 об.; 2) Жаворонков Б.И. Слово о Московском государственном историко-архивном институте // ГАРФ. Ф. Р8370. Оп. 2. Д. 3. 3 л.; 3) Следственное дело А.Н. Гарри, 1930 г. // ЦА ФСБ. Д. Р-3346. 119 л.

В транслитерированном виде это описание будет выглядеть следующим образом: 1) Bagritskaya L.G. Pismo V.P. Kataevy, 7.10.1947 g. // RGALI. F. 1399. Op. 2. D. 81. P. 1–4 ob.; 2) Javoronkov B.I. Slovo o Moscovskom Gosudarstvennom istorico-arhivnom institute // GARF. F. R8370. Op. 2. D. 3. 3 p.; 3) Ugolovnoe delo A.N. Harry // CA FSB. D. P-3346. 119 p.

Источники и литература в электронном виде описываются по следующему образцу: 1) Всеобщая декларация прав человека. 1948. 10 декабря. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (Дата обращения: 25.12.2015.); 2) Vseobshhaya deklaratsiya prav cheloveka. 1948. URL: <http://www.un.org/en/universal-declaration-human-rights/index.html> (Data obrasheniya: 25.12.2015.)

Фамилии зарубежных авторов даются в оригинальном написании.

В тексте статьи ссылки на каждую позицию списка приводятся в скобках, где указывается номер ссылки и через запятую те страницы, к которым отсылается читатель. Например: [5, с. 38]. Отсылки к нескольким позициям приводятся в одних скобках через точку с запятой. Примеры: [1, с. 23–33; 2, с. 15]. Ссылки на тексты, размещенные в сети Интернет, даются без указания страниц. Например: [8].

Данные о получении грантов на соответствующие исследовательские проекты приводятся в сноске на первой странице. Авторские комментарии и примечания возможны как в тексте статьи, так и в подстрочных (постраничных) сносках.

Рукописи принимаются
в электронном и печатном виде, объемом до 1 п.л.

Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел.: +7(925) 517-3691
E-mail: inion@bk.ru

Россия и современный мир № 1 – 2019 (102)

Дата регистрации 23.06.2009

Номер регистрационного свидетельства ПИ № ФС 77-36650

Верстка Н . М . В л а с о в а

Корректор
О . П . Д о р м и д о н т о в а

Гигиеническое заключение № 77.99.6.953.П.5008.8.99
от 23.08.1999 г.

Подписано к печати 10.03.2019 г.

Формат 70х100/16

Бум. офсетная № 1

Печать офсетная

Усл. печ. л. 21,1 Уч.-изд. л. 16,2

Тираж 870 экз. (1–200 экз. – 1-й завод)

Заказ № 184

Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский пр-кт, д. 51/21, Москва, В-418, ГСП-7, 117997

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»
410004, Саратовская обл.,
г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 88, литера У